

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ •
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ •
ДМИТРИЙ КОЛОДАН • МАРИЯ ГАЛИНА •
ВЛАДИМИР АРЕНЕВ •

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ КОЛОДАН • МАРИЯ ГАЛИНА • ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ КОЛОДАН
МАРИЯ ГАЛИНА
ВЛАДИМИР АРЕНЕВ
ВАСИЛИЙ ЩЕПЕТНЕВ
ТИМ СКОРЕНКО
и другие

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 32

Составители сборника *В. Точинов, В. Владимирский*

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Т 32 Темная сторона города : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-71889-4

Лавки волшебных товаров — обычное дело, но не все они торгуют настоящим волшебством. И уж тем более — не все они торгуют волшебством добрым...

В сборнике, куда вошли произведения ведущих российских писателей-фантастов, каждый рассказ или повесть — это товар из волшебной лавки. И в этой лавке найдется все — от деревянной куклы, которая помогает сотрудникам НКВД разоблачить германскую шпионскую сеть, до таинственного как-чиль-чиракана — существа с мордой каймана, телом червя и лапами жабы, обитающего в озере Чадьевском, что на севере России...

Святослав Логинов, Дмитрий Колодан, Василий Щепетнев, Наталья Резанова, Мария Галина, Даля Трускиновская в уникальном сборнике о темной стороне городской жизни!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

- © Аренев В., Галина М., Колодан Д., Логинов С., Резанова Н., Сенников А., Скоренко Т., Трускиновская Д., Штайн Н., Щепётнев В., 2014
- © Точинов В., составление, предисловие, 2014
- © Владимирский В., составление, послесловие, 2014
- © ООО «Эксклюзив-Медиана», концепция, название, составление, 2014
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71889-4

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРИЗРАКИ, ИЛИ СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ МЕРТВЯКИ

Призраки и криминал неразрывно связаны в произведениях мировой литературы, и традиция эта началась не вчера — достаточно вспомнить, как у Вильяма нашего Шекспира призрак оказал содействие детективую любителю Гамлету в его расследовании, а Макбет вел беседу с окровавленным привидением.

Иначе и быть не может. Души людей, мирно скончавшихся в своей постели, спокойно отлетают в мир иной. Но когда душа расстается с телом в результате мрачных и кровавых событий — вот тут-то и начинают бродить по коридорам замков женщины в белом, не отражающиеся в зеркалах, и звенят цепями заживо замурованные, проклинающая своих погубителей, и грохочет копытами по дороге призрачная лошадь Гессенского кавалериста, разыскивающего свою отрубленную голову...

Авторы повестей и рассказов, представленных в нашем сборнике, не отступают от почтенной традиции. Чем только не занимаются призраки, порожденные их творческой фантазией! Не только и не просто мстят своим убийцам, но и распутывают криминальные загадки, не дают свершиться новым преступлениям... А порой, наоборот, играют за другую команду, — например, похищают бриллианты астрономической стоимости.

Казалось бы, декорации современного мегаполиса мало подходят для явления неприкаянных душ. Какая-нибудь «дама в белом» вполне уместна на руинах старинного замка или в полутемных коридорах старинного особняка, а в залитой ярким электрическим светом квартире улучшенной планировки — не комильфо.

Но так лишь кажется.

За сверкающими фасадами больших городов скрывается их темная, изнаночная сторона — и самые разные сущности, не только призраки, скрываются во мраке закоулков. Достаточно

но сбиться с пути, сделать лишь один шаг не туда — и вернуться обратно будет ох как не просто... Да и в квартирах улучшенной планировки свет иногда имеет обыкновение ни с того ни с сего гаснуть. И приходит темнота, а в ней оживают и материализуются древние страхи, зародившиеся задолго до появления городов, в те времена, когда круг света от костра очерчивал крохотный островок безопасности в темном и смертельно опасном мире.

Но темнота и опасность всегда манили человека. Пугали, но манили, такой вот парадокс. Шагнуть в неведомую темноту из безопасной пещеры или из безопасной, напичканной технологиями квартиры — разница не так уж велика. Пожалуй, в наш виртуальный век стремление к риску и опасности даже возросло, и рост числа экстремалов всех мастей наглядное тому свидетельство. У пещерных жителей и без того хватало экстрима и адреналина в крови.

Древние, из глубины веков пришедшие сущности никуда не исчезли — они затаились, они ждут. Ждут, когда мы сделаем шаг за грань.

Однако от веяний нового тысячелетия — от Интернета, глобализации, всепроникающих цифровых технологий — никуда не деться, и не только люди, но и их темные попутчики стараются шагать в ногу со временем. Последователи древнего мрачного культа организуют туристический бизнес и пользуются услугами рекламных фирм для его грамотной раскрутки. Поставщики загадочных и опасных артефактов запросто реализуют свой товар через интернет-магазины. А неприкажные души, застрявшие на границе миров, теперь игнорируют вращающиеся блюдца и раскачивающиеся столики — с миром живых куда проще и надежнее общаться посредством компьютерной переписки. Почему бы и нет? Виртуальный мир — вполне подходящее место для бесплотных сущностей...

И мы приглашаем вас на экскурсию по темной стороне города, по ее закоулкам и тупичкам, — полюбопытствовать, как устроились в новом, постиндустриальном веке их исконные обитатели. Главное, не отходите далеко от гида. Помните: один шаг, сделанный не туда, — и мы снимаем с себя ответственность за судьбу опрометчивого экскурсанта.

Итак, отправляемся. Посмотрите налево...

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Этюды в черных тонах

ПОДАРОК ПОД ЕЛОЧКУ

1

Носледние лет двадцать пять Артур Тихомиров жил, опережая время. Новый год, к примеру, начинался у него в середине октября. Сперва были мюзиклы, потом — «Голубой огонек», концерты для «Интера», «СТБ» и трех музыкальных каналов. Плюс корпоративы — куда же без них. В этом году хит Тихомирова «Снежинка на ладони» уверенно держался в топе — и надо было ковать, не отходя.

Уже 27 ноября Артур знал, что Новый год он работает в прямом эфире на «Плюсах»: Елена пробила очень выгодные условия. Как раз закроют «хвосты» по даче, еще и втроем с Настенной слетают куда-нибудь на море.

Оставалось суцкая безделица: объяснить все это Настене.

— Взрослая девочка, должна понимать, — пожала плечами Елена. — Хочешь, поговорю с ней?

Мигнув поворотником, она плавно свернула к ним во двор. Сыпался крупный, скрипучий снежок — первый в этом году. Фары высветили ряд машин, сутробы на скамейках, в центре двора — грандиозную елку. Пушистые лапы гнулись под тяжестью снежных шапок, отбрасывали химерные тени.

Рядом с елкой нервно жестикулировали какие-то люди. Трое стояли возле замызганного грузовичка, еще семеро — напротив этой троицы. Лица у всех были напряженные, злые.

— Опять, — сказал Тихомиров. — «Двор не гараж», наша песня хороша.

Оказалось — нет, дело совсем в другом.

— Артур Геннадьевич! — почти с радостью воскликнул

дедок с первого этажа, этакий вечнозеленый борец за чужие права. — Хоть вы-то вмешайтесь!

— Добрый вечер, — нейтрально кивнул Тихомиров. В последний раз, когда они с бойцом общались, тот был не в пример агрессивней, что-то кудахтал про отравленный воздух и мятую траву на газонах. Хотя Тихомиров всегда парковался аккуратно, на газонах вот — ни разу.

— Эти трое, — негодовал дедок, — утверждают, что они якобы из ЖЭКа. Что якобы есть распоряжение. — Он яростно взмахнул рукой в ядовито-алой перчатке. — А сами даже документы не желают предъявить.

Упомянутые трое переглянулись, старший — который повыше, с неровной щетиной на щеках, — нахмурился. Что-то отрывисто бросил своим, зыркнул на Тихомирова.

— А елке, — поддержала дедка дама в летах, из третьего парадного, — елке-то больше полувека! Ее еще фронтовик один посадил, в пятидесятых...

— О чем вообще речь? — вмешалась Елена.

— У нас, — сказал ей щетинистый, — распоряжение из ЖЭКа. Елку срубить. Дерево старое, ствол изнутри прогнил. Рано или поздно упадет — и хорошо, — добавил он со значением, — если только на чью-нибудь машину. А если на людей?

— Документы у вас есть?

— Нам распоряжение на руки не выдают. Все в отделе, а нам сказали...

— Кто сказал?

— Начальник сказал, — нагло заявил щетинистый.

— Значит так. — Этот ее тон Тихомиров знал очень хорошо. Она на такой переходила, когда обсуждала условия райдера. — Ефрем Степанович, вы участковому уже звонили? Если нет — вызывайте немедленно. И остальных соседей зовите, на всякий, — подчеркнула она, — случай.

— Дура бешеная, — глухо сказал щетинистый. Сплюнул, кивнул своим и полез в кабину грузовичка.

Жильцы во праведном гневе кричали им вдогонку, кто-то даже залихватски свистнул.

Тихомиров стоял, стиснув кулаки, и свирепел.

— Мог бы и вмешаться, между прочим, — сказала Елена — потом, когда ехали в лифте.

— Пусть бы рубили. — Он отвернулся, злой, уставший от всего этого. — Пусть бы уже наконец, к чертовой матери. Зря ты вмешалась.

— Настена же ее любит.

— Потому что Алена любила. А когда умерла...

Елена положила руку ему на плечо:

— Тихомиров, я знаю, что это... больно. Если помнишь, мы с ней были подругами. Но... нельзя так.

— Как?

Она промолчала — да уже и приехали.

— С Настеной, — вспомнил Артур, — я сам поговорю. Ну, насчет Нового года.

Елена только кивнула.

Это все, подумал Тихомиров, временное. Тринадцать лет, переходной возраст, отсюда и бури. Настена ведь с Еленой прекрасно ладили — раньше, когда та была его продюсером... *только* продюсером. Надо просто переждать. Тяжелый год, тяжелый для всех.

И хотя после смерти Алены прошло больше трех лет, для дочки, конечно, мало что изменилось. Она еще не умела, как он, насильно, осознанно забывать. Вообще, понимал теперь Тихомиров, это мало кто умеет, да ведь и он выучился не сразу.

Может, думал Артур, такое передается с генами, их каким-нибудь хитрым сочетанием. Есть люди, которые помнят себя целиком, со школы-института и до глубокой старости, осознают себя как единую цельную личность. А он относился к Тихомирову-школьнику, к Тихомирову-студенту, к Тихомирову-подающему-надежды-певцу как к дальним родственникам. Чужим, в общем-то, людям. Что-то о них знаешь, помнишь, но по-настоящему тебе их никогда не понять.

Старые, прерывавшиеся на годы связи, старые песни свои — все это он воспринимал как чужое наследство. Вот досталось от кого-то — и что с этим теперь делать?

То же самое было с воспоминаниями. Если расслабиться, размякнуть, — они могут прорваться сквозь все слои, прожечь насквозь. Но если не давать им воли — превращаются в пустой набор старых, плоских, черно-желтых открыток. В пачку фотографий из забытого альбома.

Кто-то другой счел бы это предательством, но Тихомиров думал иначе. Иммуниетет — вот что это было на самом деле, эмоциональный иммуниетет. Чтобы не сдохнуть от переизбытка ощущений, от передозировки памятью, которая все равно уже никогда ни на что тебе больше не сгодится.

Поэтому он так не любил елку во дворе: слишком многое с ней было связано. С ней и с Аленой.

А вот дочка елку обожала с детства — и кажется, полюбила еще больше с тех пор, как они с Тихомировым остались одни. А уж после того, как Елена вышла за него замуж...

В общем, Артур был бы рад, если бы те трое из замызанного грузовичка срубили елку к чертовой матери, прогнила она там или нет. Еще бы и приплатил. Зря Елена вмешалась — но что уж теперь, не догонять ведь их, в самом деле.

Антонина Петровна между тем уже разогрела ужин. В прихожей, пока разувались, шепнула:

— Настенька из школы пришла зареванная. Кажется, поссорилась с кем-то.

— Кушала?

— Нет, Елена Дмитриевна, апельсинчик один цапнула — и все. — Домработница пожалала округлыми плечиками, закутанными в пуховый платок. — Я уж решила не настаивать, раз она не в духе.

— Спасибо, — кивнул Тихомиров. — Все вы правильно сделали.

— Я там наготовила на завтра, загляну уже после пяти, приберусь, а потом в понедельник, да?

— Конечно-конечно... Лен, рассчитываешься за ноябрь?

Сам он прошел по коридору и постучал в дверь, на ко-

торой вот уже полгода висел плакат с бомжеватым Гэндальфом.

— Можно?

Настена сидела за столом, верхний свет не включала, только лампу. Что-то рисовала. Это у нее с некоторых пор было новое увлечение: шрифты, узорчатые буквы. Она на дни рождения друзьям дарила самодельные открытки с аппликациями и рисунками, получалось очень красиво.

— Привет. — Дочка поднялась из кресла и потянулась к нему, обнять. — Хорошо пелось?

— Лучше всех. А как у тебя в школе дела?

Она нахмурилась и поправила челку.

— Знаешь, я тут подумала... не пойду я к Сушимниковой на день рождения.

— Поссорились?

— Да ну нет. Просто... не хочется. Я ей подарок потом отдам, она поймет. Слушай, па, вот я красивая вообще? Ну, по большому счету?

— Спрашиваешь! Самая раскрасивая! Лучше всех!

— Да ну тебя, — сказала она, улыбаясь. — Я серьезно, а ты... ты вообще предвзятый, вот что. Субъективный. Фу.

Артур поднял руки:

— Виноват, ваша честь. Ну что, ужинать идем?..

Ночью, в постели, Елена спросила:

— Забыл?

— Просто не хотел портить ей настроение. В другой раз. Завтра.

— Ох, Тихомиров... Сам же знаешь: чем позже, тем хуже.

В общем-то она была права. Но, подумал Артур засыпая, в конце-то концов, не всегда «раньше» значит «лучше»...

Утром, конечно, он проспал, потом был звонок от Горехина, решали насчет январских гастролей, потом оказалось, что Настена ушла в школу, — а ему с Еленой надо было уже в аэропорт. Со съемок звонил, но не по телефону ведь о таком.

Вернулись через пару дней — измотанные, выжатые. Антонина Петровна с порога сообщила: буря вроде бы улеглась. Вплоть до того, что Настена все-таки собирается на день рождения к Сущимниковой.

— Вот и славно. — Он перехватил ожидающий взгляд Елены, кивнул, мол, сейчас поговорю, но снова зазвонил телефон, Горехин хотел договориться насчет журналистов, интервью там или что, толком не мог объяснить, тараторил, глотал слова, — в общем, как обычно. Тихомиров зажал трубку плечом, сдергивал сапоги, кивал, пытался встрять, вставить фразу-другую... Краем глаза заметил, как в коридор выглянула Настена, — увидела, что он занят, махнула приветственно рукой и снова спряталась за этим своим Гэндальфом.

— Да, Горехин, хорошо, послезавтра, все послезавтра. Ну «как съемки»? — обычно. Сказки у них закончились, так они перешли на мифологию. Ага, ветхозаветные сюжеты... Если бы!.. Ну какой из меня Самсон, Горехин? Лот, ага. Баловнева в женах, очень натурально, знаешь, превращается в соляную бабу — такую, знаешь, запасов на год всей стране хватит, лизать бы и лизать.

Елена пнула его, мол, за языком-то следи. В ответ он показал ей язык — вот, мол, сама и следи. Настроение как-то само собой улучшилось. Завтра намечался выходной, и вообще.

— Короче, Горехин, на связи, давай.

«Поговори с ней», — беззвучно, одними губами, приказала Елена — и закрылась в ванной.

Тихомиров со вздохом поднялся и пошел к Гэндальфу на поклон.

Настена сидела, забравшись с ногами в кресло, ноут пододвинула к себе так, чтобы было удобнее работать, и с кем-то чатилась. На заднем фоне темнело окошко браузера со знакомой заставкой. Официальный сайт Артура Тихомирова, подраздел «Гастроли и выступления».

Он сперва глянул мимоходом, а потом вчитался и остолбенел — куда там безымянной Лотовой жене.

«В Новогоднюю ночь Артур Тихомиров — в прямом эфире на «Плюсах»! Не пропустите!»

Ну, сообразил, конечно: пресс-служба слила инфу или Горехин позаботился. Надо было попросить, чтобы придержали, но в голову тогда не пришло, а потом — чем только она не была забита, голова...

Настена отклацала «пока. еще напишу позже», свернула окошко и оглянулась на него со странным выражением на лице.

— Извини, — сказал Тихомиров. — Надо было раньше тебе сказать насчет Нового года, но ты тогда расстроилась из-за школы, и я не хотел...

Она кивнула, очень по-взрослому. В который раз он напомнил себе: ей только тринадцать. Как бы ни вела себя, что бы ни говорила — только тринадцать, и у нее три года назад умерла мать.

— Тогда, — сказала Настена, — ты меня отпустишь праздновать к Маринке?

Он пожал плечами:

— Ну... отчего бы и нет? Если вы, конечно, опять не повздорите.

Настена сделала вид, что ей срочно нужно проверить почту.

— Да, — бросила она через плечо, — пап, мне Ефрем Степаныч говорил, что ты в курсе насчет елки. И что снова приезжали эти... ну, которые типа из ЖЭКа.

Только сейчас Артур догадался, кто такой Ефрем Степаныч.

— Не то чтобы в курсе...

— Па, ты же не дашь им спилить нашу елку?! — И теперь уже обернулась, теперь уже смотрела на него во все глаза.

— Ну что ты от меня хочешь, малыш? Чтобы я дежурил там крутые сутки? Так твой Ефрем Степаныч и сам неплохо справляется...

— Па! Он же все-таки старенький.

★ — Артур поморщился. Ну да, старенький он, — прошлым летом орал на весь двор, хуже сирены.

— Давай завтра об этом поговорим. Мы только с дороги, умоемся, отдохнем, подумаем...

— Я уже все придумала, па. Они же там считают, елка бесхозная. А мы им скажем, что наша.

— Как это наша?! То есть, — добавил он, лихорадочно исправляясь, — наша, конечно, наша, но как ты им это докажешь? Не табличку же вешать.

— Вот! — Она прыгнула с кресла и чмокнула его в щеку. — Точно! Вешать, па. Повесим на ней наши игрушки, как раньше вешали. Помнишь?

Конечно, он помнил. Каждый декабрь, пятнадцатого. Доставали коробки, все втроем несли их во двор. Это Алена придумала, сказала, они в детстве так же наряжали елку в селе. Некоторые игрушки были еще с тех времен: самодельные, похожие на упитанных удавчиков хлопущки, мятые бумажные шары, снежинки... Каждый год арсенал приходилось подновлять: одни размокали под снегом, другие терялись, третьи расклеивали любопытные вороны и грачи...

На Новый год они никогда не покупали елку в дом, только ставили в вазы пару-тройку веток. А отмечать выходили во двор или, в те годы, когда Настена подхватывала к праздникам грипп, садились у окна, чтобы было видно «их елку». Гасили свет, звенели бокалами, шутили вполголоса...

— Па?

Он пожал плечами.

— Пойду, — сказал преувеличенно бодрым голосом, — попытаюсь завербовать Лену.

Настена помрачнела, но возражать не стала.

Добрую половину того, что было в коробках, пришлось выбросить. Артур съездил в «Ашан» и вернулся с новыми игрушками и стрелялкой. Выходной оказался как нель-

зя кстати: после обеда развешивали игрушки и гирлянды. Постепенно стали подтягиваться со своими украшениями соседи: тетка из третьего подъезда притащила ворох спутанного, еще как бы не брежневских времен, «дождика»; гоблин Ерфем Степаныч — надколотую верхушку в виде курантов, юная парочка со второго этажа — плюшевых зайцев...

К вечеру управились. Елка теперь выглядела так, будто прямо над нею взорвались сани Санта-Клауса. Совершенно ничего общего с теми, прежними их елками.

А главное, Тихомиров знал наверняка: грузовичная троица не имеет к ЖЭКу никакого отношения и вряд ли спасует перед этими дешевыми трюками. Какой-нибудь средней руки депутатик захотел елку себе на дачу — а секретарская шушера подсуетилась, нашла исполнителей, пообещала как следует заплатить. Поэтому рано или поздно дождутся, спилят и увезут.

В общем, Артур не удивился, когда через пару дней обнаружил, что часть украшений пропала. Не стало обоих зайцев, игрушечного автомобильчика, трех сочно-оранжевых шаров и самой красивой хлопушки. Могло быть и хуже.

Тихомиров пожал плечами и пошел домой. День был тяжелый, он вернулся с очередной студийной записи, усталый и голодный; уже в дверях его настиг звонок от Горехина, какие-то проблемы с дублями или с озвучкой, Горехин сам точно не знал, но пытался договориться, хотя бы на следующую неделю, да, повторить, да, иначе никак, это в твоих же, Тихомиров, интересах, ну в самом деле...

Он односложно отвечал, между делом удивляясь, что в доме нет Антонины Петровны, потом сообразил: она ведь сегодня днем забегала, прибраться и приготовить ужин, — и, все так же прижимая трубку к уху, на ходу расстегивая кофту, постучался, заглянул к Настене, позвать на кухню, «питаться!» — и обнаружил вдруг, что дочка сидит за компом, правой отстукивает что-то в чат, левой вытирает слезы.

— Совсем не в роль... — бубнил в ухе Горехин. — Они когда просмотрели... рвут и мечут...

— Понял, понял. Потом, все, будь. — Тихомиров нажал на отбой и кивнул дочке: — Как ты?

— Все в порядке, — тихо сказала Настена. — Пап...

— Ты из-за елки расстроилась?

— Елки? — она сморгнула. — А что?..

Вот дурак, подумал Тихомиров, балда чугунная.

— Да ерунда, — отмахнулся он. — Там пара игрушек пропала, всего-то. Оно даже к лучшему, а то мы в субботу перестарались, если честно, с украшательством этим...

— Это они, — сказала Настена ровным, усталым голосом. — Точно. Сначала снимут все украшения, а потом... потом...

Ее вдруг затрясло всю, она отвернулась, кусая губы, потом бросилась через всю комнату и ткнулась Артуру в бок. Заревела приглушенно, как будто пыталась загнать обратно все эти всхлипывания, всю эту боль.

Тихомиров стоял столбом, затем обнял ее и стал гладить по голове, мягко-мягко.

— Ну что ты, — говорил, — ну, тихо, все, все, еще же ничего не ясно, мы не дадим ее в обиду, конечно, не дадим, что ты, ну... — И так, кажется, по круту, он и сам себя толком не слушал.

И даже не понял, что же такое вдруг подступило к груди, холодное и пульсирующее, звенящее. Хотелось взять пилу, или топор, или даже простой кухонный нож — и срубить на хрен эту елку. Под корень, чтобы даже следа не осталось.

Хотя — понял он мгновение спустя — пустота на том месте, где она сейчас стоит, будет этим самым следом. И значит... значит...

— Сейчас, — сказал он чужим голосом, — сейчас мы все решим. Ну-ка, позволь.

Он высвободил руку, достал мобильный и набрал номер.

— Геннадьич! — мигом отозвался Горехин. — Слушай, дорогой...

— Не болбочи, — оборвал его Тихомиров. — Лучше ты меня послушай. Нужна помощь, я знаю, ты же у нас полномочный представитель Греции, сам говорил: все, что угодно достанешь.

— Ну, — осторожно сказал Горехин.

— У меня тут во дворе елка, видел, может.

Горехин издал некий горловой звук, среднее между кваканьем и кряканьем. Артур сообразил наконец, что да, конечно, видел: он же к ним в гости часто заходил — то есть к ним с Аленой. Пару раз помогал развешивать украшения.

— В общем, тут кто-то повадился снимать игрушки. И подозреваю, только этим дело не кончится. Нужен... я не знаю... капкан, что ли... но безобидный, чтобы без увечий, понимаешь? Чтобы все законно.

Горехин снова крякнул.

— Подумай, — попросил Артур. — Очень надо — и срочно.

— Ты уверен?

Тихомиров промолчал, но так, что Димыч сам все сообразил:

— О'кей, понял-понял, извини. Хорошо. Но... Хорошо. Ладно. Как раз недавно я Петьке Извольскому такой же доставал, у него на даче, знаешь, есть там одна...

— Сколько и когда?

— Я тебе кину линк на почту. Это сетевой магазин, заполнишь форму — адрес там, имя-отчество, когда удобно, чтобы привезли, — товар доставят прямо под двери.

— Точно без увечий?

— Да ну блин, Геннадьич! А, я ж не сказал. Это не капкан, упаси бог. Это такой типа как подарок — ну, коробка в блестящей упаковке, с бантом таким.

— Для воров? Подарок?! Горехин!..

— Дослушай, что ты сразу!.. Новейшая разработка, говорят, цэрэушная вообще. Видел такие хрени, которые

воткнешь в розетку — и они комаров отпугивают? Вот что-то вроде. Излучает волны в каком-то хитром диапазоне, отпугивает тех, кто приближается с дурными мыслями. Типа мозг тогда испускает волны особой длины, хрень эта их фиксирует — и выдает ответку.

— И что?

— Злоумышленник драпает, нажавши в штаны. Не буквально, конечно, не бойся.

— Горехин... а есть что-нибудь менее эзотерическое? Без лапши на уши, фольги на голову?

Тот хмыкнул:

— Пугало поставь, снеговика. И морду ему пострашней намалуй. Геннадьич, — добавил он обиженно, — мы с тобой сколько лет знакомы? Было такое, чтобы я туфту порекомендовал?

— Тебе по годам перечислить?

— Нет, ну тот случай с солнечными лампочками не считается, там я сам маху дал. А здесь все проверено, Извольский вон вчера звонил, сердечно благодарил и, между прочим, обещал проставиться. Как бы не намекаю.

— Как бы верю. Давай свой линк.

— Слушай, а насчет съездов вот...

— Потерпит завтра до утра? Сейчас не до них. Без обид, хорошо?

Настена уже не плакала, просто смотрела на него странным взглядом.

— Завтра все решим, — пообещал ей Артур. — Веришь мне?

Товар доставили к девяти, как Тихомиров и попросил в примечаниях к заказу. Сайт вообще оказался странно-ватым, предельно простым. Хотя, подумал Артур, может, так сейчас модно.

— Это тебе! — крикнула Елена. Она успела к двери раньше, пока он выкарабкивался из тренажера, уже открыла и заполняла платежку. — Слушай, что это вообще? — Она понизила голос: — Настене, что ли? Под елочку?

— Почти. — Он поставил увесистый, размером с обу-

вную коробку, пакет под вешалкой и расписался на платежке. — Паспорт показывать?

Молодой курьер неловко дернул плечами и улыбнулся:

— Да ну что вы... Нам паспорт и не нужен, в общем-то. Если можно, — добавил, кашлянув, — поставьте автограф, я сейчас листок дам, вот, сюда.

Ишь, подумал Тихомиров.

— Кому?

— Оксане. Сеструхе моей, младшей, — зачем-то пояснил курьер.

Тихомиров резко расписался, сунул ему листок и потянулся за пакетом.

— Если вы не против, я проверю содержимое.

— Там инструкция, — сказал парень. — Посмотрите внимательно, пожалуйста, и тоже распишитесь, одну страничку я заберу. Ну, что ознакомлены с правилами пользования и все такое. Главное: нельзя срывать печати.

— Какие печати?

— Да вот, с корпуса... в смысле, с коробки. Пломбы такие, снизу идут, семь штук. Видите?

Они вдвоем развернули пакет. Елена к этому времени сбежала на кухню, снять с плиты свистевший чайник. Настена еще спала.

— Ого, — сказал Тихомиров.

Коробка была совсем небольшой. В пакете она лежала на боку, и примерно половину пространства занимал роскошный фиолетовый бант. На свету он переливался и отблескивал, словно сделан был из кожи экзотической змеи, аспиды какого-нибудь или гюрзы. В змеях Тихомиров не очень разбирался.

Сам же «корпус» представлял собой куб, обернутый подарочной бумагой. Бумага была испещрена миниатюрными оленями, санями и прочей дедморозовщиной. Выглядело все это солидно, богато. Класть такое во двор под елку... Тихомиров не знал, что и думать.

Он перевернул куб бантом книзу и обнаружил на дне россыпь круглых черных бляшек.

— Те самые пломбы?

— Да. Их нельзя ни в коем случае срывать. Иначе фирма не дает гарантии, что прибор будет работать верно.

— А в противном случае — дает?

Курьер даже обиделся:

— Вот же, указано: тринадцать месяцев с момента первой эксплуатации.

— Здорово, — сказал Артур. — Ага. И что, жалобы не поступали, ни разу?

— Я не слышал, — честно признался паренек, — может, и были.

Елена выглянула из кухни, пальцем ткнула в часы. Беззвучно произнесла: «Запись, балда!»

Только сейчас Тихомиров сообразил: она же вчера, когда вернулась, предупредила, что съемка начнется на полчаса раньше, и значит, они уже опаздывают!

Но все равно перед тем, как сесть в машину, он присел у елки и засунул под ветви, поближе к стволу, этот самый подарочек. Расправил банг, подумал, что ни разу еще не совершал более дурацкого поступка.

И поехал на эту их викторину, мрачный и злой, как черт.

3

— Старик, — надрывался в трубке Димыч, — я тебя целый день!..

— Да, — кивнул Тихомиров. — Извини, Горехин, у них в студии лампы полетели на хрен, три штуки, с промежутком в полчаса. Пока поменяли, пока запустили... — и опять. В общем, можешь себе представить. Так чего там?

Он стоял на кухне, ждал, пока закипит чайник. За окном была ночь, густая, вьюжная. Фонари во дворе горели истощенным, больничным каким-то светом. Елка находилась и сутулилась под тяжестью снежных погон.

Во двор, прямо в пятно желтушного света, вдруг вбежа-

ла дворняга. Тихомиров видел ее пару раз — и здесь, под окнами, и на соседних улицах. Белая, кудлатая, болонкистая. Она как будто чуяла, что внешность ее срабатывает безотказно, вызывает у мамаш и старушек неизменное «ух ты моя сладкая! иди сюда, я тебя покормлю, иди...» — знала и пользовалась. Никогда не лаяла, просто подходила и заглядывала в глаза. В наиболее тяжелых случаях протяжно, по-человечьи вздыхала; Артур, если бы сам не слышал, в жизни бы не поверил.

Сейчас эта полуболонка пыталась найти неплотно прикрытое парадное и спрятаться от снега. Ткнулась в пару дальних, потом побежала через двор к елке... и тут же, словно током ее шарахнуло, отпрыгнула назад с яростным лаем. Лай скоро перешел в утробное свирепое рычание. Собака пятилась, вздыбив шерсть, не спуская глаз с елки.

Точнее, с нижних ее ветвей.

— ...спел ты превосходно, — долдонил Горехин. — Но, Геннадьич, ты же все дубли запорол. Все, понимаешь!

Дворняжка рычала, скалила клыки — потом сорвалась с места и, поджав хвост, пулей бросилась вон со двора.

И что, спросил себя Тихомиров, какие такие «дурные мысли» крутились в ее блохастой голове? Найти где-нибудь не слишком промерзшие отбросы? Теплый угол? В идеале — хозяев?

Да ну, бред: вот же, все просто и ясно: под ветками наверх сидит какая-нибудь псина покрупней. Или лиса прибилась, в последнее время, говорят, в городах до чертиков лис, и сов, и прочей лесной живности.

И тут он понял, что уже стоит в дверях и натягивает сапоги.

— Что там у тебя вообще?.. — бубнил Горехин. — Ты меня слушаешь?!

— Конечно. «Дубли запороты». Объясни мне только: как запороты? С чего вдруг?

— Ты вообще кого играл, Геннадьич? А?! Ты Лота играл, правильно?

— Ну.

— Песню спел на ура. Девочки тоже молодцы, эти, «Кнопки» или как их... новенькие совсем, да? Вы втроем — бомба, Геннадьич.

— Не тяни, Горехин. Баловнева слажала?

— Баловнева — ты прав был — идеальная жена. В смысле, как столп, конечно. Замерла — на ять. А ты, ты, Лот твою так, кой хрен обернулся?!

— В смысле?

— Ну Лот по легенде должен был уйти с семьей и не оборачиваться, пока ангелы его родной Содом утилизировали. Жена обернулась — дура — и превратилась в кусок соли. А он — ты! — не обернулся!

— Ну.

— А ты — обернулся!

— Горехин!..

— На всех дублях Артур Тихомиров исполняет последний куплет, картинно стоя, мать его так, лицом к декорациям Содома. На всех! Я не знаю, куда смотрел оператор и о чем думал, мать его, режиссер, но ты же профи, Геннадьич! Как можно было?! Я сегодня с Еленой говорил, поймал после этих ваших съемок, — она руками разводит. Я не понимаю вас, ребята. Все, надо переснимать. Но ты главное объясни мне: зачем?!

— Правда роли, Горехин, — хмуро сказал Артур. Он уже вышел во двор — и только тут сообразил, что куртку надо было накинуть. И еще сообразил, что под елкой должна быть действительно крупная псина — или что уж там сидит вместо нее. А он даже перочинный нож не додумался прихватить.

— Какая, на хрен, правда роли?!

— Простая, Горехин.

Он медленно пошел к елке. Очень медленно, стараясь, чтобы снег под ногами не скрипел.

Шагах в пяти присел на корточки.

Горехин в трубке неистовствовал.

— Ну неужели, — сказал ему Тихомиров, — ты бы на месте Лота не обернулся? Неужели, Димыч, тебе было бы

неинтересно посмотреть на то, как хреновы ангелы разносят по кирпичику город, в котором ты жил, — со всеми твоими соседями, друзьями, с зятями твоими — всех, все, в пыль? Это было любопытство, Димыч. Простое любопытство. Великая сила.

Он повернул мобильный так, чтобы подсветить себе экраном. Под ветками, у самого ствола, что-то темнело. Угловатое, подозрительное.

Он не сразу и сообразил, что это же — коробка с бантом, подарок под елочку, аппарат.

Горехин там у себя бился в истерике.

— Ладно, — сказал ему Тихомиров, — извини. Был неправ. Приеду и переснимем, если они еще не передумали. Завтра же.

Потом они попрощались, он нажал отбой и потянулся за коробкой. Повертел ее, оглядел со всех сторон. Ничего не изменилось, даже бумага не подмокла.

Артур осторожно потряс ее — коробка была как будто полная, но изнутри — ни звука: не шевельнулось, не стукнуло.

Он перевернул ее бантом вниз и задумчиво провел онемевшей подушечкой указательного по пломбам.

Потом надорвал одну — решительно, прежде, чем успел передумать.

Попытался поддеть ногтем край обертки, приподнять хоть на пару миллиметров — ничего не вышло. Бумага прилегалась плотно, даже не понять, к чему именно, что там под ней — картонный ли, металлический ли корпус, а может, — почему-то вдруг подумалось Тихомирову — кожа, натянутая на каркас?..

Он снова пожалел, что не прихватил с собой нож: удобней было бы, чем пальцами, но, в конце-то концов, какая...

— Папа?

— Здравьете, Артур Геннадиевич.

Он обернулся. Настена вместе с этой своей... госпожи, как же ее?.. Тушенкиной, что ли? — стояла у него за спиной.

— Привет! — сказал Тихомиров. — А вы откуда и куда?
— Ну па, мы же в кино ходили, ты сам разрешил, еще вчера.

— А. Ну да, извини, совсем из головы вылетело. Кино-то как? Хорошее?

Они переглянулись и, кажется, беззвучно хихикнули.

— А это у вас что, Артур Геннадиевич? — спросила... Марина? Марьяна?

— Это, — сказал Тихомиров, — такая специальная штукавина, типа удобрений, чтобы елка лучше росла. Чего только не придумают: нарочно сделали в виде подарка, мол, так эстетичнее. Ну, идем к нам пить чай?

Он сунул коробку обратно под ветки и решительно увлек девочек за собой. На ходу о чем-то говорил, а сам пытался сообразить, как воткнуть в график еще один день съемок. Послезавтра же они с Еленой должны быть в каком-то Задрыщанске, городской совет после выборов раскошелился на новогодний концерт, на центральной площади, с семи до девяти поет сам Тихомиров. Отказываться, говорила Елена, нельзя, ты, говорила, на два года, считай, выпал из обоймы, ну что ты кривишься, да, выступал, да, пел, но ни одного хита, Артур, мы тебя сейчас возвращаем в топ, надо пахать, Артур, нам всем надо пахать, если хотим добиться успеха, это второй шанс, третьего никто не даст, ты же сам понимаешь...

Тихомиров действительно понимал и действительно хотел вернуться. Потому что, если уж совсем честно, это было главным: идти на сцену, петь, получать свою «дозу» во время выступления — от внимания, от взглядов, от аплодисментов. Это вставляло покрепче травки и любой другой наркоты. Но вот если ты выпадал из обоймы...

Темп они, конечно, в этом году взяли бешеный, но Артур держался — втянулся быстро, как будто и не было двухлетней паузы. А что под Новый год стало напряжней — всегда так бывает, на то он и Новый год. Главное сейчас — отработать эти несколько недель...

— Па!

— Что, солнце?

— Чаю заварить? Маришка к нам ненадолго — ей скоро домой.

Он кивнул, включил огонь под чуть остывшим чайником. Встал возле окна, ожидая, пока тот закипит.

Внизу, вдоль дорожки, прыгала по снегу ворона. Обычная серая ворона, каких в городе полным-полно. Тихомиров удивился: и чего ей не спится на ночь глядя? Наверное, подумал, заметила блестящую обертку на коробке — известно же, что вороны ведутся на всякое такое, необычное. Тоже, по-своему, любопытство.

Теперь, оказавшись рядом с елкой, она уже не прыгала, а как будто подкрадывалась размашистыми, бесшумными шажками. Надолго замирала, склоняла голову. Потом делала еще один шаг...

Засвистел чайник, Артур обернулся, чтобы налить кипятку в заварник, а когда снова посмотрел в окно, вороны уже не было. Видимо, поняла, что здесь нечего ловить, и улетела.

— Чай прибыл! — он постучал в дверь и вошел. Девочки что-то читали в Сети, какую-то Настенину переписку. Перед тем как принять у него чашки, дочка как бы между делом свернула окна.

Выходя из комнаты, Тихомиров подумал, что это должно его задеть, и даже удивился слегка, что не задело. Голова, в общем-то, была забита другим: этой ерундой со съемками, послезавтрашними гастролями в Задрыщанске... и вороной.

Он все-таки выглянул в окно еще раз — убедиться, что ему показалось. Нет, что-то темнело рядом с елкой, что-то мелкое, похожее на пару-тройку перьев.

Артур пожал плечами и набрал Елену — посоветоваться насчет форс-мажора. Пока говорил, не отрывал взгляда от окна, но там все было тихо-мирно, только носились в воздухе крупные, уродливые снежинки.

Следовало отдать Горехину должное: игрушки исчезать перестали. Вместо них, однако, случилась другая пропажа.

Тихомировы как раз вернулись с гастролей — и паркуясь, обнаружили вдруг во дворе странное оживление. Правда, рядом с елкой стоял не замызганный грузовичок, а милицейский «бобик», возле которого скучал, посасывая цыгарку, сельского вида дядька в форме. Двое его коллег неспешно выгружались, вполголоса о чем-то переговариваясь.

Было часов семь вечера — уже стемнело, и снова падал пушистый, мокрый снег.

— Вы из этого парадного? — спросил один из ментов — тот, который повыше и попредставительней.

— Да, а что?

— Клокачева знаете?

— Кого, простите? — не понял Тихомиров.

— Знаем, — сказала Елена, — это наш сосед с первого этажа. Ефрем Степанович, да?

Представительный кивнул и добыл из кармана удостоверение.

— Если вы не против, я просил бы вас быть понятыми. Много времени это не займет.

Тихомиров растерянно кивнул и только потом сообразил, что можно ведь было и отказаться.

Менты прихватили с собой странного вида саквояж — затертый, обгорелый с одного бока — и зашагали к парадному. На ходу Артур со значением посмотрел на Елену, но та лишь пожала плечами. В этом была она вся: никогда не пройдет мимо, никогда не промолчит. Тоже любопытство в своем роде.

У гоблинской двери уже ждали участковый, нервная ху-досочная дама и слесарь.

— Начинайте, — велел слесарю представительный. А Тихомировым сказал: — Сейчас посмóтрите, может, что-нибудь странное заметите... Вы у него часто бывали в гостях?

— Ни разу, — хмуро ответил Артур. — Только «здрасьте — до свидания», и все. Семьями не дружили.

Представительный посмотрел на него оценивающе, кивнул.

— Ну, — сказал, — это понятно. И все-таки посмóтрите, мало ли.

— А что произошло-то? — не выдержала Елена. — Почему вы ломаете дверь?

— Соседи жаловались, третьи сутки подряд телевизор не выключает, даже ночью. А это вот родственница Клокачева, утверждает, что он знал о ее приезде и не мог никуда отлучиться.

— Прошу, — лениво сказал слесарь.

Замок он выворотил в три скупых движения, не особо чинясь.

Тихомиров боялся, что в квартире будет не продохнуть: если два дня уже... да батареи жарят... понятно ведь, чего ждать. Но внутри оказалось на удивление чисто, и пахло лекарствами, конечно, и старыми газетами, но ничего такого. Ничего и никого.

— Пусто, — подытожил представительный. — Как будто вышел мусор вынести. Мажук, свяжись, какие у нас здесь ближайшие больницы? Фотку вон возьми, для опознания. И выключи уже на хрен этот телевизор, голова раскалывается.

Дальше все было просто: минут пятнадцать пришлось подождать, пока составят и дадут на подпись протокол, за это время Елена дважды звонила Антонине Петровне, чтобы та не волновалась и успокоила вернувшуюся из школы Настену. Впрочем, если верить невинным свидетелям с полей, Антонина Петровна подозревала, что переживает Настена не из-за пропавшего отца. Опять какие-то бури в школе.

Дважды звонили из журнала, договаривались, потом передоговаривались насчет встречи и фотосессии. Тихомиров сатанел, но терпел.

Наконец документы были готовы, «вот здесь и здесь,

пожалуйста», и — с чистой совестью на волю. Родственница, правда, отпустить ментов не спешила: дрожащим голосом требовала, чтобы «завели дело». Те устало, уныло объясняли, что — ну нет же пока оснований, ну мало ли, да и толку никакого все равно...

В коридоре тем временем коллеги представительного лениво осматривали шкафчики, антресоли, рылись в тумбочке под телефоном. Один аккуратно выложил на расстеленную газетку трофеи: щетки, скрюченные тубики из-под крема, потом в отдельной коробке — три сочно-оранжевых елочных шара, пару плюшевых зайцев, игрушечный автомобильчик...

Артур вздрогнул и отвел глаза. Ждал, что вот-вот кто-нибудь скажет с ухмылочкой: «Постойте-ка, товарищ Тихомиров. Ничего не хотите нам сообщить, Артур Геннадьевич?»

Но никто ничего не заметил. Даже Елена.

Слесаря на лестничной клетке уже не было. Перед дверьми крутилась вислощекая тетка со второго этажа — Эмма Эдуардовна, что ли. Всегда с Тихомировым раскланивалась так, будто самым своим существованием он оскорблял ее в лучших чувствах.

— Добрый вечер, — кивнула ей Елена.

— Добрый?.. — полувопросительно произнесла Эмма Эдуардовна. Выдержала паузу, поняла, что никто разговор не поддержит, и зашагала по лестнице вверх. Уже поднявшись на пролет, как бы между делом бросила стоявшим у лифта Тихомировым: — Не ждите, сломан.

Артур помог Елене донести вещи до их четвертого, потом похлопал себя по карманам.

— Слушай, — сказал смущенно, — кажется, зарядку оставил в машине. Смотаюсь, пока одет.

Сбегая вниз по ступеням, он пытался сообразить, зачем, вообще-то, спускается. Что именно надеется увидеть.

На первом этаже возле дверей Ефрема Степановича было пусто и тихо. Артур вышел на улицу — нет, свет

в окнах у старика горел, и двигались за шторами угловатые тени. Да и милицейский «бобик» стоял на прежнем месте, возле елки.

Тихомиров пошел к своей машине по большой дуге, огибая елку против часовой стрелки, чтобы...

Чтобы осмотреться.

Перья заметил почти сразу — точнее, это он сперва решил, что перья, вот остались от той самой вороны, но потом понял: да ну откуда, три дня ведь прошло!.. К тому же такая яркая окраска — это разве что у тропических птиц, а в наших-то широтах...

В общем, никакие это были не перья, конечно.

Артур оглянулся на окна и присел.

Перчатка распласталась на снегу — ядовито-алая, скомканная. Он зачем-то сдернул свою и пальцами прикоснулся к ткани. На нитки намерз лед; впрочем, если перчатка здесь лежит три дня, странно, что вообще не занесло снегом.

Надо было позвать следователя. Визитку он Тихомирову вручил: «Если вдруг вспомните что-нибудь...» Елена бы точно позвала.

Он глянул под ветки. Нет, подарок не пропал — стоял все там же. Чуть изменился — видимо, влага и мороз сделали свое дело, — вот только Тихомиров не мог наверняка сказать, что именно с коробкой не так.

А потом он почувствовал чей-то взгляд — не справа, со стороны соседских окон, а слева, оттуда, где был вход во двор. Обернулся как бы небрежно, как бы с ленцой, вставая.

В подворотне стояли двое мужиков. В тени, лиц толком не разглядеть.

Они заметили, что Артур смотрит на них, переглянулись и двинулись к нему. Тихомиров не сразу узнал высокого: щетину тот не сбрил, но подровнял, а на нос нацепил зачем-то темные очки. Хотя... ясно ведь, зачем.

Шагали эти двое не торопясь, и у Артура было время, чтобы уйти. Или позвать кого-нибудь на помощь. Или...

Или, подумал он, наклониться и спрятать от них перчатку.

— Добрый вечер, — сказал щетинистый, чуть растягивая слова. — Поговорить надо.

— О чем? — Тихомиров понял, что не боится их, вот совершенно. И вообще никаких чувств не испытывает.

— Знаешь, о чем, — все так же спокойно сообщил щетинистый. — В ЖЭКе, — добавил со значением, — недовольны. Надо что-то решать.

— А ты, — в тон ему отозвался Тихомиров, — у главного-то завизировал? Для начала.

— У кого? — не понял щетинистый.

Его напарник, низенький, ушастый, с широким плоским носом и скошенным подбородком, хмыкнул:

— Разводит он тебя, Саныч. Ты посмотри на него, суку, он же...

Тут он осекся, поглядел куда-то вбок, за Тихомирова, хлопнул щетинистого Саныча по руке и молча зашагал обратно к подворотне. Так, будто разговора и вовсе не было. Саныч сплюнул под ноги Тихомирову, угрожающе дернул головой и поспешил вслед за ушастым.

Позади громко переговаривались голоса, скрипел под ногами снег.

Артур, не оборачиваясь, зашагал к своей машине. Пока он копался в бардачке, следственная бригада уже загрузилась в «бобик» и медленно двинулась к выезду со двора. Тихомиров, проходя, кивнул им — те, кажется, даже внимания не обратили, о чем-то спорили, сельского вида дядька взмахивал рукой, горячился...

Артур поднялся уже до третьего, когда сообразил, что перчатка так и осталась там, в сугробе. Но возвращаться не стал. Может, подумал, эти двое вообще не за ней приходили, может, и к пропаже старика они отношения не имеют. Нелепо же: из-за какой-то елки... да нет, никто бы не стал, верно? Так ведь не бывает, только в кино.

Ужинали молча. Настена не поднимала взгляда от та-

релки, Елена слушала новости, Тихомиров то и дело посматривал на мобильный.

Хотя, говорил он себе, откуда у этих двоих мой номер?

«...Китайские ученые, — бубнила ведущая, — добились значительных успехов в создании псевдоживых тканей. На очереди — работа по конструированию механизма, который бы состоял из них более чем наполовину. Проблема, однако, заключается в том, как обеспечить подобному механизму автономность. Иными словами...»

— Па, — позвала Настена.

— М-м?

— А можно я завтра в школу... не пойду. Я вроде как простыла. Совсем чуть-чуть, ничего страшного, просто...

Елена выключила телевизор.

— Ну-ка, — попросила, — дай лоб.

Коснулась губами, нахмурилась.

— Совсем чуть-чуть, — повторила Настена.

— Пусть отлежится, — сказал Артур. — День туда, день сюда. А сейчас, говорят, какой-то скверный штамм ходит.

— Призраком, — кивнула Елена. — По Европе. Пойдем, Настя, пообщаемся без работников эстрады.

— Эй, нет ли здесь попытки ущемить меня в моих родительских правах и обязанностях?!

— Ешь, — она встала и похлопала его по плечу. — Остынет же все.

Тихомиров бездумно затолкал в себя остатки ужина, встал с чашкой чая у окна. Опять пошел снег, а это значило, что завтра надо подрываться хотя бы на полчаса раньше: дороги будут ни к черту.

И значит, уже ложиться бы.

Он лениво поразмыслил о том, что все-таки следует пойти вниз и поднять ту перчатку. Хотя бы для того, чтобы убедиться, все ли «пальцы» у нее на месте. Не показалось ли.

Ну а даже, сказал он себе, если одного не хватает? Какие неожиданные выводы ты из этого сделаешь? Да просто зажал старик где-нибудь, оторвал случайно.

— Что там, — спросил он, когда укладывались, — серьезное что-то? Температуру меряли?

— Все в порядке, — сказала Елена после паузы. — Пусть завтра посидит дома. Для профилактики.

Уже почти засыпая, он кивнул и накрылся одеялом. Подумал еще, что надо бы отключить звонок... на всякий случай... а то позвонят эти сволочи, «из ЖЭКа», Елена возьмет трубку... потом объяснять... а как тут объяснишь, если и сам не до конца...

Ночью ему приснилась Алена. Но почему-то все время держалась сбоку, и он не мог толком разглядеть лица, он говорил ей о Настене и, кажется, рассказывал про елку, но Алена молчала, и в конце концов Тихомиров понял, что она обиделась, наверное, из-за того, что завтра годовщина, а он едва не забыл, и еще из-за того, что не приедет проведать; ну а как, говорил он ей, это ж на другом конце города, с нынешним графиком не вырвусь, да и потом... Тут он запнулся, потому что — не скажешь ведь «...ты мертвая, тебе все равно», — запнулся и проснулся. Сердце колотилось как бешеное. Он перевернулся на другой бок и лежал так минут пять, ни о чем не думая. Сам не заметил, когда заснул.

5

Под окнами Ефрема Степановича топтался бледный типчик в спортивной шапке времен перестройки, что ли. Лицо гладко выбрито, над верхней губой усики жиденькие, блеклые. И такой же блеклый взгляд.

— Доброе утречко, — кинулся к Артуру. — А вы, случайно, не знаете, вот старик тут, из второй... такой, свирепый. Он, случайно, никуда не уехал?

— А вам-то что? — спросил вдруг Тихомиров. Хотел пройти мимо, но стало любопытно.

— Да я... мы с ним на «птичке»... ну, на рынке, в смысле... договаривались встретиться, еще вчера. Игрушки старые продает, говорит, мол, ему уже вряд ли пригодятся.

— И много продал?

— Да... — типчик махнул рукой, мол, какое там! Потом моргнул и внимательней уставился на Тихомирова. — Так что с ним?

— Уехал, — сказал Тихомиров. — Пару дней назад. Вас как зовут?

— Ну, положим, Николай.

— Вот, значит, он как раз вам и просил передать: не ждите.

— А...

— Может, телефон оставите или адрес, где вас искать в случае чего?

Типчик на это пробормотал нечто неразборчивое, покивал на прощание и смылся.

— Ого, — сказала Елена, — что это на тебя нашло, Тихомиров?

— Решил помочь человеку. Может такое быть?

— Теоретически?..

— Ой, ладно. Слушай, я вот подумал: попроси свою... эту, как ее? Тынникову — чтобы достала что-нибудь почитать про человеческий мозг. Как устроен, какие волны испускает и все такое.

Елена открыла дверцу и протянула Тихомирову щетку, чтобы счистил снег.

— Откуда вдруг интерес к таким материям? Ты меня пугаешь.

— Да вот подумал вчера, что совсем тупею. Надо чем-нибудь загрузить голову.

— Ну ты даешь, Тихомиров. Это на тебя перед ток-шоу накатило — вроде как мандраж, только по-особому, по-эстетски? Ладно, ладно, поговорю, будет тебе книжка.

Ток-шоу, кстати, оказалось еще более невыносимым, чем он ожидал. Ведущая бляла тонким голосом, смеялась невпопад и постоянно перебивала, буквально всех. Спеть Тихомирову не дали, хотя изначально речь шла о двух композициях, о «Снежинке», конечно, и о старом его хите, «Зимних букетах».

И даже спорить или ругаться было не с кем: ведущая — пустое место, кукла, говорящая голова, а режиссера сразу после съемок куда-то срочно увела ассистентка — ходившая вразвалку жирная бабища лет шестидесяти. И Елена уехала, ей нужно было с Горехиным согласовать график на ближайшие две недели, какие-то там накладки образовались из-за истории с Лотом.

А главное — Тихомиров понимал, что скандалить он и не должен, что это он в них заинтересован, в этих пустоголовых, визгливых, тупых, что это они делают ему рейтинги и, в общем-то, позволяют петь. *Позволяют*, мать их, петь!

Он вышел из павильона и зашагал к гримерке, злой как черт. И стоило закрыть дверь, как тут же явились за автографами, вот сразу после съемок никто не захотел, а сейчас — давай колотить в дверь, да настойчиво как.

— Я занят! — рявкнул Тихомиров.

— Извините, — сказал вошедший. Шагнул в сторону, пропуская своего приятеля, а потом прикрыл дверь и клацнул старой, расхлябанной задвижкой.

— Какого хр... — и тут Артур наконец узнал второго из визитеров — и замолчал.

— Мы ненадолго. — Первый был узкий какой-то, угловатый — напоминал кузнечика. Пальто расстегнул, видимо, ждал давно, а в коридоре душно; под пальто виднелся вполне себе цивильный костюм.

Да и щетинистый сегодня был одет не в пример приличней. Хотя, подумал Тихомиров, он и раньше вполне мог... я ж его толком и не рассмотрел ни разу.

— Артур Геннадьевич, — сказал Кузнечик. — Во-первых, извините за хамство и грубость со стороны моих подчиненных.

Голос у него был вялый, пустой.

— А во-вторых? — по-хамски и, в общем-то, грубо спросил Тихомиров.

Кузнечик пару раз моргнул, затем пожал плечами:

— Ну, если желаете... Во-вторых, Артур Геннадьевич,

все то же. Мы понимаем, что... ну, эта елка вам, наверное, дорога как память. Она стояла во дворе долгие годы... Но, так уж вышло, Артур Геннадьевич.

— Она что, особенная? В Киеве нельзя достать другую такую же? Я так понимаю, в средствах вы не ограничены...

Кузнечик едва заметно скривился.

— Ах да, конечно. Они вам не говорили?

Щетинистый мотнул головой.

— Я, — продолжал Кузнечик, — конечно, понимаю, что предлагать вам деньги... бестактно. Но, возможно, некое пожертвование или презент...

— Так что с этой елкой? — еще больше разозлившись, спросил Тихомиров. — У нее корни из золота, сердцевина из серебра? Ее посадила ваша прабабка?

— Да клéйма же, — почти удивленно сказал щетинистый. — Клейма и чипы. Не провезешь такую в город.

Теперь Артур что-то такое начал припоминать, вчера вроде бы в новостях было: теперь все елки в городе продавали только с «лицензией», с клеймами на срезе и с чипами какими-то. Мол, если без них — контрабанда, и штраф впают.

— И в самом городе, — добавил Кузнечик, — такую нигде больше не найти — чтобы была практически бесхозная, неучтенная. А при нынешних пробках на дорогах... и снегопад этот... никто не хочет рисковать и везти контрабандой.

— А ваша, — зачем-то вставил щетинистый, — все равно же ничья.

— Ничья? — переспросил Тихомиров. — Ничья?!

— Выйди, — сказал щетинистому Кузнечик. Потом, когда дверь закрылась, снова повернулся к Артуру. — Еще раз прошу прощения. И давайте, если можно, к делу, я... ограничен во времени.

— Спешите куда-нибудь? — зло спросил Тихомиров. — А вот я не тороплюсь. И что касается елки...

— Спешу к дочери, — кивнул Кузнечик. — Иногда

ведь знаете как: не ценишь и думаешь, что впереди уйма времени. А потом жалеешь.

Артур качнулся на носках туда-сюда. Потом в два шага пересек гримерку и встал вплотную к Кузнечику, глаза в глаза. Пахло от Кузнечика детским мылом, яблочным, что ли.

— Слушай, — сказал Тихомиров, — ты что ж, засра-нец, вот так решил, с намеками, да? Кнут и пряник, сначала о пожертвовании, а потом... — Он задохнулся от злобы и до хруста стиснул кулаки. Жалел, что подошел так близко, замахнуться никак, сглупил, и тогда он взял этого говнюка за отвороты его пальтишка, очень аккуратно так взял, почти нежно.

— Я, — невозмутимо ответил Кузнечик, — говорил о своей дочери.

— Чт... то?

— И елка, — продолжал он, — тоже для нее. Следующей не будет. А эта... эти праздники должны стать настоящими волшебными праздниками. Она уже все знает, но я хочу, я надеюсь, что хотя бы на эти пару дней она забудет о... о плохом.

Тихомиров отпихнул его от себя, как прокаженного. И сам отшатнулся на шаг.

В дверь тотчас постучали, и щетинистый нервно спросил, все ли в порядке.

— Все, — ответил Кузнечик. — Мы просто разговариваем.

И откуда я знаю, хотел спросить у него Тихомиров, откуда я знаю, что ты меня сейчас не обманываешь, что не решил вот так... если иначе не получилось, то на жалость...

Он покраснел, и сам не знал — от ярости, от стыда ли. А может, просто в гримерке стало слишком жарко.

— И чего, — спросил он, — чего вы хотите?

И сам на себя разозлился за тон, каким это произнес.

— Елка ничья, — спокойно, как маленькому, объяснил Кузнечик, — но игрушки на ней — ваши... в том числе

ваши. Прошу вас — уберите их. Потом ночью мои люди аккуратно и быстро спилят елку. А на ее месте весной посадят новую, это я вам обещаю. И... если что-нибудь еще — только скажите.

Вряд ли, подумал Тихомиров, Настена будет так же любить новую елку. Наверняка не будет.

Он представил, что, в общем-то, мог бы ей все объяснить. Девочка взрослая, поняла бы. То есть — *это* поняла бы. Но не то, что отец в принципе согласился такое обсуждать, они же все в этом возрасте бешенные максималисты. Если замуж — так за принца, если любовь — то до гроба. Она ведь и с Еленой поэтому так...

— А если, — устало сказал Тихомиров, — я не соглашусь. Если елка мне действительно дорога как память. Что тогда?

— Я бы не хотел, чтобы эта история так... развивалась. Способ мы найдем. Через ЖЭК, в конце концов, хотя они там... — Кузнечик раздраженно дернул плечом. — Но это неважно. Это — неважно. Я обещал своей дочери. Вы ведь должны понимать — уж вы-то.

Тихомиров стоял, опершись задом о стол, разглядывая этого вот «обещателя» и чувствовал, как гулко колотится сердце в груди. На мгновение показалось, что кто-то другой — чужой и расчетливый — глядит на мир его глазами. Или даже он сам, Тихомиров, — этот другой, посторонний, а тот — и есть настоящий, главный.

— Ну что же, — сказал он, помолчав. — Ну, попробуем. В конце концов, что я теряю, верно?

Кузнечик осторожно кивнул.

— Только игрушки я убирать не буду, — добавил Тихомиров. — У меня хватает... и без того. Пусть эти ваши дождутся, пока в окнах свет погаснет... ну, то есть часиков до десяти, даже одиннадцати, да, лучше до одиннадцати — и сами снимут. И аккуратно пусть сложат в ящик, я специально под елкой оставляю. Но за других жильцов, — предупредил, — я не отвечаю. Если кто поднимет хай — сами разбирайтесь.

— Никто не поднимет, Артур Геннадьевич. — Кузнецик шагнул к нему, протянул руку, и Тихомиров, как бы наблюдая за происходящим со стороны, пожал ее. — Никто, повторил Кузнецик, — не поднимет. А вам — спасибо, Артур Геннадьевич. Новую елку я весной посажу, даю слово. И... я вам потом еще позвоню. Вдруг что-нибудь надумаете, насчет помощи. Буду рад!

Он склонил голову, а потом вышел этой своей быстрой, ломаной походкой.

— Сомневаюсь, — сказал Тихомиров, сам еще до конца не зная, в чем именно он сомневается. — Сильно сомневаюсь.

6

Из двух фонарей один — тот, что стоял у въезда во двор, — не горел, а другой светил как будто вполсилы. Тихомиров сидел у окна и рассеянно листал книгу, которую добыла Елена. «Себе на уме: как устроен человеческий мозг». Вроде бы и просто написано, а в голову не лезет, то ли действительно поглупел за эти месяцы, то ли...

Он перевернул сразу несколько страниц, уткнулся взглядом в очередную схему. Чтобы в ней разобраться, книгу следовало читать с самого начала, внимательно. И может, даже не один раз.

Артур снова взглянул на часы: было почти одиннадцать. Елена заканчивала разбирать почту. Настена сделала уроки и теперь то ли рисовала эти свои открытки, то ли опять читалась. Ну, главное, что все-таки здорова, температуры нет.

И еще хорошо, что окна ее комнаты выходят на улицу, а не во двор.

Надо будет, уходя, задернуть шторы, кстати. Вдруг Настена захочет ночью в туалет или воды попить — и случайно увидит... что-нибудь.

Он полистал книгу туда-сюда, зацепился взглядом за картинку, на которой какие-то волны, что ли, пронизыва-

ли человеческий мозг. В подписи речь шла об излучении, но что это за излучение, Артур так и не понял.

Но значит, в принципе такое возможно? Возможно, чтобы какой-нибудь аппарат, замаскированный в подарочной коробке, излучал, а мозг все это дело воспринимал? Вот только насчет «дурных» и «добрых» мыслей — здесь Тихомиров сильно сомневался. Может, дело тут в агрессии? В злости? Ну потому что «добрые» и «дурные» — это ж относительное понятие, да?

Как и «хороший»/«плохой», кстати. Взять того же Кузнечика... или даже Артура вот...

— Все непросто, — пробормотал Тихомиров. — Нет однозначных решений, нет.

Он понял вдруг, что минут пять как погасил настольную лампу. А верхний свет и не включал, так удобней.

Артур поднялся заварить себе еще чаю и встал у окна.

Елка возвышалась посреди двора и была похожа на присыпанный снегом памятник. Или даже нет — на живое существо, реликт прошлых эпох.

В каком-то смысле, подумал Тихомиров, она и есть реликт. Именно прошлых эпох.

— Чего сидишь в темноте?

Он вздрогнул и обернулся.

Елена неслышно прошла по кухне, но лампу включать не стала. Мельком глянула на книжку, потом положила руку ему на пояс, прижалась к плечу.

Засвистел чайник.

— Заварить тебе?..

Не оборачиваясь, она выключила конфорку. С улыбкой покачала головой и кивнула в сторону коридора:

— Настя уже спит.

Тихомиров рассеянно посмотрел в окно — так, совершенно машинально. Во дворе кто-то топтался, двое или трое, и еще что-то угловатое, похожее на грузовичок, ворочалось в арке.

Он отвернулся и с легкой досадой задернул шторы.

— Пойдем, — сказал. И поцеловал жену. — Это хорошо, что спит.

Потом, когда ходил в туалет, по дороге обратно он якобы заглянул за водой и снова посмотрел во двор. Елка была на месте, хотя сугробы вокруг выглядели так, словно в них кто-то валялся.

Или падал туда со всего размаху.

— Слушай, — полусонно сказала Елена, — ты же понял вообще, что происходит?

— М-м?

— С Настеной.

— А что с ней?..

— Девочка взрослеет, Тихомиров, бабда ты этакая.

— И это ты мне говоришь после всего, что... Подожди, в каком смысле взрослеет?

— В том самом. Не дергайся, я ей все объяснила. Хотя почти наверняка она уже и так знала: Интернет, подружки... Сам понимаешь, сейчас с этим проще. А еще, — добавила Елена, — она безнадежно втрескалась в мальчика из параллельного класса.

— Чего ж сразу «безнадежно»?

— Потому что он встречается с ее подружкой, Сушимниковой. Из-за этого они сначала поссорились, теперь помирились, но только знаешь, лучше ей все-таки на Новый год в гости туда не идти.

— А что ты предлагаешь? Чтобы сидела дома, одна?

— Пусть едет с нами на студию. С Дудко я договорюсь, если начнет возмущаться.

— Ну... можно и так. А вот все-таки, знаешь, ты у меня умница!

— Все-таки?! А ну-ка, Тихомиров, руки убрал!..

Когда он снова поднимался и снова как бы между делом заглянул на кухню, елка все еще стояла и двор был пуст. Падал снег, меленький какой-то, желтоватый... а может, показалось в свете фонаря.

Тихомиров поставил чашку возле раковины и вернулся в постель.

Настена хотела на Новый год планшетник. Артур, в принципе, был не в восторге: и так ведь из Интернета не вылезит.

— Можно подумать, ты другой, — сказала Елена. — Не нуди, Тихомиров.

Он пожал плечами и сдался.

— Выберешь модель получше?

В двери уже звонили — явился Зубавин с новой песней. «Специально для тебя, Артур. Я решил не повторяться — кому нужна вторая «Снежинка»?» Говорил он, как всегда: отрывисто, с паузами в самых неожиданных местах. И голову склонял набок совершенно по-птичьи, как будто прислушивался к чему-то. Наверное, к музыке сфер.

Они закрылись в кабинете, Зубавин показал материал — и Артур понял, что песня действительно потрясающая. Он никогда не понимал, отчего совсем непритязательные мелодии и тексты вдруг «выстреливают». Может, успех действительно просчитывается, существуют закономерности — и просто такие, как Зубавин, умеют подсознательно подбирать мелодии с подходящим ритмом.

Артур слушал Зубавина вполуха, то и дело поглядывая в окно. Это стало у него ритуалом. Так некоторые проверяют, не пришла ли эсэмэска, или смотрят на часы. Тихомиров не видел в этом ничего дурного: просто... ну, контроль за происходящим.

Он все чаще думал об излучениях и волнах. О том, что все мы, по сути, сложные механизмы, не больше. И управлять нами можно очень легко и просто, нужно только знать, на какие кнопки нажимать.

Ему казалось, что во дворе стало меньше ворон. Вообще меньше живности, хотя раньше те же синички и воробы так и порхали туда-сюда. В доме напротив, на втором этаже, висела кормушка, зимой туда насыпали семечек, рядом насаживали на вбитый гвоздь кусок сала, и крылатая мелюзга слеталась со всей округи. Совершенно не боялись людей.

А вот теперь куда-то пропали. И дворовую кошку Нюсю — рыжую пушистую оторву, которая однажды на смерть сцепилась с приبلудным кошаком и исполосовала ему всю морду, — ее тоже не было видно.

Хотя, если честно, Тихомиров на нее давно внимания не обращал, может, она пропала намного раньше, до... всего этого.

На улице потеплело, между подтаявшими сугробами чернели лужи, и однажды он заглянул под елку проверить, как там коробка. Бант растрепался и лежал, протянув наружу обе ленты, — словно щупальца глубоководного кальмара. На кончиках чернела грязь, но сама коробка осталась чистой. Вообще-то Артуру казалось, что она стала больше, что ли... Нависавшая над ней ветка раньше не упиралась в угол коробки, это точно. Хотя, наверное, просто снег давил, вот ветка и прогнулась.

Тихомирову безумно интересно было посмотреть на то, как именно отгоняет коробка посторонних. Тот случай с дворняжкой... это другое, говорил он себе, там ведь, по сути, ничего и не произошло.

Теперь он нарочно старался пройти поближе к елке. Даже радовался, что в который раз мусоропровод забит и нужно выносить ведро к контейнерам, во двор.

Увы, сам он не испытывал никаких признаков внешнего воздействия, вообще ничего. То есть самую малость покалывало кожу ладоней и по спине как будто пером проводили, сверху донизу, едва касаясь, — но все эти ощущения были настолько призрачными, что Артур сомневался: может, он их сам себе нафантазировал?

Утром он выносил мусор и бросил под елку подсохший кусочек хлеба. Так уж совпало, что ехать сегодня никуда не нужно, вот встреча с Зубавиным, а потом до вечера день свободный. Тихомиров выглядывал в окно чаще обычного — без толку. На хлеб ни одна птица не позарилась.

— Так что ты скажешь?

— Прости? — Артур повернулся к Зубавину. Тот гля-

дел на него с легким изумлением, все так же склонив голову на бок.

— Ты кого-то ждешь, Тихомиров?

— Да нет, кого я могу ждать.

Зубавин пожал плечами:

— Ну ладно. Наверное, сегодня неудачный день — давай в другой раз поговорим, да?

— Э-э-э... Ну, если тебе это удобно, то конечно... Прости, что так. Голова забита черт знает чем. Совсем не варит.

Он снова оглянулся — и увидел, как на одной из верхних ветвей покачивается длиннохвостая, наглая сорока. А вот уже спрыгнула ниже, и еще ниже. Явно нацелившись туда, где лежит хлеб.

— Так ты проводишь меня, до дверей-то?

— А? Да, конечно, пойдём. Ты понимаешь, песня отличная... просто... ну, пару дней подумать бы. Может, докрутить еще, дожать... я не знаю... с аранжировками поиграться...

— Ясно, — сказал Зубавин. — С аранжировками, конечно. Как же я сразу не сообразил. Ну, бывай, Тихомиров.

— Пока! С наступающими!

Он захлопнул дверь и... на кухне же Елена, значит, надо обратно в кабинет, — он метнулся по коридору.

— Артур, ну что там?

— А?

— Чего он так быстро ушел? Вы обо всем договорились?

— Да как-то сегодня... — Тихомиров махнул рукой. — Перенесли.

— На когда?

— Ну что значит «на когда»? Созвонимся после праздников, он подъедет.

— Тихомиров, ты чего? Он же за городом живет, ему сюда выбираться, тем более по такой погоде... Песня-то хорошая?

— Шикарная, Лен, правда. Извини, я на минуточку... А ты куда собралась?

— Тихомиров, ты помнишь вообще, о чем мы только что, до Зубавина, говорили? За подарками. Дверь закроешь?

— А, ну да... конечно, закрою!

Он подал пальто, защелкнул замок и рванул на кухню. Чуть не навернулся на скользком паркете.

Во дворе было пусто. Ни сороки, ни — он пригляделся — хлеба под елкой. Потом появилась Елена. Спокойно так прошла мимо елки к машине, села, выехала со двора...

Он понял, что какое-то уже время стоит, сжав кулаки и уставившись вниз, туда, где ветки пригибались к самой земле. Потом заставил себя разжать пальцы и отойти.

Но уже в кабинете, когда сел разбирать почту, после каждого прочитанного мейла поворачивался к окну.

А то и чаще.

8

Уже тридцатого он понял две вещи. Во-первых, у него действительно мания. Он взрослый человек, и нечего себя душить. Да, он смотрит в окно чаще, чем следует. И думает о коробке под елкой, только о ней одной.

Это, наверное, как-то связано с переутомлением. Все-таки последний месяц был насыщенным. Тяжелым был, чего уж тут.

Да это, понимал он, и не важно. Потому что — во-вторых — еще неделя-две, и праздники закончатся. Игрушки надо будет снимать, верно?

И вот когда Артур сообразил это, на какой-то короткий миг ему стало по-настоящему страшно.

Механизм — он механизм и есть: простые реакции на простые раздражители. Даже если речь идет об излучениях и волнах. Как отреагирует эта штукавина на попытку снять с елки игрушки? Они вообще учили такой вариант, программисты, создатели, кто там этим занимался?

Он мысленно сделал себе пометку, что нужно поискать инструкцию, наверняка ведь курьер вместе с коробкой

доставил, Артуру казалось, он даже помнит, как выглядела эта книжечка. А если не найдет, можно позвонить в офис фирмы-производителя и все уточнить. Да господи! — затребовать, чтобы прислали своего спеца и демонтировали на фиг устройство. Ну заплатить им дополнительно, это не проблема.

Тридцать первого днем, когда выпала свободная минутка, он полез в комп искать сайт, с которого оформлял заказ. Найти не смог — по линку выбрасывало на страницу с наглой кроличьей мордой и надписью «Ошибка».

— Па, ты во сколько будешь пить?

— А? Не знаю, надо у Лены спросить. А ты почему вообще дома? Ты же собиралась праздновать у... э-э-э... ну... в гостях же.

Настена странно так на него посмотрела:

— Я ведь позавчера тебе говорила. Я дома остаюсь. Так лучше будет. — Лицо у нее изменилось, и Тихомиров с изумлением понял, что дочка-то повзрослела, на самом деле повзрослела. — Ты сам всегда говорил: «Не нужно цепляться за то, что уже в прошлом».

Он машинально кивнул.

— Ну вот. Поэтому я так решила. И Лена согласна, кстати.

— Ладно... как знаешь. С нами не хочешь?

Она помотала головой:

— Лучше скорей возвращайтесь, хорошо?

— Заметано, малыш. — Артур глянул на часы и вскочил: — Ох ты ж!.. Лен, мы опаздываем!

— А ты разве не одет?! — Елена заглянула в комнату и покачала головой. — Слушай, Тихомиров, это саботаж. Давай в темпе, я же тебе полчаса назад говорила, что пора выдвигаться, горе ты мое. Насть, пойдем пока на два слова, дадим ему шанс исправиться.

Одевался он буквально на ходу. Успел еще вырубить ноут и проверить, нет ли эсэмэсок на мобильном. В последние дни отчего-то ждал, что вот-вот объявится Куз-

нечик, но тот, видимо, решил не связываться. Или нашел себе другую елку. Или еще что-нибудь...

В окно, пока собирался, выглянул раза три, от силы пять. Елка стояла недвижимая и прямая, как монумент. Снова начал падать снег, подмораживало. Когда выходили, Артур подал Елене руку и держал, навернуться тут было на раз, дворники чистили от случая к случаю.

— После эфира, — сказала она, — давай возьмем Настену и спустимся к елке.

Артур улыбнулся:

— Будем водить хороводы?

— Поднимем бокалы, а там... да хоть и в снежки поиграем. Праздник же, Тихомиров, праздник!

Он кивнул, снял машину с сигнализации и распахнул перед Еленой дверцу.

— Но игрушки, — сказал, — я завтра-послезавтра сниму. Все равно по такой погоде половина из них превратилась в мусор.

Она как-то странно посмотрела ему за спину — Тихомиров машинально обернулся туда, но ничего не увидел. Только с одной из веток с легким шорохом осыпалась шапка снега.

— И на этом, — сказал он скорее самому себе, — закончим.

9

В павильоне все уже были в настроении. Помрежи пытались уговорить народного артиста Брунько, который, в свою очередь, порывался проникнуть на съёмочную и поздравить «Любих глядачів з новим, дві тишч... сч... ич...» К счастью, рвался Брунько не туда, где работали над «Огоньком», а в соседний павильон; в конце концов решили, что проще пустить. И запереть. Из коридора слышно было, как он уныло бродит во тьме и время от времени роняет себя в декорации. Помрежи смеялись: все равно после праздников разбить. А сам народный наутро ничего не вспомнит.

— Ему же еще выступать, — удивился Артур.

Пробегавший мимо Горехин отмахнулся:

— Вот как раз проспится. А если себя офингалит, так девочки ему сделают грим. Все будет в ажуре, Тихомиров, ты за него не беспо... А, Лен? Ну ладно, хорошо, на минутку...

Елена аккуратно взяла его под руку и увела куда-то. Горехин знал их обоих слишком давно, чтобы возражать. Проще сразу ответить на все Еленины вопросы; сопротивление бесполезно.

— Артур Геннадьевич, а вы еще не в гримерке? — одна из ассистенток едва в обморок не хлопнулась.

Гримерку ему выделили одну на двоих с Позолотовым. Тот уже был при параде. Мурлыкал какую-то мелодийку и сцеживал из фляжки в пластиковый стаканчик, как бы не из-под лекарства, коньячок.

— О, Тихомиров! Будешь?

— Не откажусь.

— Держи, а то пока они там накроют... Девонька, а можно ножичек какой-нибудь? У меня тут, — подмигнул он, — трошки сыра, колбаски. Так, для закусить исключительно.

Пока Тихомирову придавали товарный вид, Позолотов нарезал и продолжал мурлыкать.

— Знакомая мелодия, — заметил Артур.

— Вряд ли, брат, вряд ли. Это новая вещь, нигде не за-свеченная. Зубавин твой специально для меня написал. Думаю, будет хит. Вот крутой он все-таки мужик, этот Зубавин: с чистого листа шпарит так, что не придерешься, никакие доработки не нужны. Раз — и готово! Но ты не думай, эта вещь явно мимо тебя, правильно он сделал, что мне принес. Не твое, Тихомиров, ампула. Так, держика, — он поставил под зеркалом на столе стопочку, рядом на листе бумаги пристроил несколько ломтиков колбасы и соленого сыра. — Ну, с новым счастьем! Вздрогнули! Тебе, милая, пока не предлагаю, рука вам нужна твердая, глаз точный. Но мы ж наверстаем, да?

Он подмигнул и приобнял, ассистентка зарделась, но руку заслуженного сбрасывать с плечика не рискнула.

— Все, — сказала. — Готово, Артур Геннадьевич.

Тихомиров поблагодарил ее, сказал Позолотову, что должен пройтись, и выскользнул в коридор — искать Елену. Хотя теперь-то — зачем? Раньше надо было думать, ясно же, что даже если Зубавин договор еще не подписал, песню он не вернет. С Позолотовым ссориться — себе дороже.

Но все равно Елене нужно быть в курсе. Вдруг она обещает кому-нибудь золотые горы — тому же Горехину. А, вот кстати...

— Подожди, Димыч, не беги так. Где Елена?

— Да уехала твоя Елена. Что вы сегодня все намаханные, блин? Ты ей чего, про подарок растрепал?

— Какой подарок?

— Ну про фирму эту, «Радопан». Весь мозг мне проела. Как будто я виноват!

— Спокойно, Димыч, давай по порядку. Что за фирма?

— Ну фирма, наша, представительство китайской. Ленка твоя еще пару дней назад мне звонила, спрашивала, что да как. Я пытался выяснить, а тут и... В общем, совпало нехорошо. А фирма — что. Закрылось, конечно. Эти китайцы с их суперсовременными технологиями... за ними нужен глаз да глаз. Проблемы с товаром. Пломбы ненадежные или что. Говорят, в розыске. Ну, те, которые здесь торговали.

— А чего Елена этим интересовалась?

— Так я ж говорю, — пожал плечами Горехин, — видимо, узнала откуда-то. Хотя про Извольского мало кто в курсе.

— Извольский тут при чем?

— У тебя память дырявая, Тихомиров? Извольский же себе точно такой прибор заказывал, на дачу. Ну, помнишь, я говорил? Так пять дней назад... или уже шесть? — в общем, сгорела на фиг дача. А сначала-то он был доволен. Раньше к нему через забор постоянно кто-то лазил, тыри-

ли там по мелочи. Ну, не капкан же на них ставить. И вот я ему достал, через знакомых. Работало безотказно, отличная техника. И не похоже, чтобы коротнуло. — Горехин помотал головой. — Я узнавал — бред какой-то. Вроде бы на месте пожарища, значит, обнаружены два трупа. — Он как будто с бумажки читал, по памяти, даже глаза прикрыл. — Один — собачий. (Была у Извольского собака, все правильно.) Второй — вроде как самого Извольского. Обгорел не сильно, говорят, умер от удушения. В смысле, не от угарных газов — действительно задушили его. Подарочной ленточкой, она вокруг горла была обмотана.

— Значит, — сказал Тихомиров рассеянно, — это уже после пожара. Если ленточка не сгорела.

— Да вот нет. Эти китайцы... у них, блин, все сверхпрочное. Там другое странно... — Он снова помотал головой, вздохнул: — Слушай, Геннадьич, давай об этом потом как-нибудь. Меня Дудко ждет, я через полчасаика тебя сам найду, лады?

Тихомиров стоял, качаясь с пятки на носок и глядя ему вслед. Затем словно очнулся от сна, выудил из кармана мобильный и набрал Елену.

Связь была, и гудки шли, длинные, один за одним. Затем на автомате сбросилось.

Он набрал снова. Шагал туда-сюда по коридору, машинально кивал приятелям.

Раз на пятый, что ли, вдруг в другом кармане зазвонил айфон — Артур от неожиданности едва не выронил мобильник.

Это была Настена, по скайпу.

— Па-а-а! Ты меня простишь?

— Да куда ж я денусь? — сказал он рассеянно. — Уже простил. Признавайся.

— Ну, я не вытерпела. Лена сказала, где лежит подарок, и я... Па, это здорово! Четвертый айпад — это просто отпад! Вот, я уже, видишь, осваиваю.

— Лена? А ты с ней давно разговаривала?

— Так дома, пока ты собирался. Привет ей передавай!

— Обязательно, ага. Ну... а ты как там вообще? Жива-здорова?

Настена пожалала плечами:

— В смысле? Перекусила, вот с подарком разбираюсь. А тут сюрприз. Я не открывала, честно. Ну, до двенадцати не буду.

— Вот и славно. Я тогда... — Он сделал рукой неопределенный жест. — Еще перезвоню тебе. Пока.

Он снова набрал Елену — и с тем же результатом. Тогда Артур прошел в соседнее крыло и выглянул на стоянку. Их машины не было, вместо нее стоял заляпанный грязью трактор.

— И что же все это должно означать? — спросил самого себя Тихомиров.

Он почему-то вдруг вспомнил о Кузнечике, как тот смотрел вдумчивым своим взглядом, пожимал плечами...

Да нет, сказал себе, ну просидел я в примерке минут пятнадцать, за это время Елена еще до дому могла и не доехать, да-да, конечно, она еще просто не доехала... Хотя зачем бы ей вообще?..

Где-то на лестничной площадке смеялись и звенели бокалами, бахнула хлопущка.

Тихомиров пошел обратно, хмурясь и пытаясь сообразить, о чем он мог забыть. Ну, кроме очевидного: что скоро на съёмочную.

По дороге снова наткнулся на Горехина: тот с ошалелым взглядом заглядывал в примерки и вопрошал, не знает ли кто, куда делся Брунько. Склеротик.

— Эй, Димыч, — позвал Тихомиров. — Ну-ка, на пару слов.

Горехин замахал на него руками и скорчил рожу.

— Я знаю, где твой Брунько.

— И?!

— Услуга за услугу. Ну-ка, давай в подробностях о том, что ты говорил Елене. Какие такие странности были на даче Извольского?

— Фу ты, Геннадьич, нашел время, блин! — Горехин

увернулся, пропуская двух осветителей. Те тащили куда-то «пушку» и вполголоса матерились. — Да вообще там ничего конкретного, чтобы ты знал. Слухи одни. Вроде как обнаружили рядом с телом Извольского каркас. Такой... мне толком не сказали, из чего. Они, может, и сами не знают. И в нем — в каркасе этом обгорелом — вроде как странный комок. Типа мешка — ну, ткань органическая, но сверхплотная. Внутри тоже... органика. Вперемешку с кусками механизма какого-то. Теперь пытаются выяснить, кто из гостей подкинул эту штуковину и зачем ее потом пытались сжечь. А главное — куда сами гости делись? У него там накануне вечеринка была — с женой, с братаном его, еще с кем-то. Человек шесть или семь гостей. Машины во дворе стоят, а сами пропали.

— И какие версии? — медленно спросил Тихомиров.

— Да какие... Ужрались до чертиков, случайно устроили пожар. Виновники сбежали.

— Без машин.

— И даже без верхней одежды. Ладно, Тихомиров, все, колись, где Василь Василич, иначе меня Дудко распнет!

В этот самый момент дверь павильона хрустнула и отворилась, из черных недр явился народный артист собственной персоной — изрядно, разумеется, помятой — и возопил:

— Ыглять!

Горехин ринулся к нему с распростертыми — и успел перехватить обрушающегося Брунько за пару секунд до, собственно, обрушения. Далее последовали вполне ожидаемые скандал с воплями. Постепенно подтягивались наблюдатели, все от души развлекались и давали добрые советы.

Тихомиров стоял чуть в сторонке, машинально улыбался и все слушал, слушал, слушал длинные гудки.

— Кто-нибудь, — шипел Горехин, — позовите гримеров и... блин, медсестру, что ли, его же в таком виде нельзя! Кто вообще устроил такой сюрприз, мать вашу так?! Кому в голову пришло...

★ Артур потер свободной рукой лицо. На лбу выступили капельки пота, хотя в коридоре жарко не было, даже скорей наоборот.

Он потянулся за айфоном и набрал Настену.

— Па? Ну что, когда ты будешь петь? А то я тут рядом с теликом полвечера...

— Подожди, не тараторь. Что ты про сюрприз говорила, который до двенадцати не будешь открывать? Если айпад ты уже осваиваешь...

— Ну курьер же принес. Только под дверью зачем-то оставил. Я никуда не выходила, не спала, телик громко не включала. Думала, у нас звонок не работает — но нет, я проверила потом, когда забирала... В общем — и ладно, какая разница. Наверное, у него сейчас заказов много, не мог ждать. А я услышала звонок и...

— У кого много заказов? Какой звонок?!

— Ну чего кричишь? У курьера. Который принес второй подарок. Да я тебе сейчас покажу...

Настена пристроила айпад в передней, на тумбочке под зеркалом, и исчезла из поля зрения.

Артур машинально потянулся в карман за мобильным и еще раз набрал номер Елены. Это было нервное, просто не мог стоять и ждать.

Руки тряслись.

— О! — крикнула Настена откуда-то издалека. — Слышишь? Опять! Вот вы смешные! Ну зачем мне еще одна мобилка, па? Уф, а тяжеленный какой! Но я все равно не буду открывать до двенадцати, так и знай! Совсем неподъемный, — сказала Настена, снова появившись на экране. — Вот я балда, нет чтобы айпадом тебе показать.

Тихомирова как что-то под руку толкнуло: он резко сбросил звонок на мобильном.

Знакомый рингтон там, за спиной у дочки, оборвался.

В этот момент из гримерки вышел уже «хороший» Позолотов в сопровождении одного из помрежей. Неодобрительно глянул на кучу-малу вокруг Брунько, поджал губы. Потом заметил Тихомирова и кивнул:

— А, коллега. Нас тут на сцену, массовка под час чэ, сразу после того, как отхрюкает свое гарант. Давай, потом договоришь.

— Ну наконец-то! — подхватил помреж. — Артур Геннадьич, я вас обыскался! Хорошо, мне вот Николай Игнатъич...

— Ладно, па, — сказала Настена, — я тебе еще потом позвоню, ага?

— Нет! — Он увернулся от помрежа, оттолкнул его. — Стой! Не отключайся!

— Да что на тебя нашло?! — благодушно хохотнул Позолотов.

— Не отключайся, слышишь?! — Артур плечом отодвинул его в сторону, ввалился в пустую гримерку и запер дверь изнутри. Зачем-то еще приставил к ней стул.

— Я занят! — рывкнул. — Нет, милая, я не тебе. Ты здесь?

— Да-да... Па, что там происходит? Я правда потом перезвоню.

— Ничего не...

Где-то далеко в телевизоре пробило двенадцать. В соседней студии радостно закричали, хлопнула пробка.

— Ой, — сказала Настена. Она обернулась и посмотрела куда-то вбок. В сторону входной двери.

Именно туда она ходила, когда пыталась показать Тихомирову «сюрприз». Тяжелый сюрприз, который доставил неизвестный курьер. Сюрприз, внутри которого лежит мобильный Елены.

Если — только мобильный.

— Ой, пап, — сказала Настена. — Па-а-ап!..

Тихомиров прислонился к столу. В дверь гримерки стучали, грозились позвать охрану. Потом Позолотов фыркнул:

— Да пошел он в жопу. Что мы, сами не отсняемся? А с этим пусть Дудко разбирается, у вас же контракт?..

Помреж что-то вякнул.

— Ну вот, — сказал Позолотов, — попадет в черные

★ — списки на всех каналах, тогда и запоет по-другому. — Он хмыкнул и зашагал прочь.

Артур стоял, спокойный и бледный. Не мог оторвать глаз от экранчика, даже положил айфон на стол, потому что руки-то слегка дрожали... сердце билось ровно, а руки дрожали.

Внутри поднимался, прорастал тот, другой Тихомиров. Тот, который на самом деле жил за него последний месяц.

А может, и дольше. Может, последние несколько лет.

Лот, который оглянулся... который всегда оглядывался. Не из сочувствия — из холодного, восторженного любопытства.

На микронную долю секунды этот другой Тихомиров подумал о том, что сейчас все узнает наверняка. Сейчас — увидит.

Краем глаза Артур заметил в зеркале его лицо — чужое, омертвевшее, с дряблой кожей и мешками под глазами. Оно тотчас вздрогнуло и почти сразу изменилось, стало похоже на привычное, прежнее.

Все это заняло не больше мгновения — как и то, что Артур сделал после. Он уперся левой рукой в стол, а правой схватил ножичек, оставленный Позолотовым, и резко, словно врач, вкалывающий антибиотик, ударил острием по кисти. Вогнал лезвие между указательным и большим.

Пальцы судорожно дернулись и царапнули по дереву.

— Па... — одними губами шепнула Настена. — Ты там? Это что вообще?..

На экран она не смотрела — не спускала глаз с того, что лежало у входной двери.

Боль была вялая, почти неощутимая. В отличие от стыда.

Но сейчас, подумал он, у меня нет времени ни на стыд, ни даже на отвращение к себе. Даже на то, чтобы плакать о Елене.

Времени у меня вообще нет.

Давай, приходи в чувство. Думай, твою мать.

— Малыш, — позвал он. — Настена. Ты сейчас вот что. Слушай меня очень внимательно, хорошо? Главное — не бойся, нельзя бояться.

Он не знал, что там происходит, мог только догадываться. Не имеет значения, как коробка оказалась под дверьми квартиры. Если это... если она ведет себя так, как он предполагает, значит, Елена обнаружила ее первой. Уже знала о случае с таким же аппаратом у Извольского и была агрессивно настроена к «подарочку». А тот отреагировал соответственно.

Все-таки, удивился он, неужели эта тварь научилась передвигаться? Неужели из-под елки сама... но почему именно на четвертый этаж, почему — к дверям тихомировской квартиры? А может, это все-таки дело рук Кузнечика?

И тут же — дернул за рукоятку ножа. Так, несильно. Просто чтобы прочистить мозги и не думать о второстепенном.

«Думать». Да, это был ключ ко всему.

— Послушай, — сказал он, — постарайся вспомнить что-нибудь приятное. Праздничное. Связанное с елкой, с по...

Едва не сказал «с подарками», — но если там сейчас перед ней эта хрень с бантом... нет, лучше...

— Вспомни о том, как мы раньше праздновали Новый год. С мамой. Тебе же всегда это нравилось.

Он не видел сейчас ее лица, но по интонациям понял, насколько она сбита с толку:

— Пап... Это обязательно? Я просто... ну... я уже плохо что помню, если честно. Ты же сам...

Он провел правой ладонью по лицу.

— Хорошо, — сказал, — просто поиграем в игру. Я буду говорить, а ты — не вспоминать, а воображать. Мы с тобой всегда начинали украшать елку в середине декабря, мама на выходные доставала с антресолей ящики с игрушками, мы протирали их...

Он говорил и понимал, что все впустую. Он и сам уже

ничего или почти ничего не помнил, прошлое стало набором черно-желтых фотографий. Чужих карточек.

— Па, — шепнула Настена, — оно все-таки движется. Медленно так... бант этот... Кажется, не срабатывает, па...

Вспоминай, оскалился он на себя в зеркале. Взгляд был злой, верхняя губа подрагивала. Вспоминай, засранец!

Он дернул за нож — не вбок, а вверх, вытащил лезвие, и сразу же из раны хлынула кровь, и одновременно — он как будто услышал знакомый голос, увидел, как Алена берет йод и щедро льет на рану, и говорит встревоженно: «Ну печет-то хоть, Тихомиров? Жить будешь?»

— Родинка, — сказал он. — Малыш, помнишь ее родинку, здесь под ключицей? И как она смеялась, чуть наклоня голову к плечу? И эту ее присказку, насчет «никогда не бывает слишком поздно, чтобы успеть»? А игрушки — мы же их вешали в строгой очередности, помнишь? Сперва доставали верхушку, в виде старинных курантов. Белых таких, с черными стрелками и алыми цифрами.

— Мне дали их протереть, а я не удержала, но они не разбились. А я... я перепугалась тогда. Сама не знаю, почему. Знала, что вы не будете ругать...

— Так все и было. А еще гирлянды — бумажные, в виде бабочек. А теперь, малыш, делай маленький шагок назад и продолжай думать о гирляндах. И еще были хлопучки, ты всегда думала, что в них что-то есть, и однажды расковыряла самую большую, проверить. И потом вы с мамой ее чинили. Делай шагок назад. Заклеивали цветной бумагой и раскрашивали фломастерами.

— А когда били настоящие куранты, ты обнимал маму и целовал. Ровно столько раз, сколько они били. Это было так смешно!

— ...И еще шагок. А ты прыгала вокруг и требовала, чтобы мы тебя тоже целовали. И бросалась снежками... Не оглядывайся, просто скажи: далеко до двери?

— Я почти рядом.

— Вспоминай и слушай. А в школу ты одевалась доброй феей и потом бегала по дому с этой своей волшеб-

ной палочкой и касалась всего подряд, и мы делали вид, что табурет превратился в барашка, а зеркало — в окно, за которым — волшебный мир. Ты выйдешь в коридор, малыш, и закроешь за собой дверь из прихожей, быстро и крепко, и придвинешь с той стороны стул, принесешь из кухни. Потом запрешься у себя в комнате, к двери поставишь что-нибудь тяжелое, лучше всего кровать. И будешь меня ждать. А потом в школе ты получила первую премию за самый лучший костюм и самую лучшую роль, и так разволновалась, что затемпературила. И мы встречали тогда Новый год дома, возле окна. Забудь про айпад, не трогай его, просто выйдешь за дверь и сделаешь, как я скажу. Я минутки три буду занят — мне надо будет одеться и взять ключи от машины, а потом я тебе перезвоню, когда буду ехать. Все будет хорошо, малыш. Все будет хорошо...

Он говорил с ней, а сам уже вытирал с руки кровь, плеснул на рану из стаканчика позолоты опивки, прервался, потому что все-таки дыхание перехватило, но сразу же продолжил («и вот мы тогда еще нацепили эти дурацкие маски...»), кое-как перевязал руку носовым платком, набросил на плечи пальто, в последний момент догадался прихватить шарф и понадежней обмотал шею; теперь, думал он, ключи — лучше всего позаимствовать у того же Позолотова или у Горехина, дороги сейчас пустые, домчусь, а там уже по ситуации; и вот еще — отзвониться участковому, только правду не говорить, сказать, что воры залезли, это нормально, поверит, и огонь, тварь эта боится огня, ну, обеспечим; только бы успеть, только бы, думал он, успеть и не облажаться, времени совсем в обрез, но не может же быть, чтобы я после всего опоздал, никогда не бывает слишком поздно, шептал он дрожащим голосом, никогда, никогда, никогда, никогда...

КУКОЛЬНИК ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ

Некабрь 1940 года в Таллине выдался на редкость солнечным — во всяком случае, для капитана Николаева. Несмотря на то что служба занимала двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки, он, родившийся и выросший в орловской деревеньке, был в восторге от города, от его узеньких кривых улиц, старых домов, которые выглядели лучше новых, от ощущения опрятности и чистоты, от запахов кофе и сдобы. В редкие свободные часы, гуляя по городу, он чувствовал себя рыцарем, освободившим сказочное королевство от злобного дракона.

К приезду высокого начальника из Москвы Николаев подготовился настолько хорошо, насколько это возможно: привел в образцовый порядок служебные дела, зарезервировал лучший номер в гостинице. Оставалось одно — найти подарок. Оно, конечно, служебные отношения не должны пачкаться подношениями, но личный дар от всего сердца еще никогда и никому не вредил. Тем более если подарок будет сделан не самому начальнику, а его семилетней дочке, в которой начальник души не чаял.

Подарок Николаев подобрал безупречный: куклу. Но не простенькую, из папье-маше или целлулоида, а ту, что сама по себе является произведением искусства и стоит преизрядно. На знатока кукла. А что начальник оценит подарок у знатоков, Николаев не сомневался.

Куклу — большую, с трехлетнего ребенка, — сделал старый кукольник Франц, живущий в предместье Таллина, Кадриорге. Он, этнический немец, не спешил уезжать в фатерлянд, говоря, что там вряд ли сейчас ин-

тересуются куклами. Кукольник проходил по одному из дел, расследованных капитаном Николаевым, и был оставлен «на карандаше», но зато и на свободе

Кукла не только была потрясающе красива — она умела говорить «Ах, мутгер!» и выводить перышком «С Рождеством Христовым!» на осьмушке листа, после чего посыпать написанное песочком из кукольной песочницы. Франц утверждал, что при надлежащем уходе кукла будет жить (он так и сказал «будет жить») сто лет и больше. В его собственной коллекции когда-то были куклы времен реформаторских войн, но нужда заставила распродать их.

Получив куклу, Николаев попросил мастера открыть корпус и осторожно и тщательно осмотрел ее: мало ли, вдруг внутри адская машинка. Но там были лишь шестеренки, пружинки и прочая машинерия. Успокоенный, капитан положил куклу в футляр, который тоже был произведением искусства: снаружи красное дерево, внутри черный бархат, а петли, уголки и рукоятки из фигурной бронзы. Домой футляр он вез на коленях и сам, не доверяя шоферу, занес его в квартиру, где и положил в углу за столом кабинета. Прежде тут жил какой-то профессор-националист, и мебель после него осталась реакционная — прочная и тяжелая, так что никакая случайность подарку не грозила.

Ночью сквозь сон — капитан засыпал скверно и потому взял в привычку принимать на ночь стакан другой водки — ему слышались легкие шаги, шелест бумаг, стук упавшей ручки. Он вышел из спальни и заглянул в кабинет. За столом находилась кукла! Она спокойно взглянула на капитана, в ее стеклянных глазах, сделанных с высочайшей степенью достоверности, вспыхнул красный огонек, и Николаев погрузился в новый сон. Новый — потому что поутру, припомнив случившееся, капитан пришел к выводу, что все ему, разумеется, пригрезилось. И как иначе — кукла ведь по-прежнему пребывала в футляре, а папки с делами были по-прежнему

заперты в специальном ящике-сейфе письменного стола. Просто эстонская водка русской голове непривычна, вот и мерещится всякое. Объяснение рациональное и потому верное.

Начальство приемом осталось довольно, осталось довольно и подарками.

Служба шла своим чередом.

Спустя два года начальник Николаева был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Улики казались неопровержимые, и оборотень понес заслуженную кару. Превратности карьеры привели к тому, что Николаев контролировал дело. Внимание его привлекли следующие детали: бывший начальник обвинялся в том, что передавал важнейшие сведения резиденту немецкой разведки. Сначала он категорически отрицал свою вину. Тогда были предъявлены доказательства: копии важнейших документов, посланные резиденту обычным письмом и перехваченные бдительным цензором. Пишущая машинка, на которой была отпечатана копия, была идентична той, что находилась в домашнем кабинете начальника — об этом с уверенностью заявляла экспертиза.

Но Николаева заинтересовало другое: показания Лели П., дочки начальника. Леля утверждала, что письма эти печатала кукла, она же помещала их в конверты и приказывала девочке бросать их в почтовый ящик. Девочка не смела послушаться куклу, которую и любила, и побаивалась.

Разумеется, ее показания не были приняты во внимание: мало ли что скажет девчонка-первоклассница.

Но Николаев (к тому времени он был переведен в Москву) не поленился посетить детский дом, в который после процесса поместили Лелю. Та подтвердила свои показания. По ее словам, кукла в отсутствие взрослых разговаривала, ходила по комнатам, заходила в папин кабинет, смотрела бумаги и печатала на машинке. Леля пыталась рассказать об этом родителям, но те отнеслись к ее словам как к вздорной фантазии.

Николаев попытался отыскать следы куклы. Кукла, как и прочее конфискованное имущество, поступила в спецмагазин, где и была приобретена в семью ответственного работника Генштаба Р. для шестилетней дочери Татьяны.

Работник Генштаба был недосыгаем для Николаева, но он сумел встретиться с Таней, которая гуляла с нянькою на бульваре, встретиться и поговорить о куклах. Подсев на скамеечку, он сказал, что у его дочери Нины есть кукла, умеющая говорить «Мама» и закрывать глаза. Подумаешь, ответила девочка, вот у нее есть кукла Марта, так она и разговаривает, и ходит, и даже пишет письма. Вот ей, Тане, кукла велела купить конверт и отправить письмо в волшебную кукольную страну.

Николаев собственноручно купил Тане конверт.

Остальное было делом простым: на следующий день из почтового ящика достали помеченный конверт. Красивым почерком в письме сообщалось о быте различных родственников, родственников, которых у военачальника не было никогда. Заподозрили, что это — кодированные имена. Проверили адресат: им оказалась старушка швея, перешивавшая старую одежду. Установили наблюдение. Оказалось, что к старушке ходят люди разные, в том числе и весьма интересные для ведомства Николаева, а в домике, где жила старушка, был запеленгован радиопередатчик, появлявшийся в эфире нерегулярно и лишь на очень короткое время. Если бы не пристальное наблюдение за домиком, найти передатчик обычными средствами было бы крайне затруднительно.

В результате оперативных мероприятий была раскрыта немецкая резидентура, готовящая покушение на Верховного Главнокомандующего!

После проведения арестов членов террористической группы, включая генерала Р., Николаев изъял куклу и поручил разобраться с нею музейному работнику, искуснейшему механику и знатоку Средневековья. Увы,

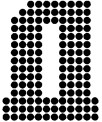
по непостижимому стечению обстоятельств автомобиль, в котором перевозили куклу, попал в аварию. Водитель и сопровождающее лицо погибли.

Когда на место происшествия прибыли компетентные сотрудники, куклы в салоне автомобиля не оказалось. По всей видимости, кто-то из несознательных прохожих, воспользовавшись суматохой, взял куклу из столкнувшегося с грузовиком автомобиля.

Розыскные мероприятия успеха не принесли...

ВРЕМЯ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА

 илижанс появляется на горизонте. Главное событие недели — вести извне. Иногда дилижанс не доезжает: его грабят, пассажиров убивают или бросают в прерии. Это примерно одно и то же. Тогда приходится ждать дольше, так как новый дилижанс появляется не раньше чем через месяц.

Поднимается пыль. Я стою у крайнего дома и смотрю на приближающийся экипаж. Жители постепенно скапливаются. Они покидают дома с надеждой, что сегодня что-нибудь изменится. Что в каком-то из писем будут жизнеутверждающие новости. К примеру, к нам строят железную дорогу. Или нас решил посетить шериф. Впрочем, какой шериф. Ему добираться — пятьсот миль.

Джек Бонд объявился в городе семнадцать дней назад. Он приехал с востока на собственной лошади, у него с собой было полфляги воды, два кольта и неотразимая улыбка. В его глазах светилось то, чего не хватало в наших: жизнь. Он спешился, зашел в салун и попросил пива. Пиво Бак варит сам. Хорошее пиво, не думаю, что где-нибудь еще есть такое.

Джек Бонд сидел у стойки и провожал глазами Китти, дочку старика Картера. Картеру — за шестьдесят, а девочке — семнадцать. У нее ладная фигурка, грудь под блузкой вздымается привлекательно, волосы черные, ниже пояса.

То есть были. Была фигурка, были волосы.

Бонд прожил в городе три дня. А затем сел на лошадь и уехал. Ночью. И забрал с собой Китти. Она оставила Картеру записку: мол, захотела уехать сама, не желаю прозябать в этой дыре, Джек увозит меня в город. Буду писать, все в порядке. Наивная глупышка.

Но вернусь к дилижансу. Он останавливается. Кучер сползает вниз. Это Дженги, молодой парень, решившийся на такую работу из-за неплохих, в общем, денег. Он приезжает всего в четвертый раз, но его уже любят. Он заботлив, письма раздает лично, всегда спрашивает, не надо ли кому что привезти из большого города, и ведь привозит. Но сегодня он мрачен.

— Привет, Дженги! — говорит Систей.

Систей — это начальник нашей полиции. То есть единственный носитель закона в городе. Он не именуется шерифом: шериф в пятистах милях. Систей — вроде местного представителя. Ему около пятидесяти, но он подтянут и силен. Только стреляет плоховато из-за зрения. Он справедлив. Когда у жителей возникают конфликты и ссоры, они идут к Систею, и он всегда находит верное решение.

— Привет.

Дженги, подбоченясь, стоит у дилижанса.

— У меня тут невеселый груз.

Толпа обступает его.

В городе около двухсот жителей, даже больше. Для такой дыры — достаточно. Зато у нас есть море.

Дженги забирается на крышу дилижанса и аккуратно начинает спускать большой сверток из тряпья. Это человеческое тело, запеленатое в тряпки и простыни. Систей и Бык принимают груз. Бык — двухметрового роста, туповатый, но очень добрый и отзывчивый. Его все любят. Он всегда помогает с тяжелыми работами.

Тело кладут на землю. Систей разворачивает тряпки.

Это Джек Бонд. Его еще можно узнать, хотя лицо покрыто пятнами разложения. Старик Картер поднимает голову и смотрит на Дженги. Когда Дженги начинает спускать второе тело, старик Картер падает на колени и плачет.

Берта Хоспейна поначалу никто не замечает. Они разворачивают второй сверток, смотрят на обезображенное лицо Китти, переговариваются. Кто-то пытается успоко-

ить Картера, гладит его по сутулым плечам. Дженги молча стоит у дилижанса.

Дверь кареты открывается, и выходит Берт Хоспейн. Я сразу его замечаю, потому что не хочу смотреть на группы. Пока все рассматривают Китти, Берт идет по направлению к салуну, прочь от толпы. Собственно, тут большая часть жителей города. Но у Берта другие цели. Я провожаю его взглядом, он оборачивается и обращает на меня внимание. Подходит ко мне.

— Привет. Я — Берт Хоспейн.

— Билл.

— Очень приятно.

У него столичный выговор, здесь так не говорят.

— Сколько жителей в вашем городке? — спрашивает он.

— Человек двести.

Отец учил меня читать, писать и считать. Я могу сосчитать до тысячи, умею складывать и умножать. Делить, кстати, тоже. Большая часть городка — неграмотные. Иногда меня зовут на помощь, чтобы рассчитаться за что-нибудь.

— Двести первый не помешает?

Это шутка. Она сейчас неуместна, но он, видимо, не понимает ситуации. Его можно простить.

Он одет в серые брюки и сапоги с острыми носами. Пиджак — поверх клетчатой рубашки. Такое ощущение, будто он насмотрелся на ковбоев из родео (я видел родео дважды, когда мы ездили в большой город с отцом пару лет тому назад). Так ярко и вычурно тут не одеваются. Хотя черт его знает: может, в центре так принято. Это у нас, в глуши, одеты все непонятно во что, никто ни перед кем не выставляется. Хотя не думайте: мы тоже умеем принарядиться. На праздники всякие, на свадьбы.

— Не помешает, думаю. Хотя сейчас не время, — киваю на толпу и мертвецов.

— Это кто-то из жителей?

Он мгновенно мрачнеет.

Киваю.

— Дочь старика?

Снова киваю.

— Ну извини, не знал.

Пожимаю плечами. В общем, он ничего не сделал. Мне она, конечно, нравилась, как все девчонки нравятся парням в моем возрасте. Но в целом мне ее смерть безразлична. Все когда-нибудь скопытимся.

— Тут у кого остановиться можно? — спрашивает он.

Можно у Бака. Можно у Дылды. Можно у Роджерсов. В общем, много у кого можно.

— Вон, — показываю, — Роджерсы стоят. У них спросите.

— Спасибо.

Он идет к чете Роджерсов. Они благонравные, лет пятидесяти, спокойные. Они постоянно ждут писем от своих детей (все трое давно уехали покорять мир), порой их даже получают, но к дилижансу подходят последними, чтобы не усугублять толкотню. Они разговаривают.

На самом деле это довольно сложно — создавать видимость безразличия. Мне страшно интересно, что он за человек. Что ему понадобилось в нашей дыре. Как он будет тут жить и чем заниматься.

Старик Картер лежит лицом вниз и бьет кулаком по земле. Дженги достает письма и передачи. Жизнь идет своим чередом.

Джек Бонд за два дня своего пребывания в городе успел организовать местечковые соревнования по стрельбе. Мишень сколотили из досок, намалевав на них красный круг с белым пятном посередине. То есть сделали несколько таких мишеней, конечно. Одну-единственную пули расколошматили бы в минуту.

Бонд взялся быть судьей и обещал обучить стрельбе мальчишек. Он очень красиво доставал револьвер, крутил его на пальце, а потом стрелял от бедра, не целясь, и всегда попадал в белое пятно, пусть и не в самый его центр.

Он сказал, что принимать участие в соревнованиях не будет, поскольку так нечестно.

Соревноваться пришли все, у кого было хоть какое-то оружие. Старик Картер принес огромное ружье, переделанное из охотничьего в боевое. Его засмеяли. Эта штука не имела даже прицела, а два ствола были такого калибра, что можно положить слона. Картер целился быстро. Он вскидывал ружье (и откуда только силы у старика?) и нажимал на спуск.

Картер не промахнулся ни разу. Его удивительная ручная мортира в умелых руках оказалась точнее новенького кольта Дылды (ему как раз привезли из большого города) и проверенного годами «смит-вессона» Систея.

Джек Бонд вручал Картеру приз (ящик пива от Бака и отличный нож от самого Бонда) с видимым уважением. Китти смотрела на отца и на Бонда с восторгом. Она уже знала, что завтра уезжает со своим героем. Но она мысленно клялась писать отцу, я уверен. Вряд ли она бросила бы его навсегда и никогда бы не вспоминала.

Каждый день я вижу Берта Хоспейна. Он хорошо вписался в городок. В какой-то мере он своим появлением облегчил старику Картеру утрату Китти. Каждый день они играют в карты на крыльце дома Роджерсов. Билл Роджерс иногда присоединяется к ним, но все-таки большую часть времени проводит на огороде.

В какой-то момент я иду мимо забора вдовы Бранк и вижу Берта, развешивающего белье. Я останавливаюсь и смотрю на него.

— Привет! — он широко улыбается.

— Привет. Это не мужская работа.

Берт качает головой.

— Нет работы, которая была бы «женской» или «мужской». Запомни это. Если мужчина способен помочь женщине развесить белье или вымыть посуду, он не перестает быть мужчиной. Зато он становится галантным и вежливым мужчиной.

— Да вдове Бранк ваша галантность уже ни к чему.

Ей, кажется, девяносто лет. Ее дочь умерла, но внуки поддерживают ее.

— Но помощь-то ей нужна. Она сама постирать любит, а вот повесить уже не может, потому что позвоночник старый. Мне-то помочь нетрудно.

Это эпизод, очень хорошо характеризующий Берта Хоспейна. Я постоянно замечаю его, помогающего тому или иному человеку. Вот он вырезает игрушечную лодку для сына Джета Филлза. У Филлза нет трех пальцев на правой руке, и он не может сделать сыну хорошую лодку. Вот Берт перекрывает крышу у Маргарет Бэнкс, и Маргарет, сорокалетняя старая дева, провожает его томными взглядами. Вот Берт первым встречает дилижанс Дженги и помогает выгружать посылки и письма. Вот он ведет лошадей в стойло, чистит их, кормит.

Через некоторое время Берт становится неотъемлемой частью городка. Это чувствуется. Будто Берт — это какой-то очень нужный и полезный инструмент, и совершенно непонятно, как мы раньше жили без него. Даже мой отец, человек принципиальный и живущий крайне обособленно, один раз позвал Берта на помощь, когда нужно было выкорчевать огромный пень на окраине нашего участка. Да, я забыл сказать: у отца ферма в двадцати минутах ходьбы от города. Он очень много работает, но меня привлекает крайне редко. Он не хочет, чтобы я прожил жизнь на ферме; у него есть мечта отправить меня учиться в большой город.

Джека Бонда убили выстрелом в спину. Может, он и кичился своими достоинствами, преувеличивал их, но все же стрелять умел неплохо. Не думаю, что кто-то победил бы его в честном поединке, хотя в своей жизни я видел всего двух ганфайтеров. Я точно помню сцену, произошедшую на рынке в большом городе. Отец прикрыл меня собой, чтобы в меня не попала шальная пуля. Ганфайтеры стояли на расстоянии примерно пятидесяти футов друг от друга.

У каждого было по два револьвера — тяжелых, длинноствольных «Дакоты», блестящих на солнце. Они смотрели один на другого, не отрывая глаз. Толпа ждала развязки. Конечно, за их спинами не было никого: ганфайтеры довольно часто промахиваются, ведь игра идет не на точность, а на скорость.

Первым выхватил револьвер латинос в драных кожаных штанах. Его пистолеты стояли больше всей его одежды, я думаю. Но он промахнулся. Второй доставал оружие не торопясь, вальяжно, будто издеваясь. Латинос уже четырежды нажал на спусковой крючок, когда первый и последний выстрел белого ударил его в живот. Он лежал на земле и стонал, а белый подошел (никто не решался сделать это раньше победителя) и забрал пистолеты соперника. И растворился в толпе.

Джек Бонд был именно из такой породы. Он доставал револьвер четко, легко, но как-то театрально, не торопясь, не дергаясь. Он был ганфайтером до мозга костей, мне кажется. Поэтому его нельзя было убить спереди. Поэтому дыра на уровне сердца в его кожаном жилете располагалась на спине.

А вот про Китти Картер доктор Джонсон ничего не сказал. Первым он осматривал Бонда и выдал заключение через пять минут. Чистое попадание, кольт 38-го калибра, насмерть. Чтобы рассказать про Китти, он позвал к себе троих: старика Картера, Систея и Бака. Бак всегда был очень надежным и логичным человеком, поэтому Систей часто привлекал его к решению мировых проблем.

Но был и четвертый слушатель: я.

— Я не знаю, как это описать, — сказал Джонсон.

— Как есть, — прохрипел Картер.

И Джонсон рассказал все как есть.

Китти Картер изнасиловали перед смертью. Она сопротивлялась, у нее были синяки на запястьях и на ногах, шишка на лбу. После изнасилования убийца задумал девушку. Но не это потрясло доктора. Изнасилования случались довольно часто в солдатской среде, где раньше

работал Джонсон (до переезда в нашу глухомань он был военным медиком). Здесь же девушке надрезали вены и аккуратно сцедили кровь. Не всю: часть успела свернуться.

«Возможно, я ошибаюсь, — тихо сказал доктор. — Возможно, душили ее уже после того, как сцедили кровь. У меня нет инструментов и знаний, чтобы это определить».

Старик Картер поднялся с места и спросил: «Это Бонд?»

«Нет, — ответил доктор. — Точно не Бонд. Она умерла на несколько суток позже него».

Вот так все и было. Я не боялся. В отличие от взрослых я верю, что вампиры существуют. И мне казалось, что они в этом замешаны.

Я сижу на берегу озера. Мы называем его морем, потому что до настоящего моря нам никогда не добраться. То есть я, может, и доберусь, а вот большинство жителей городка — нет. Озеро довольно большое. Питьевую воду мы берем, конечно, из колодцев, но для стирки, например, проще пройтись полчаса до озера. Оазис вокруг — небольшой, пара деревьев, и все. Остальное — выжженная прерия.

Я слышу шаги позади. Это Берт Хоспейн. Он, как всегда, улыбочив, в хорошем настроении. Он подходит, молча садится рядом. Протягивает мне тканевый мешочек. Это крекеры мадам Миллер. Она сама когда-то попросила называть ее не «миссис», а «мадам». Мы не возражали. Мне кажется, ей это идет. Только настоящая мадам может так жестоко держать своего муженька под каблуком.

Я зачерпываю крекеров.

— О чем думаешь?

— Ни о чем.

Это разговор взрослого с подростком: он не может быть естественным. Я не могу сказать, что меня тяготит общество Берта, но все же одному мне лучше.

— Какие добрые дела сегодня сделали, мистер Хо-

спейн? — спрашиваю я, потому что мне неловко сидеть в тишине.

Он усмехается.

— Стойку с Баком подремонтировали. Баннерсу револьвер починил, там курок заедал...

Я не даю ему договорить.

— Вы умеете чинить оружие?

— Я много чего умею. Работал как-то на оружейном заводе.

— А почему у вас нет пистолета?

— Мне не нужен пистолет. У меня нет врагов.

Мне кажется, что в его голосе проскальзывает печаль. Ему грустно от того, что у него нет врагов. Это как в старом анекдоте. Едут два всадника, вдруг мимо них что-то пронесится с огромной скоростью. «Это кто?» — спрашивает один. «Неуловимый Джо», — отвечает второй. «А что, его никто не может поймать?» — «Да нет, просто никто его не ловит». Так и тут. Берта никто не ловит. Неуловимый Берт.

— А стрелять вы умеете?

— Немного.

— А вы можете меня научить? Отец отказывается. Он говорит, что я с пистолетом — это конец всему городу.

Берт смеется.

— Может, в какой-то мере он прав. Ну... — он демонстративно думает. — Наверное, я мог бы тебе помочь. Я одолжу револьвер у Баннерса, мы потренируемся немало.

Я знал, что он не откажет. Он и в самом деле никому ни в чем не отказывает, этот странный человек.

Джека Бонда похоронили на городском кладбище, будто он прожил тут всю жизнь. Старик Картер проникся к мертвому ганфайтеру каким-то отцовским чувством, потому что тот разделит судьбу его дочери. Тем не менее цветов на могилу Джека никто не принес, зато их принесли вдоволь на могилу Китти. Даже мой отец, человек

строгий и занятой, бросил небольшой букетик, хотя я думал, что он вовсе не придет на похороны.

Берт тогда был совсем новым человеком в городе, но я заметил, что он долго стоял у могилы Китти — даже когда все разошлись. Но самым странным оказалось другое.

Я люблю засунуть нос не в свое дело, это факт. Таким образом я и подслушал монолог доктора на вскрытии Китти. Я просто спрятался наверху и приложил ухо к щели между досками.

Я заметил, что Берт иногда ходит на кладбище — по вечерам, в темноте, когда все уже сидят по домам или отдыхают в салуне. Он отправлялся на кладбище без фонаря, будто прекрасно видел ночью. И в один такой вечер я пошел за ним.

В целом по кладбищу несложно пробираться, особенно при яркой луне. Трава и четкие силуэты крестов, за которые можно ухватиться, если начнешь падать. Я шел тихо и осторожно: фигура Берта маячила впереди. Он остановился. Я догадался, что это могила Китти. Я подобрался ближе и через некоторое время услышал плач. Берт сидел, обняв деревянный крест на могиле погибшей девушки, и рыдал. Послушав его рев еще несколько минут, я отправился домой.

«Быстрее!» — кричит во дворе Боб, парень с соседней фермы.

Я вылетаю из дома и бегу за ним. У него нет ни времени, ни желания объяснять, куда и зачем мы бежим. Я едва успеваю. До города идти около двадцати минут, а бежать — вдвое меньше, зато тяжело. Впрочем, я выносливый.

Когда мы вбегаем в город, я сразу вижу: что-то не так.

Из переулка между домом Хиллари Спейн и конюшной (это общая конюшня для путников, которых тут почти не бывает, она выходит на главную улицу) столпотворение. Мы, мальчишки, легко пробираемся через толпу.

Первое, что я вижу, это широкая спина Систея. Он си-

дит на корточках и рассматривает то, что лежит на земле. Это тело. Белое, точно из него слили всю кровь. Я узнаю лицо: жена молочника, миссис Хайнс. Ей было около тридцати пяти, она уже начинала заметно полнеть. Но теперь ее тело выглядит худым, опавшим. Напротив меня — доктор Джонсон. Он едва заметно кивает шерифу, и тот накрывает тело простыней.

«Это он», — слышен хриплый мужской голос. Говорит старик Картер. Шериф свирепо смотрит на Картера, и тот все понимает.

Все эти детали подмечаю только я, потому что я, что называется, в курсе дела. Шериф прав. Не стоит людям знать о том, что среди них бродит вампир.

Неожиданная догадка проскальзывает в моем мозгу. Детали постепенно складываются в одно целое. Берт Хоспейн, появившийся одновременно с трупом девушки. Он же, рыдающий на ее могиле. Многого не хватает для полноты картины. Но, конечно, я не могу рассказать об этом даже Систею. Он попросту мне не поверит.

Когда мне было восемь лет, отец дал мне почитать книжку о вампирах. Это были рисованные истории в мягком переплете. Точно такие я уже читал — про Джесси Джеймса. В то время как мои сверстники восторгались героическими приключениями и ограблениями, совершенными легендарным бандитом, я листал книжку про вампиров и думал, каково это — никогда больше не увидеть рассвета, зато обрести вечную жизнь. Конечно, в том восторженном возрасте рассвет был гораздо притягательнее, чем любая вечность. Сама жизнь казалась вечностью.

Теперь, пять лет спустя, я несколько изменился. Я видел смерть своими глазами и стал понимать, что это — навсегда. Если человек уедет в большой город, или даже в другой штат, или в другую страну, он может еще вернуться. Вы можете встретиться с ним в каком-нибудь другом месте, например. Но если человек умирает, его не будет больше никогда. Совсем никогда. Мне нравилось сма-

ковать это понятие. Я вертел его на языке, как леденец, и мне становилось действительно страшно, что я тоже когда-нибудь умру. Именно ради этого чувства дрожи во всем теле и чего-то тяжелого на душе я и думал о смерти. Впрочем, такая забава приелась со временем.

Гипотеза о том, что Берт Хоспейн — вампир, не годилась по многим причинам. Во-первых, он совершенно нормально относился к солнечному свету. Во-вторых, в салуне у Бака он ел запеканку с чесночным соусом, и ему не было плохо или больно. У него на пальце было небольшое колечко, по виду серебряное (хотя проверить это не представлялось возможности).

С другой стороны, все было слишком подозрительно.

И тогда я решился на шаг, на который никогда бы не решился взрослый.

Берт Хоспейн дома: его силуэт только что промелькнул в окне.

— Я к мистеру Хоспейну, — говорю я, и миссис Роджерс пропускает меня внутрь.

Я поднимаюсь на второй этаж и стучу в дверь.

С собой у меня — только моя собственная решимость и ничего более.

Берт открывает дверь. Он бледен. У него под глазами круги.

— Мистер Хоспейн, мне нужно с вами поговорить.

Мне кажется, он прекрасно все понимает. Но я не боюсь его. Потому что я уверен, что он не причинит мне вреда.

Я прохожу и сажусь на кушетку. Он стоит у окна спиной ко мне.

— Вы вампир, мистер Хоспейн?

Он молчит, глядя в окно. По сути, все уже понятно, осталось только выбрать правильную развязку.

Он оборачивается, и на его щеках я вижу потеки от слез. Он садится на стул тяжело, падает, точно мешок с мукой.

— Не бойся меня, — говорит он. — Я не причиню тебе

зла. Я вообще никому не причиню зла. Я не хочу. Просто иногда он просыпается во мне. Раз в полгода примерно. Иногда — чуть чаще. В большом городе он проснулся в неудачный момент. Мне пришлось уехать. Я думал, что смогу его задушить. Но не получается.

Он говорит это монотонно, точно заученный текст.

— Кто?

— Я не знаю. Тот, кто заставляет меня делать это. Но я не могу жить без этого.

Я встаю.

— Уезжайте из города, мистер Хоспейн. Я никому не скажу. Вы хороший человек. Нам очень нужны такие люди. Но вам лучше уехать.

Он кивает.

Миссис Хайнс хоронили на закате. Хоспейн дольше всех стоял у ее могилы. Это было еще до нашего разговора.

Я уже тогда планировал этот диалог. Почему-то мне казалось, что я ничем не рискую. Когда дети ловят всяких злых и сказочных существ на темных чердаках и в заброшенных карьерах, они мечтают в первую очередь о сражении. Они мечтают уничтожить зло и принести его отрезанную голову на блюде в город, чтобы все знали об их героическом поступке.

Я ни в коем случае не хотел причинять зло Бертю. Я как-то сразу понял, что он и тот, кто живет в нем, — это два разных существа. И Берт сражается с ним и старается заплатить людям вокруг него за причиненное зло. Я думал тогда, что Берт уедет из города, а я через много лет стану рассказывать внукам, что знал настоящего вампира и он был добрым.

Но все вышло иначе.

— Поймали! — орут на улице.

Мы с Бобом выскакиваем из дома как ошпаренные (мы читали новую книгу, которую тетюшка Боба, жившая

в большом городе, прислала с очередным дилижансом). Боб, конечно же, хочет посмотреть на преступника. Посмотреть, как того будут вешать, например, хотя кого поймали — пока непонятно. Я же — боюсь за Берта Хоспейна. Он должен был уехать вчера, но задержался, чтобы отремонтировать забор миссис Харгривз.

По улице идет толпа. Они ведут человека: он избит и грязен, и я узнаю в нем Дылду. Дылда живет в городе около двух лет, поэтому до сих пор считается человеком новым, пришлым. У него есть револьвер. Я не знаю его настоящего имени. Кличку Дылда ему дал старик Картер в первый же день после появления того в городе, и это слово приклеилось насмерть.

Ноги Дылды волокутся по земле: он гораздо выше тянущих его людей.

Я хватаю за рукав Джонни Монка, своего сверстника, идущего вместе с толпой.

— Что тут?

— Убийцу поймали. Который молочницу убил. И Китти.

— А как догадались? — спрашиваю я.

— У него револьвер точно такой, из которого Бонда пристрелили. И вещицы Китти дома нашлись.

Дылда был влюблен в Китти. Этого почти никто не знает, но я уже говорил, что люблю засунуть нос не в свое дело. Я видел, как он тайком приносил ей подарки и оказывал мелкие знаки внимания. Она принимала их как должное, но близко не подпускала.

Это свидетельство против Дылды, на самом-то деле. Они скажут, что он убил ее из ревности. Дылда частенько уезжает из города на охоту, вряд ли у него есть алиби на то время.

Я бегу вместе с толпой.

У нас в городе есть несколько деревьев. Самое большое — на отшибе, минутах в десяти ходьбы от границы города. Я понимаю, что Дылду волокут туда.

Впереди широкими шагами идет Систей. Он возглав-

ляет закон в городе, значит, он должен принять решение о казни убийцы. Собственно, оно уже принято.

Я оглядываюсь: Берта Хоспейна не видно. Может, он уже уехал?

Я не подумал о таком раскладе. Берт уезжает, а Систей находит ложного преступника. И погибает невинный человек. Но я не могу крикнуть, что все знаю. Потому что мне никто не поверит.

Дылду бросают под деревом. Он силится встать, но он избит, и это непросто. Его руки связаны за спиной. Кто-то подводит лошадь.

Суд очень скор. Пока Дылду сажают на лошадь, пока надевают ему на шею петлю, а другой конец веревки укрепляют на дереве, Систей оглашает приговор. Ветер дует в другую сторону, свистит, я не слышу половины слов.

— За убийство... Кэтрин Картер... супруга почтенного... Уиллис... — и еще какие-то слова.

Уиллис — это, наверное, фамилия Дылды. Ирония судьбы: узнать фамилию человека за несколько мгновений до его смерти.

Веревка натягивается, с секунды на секунду лошадь пришпорят.

Я думаю, что Берт Хоспейн хотел уйти картинно. Он не мог себе позволить просто исчезнуть. Подсознательно он хотел, чтобы все произошло так, как произошло.

Когда веревка натягивается, раздается выстрел. Все оборачиваются, и я тоже. Конец веревки болтается в воздухе. Дылда падает лицом вперед.

Берт Хоспейн сидит на лошади, и в руке у него — револьвер. Это кольт 38-го калибра. По бокам седла — сумки, на голове — широкополая шляпа. Лошадь — из конюшни Роджерсов. Вряд ли он украл ее. Скорее всего, они разрешили забрать животное за все хорошее, что он сделал для них и для города.

— Дылда никого не убивал, — говорит Берт Хоспейн.

★ — Толпа начинает роптать, к Берту проталкивается Систерей.

— А кто убил? — кричит он. — Кто?

Я смотрю на Хоспейна во все глаза. В какой-то момент я встречаюсь с ним взглядом.

— Я убил, — говорит Хоспейн и трогается с места.

Это красивая картина.

Он едет через толпу, молча, высокий, статный, в широкополой шляпе, с револьверами на поясе. Он едет медленно, и толпа расступается перед ним, перед этим хорошим человеком, никогда ни в чем не отказывавшим, принесшим в город свет и доброту. Он едет через толпу, и все молчат и просто провожают его взглядами.

Так он и едет, и удаляется, и спина его становится меньше и меньше.

Так он и едет вплоть до тех пор, пока старик Картер не вскидывает свое древнее ружье и не всаживает ему в спину заряд свинца.

ПРИЗРАКИ И ОПЕРА

Этюды в сумрачных тонах

В ПОИСКАХ АНАСТАСИИ

Зналось, поначалу ничто не предвещало. Анастасия, помаявшись в какой-то унылой конторе, уволилась и пошла работать в цветочный магазин на Музейной, тот, что напротив кондитерской. Сперва ее поставили в подсобке складывать букеты, и оказался у нее к этому какой-то необыкновенный талант. Правда, это она сама так говорила. Может, просто приглянулась управляющему. Там и помоложе девки были, но он вывел ее из тьмы подсобки на свет и поставил красоваться среди зеркал, пестрых цветочных горшков, букетов и одиночных мокрых длинных стеблей. Он не прогадал — от Анастасии редко кто уходил без покупки, и многие тратились гораздо щедрее, чем поначалу намеревались. Остальные девки уже начали поговаривать, что тут без какой-то хитрости не обходится. Возможно, они ее и сглазили, хотя лично Ивана в сглаз принципиально не верила. Однако что было, то было — после Рождества Анастасия изменилась. Накупила себе кучу модных тряпок, сапожки на высоком каблуке, шляпные картонки громоздились в коридоре одна на другой наподобие чуть накренившейся вавилонской башни... Ивана было отважилась сделать замечание, что, мол, в комнату все надо заносить, но та так зыркнула черными своими глазами, что все дальнейшее, что Ивана собиралась сказать, застряло в горле. Брови Анастасия в последнее время стала подправлять пинцетом и подкрашивать черным, веки подводила стрелками, и оттого взор ее сделался жгуч и свиреп.

Апофеозом стала шуба из куницы, легкая, с золотистым отливом, на которую Анастасия, по ее собственным хвастливо-сокрушенным признаниям, угрохала две полу-

ки. Ивана, склонная всему подыскивать разумное объяснение, решила, что Анастасия присмотрела себе кого-то, солидного и с деньгами, хочет произвести впечатление и расходов не жалеет в предположении обеспеченного будущего. И правда, кто-то у Анастасии завелся: на каждый телефонный звонок (как будто Иване никто и позвонить не мог, а только ей, ей, Анастасии, и звонили) она выбегала из комнаты в кружевной комбинации, кокетливо выглядывавшей из-под нового шелкового пеньюара, и почему-то в черных лодочках на каблуках, цокала по паркету, но в трубку говорила тихо, так тихо, что Ивана, как ни старалась, услышать ничего не могла.

Из-за шубы и шляпных картонок в коридоре конфликт у них и вышел. Ивана было намекнула, что все вздорожало и плата, которую она берет с Анастасии за комнату, по нынешним временам несуразно маленькая, так что если уж Анастасия может позволить себе такую шубу, то... Да и беспорядок не каждая хозяйка терпеть будет, сказала Ивана, но та только пожала плечами, так, что одно — белое и круглое — выскользнуло наружу и блеснуло шелковой бретелькой комбинации. Бретелька была с бантиком.

— Выселить могу, — осторожно сказала Ивана.

— Только попробуй, старая ведьма, — равнодушно ответила Анастасия.

До сих пор Анастасия держала себя с Ивановой скромно и даже заискивающе, потому что деваться ей было некуда. Ивана даже втайне льстила себе, что Анастасия питает к ней какую-то симпатию, родственную, что ли (хотя деньги каждый месяц у Анастасии брала и аккуратно притом пересчитывала), и потому опешила. Обиден был и сам ответ, и то, что Анастасия обозвала ее, Ивану, старой ведьмой. Что старой — обидно особенно. Ивана полагала, что не выглядит на свои, и оттого позволяла себе некоторую экстравагантность в одежде. Это ей не мешало обшивать своих клиенток со вкусом и умением, так что даже теперь, несмотря на обилие модных лавок, к ней все

еще обращались. Впрочем, не так часто, как раньше, поэтому и пустила к себе Анастасию.

Ивана дальше шуметь не стала, бочком убралась на кухню. Заступиться на нее было некому, и это Ивана очень хорошо понимала. Сидя на кухне и печально прихлебывая кофе из фамильной чашки, она гадала, с кем это Анастасия спуталась.

Втайне, однако, Ивана Анастасии завидовала, наверное, потому и придралась к этим шляпным картонкам. На долю Иваны никаких приключений не выпало, что она предпочитала скрывать, слегка привирая для красоты о разбитом сердце и мимолетной загадочной любви.

Семья Иваны жила в этом доме уже несколько поколений (когда-то, давным-давно, они даже владели этим домом), да и сама Ивана когда-то ходила учиться рисованию к профессору рисунка и живописи (о чем не забывала время от времени напоминать Анастасии). А Анастасия была пришлая, об образовании своем говорила туманно, в прежней своей конторе работала чуть ли не уборщицей, хотя врала, что секретаршей, и здарсьте вам... Шуба и телефонный ухажер! Почему это у таких лживых, хитрых особ всегда в конце концов все устраивается, вздыхала про себя Ивана, а недурные собой, культурные и скромные женщины коротают век в одиночестве.

А все ж шубу и тряпки Анастасия покупала за свои деньги, ухажер-то скуповат, утешала себя Ивана. Невольно он рисовался Иване в воображении — массивным и властным, непременно черноволосым, с пухлыми белыми руками, и Анастасия рисовалась ей в объятиях этих рук, и разные другие картины рисовались, весьма неприличные, тогда Ивана вздрагивала и краснела от неловкости, хотя за собственное воображение человек не отвечает.

Так, в ссорах и страстях, колесо года незаметно повернулось вокруг своей оси, в тучах расплзлись голубые прорехи, тем ярче, что тучи сделались серыми, плотными, словно слежавшийся войлок. Из подвалов потянуло сыростью, из подворотен — кошками, в стыках брусчатки сто-

яли лужицы, и в них голубело все то же свежее промытое небо. Анастасия свою шубу теперь носила нараспашку, так, чтобы было видно ложбинку между грудями в декольте отрезного шелкового платья, и каждое утро втискивала полные икры в сапоги с узкими голенищами, морщась и обеими руками затягивая шнуровку. Ивана лицемерно посоветовала перейти на войлочные боты с калошами (грязно ведь!), но та вновь лишь зыркнула глазом — и все. Даже не ответила. Впрочем, Анастасия как была прижжимистая, так и осталась, старое черное пальто, драповое, выбрасывать не стала и даже порой выгуливала, уходя вечерами по своим загадочным делам. В этом-то пальто она и ушла в ночь с субботы на воскресенье. И не вернулась.

В среду Ивана надела единственное свое (не то что у некоторых!) серое пальто с розовой кружевной лентой, в несколько полосок охватывающей рукав, так что получались как бы буфы, укрепила при помощи булавки с розовой стеклянной головкой серую фетровую шляпку (на ней красовался розовый же цветок), дополнила ансамбль розовым газонным шарфом, застегнула на сухих щиколотках ботиночки с застежкой-пряжкой и отправилась в цветочный магазин.

Девушка у стойки, ловко и сердито завязывая сложный букет ленточкой, сначала улыбнулась Иване, полагая в ней покупательницу, но потом сухо сказала, что Анастасия с понедельника на работе не появлялась, ни о чем никого не предупредила, в том числе и управляющего, и что с управляющим сейчас лучше не разговаривать, потому что он ходит на всех злой.

Ну да, сюда часто заглядывают приличные мужчины, но ведь если мужчина покупает букет, это значит, что ему есть кому этот букет дарить, нет? А вообще Анастасия умеет их раскручивать, придет такой покупать три хризантемы, а она ему — язык цветов, язык цветов, возьмите эту мальву, это означает «истерзан любовью», и вот эту калу — «склоняю колени перед вашей красотой», и вот этот бальзамин — это значит «нетерпение», ваша дама не устоит перед таким признанием... глядишь, ухо-

дит с огромным букетом, и все разные, и сам не понимает, как это получилось. А она стоит, хихикает. Язык цветов, говорит, великая вещь.

Да, несколько раз ей звонили на телефон, вон тот, на конторке, но давно, потому что управляющий услышал и запретил. Ревновал? Хм... скорее просто злился, это приличное место, а не дом свиданий. А что, она дома так и не появлялась? Может, уехала к этому, своему? Ладислав, что ли. Один раз она, Анастасия, так и сказала в телефон: «Это ты, Ладислав?» А потом шепотом что-то, и не расслышишь...

— Куда уехала? — беспомощно спросила Ивана. — Он что, не местный?

Ивана прожила в одном и том же доме всю свою жизнь, и ей казалось, что других городов и вовсе нет. Но другие города, несомненно, были. Приезжают же откуда-то туристы.

— Откуда я знаю, — девушка отряхнула с мокрых стеблей крупные капли воды. — Может, приезжал по делам... или на отдых... Сюда не заходил, нет. Но пару раз заезжал за ней, в красном таком автомобиле, шикарном... За углом ставил, вон там... А может, не он. Может, это кто другой был.

За окном-витриной потемнело, туча, проходя, бросила на мощеную улицу снежный заряд, унеслась за дальние горы...

А здесь цветы сияли, точно шелк, и бархат, и парча, и пахло гораздо тоньше, чем даже, скажем, в парфюмерном магазине, и зеленело все, словно ты летом стоишь посреди залитой солнцем поляны... Вот же повезло, кто среди такой красоты работает, подумала Ивана, но тут поймала раздраженный взгляд девушки за прилавком — та ждала, что Ивана наконец уйдет и освободит место, а придет кто-то солидный и щедрый, в габардиновом пальто, и купит букет, а потом зайдет еще раз, а потом — еще... Наверное, красота быстро приедается, и ее просто перестаешь замечать. Тем более цветы тут все время умирают, их же не удастся все сразу продать так, чтобы они умирали не здесь, а в чужих домах.

Неожиданно для себя Ивана выбрала три крупные чайные розы и, пока девушка заворачивала их в нежную гофрированную бумагу, чтобы не замерзли на холоде внешнего мира, недоумевала, зачем она это сделала. Вообще-то Ивана цветы любила, но дома не держала, ни срезанные, ни в горшках. Уж не потому ли, что в трудные времена мать вертела такие цветы из раскрашенной папиросной бумаги, украшая ими фетровые шляпки для шляпной мастерской мадам Поплавской? Ивана помогала ей мастерить цветы (мать делала еще и ягоды из папье-маше) и сейчас вдруг остро почувствовала под пальцами хрупкие бумажные лепестки. Они и пахли розой — мать капала на крашеную бумагу розовое масло, чтобы запах нечувствительно проникал в сознание примеряющих шляпки женщин, побуждая их к покупке.

Так, неловко прижимая к груди чайные розы, Ивана пошла в кондитерскую, где утешилась крохотной чашечкой кофе и огромным эклером. Домой идти не хотелось. Анастасия была шумной, пускала в кухне воду и ленилась плотно прикрутить кран, один раз оставила выкипать чайник на плите, пока болтала по телефону с этим своим Ладиславом, и всяко раздражала Ивану, теперь же дома было тихо, чисто и пусто, казалось — делай что хочешь, но Ивана, вообще-то чистюля, даже убираться себя заставляла с трудом.

— Ты ж сама говорила, хоть бы она съехала!

Каролина тоже была не замужем, но жила со старой мамой, неизвестно еще, что хуже. Мама скучала, допекала Каролину всякими мелкими придирками, и когда Ивана жаловалась Каролине на жилищку, та ответно жаловалась на маму Иване.

— Она, когда я ухожу, напяливает кружевной пеньюар, скачет к телефону и вызывает «скорую». Потом отворяет дверь настежь, ложится на тахту и лежит, ждет. Скорая приезжает, она слышит, сразу начинает стонать. Врач спрашивает — на что жалуетесь, больная? Она — ох, вот тут болит. Вот здесь — дайте вашу руку, доктор... Хватает его за руку и его руку — себе на грудь! Под пеньюа-

ром у нее ничего, понятное дело. Они уже знают, и если вызов от нас, посылают врачей. Если врачиха, она говорит — уже прошло. Был, мол, приступ, так схватило, так схватило, но уже прошло.

Ивана худая и чернявая, а Каролина полненькая и чернявая. Это потому, что она много ест мучного и сладкого. Хотя вот Ивана последнее время тоже ест много мучного и сладкого — и ничего.

— Я чего боюсь? Она вот так двери нараспашку оставляет, кто угодно войти ведь может. И что она тогда, будет на грабителей клюкой своей махать? Да они ее как муху прихлопнут. Как муху!

— Я бы поставила на твою маму, — Ивана облизала ложку, — она любого грабителя укокошит. Я ж помню, как она этой своей палкой пана Валека отделала.

— Он с тех пор к нам ни ногой, — печально согласилась Каролина. — А ведь жениться думал. Цветы дарил. А она говорит, жулик, на приданое зубы точит. А какое у нас приданое — две серебряные ложки?

— Я слыхала, он за растрату сел, — задумчиво говорит Ивана.

— Ну и что? — глаза у Каролины наполняются слезами, — ну и что? Я бы почтенная женщина была, замужняя, передачи бы ему носила. А вышел бы, мы бы с ним вместе начали новую жизнь.

— Я к тому, что, может, ему и правда деньги были нужны... А цветы... что цветы, на них не разоришься.

— Охапками. Принесет, бросит на пол, под ноги прямо. Говорит — такие ножки должны ступать по розовым лепесткам, не иначе...

Из окна кондитерской было видно, как в окне второго этажа напротив женщина, перегнувшись через подоконник, зовет кого-то, открывая рот беззвучно, словно под водой или во сне.

— У него шурин в похоронной конторе работает, — невпопад говорит Каролина, — я уже потом узнала. Ладно, чего там!

Она взглянула на крохотные дамские часики — золотые ушки в форме сердечек, золотой браслетик. На пухлом запястье браслетик сходилась с трудом, отчего на коже образовывалась складочка, точно у младенца.

— Маме лекарства пора принимать, — она вскочила и засобиравалась, втискивая полные локти в рукава каркулевого полушубка, — а если я не напомним, она забудет... или перепутает. Она один раз перепутала и вместо того, чтобы от поноса, приняла от запора. А у нее и так...

— Давай-давай, — Ивана с тоской посмотрела на остаток эклера и подумала, не взять ли еще один, — беги.

Каролина и ее мама образовывали пару, где каждая была сразу как бы и матерью, и ребенком; жизнь, таким образом, казалась наполненной и сбалансированной со всех сторон... А у Ивана все ушло рано, и, пока не вселилась Анастасия, ей то и дело чудилось, что паркетные доски в гостиной поскрипывают под чьими-то шагами и она, войдя, застанет маму, разыскивающую вязанье, или папу, разыскивающего очки. Порой папины очки и впрямь ни с того ни с сего оказывались на крышке пианино, на которую Ивана когда-то давным-давно положила кружевную, крючком вывязанную мамину салфеточку, как бы обозначая, что с музыкой покончено. С тех пор она крышку не поднимала.

Когда Анастасия въехала, шаги прекратились. А если что-то и оказывалось не на своем месте, то понятно было, что виновата в этом Анастасия, она вечно все бросала как попало.

А сейчас она вновь стала вслушиваться в тишину пустого дома, да так напряженно, что вздрагивала от любого случайного звука. А уж когда за углом звенел трамвай, то вообще подпрыгивала.

Стемнело как-то сразу и вдруг, фонари расплывались мокрыми пятнами, с крыши сорвался пласт снега и шлепнулся под ноги Иване, женщина из окна напротив захлопнула створку и зажгла свет — с улицы были видны ее голова и плечи; обернувшись к невидимому собеседнику, она что-то рассказывала, увлеченно жестикулируя. Ива-

ну охватила тоска, как всегда при виде чужой жизни в окнах; с улицы казалось, что эта жизнь совсем иная, чем у нее, наполненная радостью, теплом и светом.

Ей хотелось очутиться дома, в тепле и уюте, и одновременно пустой дом страшил ее, мыслился какой-то другой, с кучей веселой родни, и чтобы все любили Ивану и радовались, что она наконец вернулась.

Чайные розы в руках вздрагивали и прижимались к груди Иваны.

В парадной перегорела лампочка, но Ивана знала тут все до щербинки на мраморных ступенях, до царапины на перилах. Ивана могла бы тут пройти с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться, к тому же свет фонаря с улицы ложился квадратом на мозаичный пол, аккуратно на вензель, который на самом деле был ее, Иваны, фамильным вензелем. Замочную скважину она тоже нашла ощупью, с первой попытки, только пришлось переложить розы из правой руки в левую, и они, неловко взятые, кололись сквозь перчатку. В коридоре пахло мастикой, а зеркало плавало смутным пятном, светясь словно бы своим собственным, почти невидимым глазу светом.

Ивана привычным жестом нащупала выключатель, и зеркало из призрачного озера света превратилось в плоское отражение коридора: обои в мелких букетиках, как бы вываливающихся из завитых рожков, Ивана клеила еще с мамой, то есть давно, плоский шкаф в прихожую она ставила, уже когда жила одна. Обувь Иваны аккуратно стояла на галошнице, а туфли-лодочки Анастасии, в которых она и дома ходила, дуреха, валялись в углу прихожей, один — на боку, другой, как заснувший солдатик на часах, — чуть покосившись.

Ивану зеркало тоже отразило — черноволосую, остроносую, в серой шляпке чуть набекрень, в руках — желтые цветы. Зеркало было старым, и потому изображение покрывала патина, отчего Ивана себе нравилась, а в других зеркалах — не очень.

Не снимая пальто, что вообще-то было ей несвойствен-

но, она прошла в гостиную и начала устраивать желтые свои розы в синюю с белым хрустальную вазу. Ей казалось, что розам без воды плохо и они показывают это, как умеют. Хотя жить беднякам все равно оставалось недолго. С другой стороны, чего их жалеть, одернула она себя, розовые кусты всегда обрезают... Но на всякий случай щедро накидала в воду аспирина.

Спустя какое-то время она поймала себя на том, что так и стоит, склонив голову чуть набок, и смотрит на цветы. Правый рукав серого пальто намок и потемнел, потому что попал нечаянно под струю из-под крана, когда Ивана наливала воду, запястью было холодно и неудобно. Она стащила пальто и, опять же против обыкновения, оставила его беспомощно висеть нагнутой спинке стула. Усевшись на тот же стул, морщась от усилия, стащила с ног узкие высокие ботинки и, расправив ступни, пошевелила пальцами — в молодости у нее была чудесная узкая нога, и Ивана упорно не хотела признавать, что сейчас ей требуется обувь на размер больше.

Переделавшись в домашнее платье, решительно затянула пояс и открыла дверь в комнату жилищки.

У Иваны все всегда стояло, лежало и висело на своих местах, узкая жесткая кровать (мама, пока была жива, считала, что девушкам на мягком спать вредно, а когда умерла, уже ни о чем больше таком не говорила, но Ивана все равно продолжала спать на жестком) уже тридцать лет как убиралась одинаково — посредством тканого покрывала в зеленых и желтых квадратах. А Анастасия даже посуду не мыла сразу, а оставляла горкой в раковине, подумать только! А ведь понятно, что потом снизу, с исподу, тарелки и чашки делаются липкими и серыми, и отмывать их долго и трудно.

И в комнате Анастасии творилось совершенно непотребное: платье комом на кресле, чулки — на столе, пояс с кружевными черными оторочками и черными резинками — на полу, кровать разобрана, постель — смята, на наволочке — разноцветные пятна, поскольку Анаста-

сия забывала смывать на ночь тушь с ресниц, тон со щек и помаду с губ. Трусики — тоже черные и кружевные — лежали почему-то под подушкой. Еще везде валялись ватки с остатками косметики и смывого с ногтей лака. Ивана, которая косметикой почти и не пользовалась — так, немножко пудры на нос и немножко духов за ухо, — брезгливо морщилась и думала, что надо пойти за веником.

Потом она увидела шубу. Шуба висела в простенке за дверью, мех в свете одинокой лампочки под апельсиновым бахромчатым абажуром лоснился и отливал розовым. Очень красивая шуба, у нее, Иваны, никогда такой не было, потому что еще мама Иваны говаривала, что шубы, если это только не каракуль, обычно носят не слишком порядочные женщины. Ивана ей и поверила, как верила почти во всем, и лишь теперь у нее вдруг закралось подозрение, что мама просто выдавала бедность за доблесть.

Ивана тихонько погладила шубу рукой. Мех был теплым на ощупь. Выходило так, что Анастасия ушла, оставив вот так свою новую, прекрасную шубу, которой хвасталась перед всеми. Воровато оглянувшись, хотя в комнате никого не могло быть, Ивана обшарила карманы Анастасиной шубы, но ничего, кроме мятого носового платка и скомканной пары тонких кожаных перчаток, не обнаружила. Были и еще странности — например, косметичка, которая сейчас валялась на боку, вывернутая, и из нее высыпались цилиндрики помады и туши для ресниц.

* * *

— Сколько, вы говорите, ей лет?

— Откуда я знаю? Лет тридцать, я думаю. Может, старше... Теперь и не поймешь. Уж не моложе, точно. Она кремом для лица пользовалась, на этикетке написано «для особ после тридцати»... Недешевый крем, между прочим. Вся косметика у нее дорогая, у Анастасии.

— У нее наверняка роман с кем-то был. Нет?

— Ну был вроде, — неохотно соглашается Ивана.

— Так что вы нервничаете? Идите домой...

Дежурный и сам хочет домой, он дежурил в участке ночь, и сейчас у него конец смены. Ивана его раздражает.

— Не пойду. — Ивана садится на скрипучий стул в приемной и аккуратно водружает сумочку на колени, словно ставит точку.

Дежурный вздыхает. Ему хочется выставить Ивану силой, а может, даже придушить... Только чтобы никто не видел и никто не заявлял потом в полицию.

— Послушайте, но молодая женщина имеет полное право ночевать где хочет. Мы возьмем заявление, а потом она отыщется в отеле «Корона» вместе с каким-нибудь семейным солидным человеком... Подумайте сами, как это отразится на его репутации.

— При чем тут он? Вы его только что выдумали. Я о ней беспокоюсь. Об Анастасии.

— Что тут происходит, сержант?

Этот, новый, совсем молодой, и не в форме, а в пиджаке и галстук, и галстук повязан чуточку криво, неумело, так что Ивана почему-то думает, что он недавно женился и молодая жена так, повязывая ему каждое утро галстук, старается выразить свою любовь, а он стесняется ей сказать, что узел она правильно завязывать не умеет. Это значит, любят друг друга, думает Ивана. По крайней мере пока...

— Вот, — сержант сокрушенно качает головой, жалуясь на Иванину несознательность, — и уходить не хочет.

— Человек пропал, — говорит Ивана, обращаясь уже к молодому, поскольку быстро понимает, что он, хотя и молодой, выше чином... — Женщина. Молодая женщина. А этот ваш говорит — обычное дело... У вас что, часто тут женщины пропадают?

А вдруг, думает она, я зря подняла весь этот шум? И Анастасия и правда занимается любовными играми с этим Ладиславом в отеле «Корона». С нее, с Анастасии, станется. Ну и душой же тогда Ивана себя выставила!

— Ну, возьмите у нее заявление, Пантоха.

— Он его положит под сукно, — говорит Ивана, —

я знаю... Я только вам. Не доверяю я ему, вон у него целая пачка бумажек, а он сидит, чай пьет...

— Хорошо, — тот, что в галстук, покорно вздыхает, — то есть ничего хорошего. Идемте.

В кабинете у молодого человека в галстук еще больший разор и еще большая гора бумажек на столе. И тоже чашка, только с недопитым кофе. Но отступать уже некуда. Ивана садится на стул так прочно, что становится понятно, что уйдет она отсюда только по своей воле.

— Почему вы думаете, что она пропала? Не, ну, загуляла с кем-то...

Он тоже был терпеливым и вежливым, но за его вежливостью ясно читалось, что Ивана для него была не отдельным человеком со всеми обстоятельствами и жизненными подробностями, а просто одинокой старой девой, сующей нос не в свои дела.

— Потому что, если женщина задумала начать новую жизнь, она может все забыть, но не шубу и уж тем более не косметичку, — поясняет Ивана.

— Это сомнительный аргумент. Кем вы ей приходиться?

— Она у меня комнату снимала, — сказала Ивана с достоинством и переложила перчатки из правой руки в левую.

— Жиличка? Никто фактически. — Он кивнул сам себе, потому что окончательно решил, что Ивана — занудное, суетливое существо, а он как раз собрался попить кофе, и в коробке для завтрака у него лежат бутерброды с холодной курицей и салатом, жена специально встала пораньше, чтобы сбегать в лавку и купить свежий салат...

— Зря беспокоитесь. Если она даже уехала с кем-то, то потом приедет, заберет все. И вещи. И шубу. И косметичку.

— Как можно устраивать личную жизнь без косметички? — удивилась Ивана. — Так не бывает. Вы, простите, женаты?

— Ну, — согласился он и подумал о бутерброде с курицей.

— И когда ваша жена, извините, перестала краситься с утра пораньше?

Он задумался. Как-то не отдавал себе отчета, но его жена перестала краситься с утра пораньше сразу, как только вышла замуж. Поначалу утреннее лицо жены даже казалось ему почти чужим, как бы голым, неприличным. Потом привык как-то.

— Вот именно, — сказала Ивана.

— То есть?

— То есть женщины если и перестают краситься, то после свадьбы. А если бы Анастасия вышла замуж, я вас уверяю, об этом бы знал весь цветочный магазин. И, соответственно, кондитерская. И кофейня. И парикмахерская. И я бы знала. Уж она бы не постеснялась тыкать своим обручальным кольцом в глаза при каждом удобном случае.

И обручальное кольцо у Анастасии наверняка было бы в бриллиантах, подумала она. В маленьких таких бриллиантиках. Или не маленьких...

— Когда, вы говорите, она пропала? — Он, видимо, решил, что аргумент убедительный.

— В субботу вечером, — Ивана кивнула сама себе, словно подтверждая, — ушла и не вернулась. И не позвонила, ничего.

Анастасия так и не заплатила за последний месяц, но этого Ивана не сказала молодому полицейскому. Ладно уж.

— Может, к родным поехала? Где родня у нее, не знаете?

— Нет, откуда ж... Она то ли из Бреховичей, то ли из Грбовичей. Кто ж в таком сознается. Горожанку из себя строила, а на самом деле... Хорошее воспитание всегда видно, если оно есть, конечно.

— А вы ее вообще откуда знаете?

— А она до меня снимала у Полторацкой, но Полторацкая приревновала ее к сыну. То есть, я хочу сказать... Началось у них что-то там с сыном, и Полторацкая ее быстро выставила. А у меня как раз... временные затруднения.

— Временные затруднения. Ясно. У нас Вермеера укра-

ли, весь город на ушах стоит, а вы тут со своей жиличкой, — сказал он укоризненно. — Ну почему вы думаете, что с ней что-то случилось? У нее были недоброжелатели?

— Еще бы. Девки из цветочной лавки. Она управляющим крутила как хотела, они и завидовали. Потом, опять же, эта шуба. И еще кто-то в красной машине.

— Вы, насколько я понял, одна живете? Семьи нет?

— А, ну да. Меня, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Зависть — страшная штука. Но вот, скажем, сын Полторацкой. У них что-то было, а потом нате вам, красный автомобиль! Ревность — тоже страшная штука. Зеленоглазое чудовище.

— Что? — он вздрогнул и опасливо отодвинулся от стола. Может, подумал, что она, Ивана, сейчас на него бросится?

— Шекспир, — успокоила Ивана, — Много шума из ничего. Потом, собственно, сам этот Ладислав. Никто о нем ничего не знает. Красная машина. И все. И главное, он ничего ей не покупал. Понимаете?

— Нет.

— Я тоже не понимаю. Но — странно, согласитесь. Если он ее замуж звал, ну ладно, не замуж... если она к нему на содержание пошла, почему она сама себе шубу купила, в долги влезла? Мужчина, который из всех возможных автомобилей выбирает красный, должен быть склонен к широким жестам.

— Вы вообще что читаете? — спросил он с усталой покорностью. — Агату Кристи?

— Ага, — согласилась Ивана. — Вот, мисс Марпл, скажем. Все ее уважают, а она ведь, в сущности, просто старая сплетница. Но живет полноценной жизнью в этой своей дыре... Хотя есть, конечно, натяжка — вокруг нее все время что-нибудь увлекательное случается. То одного убьют, то другого. В жизни так не бывает. Хотя вот надо же... А вот иронические детективы не люблю, нет. Не понимаю, чего тут смешного, в убийстве.

Она покачала головой и опять нахмурилась.

— Ладно уж, — он понял, что от Ивана проще всего

отделаться, если пойти ей навстречу, — пишите заявление. Разберемся.

— Вот и разбирайтесь. — И Ивана написала на чистом листе бумаги своим аккуратным бисерным почерком, что она, Ивана такая-то, такого-то года рождения (последнее — с большой неохотой), проживающая по такому-то адресу (улица Аптекарьская, 5, на самом деле), просит расследовать исчезновение своей жилички, Анастасии такой-то, вышедшей из дома в сырой сиреневый предвесенний вечер и никогда больше не возвратившейся домой. Число, месяц, подпись.

— Ну-ну, — он мельком проглядел бумагу и положил ее в папку.

— Будете расследовать? — настырно спросила Ивана.

— Ну... — опять сказал он и задумался. Поглядел на Ивану, и Иване стало неловко, потому что он уже знал ее, Ивана, год рождения. Возраст — как неприличная болезнь, подумала она. Стараешься его скрыть, стараешься, а он вылезает при всяких неудобных обстоятельствах. — А вы о последствиях подумали? Потому что если найдут неопознанный... ну, тело, в общем... опознавать ведь придется. А весной неопознанных много. Снег сходит.

— Вот уж спасибо. — Ивана встала, и перчатки, которые она забыла на коленях, упали на пол возле стула, и ей пришлось нагнуться, чтобы их подобрать. — Вот порадовали.

— Хотите забрать заявление? — с надеждой спросил он.

Это он мне мстит за то, что я ему кофе попить спокойно не даю, подумала Ивана.

— Нет, — сказала она, сжала перчатки в руке и выпрямилась, — пускай побудет. А опознавать, что ж... ладно уж.

— Что ж, пани, — он приоткрыл папку и заглянул в заявление, — Ивана. Спасибо за бдительность. Ну, вообще спасибо. Я вас извещу, если что.

Ивана с достоинством кивнула, аккуратно натянула перчатки, так, чтобы каждый палец без морщин и складочек, и удалилась.

* * *

Весна проявляла себя робко, но толстый голубь, выпятив грудь, уже ходил вокруг своей подружки. Ивана поглядела на него мрачно — вообще-то она птицам, скорее, благоволила и даже щедро сыпала им крошки после особенно сильных снегопадов, но сейчас ей вдруг ни с того ни с сего захотелось обрызгать голубя водой из лужи, чтобы не ворковал так громко. Но постеснялась прохожих, к тому же было жалко начищенных ботиночек. Впрочем, голубь и так был мокрый, и перья его торчали во все стороны.

На углу Парковой и Променада поставили новую статую — в последнее время городской совет увлекся малой пластикой, — этой еще не досталось от голубей, как той бронзовой торговке семечками у рынка... Сияющая чистой бронзой, в шляпке, пушной и пышной накидке, чей бронзовый мех лежал волосок к волоску, и с бронзовым, тонкой работы, букетом в руках...

Наверное, из-за букета да еще из-за этого мехового бронзового жакетика Ивана с навязчивой, хотя и невнятной тревогой опять подумала об Анастасии... Шуба, надо же. У нее, у Иваны, никогда не будет такой шубы.

Чтобы отвлечься, она остановилась у витрины галантерейного магазина и, оглядев себя в стекле, поправила шляпку, потом вспомнила, как презрительно глядел на нее дежурный в участке, и опять расстроилась. К тому же пан Йонас словно нарочно выставил в окне швейную машинку с ножным приводом — черную, с золотыми сфинксами и вензелями, с чугунной, тоже черной, в завитках и финтифлюшках станиной — и посадил за нее манекен, вернее, восковую персону, и эта персона, одетая в старомодную, белую с воротником-стойкой блузку и длинную черную юбку, отчетливо напоминала саму Ивану.

Ивана, однако, восковую персону решила игнорировать, аккуратно вытерла ноги о коврик у входа и, немного поразмыслив, попросила у пана Йонаса полтора метра

вон того кружева цвета топленого молока, а заодно — корсажную ленту, поскольку запасы ее уже подходили к концу.

— Говорят, жиличка ваша пропала?

Йонас ловко орудовал метром и одновременно разговаривал. Ивана вздохнула.

— Все знают. Только в полиции ничего не знают. И знать не хотят.

— А вы что, в полицию обращались? — неприятно удивился пан Йонас.

— Обращалась. Не люблю, когда люди пропадают ни с того ни с сего.

— И что, будут искать?

— Будут, — уверенно сказала Ивана, — этот молодой человек из полиции был со мной очень мил. Очень.

— Приятно слышать. А то сейчас такая неделикатная молодежь пошла, никакого уважения к старшим. (Ивана мысленно поморщилась: сегодня словно все как сговорились.) Но это вы зря, что обратились. Только лишние хлопоты. Она, наверное, сбежала с тем, в красном авто. Я как-то видел, оно стояло у цветочного магазина, это авто. И он сидел, ее ждал.

— Она шубу оставила, — практично сказала Ивана, — из куницы. Хорошая шуба. Ушла в старом пальто, а она это пальто терпеть не могла, я знаю. В краску где-то выпачкала, так даже выводить не стала.

— Ну и что, что шуба? Он ей новую подарит. Две новых. Одну — леопардовую, другую... — он задумался, — ну, чернобурку, может... Или норку. Леопардовую такую, светлую, песочного цвета, и пятна темные. Прямую, маленькую. Пуговицы должны быть как пятна на шкуре, того же размера и цвета. Вот эти, например. Вот, поглядите. Как раз под цвет пятен. И размер...

— Я не собираюсь шить леопардовую шубу, — сухо сказала Ивана.

— А жаль. Кстати, у вас ведь теперь с доходами трудности? Раз жиличка съехала.

— Она не съехала, — терпеливо повторила Ивана, — Она пропала.

— Ну-ну, как угодно госпоже. Так я подумал, может, вам приработок требуется? А то есть один заказ.

— Да? — осторожно спросила Ивана.

Йонас иногда подкидывал ей клиенток, правда, все реже и реже. Кому теперь нужны портнихи, даже хорошие?

— Молодой Янек, ну, сын пана адвоката, свое дело решил завести. Кофейню открывает. В старинном духе. И ему нужен кто-то, кто бы форму для официанток...

И, наткнувшись на жесткий, холодный взгляд Ивана — поднятые брови, поджатые губы, — торопливо добавил:

— Ему же не просто так. Ему требуется, чтобы с фантазией. Идеи у него.

— Ну ладно, — смягчилась Ивана. — Может, и загляну. А вы его, кстати, не разглядели, пан Йонас? Ну того, в красном авто.

— Нет, — галантерейщик покачал головой, — там стекло было такое. Затемненное.

— Откуда же вы знаете, что там был мужчина? И что он именно ее, Анастасию, ждал?

— Потому что я видел, как она в это авто садилась, — сказал пан Йонас. — Он со своего сиденья потянулся и распахнул ей дверцу. Мужская рука. Пиджак, манжета. Запонки. Яшмовые. И она села, ну буквально как у себя дома. Нагло так села.

— Это она может, — согласилась Ивана.

— Наглые везде как дома, — польстил ей пан Йонас, — и ведь ни стилиа, ни вкуса! Дешевый шик, и ничего больше. А воспитанные, с чуткой душой, так и остаются одинокими.

— Это потому, что совершенство трудно переносить рядом с собой, — парировала Ивана. — Так где этот ваш... который кофейню?

— Да тут, на углу, в подвале. Вам будет интересно, дорогая госпожа, у него сложный заказ... Особые запросы...

— Ладно вам, пан Йонас. Это у молодого Поплавско-

го особые запросы. Не люблю людям кости перемывать, но это всем известно, после той истории с учительницей музыки.

Ивана достала из сумочки потертый кожаный кошелек, из кошелька деньги и уже собралась расплатиться, как тяжелая дверь с медной ручкой неделикатно распахнулась настежь, и толпа туристов во главе с гидом ввалилась, галдя, внутрь, оставляя на мраморном полу мокрые следы.

— Итак, вы находитесь в одной из старейших лавок нашего города.

Гид вырядился в котелок, клетчатый пиджак и помахивал тросточкой — по слухам, так ходили местные фланеры, хотя сама Ивана, честно говоря, фланера, выряженного на такой шутовской манер, ни разу в своей жизни не видела.

— Этот галантерейный магазин был открыт венским предпринимателем фон Зольцем в одна тысяча семьсот пятьдесят восьмом году. Фон Зольц выписывал кружева из Тосканы и Гента, а бархатные, атласные и парчовые ленты — из Венеции. Впоследствии он расширил торговлю и стал выписывать из Венеции еще и ручные зеркальца, чтобы модные дамы могли смотреться и подбирать себе ленты под цвет глаз или волос... Однако вскоре фон Зольц разумно решил, что наши умельцы ничуть не хуже, и основал в нашем городе производство ручных зеркал, главной гордостью которых была резная оправа из местного мраморного дуба, инкрустированная серебром, слоновой костью и перламутром. Однако тут фон Зольц столкнулся с неожиданной трудностью: как его мастера ни старались, им не удавалось наносить амальгаму так же ровно, как на венецианских зеркалах. Оказывается, на самом последнем этапе, как раз когда приходила пора покрывать зеркала амальгамой, венецианские умельцы удаляли всех из мастерской — даже подмастерьев. Ровно на три минуты. Что можно сделать за три минуты? И ни за какие деньги не хотели открывать свой секрет.

Так вот, фон Зольц пошел окольным путем. Он отпра-

вил самого молодого, самого красивого своего служащего обучаться в Венецию, и тот — ну вы, конечно угадали! — обольстил дочку старшины цеха. И она ради него подглядела в замочную скважину, что делает отец, когда выгоняет всех из мастерской. Секрет оказался очень простым — оказывается, перед тем как накладывать амальгаму, мастер просто дышал на обратную сторону зеркала, и тогда амальгама ложилась ровно, плотно и без комков. С тех пор наши зеркала ничуть не уступают венецианским, а производство их по старым рецептам сохранилось по сю пору. Равно как и производство кружев, которое фон Зольц тоже наладил здесь, — из местного льна, который ничем не уступает тосканскому. И то, и другое вы можете купить в галантерейной лавке фон Зольца, и, кстати, только в ней.

Ивана, скривив тонкие губы, смотрела, как туристы теребили пана Йонаса, требуя отмерить кружева, единственным достоинством которых было то, что и впрямь их производила местная мануфактура, и наперебой спрашивая зеркальца в деревянной, инкрустированной дешевым перламутром оправе, тоже ничем иным, кроме местного производства, не знаменитые. За зеркальца и кружева пан Йонас запрашивал гораздо больше, чем они того заслуживали, и Ивана гадала, сколько из этих денег уходит лихому экскурсоводу. На нее туристы косились с равнодушной симпатией, словно Ивана была чем-то вроде восковой персоны в окне, выставленной исключительно для антуража.

Наконец туристы вывалились из магазина, подгоняемые энергичным экскурсоводом, поскольку ровно в полдень часы на ратушной площади начинали свой парад фигур, выскакивающих последовательно из часового механизма: начиная с турка с кривой саблей и кончая зловещей ухмыляющейся смертью с косой, и на этот парад фигур просто обязательно следовало посмотреть каждому уважающему себя туристу.

Пан Йонас обернулся к Иване.

— Натоптали, — сказал он сокрушенно. — Я вон спе-

циально коврик положил, так хоть бы кто ноги вытер. Франчик, мерзавец, ввалился, как чужой, а за ним вся эта гопа. Где воспитание, я вас спрашиваю? Где культура? Куда мы вообще катимся? Вермеера украли, вы слышали?

— Кто ж не слышал, — сухо сказала Ивана.

— Меня еще папа на него водил смотреть, маленького. Гордость коллекции, можно сказать. Собственно, единственная гордость. И ведь какой цинизм, пани Ивана, какой цинизм! В самый день города, во время фейерверка...

— Будь я на месте вора, я бы тоже работала во время фейерверка, — говорит Ивана. — Такой шум, треск, грохот, все тарашатся на небо, у всех в глазах огненные колеса... Но у меня бы рука не поднялась на Вермеера. Ни у кого бы не поднялась, так что я полагаю, это заезжий гастролер работал. Тю-тю наш Вермеер... Вот, пан Йонас, мы в расчете. Кружево по пятерке, плюс два с полтиной за полметра, а корсажная лента...

— Благодарствую, — пан Йонас аккуратно сложил деньги в ящичек старомодной кассы, — а все ж таки зря вы в полицию обратились. Ничего с ней не случилось, уверяю вас.

— Надеюсь, — сказала Ивана.

* * *

Окно в доме напротив поймало солнце и, точно мячик, метнуло обратно, прямо Иване в глаза. Ивана моргнула и увидела, что бронзовая девушка теперь стоит немножко в другой позе. Или ей, Иване, не совсем точно запомнилось? Она недоверчиво покачала головой, и словно в ответ статуя пошевелилась, переступив с ноги на ногу. Только тут иллюзия развеялась, и стало ясно, что на постаменте никакая не статуя, а просто живая девушка, крашенная бронзовой краской, — и шубка (искусственного меха, как отметила Ивана), и теплая юбка из плотной пальтовой ткани в рубчик, и лицо, и руки. И даже букет, наверняка когда-то живой и разноцветный.

Разве будет девушка из приличной семьи вот так бесстыдно красоваться у всех на виду?

Почему она опять вспомнила про Анастасию? Не потому ли, что настоящее лицо Анастасии, хотя они вроде бы и жили бок о бок, как бы не проявляло себя? Не в смысле, что она довольно щедро красилась, а в каком-то другом, самой Иване не очень понятном...

Подвал на углу находился на той стадии ремонта, когда кажется, что не в человеческих силах поправить такое разорение. В углу лопнувшие мешки с цементом, проводка по стенам черными змеями, в полу дыры.

Молодой Янек был задумчивым и вдохновенным и с ног до головы заляпанным известкой.

— Подавальщицу видели? Ну, картину? Такая девушка, пышная такая, фартук, чепец, поднос в руках...

— Полагаю, — сказала Ивана, — вы «Шоколадницу» имеете в виду. Кисти Жана-Этьена Лиотара. Одна тысяча семьсот сорок пятый, если не ошибаюсь. Кто же ее не знает. Она, можно сказать, всем надоела уже.

— Не мне, — сказал Янек и стряхнул с ресниц известку. — Как может надоесть красивая девушка? Тем более нарисованная. Стоит и молчит. Но не в этом дело. Я их хочу в такие, ну, платья. Официанток.

— Отрезное, по фигуре? Не советую. А вдруг она располнеет? Или вообще уволится? Тогда что, на другую перешивать? Накладно будет. Можно, правда, — она задумалась, — шнуровку сделать. Знаете, как Красную Шапочку рисуют. Корсет. Тогда можно распускать и по фигуре подгонять.

— И вырез чтобы глубокий. — Янек, полузакрыв глаза, продолжал, словно бы уже находясь внутри мечты. — И чтобы полненьких брать. Такая, чтобы домашняя обстановка. Как бы ренессансная. Свечи в плошках или в бутылках старых... чтобы потеками.

— Как-то банально получается, — осторожно заметила Ивана, — пошловато...

Янек с усилием вынырнул из своих видений.

— Пошлость — это то, что нравится большинству, — сказал он деловито, — а мы работаем с большинством. Это пускай снобы всякие выдрочиваются. А у нас целая легенда разработана. Это, мол, старая кофейня. С традициями. Вывеску состаренную повесим, портрет основателя... Закопченный такой. Он дворянин был. Храбрый, но бедный. Как водится. Когда турки город осадили и защитники ослабли от голода, — значит, и вот-вот ворота падут, — он пробрался за стены и поджег турецкий склад боеприпасов. Рискуя жизнью. Все, значит, взрывается, горит, защитники собирают последние силы, врываются во вражеский стан и гонят турок, гонят... И остается все турецкое добро там, палатки шелковые, ковры... И курфюрст его, героя, тогда спрашивает, а что бы вы хотели, ну, может, баронство там... Или орден? И он говорит, мне не надо вашего баронства, а дайте мне вон те мешки и эксклюзивное право торговать их содержимым...

— Так и сказал — эксклюзивное?

— Так и сказал... На протяжении... пяти, нет, десяти лет. И ему, конечно, дали. И он основал первую в городе кофейню. И она вот так и простояла, и почти ничего не менялось в ней. Вон, кусок старой штукатурки оставим, чуть-чуть только еще затрем, когда просохнет. С вензелем и латинским девизом... Как бы случайно сохранился. Людям приятно. И портрет опять же.

Он кивнул на стоящий у стены очень темный и с виду очень старый холст, на котором смутно угадывался мрачный смуглый человек в красной феске.

— На турка похож, нет? — осторожно спросила Ивана.

— А как бы иначе он пробрался во вражеский стан? — удивился молодой Янек. — Мы уже заплатили авторам последнего путеводителя, там будет и портрет, и легенда, и адрес кофейни. Парочку эксклюзивных рецептов придумаем, опять же, с историей, и настойку свою. На травах, чтобы больше ни у кого, фамильный секрет, из поколения в поколение. Лицензию купим, тыфу ты, сплошное разорение, но должно окупиться, должно.

— Тут сапожная мастерская была, — задумчиво сказала Ивана, — ее Лепские держали. Сначала сам, потом сын, потом внук. А буквально напротив была сапожная мастерская Гиршовича. И они соперничали все время. И однажды старый Лепский, вернее, средний Лепский, подговорил одного клиента Гиршовича, чтобы тот подал на Гиршовича в суд. Мол, тот так ему неудачно башмак стачал, что через натертую ногу у клиента рожистое воспаление началось. Суд, правда, счел доводы неосновательными. А во время последней войны последний Лепский прятал у себя в подвале последнего Гиршовича. Тесно, все на нервах, все злые, и еду носить надо, и горшок выносить. И характер у Гиршовича еще тот, и Лепский в сердцах пожаловался старой пани Окульской, когда она пришла к нему обувь чинить, мол, я его прячу, жизнью рискую, а он еще и хамит. А она возьми, да и сболтни кому не надо... Их обоих расстреляли — и Лепского, и Гиршовича. Эту мастерскую потом какая-то артель заняла, а племянник Лепского начал за нее судиться. И не отсудил. Лепские всегда были сутяжники, но все дела проигрывали.

— Людям не нужны такие истории, — Янек стер штукатурку с бровей, — людям нужны истории с хорошим концом. И чтобы давно. Им кажется, что все было иначе. Подвиги всякие. Было где развернуться. Показать себя. А в настоящей истории ведь нет никакой романтики. Одна тоска. Грязь и кровь. А мне надо, чтобы посетители чувствовали себя уютно. Только не было тут никакой мастерской Лепского, а были склады купца Попудова. Мой дед его консультировал в деле о поджоге с целью незаконного получения страховой компенсации. Так возьметесь?

— Полагаю, да, — сдержанно согласилась Ивана, — я вам на днях эскизы принесу и примерную смету. То есть, исходя из недорогих, но практичных материалов... Сколько у вас девушек будет?

— Это ж кофейня. Не ресторация. Я так думаю, одна за кассой, одна за стойкой, три в зале... Еще одна на подхвате... посудомойку не видно... Шесть получается, может,

там, взаимозаменяемые детали, фартучки... с оборочками. Чепцы. Как у той, как вы сказали?

— Шоколадница. Кисти Лиотара, — повторила Ивана с достоинством.

— Да, вот как у нее. А там сзади нельзя сделать попышнее?

— Турнюр? В принципе, можно... но тогда вам придется слишком часто обучать новых девушек. И, кстати, такой деликатный вопрос...

Ивана всегда стеснялась говорить про деньги, потому что ей казалось, что это разрушает ее имидж тонкой и культурной женщины. Хотя работа тонкая, серьезная работа, и времени требует, и эстетического чутья, и понимания материалов.

— Какой же это деликатный? — удивился Янек. — Это сущностный, можно сказать, вопрос...

Гонорар Янек предложил весьма скромный, хотя и в пределах допустимого, из чего Ивана заключила, что с такой прижимистостью он, пожалуй, не прогорит. Но торговаться она не стала, удовлетворившись тем, что аванс получит сразу по предоставлении сметы.

Девушки на углу уже не было, наверное, замерзла и убежала. К вечеру и правда сделалось холоднее, и туристы, галдевшие подле Собора и под часами на ратушной площади, рассыпались по кофейням и ресторациям. Булыжник мостовых подернулся тонким нежным ледком, словно бы жировой пленочкой, и Ивана осторожно перебирала аккуратными своими ботиночками, боясь поскользнуться.

Дверь в комнату Анастасии была приоткрыта. Ивана нахмурилась, поскольку привычки оставлять двери распахнутыми, даже дома, за ней не водилось. Хотя кто ж такое помнит, иногда с полдороги возвращаешься, чтобы проверить, заперла ли входную дверь, а ведь это гораздо серьезней, чем просто забыть, затворена ли дверь в комнату жилички...

И все же в комнату жилички Ивана заглянула осторожно, на цыпочках... Чудовищный беспорядок как был, так

и остался. Впрочем, может, дверь в комнату отворилась просто от сквозняка?

Несколько успокоившись, Ивана переделалась в домашнее платье, поскольку равно осуждала и тех, кто не переодевается дома, и тех, кто ходит по дому в халате, поужинала яблоком и гренками, сварила себе кофе в турке на одну персону и устроилась за столом в гостиной — с кофейной чашечкой под рукой и с блокнотом для эскизов. Час спустя по бумаге важно расхаживали шоколадницы — без головы, но с подносами в руках; на всех корсеты со шнуровкой, на некоторых — фартуки с оборками, еще один фартук отдельно повис в белом воздухе. Тут же на страничке она аккуратно, в столбик, расписала примерные суммы расходов: материя на платье — столько-то метров, такая-то стоимость, на нижние юбки — столько-то, такая-то стоимость; фартуки — желателно из нейлона, фурнитура, и так далее...

Работа эта, размеренная и спокойная, хотя и требовала сосредоточенности, была приятна, поскольку создавала впечатление, что жизнь можно направить в верное русло посредством нехитрых подсчетов. Потому Ивана какое-то время не обращала внимания на звонки, доносящиеся из коридора.

Потом все-таки спохватилась, встала так резко, что повалила венский стул с лебединой гнутой спинкой. Иване редко кто звонил, разве что Каролина, но Каролина как раз в это время обычно растирала маме спину, прежде чем уложить ее спать. А вдруг это Анастасия? Просто смылась со своим Ладиславом, как полицейский и намекал, втихую, чтобы за комнату не платить, а теперь звонит сказать, что все в порядке. Тогда она, Ивана, и впрямь повела себя как суетливая дура.

Но, когда Ивана сняла трубку и торопливо сказала «да!» на том конце провода ей ответом было молчание, не глухое, а как бы наполненное шевелящимся дальним эхом.

— Да? — повторила Ивана, чуть задыхаясь. — Говорите, я слушаю!

Молчание...

— Анастасия?

Молчание.

— Ладислав?

Там, далеко, кто-то швырнул трубку на рычаг. Или просто прервалась связь...

Покачав головой, Ивана вернулась к столу, попутно ут-вердив стул на место, и замерла: папины очки, старые, в ко-ричневой, почти непрозрачной оправе, с дужкой, перехва-ченной черной ниткой, опять лежали на крышке пианино.

Мертвые привязаны к своим вещам и кое-что могут. Это ведь не страшно, уговаривала она себя, это родные мертвые, они не могут сделать ничего плохого.

А все-таки при Анастасии такого не было...

Когда телефон зазвонил опять, Ивана уже не торопи-лась: аккуратно положила карандаш и отставила стул. По-дождут, кем бы они ни были.

Телефонная трубка была теплая, словно Ивана положи-ла ее на рычаг буквально миг назад.

— Слушаю вас, — сказала она сухо, — и если вы не прекратите хулиганить... нет-нет, это я не вам. Это кое-кто тут... не знаю, кто. Звонят, а потом молчат в трубку. Погодите, что значит «это арест»? Вы что вообще себе...

— Вот так всегда. Да не «арест»... Орест, — терпели-во сказали на другом конце провода. — Меня так зовут. Орест. Через «о», не через «а». Вы у нас сегодня были. Ну, в участке. По поводу пропавшей жилички.

— А! — Ивана сначала облеченно вздохнула, потом до нее дошло. — Что? У вас есть какие-то... новости?

— Можно сказать и так, — неохотно ответил человек по имени Орест.

— Плохие?

— Ну... не очень хорошие, скажем так. Если вы завтра с утра... Вы вообще ходите на службу, нет?

— Нет, — железным голосом сказала Ивана, — я на-домница.

— Ну-ну, — неопределенно сказал Орест, — в общем, у нас рабочий день в девять ноль-ноль начинается.

— У вас, похоже, рабочий день круглые сутки, — кисло говорит Ивана, — приятно, что еще остались серьезные и ответственные люди. Сейчас мало кто отдается работе с такой страстью.

Если бы Анастасия нашлась, живая и здоровая, молодой человек из полиции по имени Орест не стал бы ей звонить — в котором? — да, в десятом уже часу вечера. Приличные люди в это время уже готовятся ко сну.

Она вздохнула и стала готовиться ко сну. Но заснуть так и не смогла, лежала, думая о своем одиночестве и прислушиваясь к тихому скрипу паркета... Не выдержала, встала, зажгла свет — нет, пусто. А вскоре на соседней улице зазвенел трамвай...

* * *

Орест сегодня с Ивановой держался не снисходительно, а холодно и сурово, показывая тем самым, что человеческого меж ними быть не может, а только деловое, а деловое это еще по-разному может сложиться. И Ивана ощущает потребность оправдаться, хотя вроде бы ничего такого не сделала.

— Звонил вчера кто-то, — говорит она осторожно. — Как раз перед вами. Звонил и молчал в трубку. Нельзя установить — откуда?

— Я проверю.

Вид у Ореста был усталый, даже галстук сбился набок. Будь у них другие отношения, Ивана бы поправила ему галстук, но сейчас она сидит, вцепившись в сумочку, и молчит.

— А вот вы мне скажите, гражданка, в каких вы отношениях были в вашей жилищной?

— Это... — у Ивановы на миг перехватывает дыхание. — В каком смысле?

— В прямом. В самом прямом. Не ссорились?

Ивана выпрямляется — на скулах ее горят два красных пятна, а глаза смотрят перед собой прямо и строго, даже некоторым образом задумчиво.

— Это значит, — говорит она тихо, — она мертвая, убита. Нет, погодите... И вы теперь подозреваете, что я ее убила, а к вам вчера пришла, чтобы замести следы. Я тоже детективы читаю. И теперь вы говорите мне «гражданка» и будете проверять мое алиби и что там еще? Следы крови на ковре? У меня есть ковер, да. А алиби нет. Откуда? Я живу одна. То есть вот была Анастасия, а теперь вот одна.

Она помолчала.

— Понимаю ход ваших мыслей. Она шубу купила. А за комнату задолжала. И вот я начала с нее требовать деньги, она сказала что-то... неприятное. Обидное. Она могла, Анастасия. И я вошла в состояние аффекта. А потом, чтобы отвести от себя подозрение, пришла к вам. Ну да. Я вас понимаю. Кто рядом, то и убил. Если убита жена — трясина мужа. И наоборот.

— Да, — согласился Орест, — в девяноста процентов случаев. По крайней мере, в пособии по криминалистике так написано...

Ивана подумала, что это — первое его серьезное дело. Молодой, но неопытный следователь лицом к лицу с хитрым, коварным преступником. То есть с ней, с Ивановой. И вся его карьера теперь зависит от того, раскроет ли он. В детективах всегда так.

— Женщины удивительно сильными делаются в состоянии аффекта, — Ивану со значением кивнула, — особенно моего типа. То есть худощавые и с тонкой костью. У меня знаете, какой размер ноги? Вы удивитесь.

Называя размер, она слегка приврала.

— Скажите, — покорно говорит Орест, — а вам не кажется, что вы мне пытаетесь заморочить голову? Строите из себя...

— Эксцентричную старую деву? А на самом деле я и есть убийца?

Она смолкла и задумалась. А ведь в самом деле, смогла бы она, Ивану, убить Анастасию? Во время ссоры, например... Нет, Анастасия сильнее, моложе и вообще девица

крупная. Себя в обиду не дала бы. Уж скорей, наоборот, она Ивану бы придушила, если что.

Орест вздохнул, поднялся из-за стола и полез в сейф. Извлек оттуда пакет и вывалил содержимое пакета перед Ивановой, которая уже было протянула руку.

— Нет-нет, не трогайте.

Сам он демонстративно натянул перчатки и показывал Иване один предмет за другим, точь-в-точь фокусник в цирке.

— Это ее сумочка, да. — Ивана кивнула, подтверждая. — То есть похожа на ее сумочку. Нет, точно ее, я помню эту пудреницу. Там на крышке лебедь как бы выдавлен. Помаду не помню, но она ее цвета. Она красным губы красила, Анастасия. А где ее нашли? В Старом парке?

— Здесь я спрашиваю, — сурово сказал Орест. — А почему вы думаете, что в Старом парке?

— Сумочка мокрая изнутри, — говорит Ивана. — Подкладка сырая. И вон, старая хвоя прилипла. Вон иголка, видите... В скверах старую хвою убирают.

Он что, совсем желторотый, этот Орест? Никаких аналитических способностей.

— Ну да, — неохотно ответил Орест, — в Старом парке. В кустах... Собаку там выгуливал пацан один, собака и нашла. Охотничья собака, спаниель.

— А... ее? Анастасию?

— Ее тоже нашли, — сказал Орест и замолчал.

Он молчал долго, и Ивана не выдержала:

— Мне надо... опознавать ее?

— Опознали уже, — Орест все слова выталкивает неохотно, словно бы ему неприятно было об этом говорить, во всяком случае — Иване. Уж не потому ли, подумала Ивана, что она, Ивана, оказалась права, а он, Орест, в дураках? — Управляющий цветочного магазина опознал. Он говорит, у нее на пояснице родинка была... в форме розочки.

— Родинка, гм... — говорит Ивана, — на пояснице.

— Ну да, гм... Но он все выходные дома был, жена подтверждает. Так что тут все чисто. Более или менее.

— А... это все, что там было?

— В сумочке? Документов не было, точно. Ключей тоже. Блокнота, записок... ничего. Только вот это. Ну, как бы предметы первой необходимости. Пудреница, помада. Даже перчаток не было.

— Она их в кармане шубы оставила, — говорит Ивана. Ивана закрывает глаза, потом открывает.

— А это что? Тоже в сумочке у нее было?

Не букетик даже, какой-то пучочек. Впрочем, перевязан ленточкой, так продавщицы обычно перевязывают цветы, одним стремительным движением заставляют эту ленточку завиваться, будто бы девичий локон. Но эти такие жалкие и чахлые, что даже ленточки не заслуживают. Они бы, наверное, совсем увяли, не пролежи сумочка все это время где-то в подтаявшем снегу...

— Тоже было, — Орест вздыхает и с отвращением смотрит на букет.

— А можно... я заберу его?

— Это улика, — поясняет Орест, — она в описи есть. Нельзя.

— Он же совсем завянет...

— Все равно нельзя.

— Я тогда зарисую их... Можно?

Ивана извлекает из собственной своей сумочки блокнот и цветные карандаши. Она хотела забежать к молодому Янеку, показать ему шоколадниц и, может, внести кое-какие коррективы, если ему что-то в голову стукнет, но, похоже, сегодня ей будет не до этого.

— Наверное, можно, — уныло соглашается Орест. Он предпочел бы, чтобы Ивана наконец ушла, поскольку узнал все, что хотел, но он уже достаточно знает Ивану, чтобы понять, что так просто отделаться от нее не удастся. — Зачем он вам только, веник этот?

— В вашем деле все важно. Любая мелочь. А скажите, — Ивана встряхнулась и сурово поглядела на Ореста, — это и правда ваше первое серьезное дело?

— Смотря что считать серьезным, — неопределенно го-

ворит Орест. — На нас еще и Вермеер висит. То есть его городское управление под свой контроль взяло, но кража-то совершенна в нашем округе. Нарисовали?

— Сейчас... Только вот этот еще, желтенький. А скажите... Как ее убили, Анастасию?

— Ее задушили, — Орест опять вздыхает, — потому и... если честно, хотя вас нельзя сбрасывать со счетов, вы... ну, словом, очень сильные руки нужны были. Вы свободны, гражданка.

— Не сомневаюсь. — Ивана спрятала блокнот и карандаши в сумочку и встала, прижимая сумку острым локтем к боку. — Так я пошла?

— Идите, — устало сказал Орест и прикрыл глаза.

* * *

А день переливался и смеялся, и никакого никому дела не было до бедной Анастасии. На углу с лотка торговали жареными каштанами и засахаренным миндаем, толстые голуби ходили вперевалку меж гуляющими, подбирали крошки... Мимо Иваны процокала подковками по брусчатке белая лошадка, запряженная в открытую повозку, сейчас пустую, без седоков... Возница в камзоле помахал Иване рукой, и она с достоинством кивнула в ответ.

Рынок за Оперным театром заполнился цветочными рядами — и зачем вообще столько цветов, неужто их кто-то покупает? Туристы? Зачем? Не потащат же они цветы в отель? Да и у горожан, можно подумать, других дел нет, как только бежать с утра пораньше в цветочные ряды на рыночной площади... Хотя глазу приятно, это да. Словно сам город нечувствительно побуждает торговцев раскладывать на прилавках не, скажем, морковку и петрушку, а азалии и ноготки... А все-таки чудно, что они не прогорают, эти цветочные ряды...

Мы любим не то, что полезно, думает Ивана, а то, что красиво... Польза некрасива, неживописна, не романтична, в конце концов. Никому не приходит в голову укра-

шать шляпки, скажем, картошкой и луком, а ведь в быту это гораздо более уважаемые растения. Но люди не хотят думать о картошке и луке, они хотят жить так, словно бы картошка и лук не существуют, вместе со всеми остальными бытовыми заботами. Торговать цветами — шикарно, а картошкой и луком — нет. Не пошла же Анастасия работать в овощную лавку. А вот в цветочную — это пожалуйста. Ивана какое-то время стоит, сжав в руках сумочку, круглый лоб перерезает вертикальная морщинка, потом поворачивается и решительно идет на трамвайную остановку. Ехать недалеко, но проталкиваться сквозь толпу веселящихся и галдящих туристов ей сейчас не хочется.

* * *

В Ботаническом саду Ивана не была с самого детства, с того лета, когда мама водила ее в розарий, на летнюю выставку роз, и Ивана навсегда запомнила розовато-желтое, алое, пурпурное буйство. Чувственность вытянутых тугих трубочек-бутонов и бесстыдно распустившихся зрелых цветов тогда была ей, маленькой, непонятна и тем не менее ощутима, словно что-то скрытое, волнующее и даже опасное. Тогда было жарко, и над розами гудели одуревшие от яростного розового духа пчелы и бражники, которые так быстро работали крыльями, что те сливались в серое гудящее облачко. Сейчас, думала она, розы если где и есть, то только в теплицах, впрочем, клумбы ботсада радовали ранними крокусами, намекая на грядущее великолепие. Но крокусам, белым, желтым и нежно-лиловым, никто не радовался, потому что народу на посыпанных аккуратным гравием дорожках совсем не было...

В будке у ворот, стилизованной под средневековую караулку, Ивана купила билет (пройти без билета, сославшись на срочное дело или на какое-то несуществующее знакомство, ей и в голову не пришло), а заодно и план-проспект, где говорилось, что городской ботанический сад имеет почтенную историю и основан более полутора ве-

ков назад профессором Почаевским на базе старого сада монахов-тринитариев, что коллекция его насчитывает 851 вид растений (подозрительно точное число, подумала Ивана) и что теплицы его не только поставляют цветы для городских торжеств, но и ведут большую научно-исследовательскую работу по изучению и сохранению родной природы. Последнее Иване особенно понравилось, и потому она направилась прямо к теплицам, не слишком задерживаясь, чтобы полюбоваться крокусами.

В теплице солнце проламывалось сквозь стеклянные граненые своды, и зелень кругом так торжествующе буйствовала, что казалась уже даже какой-то страшноватой и опасной, словно бы при начале времен, или, напротив, ближе к их концу, когда и человека уже на земле не будет, а будет только вот такая зелень, и тишина, и запах торфа и жирного чернозема, а больше ничего.

Что-то вдруг прыснуло из-за огромных разлапистых листьев и тонкой струйкой обдало Иванин рукав. Она испуганно отпрянула, но тут же сообразила, что это просто автоматическая поливальная машина. Душный влажный воздух обнимал Ивану, как никогда ни один мужчина, и серое пальто с розовыми буфами отяжелело и обвисло, так что в конце концов Ивана, поколебавшись, сняла его и перебросила через руку, порадовавшись, что и под пальто она одета достаточно пристойно и элегантно... Впрочем, людей никаких тут и впрямь не было, словно бы конец времен уже наступил, и Ивана растерянно озиралась по сторонам, пока, наконец, в дальнем углу этого заповедного сада не расслышала еще какое-то шебуршание и не увидела, двинувшись на звук, мрачную девушку в синем сатиновом халате, обрезающую старые листья какого-то огромного пальчатого растения. Ивана опять подивилась тому, как можно ходить с таким мрачным лицом в таком замечательном месте, но людскую природу не переделаешь...

— Посторонним сюда нельзя, — голос у девушки был таким же сердитым, как лицо, а на носу выступили капельки пота, — это служебное помещение.

— А я по служебным делам, — сказала Ивана, — я веду расследование. И дело мое серьезное.

— Вы что, из полиции? — удивилась девушка. Ивана походила на кого угодно, только не на полицейского сотрудника.

— Я приглашенный консультант, — Ивана кивнула головой как бы в подтверждение своих слов. — И мне требуется определить кое-какие растения... Ну, — она сбилась с ученого тона, — как они называются и все такое...

— Я вообще-то лаборант, — девушка привирала, поскольку никаким лаборантом не была, а числилась садовником третьей категории, — это к специалисту надо.

— Очень хорошо, — сказала Ивана с достоинством, — и где мне его искать?

— Как выйдете отсюда, налево будет такой маленький розовый домик, — все так же сердито сказала девушка, — там он и сидит, специалист. Не в этой же духотище он будет париться.

Это она сердится на специалиста, что не ему, а ей приходится работать в теплице, поняла Ивана, а ведь, в сущности, чем плохо? Всегда тепло, зелень, даже когда снаружи темнота, холод и снег... разве что, если кому не по нраву вечное лето.

Специалист оказался немолодым и лысоватым и тоже в синем сатиновом халате. Он подходил скорее на бухгалтера в средней руки конторе, и даже нарукавники у него были, черные, тоже сатиновые. Впрочем, отметила зоркая Ивана, ботинки у него были хорошие, добротные, и очки в дорогой оправе, а это уже очень много значит, когда хочешь составить впечатление о человеке.

Специалист сидел за столом, заваленном книгами, чьи названия были сплошь на латыни, и рассматривал в лупу сухой корешок с таким вниманием и интересом, что Иване даже стало завидно.

Ей пришлось кашлянуть, чтобы он отвлекся от своей работы.

— Мне сказали, вы можете помочь, — Ивана вдруг по-

чувствовала робость, потому что специалист мог и отказать ей в ее просьбе, — определить растения. Ну, цветы. Я могла бы, конечно, цветочный атлас взять в городской библиотеке, но это долго, потому что я не знаю, где их там искать, понимаете?

— Давайте, — сказал специалист, не отрывая взгляда от растительного корешка.

— Что — давайте?

— Ваши растения, — он удивился непонятливости Иваны.

— У меня их нет... — Ивана торопливо полезла в сумочку за блокнотом, — только рисунки... Но я думаю... я старалась...

Она никогда не рисовала цветы, только платья, но ведь, в сущности, это одно и то же — только цветы уловляют пчел и бабочек, а платья — двуногих... И правда, специалист вовсе не смеется над ее рисунками, он рассматривает их с тем же доброжелательным интересом, с каким только что разглядывал свой корешок.

— Ну да, — говорит он наконец, — вот это — акант.

— Погодите, я запишу, — Ивана пишет название цветка на обороте квартирного счета, потому что ее блокнот лежит на столе у специалиста. Стол, машинально отмечает она, выглядит так, как будто на него сто лет подряд ставили кружки с горячим чаем, попутно проливая немножко... — Надо же, а я думала, что это люпин.

Специалист не сердится, и Ивана чувствует себя свободней.

— Что вы, это совсем другое семейство. Акант, он же медвежья лапка. Тропики, субтропики.

Ивана задумчиво разглядывает набросок. Акант ей решительно не нравится. Так себе растение. Ни красоты, ничего.

— А это?

— Моллюцелла гладкая. Она же ирландский колокольчик. Теплолюбивое однолетнее.

— Не слишком красивый цветок, вы не находите?

— Дорогая моя, — специалист поднимает голову и смотрит на Ивану с тем же доброжелательным интересом, — некрасивых цветов не бывает. Ну как может такой шедевр природы быть некрасивым? Каждый в своем роде — совершенство. Да вы присядьте, что ж вы так, как на уроке, ей-богу.

— Спасибо, — говорит Ивана, — большое спасибо.

Усаживаясь на старый расшатанный стул, она вдруг чувствует, как устала, как ноют ноги в ботиночках, которые, страдая за убеждения, всегда покупает на размер меньше, чем требуется. Но вот как специалист угадал, что она устала, раньше, чем это поняла она сама? Наверное, он очень хороший специалист, раз замечает всякие не относящиеся к делу подробности.

— Наверное, приятно работать в таком почтенном месте? — Ей, Иване, очень хочется сказать ему что-то, польстить специалисту. — Все-таки более чем полутора-вековая история...

— Почему полутора-вековая? — обижается специалист. — Кто вам это сказал?

— Ну как же, вот в путеводителе написано... основан более полутора веков назад профессором Почаевским на базе старого сада монахов-тринитариев.

— Черт знает что пишут... Этому саду по меньшей мере на сто лет больше... И основал его никакой не Почаевский, хотя он тут работал, что да, то да. Его основал частный владелец, бусский воевода, граф Лайош Грабовец. Откупил участок у епископата, с аптекарским огородом, свое имение отдал под посадки... Очень просвещенный человек, между прочим. Интересовался ландшафтным дизайном, специалистов в Вену посылал, в Версаль... Тут великолепный каскад прудов был, великолепный... в войну разрушили, до сих пор не восстановили, жаль. Куда городские деньги идут, непонятно...

— И не говорите, — соглашается Ивана поспешно. — А вот этот? Это какой цветок? Василек, верно? И вот

это — ну это просто, это хризантема. Белая хризантема, так и запишем. А это вот что?

— Плющ.

— Не хмель?

— Нет-нет. Видите, совсем другие листья. И, кстати, совсем другая символика. Хмель — безумие... радость жизни... буйство. А плющ — траурное растение.

— Кстати, насчет символики, — Ивана рада, что разговор на эту тему зашел сам собой. — Одна моя знакомая... ну, неважно... врала, что есть такой язык цветов. Что можно составлять целые послания, если знаешь — как.

— Почему — врала? — Он опять поднимает глаза и смотрит на Ивану, глаза у него то ли серые, то ли зеленые, увеличенные очками. — Язык цветов и правда существует... вернее, существовал. Каждому цветку приписывалось свое символическое значение. Но он, конечно, подзабыт. Кому в наше время нужно столь сложное изъяснение чувств? Но это как бы... вне области научного знания. Это куртуазный язык. Тайный язык влюбленных. Шифр. Ну, хм... признаваться в любви, назначать свидания или там, напротив, давать от ворот поворот... Он больше ни на что не годен, честно говоря.

— Вы думаете? — задумчиво говорит Ивана. — Ладно, положим. А где можно узнать про этот самый язык цветов? Поподробнее?

— В городской библиотеке наверняка что-нибудь есть. Только зачем вам?

— Я хочу проверить одну теорию, — говорит Ивана, и специалист смотрит на нее с уважением. — А это что?

— Лядвенец.

— Вы что, шутите?

— Да нет, он и вправду так называется, — у него хорошая улыбка, — лядвенец рогатый, семейство бобовых. Кормовое и декоративное растение. Хороший медонос. Это вы сами рисовали?

— Да... Я хотела сами цветы, но их нельзя. Следовательно говорит, это улики.

— Очень неплохо, знаете ли.

Улики специалиста не интересуют. Он живет в мире, где нет места убийствам и следователям.

— Благодарствую, — сдержанно кивает Ивана.

— Мы тут как раз каталог составляем. Иллюстрированный. А у вас, я смотрю, твердая рука. И чувство цвета хорошее. Если бы вы согласились... У нас, конечно, гонорары скромные. Но зато обстановка приятная. Даже среди зимы лето, знаете... оранжереи, все такое.

— Спасибо, — говорит Ивана, — я, в общем-то, не против.

Она представила себе, как сидит с Каролиной в кондитерской, потом смотрит на свои часики (маленькие дамские часики, никакой позолоты, никаких сердечек) и говорит: «Ну, я побежала, меня ждут, они там, в ботаническом саду, без меня как без рук...» И Каролина остается одна сидеть за столиком, удивленно раскрыв круглый рот.

И это совсем не то, что цветочный магазин, думает она. Гораздо, гораздо лучше, потому что в ботсаду цветы умирают только естественной смертью.

Она встает, и специалист тоже встает, потому что он вежливый человек, что для ученых, думает Ивана, нетипично. Она всегда полагала, что ученые кроме своей науки вообще ничего не замечают, потому что представления об ученых у нее в основном складывались из тех же детективов Агаты Кристи.

— Ну замечательно! — специалист мнетя и даже от растерянности сует руки в карманы. — Послушайте, а вы сегодня вечером что делаете? Как насчет того, чтобы нам с вами немножко посидеть в кофейне? Обсудить предстоящие обязанности? Я скоро тут закончу, а поблизости есть такая кофейня, ну прекрасная просто кофейня, там подают прекрасный венский штрудель. Вам должно понравиться. Вы не подумайте чего, я, знаете ли...

Ему явно неловко. Ивана понимает, что он не привык ухаживать за женщинами и боится грубого отказа.

— Я сегодня не могу, — осторожно говорит она, —

у меня очень важное дело. Очень срочное. Но вот возьмите, — и она пишет в блокноте свой домашний телефон, отрывает листочек и сует его в карман синего сатинового халата сотрудника ботсада. А поскольку тот по-прежнему держит руки в карманах, то пальцы их сталкиваются, и оба они, Ивана и сотрудник, как по команде краснеют.

А и правда жаль, думает Ивана, что сегодня никак не получается. Он, кажется, приличный человек. Вдовец — вон, кольцо на левой руке. И никого себе до сих пор не нашел, нарукавники носит, потому что рукава ему чинить некому, но аккуратный, ботинки, вон, начищенные, не дает себе распускаться, а я и правда люблю венский штрудель... Если два одиноких человека любят венский штрудель, они всегда могут договориться меж собой. Словно бы прощальный привет от Анастасии, словно бы в благодарность за то, что Ивана не оставила ее лежать одну, никем не признанную, в холоде и мраке, та косвенным образом пытается оттуда, из своего далека, где она там теперь находится, устроить ее, Ивана, личную жизнь и стабильное финансовое будущее. Ну ладно, это Ивана, пожалуй, слишком уж размечталась, но хотя бы раз в неделю сходить с приличным человеком в кафе — это ведь уже неплохо, верно? А уж как иззавидуется Каролина! Эта мысль греет Ивану всю дорогу до библиотеки.

* * *

— Как ваш радикулит?

— Ох, пани Ивана, и не спрашивайте. Я бы сказала, он в расцвете. В самом расцвете сил. Это я чахну, а ему хоть бы что.

— Это все сырость, — сочувственно говорит Ивана, — сейчас самое паршивое время для нашей сестры. Вот, возьмите, можете ставить обратно, я уже прочла что надо.

Вообще-то Ивана любит городскую библиотеку, ее неспешный ход жизни, запах старых книг и мастики, запах газет и новых книг, которые только-только из типографии

и даже оставляют, когда их листаешь, черные следы на пальцах, но сегодня у нее нет времени наслаждаться привычной обстановкой.

— Что-то вы с детективов на куртуазную литературу переключились, — задумчиво говорит пани Валевска. — Уж не появился кто на вашем одиноком горизонте? Весна время бурное. И не только в смысле радикулита.

— Личная жизнь — очень тонкая материя, — загадочно говорит Ивана, — чуть тронешь ее грубой рукой, а она раз — и рвется... Но книга мне была нужна не в плане куртуазных намерений. Это как бы исследование.

— Железные у вас нервы, пани Ивана, — неодобрительно говорит библиотekarша. — Буквально сегодня вашу бедную жилищку какой-то маньяк удушил, а вы тут про цветочки читаете.

— Ее удушили в выходные, — сухо говорит Ивана, — скорее всего, в субботу вечером. Я могу позвонить отсюда, пани Валевска?

— Вообще-то это служебный телефон, — говорит библиотekarша, которая исключительно редко звонит по служебным надобностям, но довольно часто по своим личным нуждам, — но если недолго...

— Я недолго. — Ивана предпочла бы, чтобы пани Валевска не присутствовала при разговоре, и не знает, как бы это сказать, чтобы было без обиды, но тут, на Иванино счастье, аптекарша приходит поменять один любовный роман на другой, точно такой же. Ивана остается одна за конторкой и разворачивает бумажку с телефоном полицейской управы.

— Соедините меня с Орестом, будьте любезны. Ну с тем следователем, который ведет дело об убийстве. Что значит «какое убийство»? Не морочьте мне голову, это срочно. Орест, это опять я... ну, Ивана, по поводу жилищки... да, я знаю... но у меня новости, я хочу сказать, очень важные... очень.

Она прикрывает ладонью трубку и оглядывается, но пани Валевская увлеченно обсуждает что-то с аптекаршей. Очевидно, свой радикулит.

— Знаю, что заняты. Я много времени не займу. Вот, прямо по бумажке. Акант — искусство, василек — изящество. Изящное искусство получается. Ирландские колокольчики — удача. Плющ — зависимость, сотрудничество. Дурман — обман. Лобелия — злоба, недоброжелательность. Хризантема — правда. Лядвенец — месть. Месть! Я думаю, она знала, что он найдет записку, если она ее напишет, и времени у нее было совсем немного. И она составила букет. Язык цветов, понимаете? Я думала, она врала, ну, цену себе набивала, а она и правда... Почему — чушь? Ну вот...

Она стоит, растерянно сжимая в руке трубку и вслушиваясь в короткие гудки.

Потом поворачивается к пани Валевской, оживленно описывающей аптекарше какую-то чудодейственную мазь...

— Поговорили? — Валевская, казалось бы, поглощенная разговором с аптекаршей, за Ивановой тем не менее наблюдала и даже, кажется, прислушивалась.

— Да, благодарю вас, — говорит Ивана, — исключительно полезный разговор. А вот не знаете, пани Валевска, кто у нас сегодня в музее в зале шедевров дежурит? Пани Эльжбета? Ну отлично, просто отлично!

— Не тревожься, Анастасия, — шепчет Ивана, выходя из библиотечных дверей, — я этого так не оставлю!

* * *

— И не говорите, пани Ивана. Такой ужас, такой ужас! Можно сказать, гордость музея. Жемчужина.

Пани Эльжбета всплескивает руками, и вязанье падает с колен на пол. Ивана думает, что, если бы был конкурс на звание идеальной смотрительницы музея, пани Эльжбета бы его выиграла. Музейная смотрительница в пенсне и крупновязаной шали сама до какой-то степени музейный экспонат, без нее и музей не музей.

— Еще повезло, что без человекоубийства обошлось, — заметила Ивана осторожно.

— Ну так этот мерзавец все рассчитал. День города, фейерверк ровно в полночь, прямо на ратушной площади... Шум, гам... Кто там заметит, что какой-то бессердечный, бессовестный! И ведь даже из рамы как следует не вынул, обрезал ножом по краям, и все. Три сантиметра полотна утрачено! Три! А это Вермеер, их во всем мире сорок, считая украденного, нашего!

— А разве день города не в сентябре был? Я вроде помню, тоже салют и тоже на ратушной площади.

— Нет, в сентябре праздновали победу над турками. Ну, когда дворянин этот пробрался во вражеский стан и поджег пороховой склад... Он еще захватил мешки с кофе и первую в городе кофейню основал, знаете, ту, что на углу, в подвале. С тех самых пор ровно в этот день пускают фейерверки в память о поджоге! А день города у нас как раз на солнцеворот, это символично, можно сказать, и, кстати, Магдебургское право нам было пожаловано как раз именно в этот день...

— Плохо мы знаем свою историю, — соглашается Ивана. — Только я вот чего не понимаю. У вас что, сигнализации нет? Как этот мерзавец ухитрился в музей проникнуть?

— У нас, пани Ивана, честно говоря, сигнализация так себе, особенно на втором этаже. А Вермеер как раз на втором этаже и висел последние десять лет. Но техник говорит, что если разбить стекло, то сигнализация среагирует, а если аккуратненько вынуть, то, может, и нет.

— И он, естественно...

— Вынул. И так аккуратно вынул, понятное дело... Нигде не звякнуло.

— А что полиция говорит, он как, один был, не знаете, пани Эльжбета?

— Полиция говорит, один. Следов не оставил, в перчатках работал. У нас тут дома, можно сказать, плечом к плечу стоят, и он с какого-то из соседних по крышам перешел. Полиция говорит, по водосточной трубе.

— Наверное, со двора, — предполагает Ивана. — На улицах народу много было, фейерверк ведь.

— Ну да, со двора. Перелез на крышу музея, а у музея тоже водосточная труба имеется. И он по ней как раз в окно и залез. Картину из рамы вырезал — и обратно.. Следовательно, молодой такой, Пилад, кажется его зовут, нет, Орест, точно, Орест, так вот, он сказал, что, похоже, преступник долго обстановку изучал, да и в музее не раз был, потому как чисто сработано. Такая утрата, такая утрата, как мы будем без Вермеера? Граф Потоцкий, даритель, если бы узнал, в гробу бы перевернулся.

— А разве его Потоцкий музеем подарил, Вермеера? Я вот сегодня в библиотеке была, специально читала, так там в путеводителе написано, что его австрийский посол подарил курфюрсту. Как бы компенсация за то, что костел сакрекерок разрушили прямым попаданием... А уж курфюрст...

— Нет-нет, путеводители врут все, а каталог музейными работниками пишется. Граф Потоцкий этого Вермеера приобрел на аукционе в Бельгии, в тысяча восемьсот сорок девятом, и преподнес городу. Были же щедрые люди. И всегда народ вокруг нее, всегда народ. И просто зрители, и люди искусства. Это же... чистейшей прелести образец, можно сказать. Тут одна копию с него писала, так она почти месяц ходила. Говорит, так он свет писал, никто так не умеет. Что камерой-обскурой пользовался, это понятно, это модно было в его время, а вот свет... Никак у нее не получалось, жаловалась. Чистый свет... Жемчужный, можно сказать. Она так и говорила — жемчужный.

— Кто?

— Из Венской академии. Стажировка тут у нее была. Так она целый месяц с утра и до закрытия. Только поесть-попить выбегала. Мольберт вон тут ставила и работала.

— Надо же, какой энтузиазм, — восхищается Ивана. — Знала я одну, такая беленькая, худенькая... Ноги такие... ну, кривоватые немножко. Всегда в коротком ходит. Эта?

— Нет, эта чернявая, плотная такая, крупная. Но одета богемно, очки, косынка так на затылке узлом... Блуза такая, полотняная... Но видно, что пышненькая. Не могу

оторваться, говорит, волшебная картина. Этот холодный жемчужный свет...

— Высокая?

— Ну, высокая вроде. Крупная такая девушка. Кость широкая.

— Ну, не всем же быть аристократками, — задумчиво говорит Ивана, глядя на свое тонкое запястье.

* * *

На улицах уже королевствует вечер, духовой оркестр на площади у фонтана наигрывает что-то военное, и смеющиеся туристы валом валят в кафе «Зеленый пес» на углу Соборной и в ресторацию «Ленивый кот» на углу Тенистой.

Ивана торопится домой. Ей беспокойно. И чем дальше, тем больше.

Лампочку в парадной так и не вкрутили, вдобавок фонарь на улице почему-то тоже погас, так что Ивана поднимается по лестнице ощупью, стараясь отвлечься мыслями о еде. Сначала она думает о венском штруделе и о замечательной, уютной кофейне, где так хорошо сидеть вдвоем, потом — о том, что вообще не успела пообедать как следует, только перекусила в музее буфета кофе с пирожным, и это смех один. Она думает о том, что как придет домой, сразу переоденется и поджарит себе гренки с тертым сыром и помидором. Можно еще открыть баночку зеленого горошка и нарезать окорок, у нее в холодильнике есть прекрасный кусочек вестфальского окорока, он немножко заветрился, но его можно чуть прижарить, так даже вкуснее получится, а потом сварить кофе и...

Тут она наконец добирается до своей площадки и роется в сумочке, доставая ключи и попутно ругая себя за то, что не успела занести наброски и смету расходов молодому Янеку. Ну ничего, думает она, сегодня тяжелый день, да и вообще, если делаешь заказанную работу слишком быстро, это производит на клиента плохое впечатление.

Он может подумать, что ты отнеслась к заказу поспешно и несерьезно. Или что у тебя нет других заказов, следовательно, ты, как профессионал, не востребована.

Она очень нервничает, потому что темно и ей кажется, что кто-то вот-вот бросится на нее сверху, с чердачной лестницы, но ключ наконец находит замочную скважину и проворачивается в ней.

Ивана с облегчением захлопывает за собой дверь и зажигает свет.

Ее прекрасная, аккуратная квартира!

Плюшевая скатерть со стола сорвана, и чайные розы, выпав из разбитой вазы, рассыпались по мокрой столешнице. Вышивка, изображающая девочку с букетом, выдрана из рамы, а сама рама висит на одном гвозде. Этажерка, резная, точно фрагмент убранства костела сакрекерок, лежит на боку, и альбомы с выкройками валяются рядом, распластав листы, точно подбитые птицы.

В спальне Ивана точно такой же беспорядок — шкаф чернеет нутром наружу, пестрые платья, красные пояса, серые пиджаки вывалились, точно внутренности из распоротого тела, с кровати сдернут матрас, и не просто сдернут — распорот ножом, и конский волос из него торчит в разные стороны... Что творится в кухне, Иване и представить себе страшно, но она, преодолевая себя, идет туда, чтобы увидеть выпотрошенный буфет, битые чашки, которые хрустят под ногами, кухонный столик с отвалившимся, точно сломанная челюсть, выдвижным ящиком.

Ивана мечется по квартире, точно хомяк по разоренному гнезду.

В комнате Анастасии такой же разор, с той только разницей, что разор там был и раньше, а потому выкинутый на пол матрас и разбросанные диванные подушки уже не производят такого впечатления.

Только тут она спохватывается. Ладислав или кто там, устроивший такой разгром, что не пожалел мамину чашку, любимую чашку Ивана, не пожалеет и ее — если он еще здесь. А она, Ивана, совсем-совсем незащищена. Ей

некого звать на помощь, некуда бежать. Если меня убьют, никто этого даже и не заметит. Разве пожилой вдовый специалист из ботанического сада будет удивляться, чего это я не беру трубку, почему не отвечаю... А я даже не спросила, как его зовут...

Мелко семена по осколкам и обрывкам, разбросанным по паркету, она бросается к телефону, но телефон молчит, потому что трубка остается в пальцах у Иваны, а шнур беспомощно болтается в воздухе.

В зеркале, где чернеет звездообразная дыра, Ивана видит себя, бледную, раздробленную на несколько несовпадающих фрагментов, и за спиной — еще что-то, встающую из полумрака тень, огромную и живущую как бы самостоятельной жизнью.

* * *

— Так и будешь молчать, старая ведьма? Где она?

А странно все же, думает Ивана, что и он, вслед за Анастасией, назвал ее старой ведьмой. Видно, они давно работали вдвоем и, наверное, научились думать одинаково... Несмотря ни на что... Ну да, плющ на языке цветов — сотрудничество. Зависимость.

— Кто — она? — Ивана приподнимает аккуратные брови. — Анастасия? Это я у вас должна спрашивать.

— Не заговаривай мне зубы. Где картина? Где Вермеер?

— Понятия не имею. Разве... — Ивана не удерживается и ядовито спрашивает: — Разве вы не увезли его в багажнике своего прекрасного красного автомобиля?

— Стерва подсунула мне фальшивку, — говорит Ладислав.

Он точно такой, каким Ивана его себе представляла, — крупный, темноволосый, с большими руками. Она представила себе, как эти большие руки смыкаются на полной шее Анастасии, и вздрогнула.

— Подсунула мне фальшивку, копию, она, оказывает-

ся, с самого начала готовилась меня кинуть, а оригинал где-то спрятала, и если ты мне, паскуда, не скажешь, где...

— Оба хороши, — говорит Ивана сухо, — вы, значит, заказали ей Вермеера, а когда она вам его принесла, когда выполнила ваш заказ, решили от нее избавиться? Еще бы — и картина у вас, и денежки целы.

— Ну, — утрюмо соглашается Ладислав.

— А она вас, значит, надула.

— Ну.

— Зря вы ее убили, получается. Поторопились. Когда убивали, получается, еще не знали, что она подсунула вам копию.

— Ну.

— Поспешишь, — наставительно говорит Ивана, — людей насмешишь. Не убили бы, может, выследили, где она прячет настоящего Вермеера.

— Он должен быть где-то здесь, — Ладислав сжимал и разжимал пальцы, костяшки которых поросли густым темным волосом, — должен. Где еще ей его прятать было? Она хитра была, но я ее перехитрю. И если ты не скажешь мне, где Вермеер, я задушу тебя этими вот руками.

Ивана думает, что, как только он найдет Вермеера, он все равно ее задушит. Кому нужны лишние свидетели, особенно свидетели позора?

— Мертвые, — задумчиво говорит она, — тоже могут говорить. И не всегда то, что вам нравится. Уж они-то найдут способ. Например, язык цветов... Владея языком цветов, можно очень многое сделать.

— Что ты несешь, старая курица?

— О, это замечательная штука — язык цветов. Считается, что это язык влюбленных. Но, понимаете, это не совсем так. Он годится почти на все случаи жизни. Я думаю, это потому, что любой язык — язык влюбленных. Что может быть важнее любви? Ну вот бальзамин, например, означает нетерпение. А лютик — богатство. Вам не терпится получить свое богатство, верно? — она поджигает губы и какое-то время молчит, раздумывая, потом поднимается со стула,

на который ее толкнул мощной рукой Ладислав. — Что ж, пойдёмте. Я думаю, я знаю, где она его спрятала.

— В твоей спальне? — Ладислав стоит посреди разоренной комнаты и недоуменно вертит круглой головой.

— Ну не в ее же. В ее спальне вы, вон, все перерыли, и даже дважды. Вы ведь уже рылись тут вчера... А ключ вы где взяли? У нее из сумочки вынули?

— Ну...

— Она знала, что в ее сумочке будут рыться. Потому и не оставила никакой записки.

— Точно. Не оставила. Я все перерыл. Так где Вермеер?

— Я ж говорю, я так думаю, он у меня в спальне.

— Я там уже искал, старая ты дура..

— На то и тайник, чтобы его не нашли посторонние, — презрительно говорит Ивана.

— Тайник? — От Ладислава пахнет каким-то противным одеколоном. И, поскольку он потратил много физических сил, да еще нервничает, вдобавок от него несет каким-то специфическим мужским запахом, терпким и опасным, так, наверное, пахнет тигр в зоопарке, если кто-то отважится подойти к нему достаточно близко, чтобы убедиться в этом. И сам он, Ладислав, очень крупный, очень большой, очень плотский. Ивана всегда боялась таких вот больших мужчин. И правильно боялась, как выяснилось.

— А она откуда знала? Про тайник?

— Я ее однажды застукала у себя в комнате. И вид у нее был... ну такой... вороватый. Она профессионал, не то что, извиняюсь, вы. Она знала, где искать тайники.

Ладислав пропустил шпильку мимо ушей.

— Показывай.

Ивана решительно направляется в спальню, Ладислав топают за ней, на всякий случай положив лапу на ямочку между ключицей Иваны и основанием ее же, Иваны, шеи. Эта же рука, думает она, лежала на шее Анастасии, и чем это кончилось?..

— Вон там, в кладовке, лестницу возьмите, — сухо говорит она.

— Вот эту? — Ладислав легко, как перышко, вынимает из кладовки стремянку. В кладовке он тоже успел порыться, и теперь на полу лежит ворох старой одежды, которую Ивана обычно пускала на тряпки.

— Да. Приставьте ее к шкафу. И придержите. Я сама достану.

Она скидывает ботинки и легко карабкается на стремянку, думая о том, что очень удачно надела сегодня совершенно новые чулки и на пятках у нее нет дырок. Даже при убийце нельзя распускаться. Особенно при убийце.

— Ну? — Ладислав нетерпеливо топчется внизу, его голова находится на уровне Иваниных бедер. Еще ни один мужчина не оказывался к ней так близко. Нет уж, думает Ивана, и не надо, благодарю покорно.

— Тут, наверху, доска должна отходить. Но что-то... не... получается, — Ивана устало сдувает со лба выбившуюся из прически прядку, — она приколотила там, что ли... Мне эта нужна... как она называются? Стамеска? Или клещи. Что-то, чтобы подцепить.

— Пусти, дура! — он так нетерпеливо трясет лестницу, словно хочет стряхнуть с нее Ивану, как перезревший плод. — Пусти, я сам.

Ивана боится, что он не утерпит и задушит ее прежде, чем доберется до Вермеера, но, хотя ему, похоже, очень хочется сделать именно это, второй раз он такой ошибки не допустит при всей своей тупости.

— Погодите, — говорит она на всякий случай, — клещи же... возьмите клещи!

Но зачем Ладиславу клещи, с такими-то руками...

Стремянка трещит под его могучим телом, какой он и правда сильный, этот Ладислав. Есть в нем все же какое-то звериное обаяние.

И Ивана, чтобы не видеть большого страшного Ладислава, зажмуривает глаза и изо всех сил толкает стремянку вбок и к окну. Стремянка скользит по вощеному паркету, она открывает глаза и видит, как Ладислав нелепо взмахивает руками...

— Сука! — кричит он. Руки его, огромные руки, все-таки уцепились за резной венец, украшающий верх огромного, точно собор, старинного платяного шкафа. Она опять хочет в ужасе зажмуриться, но тут шкаф, словно сам собой, начинает крениться и всей своей тяжестью обрушивается на Ладислава. Сначала падает стремянка, потом Ладислав, потом шкаф, и все это грохочет и стучит, и так и не успевшая зажмуриться Ивана в ужасе отпрыгивает и видит огромные дергающиеся ступни, торчащие из-под солидного дубового массива, и они, эти ступни, дергаются еще какое-то время, а потом перестают.

Такой тяжелый шкаф. И очень, очень устойчивый.

— Это мой дом, — говорит Ивана неподвижному Ладиславу, — моя семья живет тут уже несколько поколений. И все они, слышите, все встанут на мою защиту. Никто не смеет сделать мне ничего плохого в моем доме.

Она медленно бредет в гостиную и устало плюхается на стул.

Ладислав в процессе своих поисков не пощадил пианино, и оно стоит растерзанное, с поднятой крышкой, но папины очки аккуратно лежат на желтых костяных клавишах.

— Папа, — говорит Ивана задумчиво, — ты, пожалуй, перестарался. Я надеялась его просто вырубить на время.

* * *

— Познакомьтесь, — вид у Ореста уже не сердитый, а, наоборот, даже заискивающий, но галстук у него еще больше съехал набок. Он, бедняга, и не выспался как следует, думает Ивана, вон, глаза красные. — Это Герберт Гительмахер, международный эксперт по преступлениям, связанным с предметами искусства.

— Очень приятно, — говорит Ивана, — вы агент Интерпола, да?

— Ну что вы, — говорит Гительмахер, — просто консультант.

У Гительмахера крупный горбатый нос, пенсне и остатки волос за ушами. Он похож на часовщика, а вовсе не на международного эксперта, впрочем, думает Ивана, любая тонкая работа облагораживает человека.

— Госпожа Ивана фактически раскрыла это дело. — Орест лояльно кланяется в сторону Ивана. — Вы были правы, когда обратили наше внимание на исчезновение вашей жилочки. Эти два преступления связаны между собой. Господин Гительмахер вам все расскажет, да вы уж, наверное, и так знаете..

— Известная аферистка, специализировалась на краже предметов искусства, — поясняет Гительмахер специально для Ивана, поскольку Орест все уже знает и так. — Работала только в одиночку. Приехала сюда после некоего особо дерзкого преступления, о котором я сейчас говорить не уполномочен. Просто отсидеться. Туристский город, тысячи приезжих, легко затеряться. Но, как бы это сказать, инстинкты взяли верх... Такой лакомый кусочек. Вермеер, и охраны практически никакой. Ну, конечно, известная подготовка требовалась. Она ежедневно посещает музей — чтобы изучить обстановку, а заодно и пишет копию Вермеера, которую надеется впоследствии пустить в дело, устраивается в цветочный магазин рядом с музеем, делает копию ключей от парадного и черного хода, так что может входить и выходить в любое время, осматривается и связывается с покупателем. Тоже жулик, но другого масштаба. Он в основном по сбыту краденых предметов искусства. Итак, она дожидается праздника с фейерверками, проникает в цветочный магазин, через черный ход выходит во двор, поднимается по водосточной трубе на крышу, переходит на крышу музея, опять же по водосточной трубе спускается к окну музейного зала, аккуратно высаживает стекло, отключает сигнализацию, вырезает картину из рамы — экое варварство, по меньшей мере три сантиметра холста убито, — и возвращается тем же путем, через цветочный магазин. Прячет настоящего Вермеера, подменяет его фальшивым и ждет сообщника. Он, естественно, в момент преступления тут не

крутится — слишком велик риск, что заметят. Она не знала, что он тоже решил играть свою собственную игру. Только я кое-чего не понимаю. И господин Орест не может мне этого объяснить. Ну ладно, у вас она поселилась, чтобы не привлекать к себе внимания. Ведь, согласитесь, странно, что дама, снимающая номер в дорогом отеле, идет работать в цветочный магазин. Но при чем тут шуба?

— И цветы, — подсказывает Орест.

— С шубой понятно, — говорит Ивана, — ей надо было, чтобы в цветочном магазине ее запомнили яркой нарядной женщиной. А не той белой мышью, которая ходила в музей делать копию с Вермеера. Она ведь все время крутилась в одном и том же квартале, понимаете? Ей надо было выбрать место работы рядом с музеем, но при этом так, чтобы ее никто не узнал. В черном пальто хорошо идти на дело, а на работу надо ходить так, чтобы бросаться в глаза... То есть в шубе и сильно накрашенной... Все просто на самом деле.

— А цветы?

— Я думаю, — говорит Ивана, — что она назначила Ладиславу свидание в подсобке цветочного магазина. В ночь на воскресенье, когда там никого не могло быть. Он должен был передать ей деньги, а она ему — фальшивого Вермеера. То есть это она знала, что фальшивого, а он думал, что настоящего. И там же, в подсобке, он ее задушил. Сунул в багажник и сумочку прихватил, чтобы обшарить на досуге, отвез в Старый парк и там выкинул... — она покачала головой, — точно ненужную вещь, точно мусор. Нельзя так с человеком. Даже если этот человек — воровка и авантюристка.

— Но цветы?

— Она в какой-то момент поняла, что ей угрожает опасность. Спасти ее уже не могла, только как-то дать знать... намекнуть... записку он бы ей писать не дал, понятное дело. Я думаю, они разговаривали, довольно напряженно, и она во время разговора... как бы механически, машинально, у него на глазах... складывала букет. Что тут такого? Она там все время складывала

букеты... Это была ее работа, можно сказать. Он так ничего и не понял.

— Она слыла очень умной женщиной, — согласился Гительмахер. — Но вы-то как догадались?

— Мертвые умеют говорить, — Ивана вопросительно поглядела на Ореста, и тот кивнул, подтверждая. Все-таки не такой уж растяпа этот Орест, может, и получится из него что-то путное. А Гительмахер подслеповато и растерянно моргал бледными совиными глазами. Он ничего не понимал. Как он может хоть что-то понять, этот чужак, никогда не чувствовавший на себе мягких объятий города?

— Послушайте, а она и правда прятала Вермеера у вас? В тайнике?

— Не думаю, — Ивана покачала головой. — Она знала, что Ладислав в первую очередь будет искать у меня дома. Конечно, в тайнике его не было. Там, собственно, и тайника никакого не было. Мне надо было заманить его на лестницу. Такие крупные, тяжелые люди обычно очень неудачно падают. Но, мне кажется, я знаю, где Вермеер. Потому что, мне кажется, я ее немножечко знаю, Анастасию.

— Ивана, — сказал Орест и поцеловал ей руку, — вы чудо. Подвести вас на машине?

— Ни к чему. — Ивана встала и поправила ему галстук, так, чтобы он лежал ровно, прикрывая пуговицы рубашки. — Это близко. Тут все близко.

Вместе с Орестом и господином Гительмахером они вышли из полицейского управления, и пан Йонас, открывавший свою галантерейную лавку, завидев их, вежливо приподнял шляпу.

Первый по-настоящему весенний день поднимался над городом, и шпиль ратуши дрожал и переливался в потоках теплого воздуха.

Клетчатый фланер — не Франчик, другой, потолще и пошире в плечах, — собрав вокруг себя очередную группу туристов, указывал на окно серого дома с тяжелыми бледными русалками, вальяжно расположившимися на карнизе.

Ивана замедлила шаг, и вместе с ней замедлили шаг Орест и Гительмахер.

— А вот тут, — говорил фланер, указывая тростью на окна второго этажа, — живет знаменитая черная вдова. За последние шестьдесят лет она похоронила троих мужей, а сама выглядит от силы на сорок пять. Еще при курфюрсте один из ее тогдашних любовников, почувствовав странное недомогание, обратился за помощью к ученику Фрейда, профессору Гузневичу, и тот, опросив больного, посоветовал ему отказаться от роковой страсти... однако больной предпочел зачехнуть в объятиях этой страшной женщины, но расстаться с ней был так и не в силах. Поговаривают, она опять собирается замуж. Тссс. Вот и она сама.

Дверь распахнулась, и Ивана увидела Каролину, но Каролину в бархатной шляпке с густой вуалью и в норковой накидке. Шла Каролина так, как, видимо, в ее представлении должны ходить роковые женщины — маленькими шажками, как бы по струночке, но при этом соблазнительно виляя задом.

Туристы тактично расступились, провожая ее восторженными взглядами.

— С добрым утром, Каролина, — вежливо сказала Ивана, поскольку Каролина явно склонна была ее не заметить.

— Ах, это ты! — рассеянно воскликнула Каролина, демонстративно игнорируя туристов. — Тебя что, уже арестовали? Добрый день, господин следователь!

— Это не конвой, — Ивана поджала губы. — Это мои коллеги. Я их консультирую... Исключительной важности дело. Ну, потом расскажу. А что это ты так вырядилась? На маскарад идешь?

Каролина воровато оглянулась и, убедившись, что туристы под предводительством фланера стоят достаточно далеко, шепотом сказала:

— Он говорит, мне ничего не надо делать... Просто иногда в назначенное время выходить из дома и... ну, хоть в кофейню, хоть куда. Ну и одеваться пошикарней. А где я возьму пошикарней? Норковую накидку я у мадам Поплавской

одолжила, а шляпка мамина... я только тушью ее кое-где подкрасила, и все. А деньги хотя и небольшие, но все ж деньги... мама вырезку телячью любит, а где мы на вырезку возьмем?

— Госпожа Ивана, — жалобно сказал Орест, — умоляю!

— Иду-иду, — Ивана развела руками, мол, что поделаешь, не продохнуть, и, вздернув голову, прошествовала мимо. Гительмахер и Орест покорно потащились за ней, точно гусята за гусыней.

Каролина же двинулась в направлении рынка, и Ивана, украдкой оглянувшись, отметила, что пожилой, прилично-го вида господин, разглядывавший трости и зоны, выставленные в витрине на углу, при виде Каролины застывает, приоткрыв рот, а потом, вместо того чтобы идти по своим делам, поворачивается и как привязанный тащится за неотразимой дамой в норковой накидке и шляпке.

* * *

Орест явно чувствовал себя неловко среди всей этой цветочной роскоши, а Гительмахеру было все равно.

— Но, госпожа Ивана, здесь и спрятать-то негде... Ладислав наверняка здесь искал.

— Это не здесь, — сказала Ивана, — это в подсобке. Там, где он ее убил.

— Ладислав тоже был не дурак.

— В том-то и дело, что дурак, — сказала Ивана презрительно. — Хотя, конечно... есть опасность, что шедевр утрачен, но я все же надеюсь...

В подсобке работали те девушки, которых не пускали на свет, иными словами, непривлекательные и оттого злые, но с Орестом они пререкались побоялись и освободили помещение без лишних слов. И они втроем остались в полутемном сыром помещении, среди вороха цветов и листьев, и у каждого цветка был свой особенный запах, и запахи эти смешивались во что-то уж совсем невообразимое, так что у Иваны закружилась голова.

— Ну? — нетерпеливо переступил Орест с ноги на ногу.

— Сейчас, — сказала Ивана, — сейчас, погодите...

Цветы стояли в эмалированных и жестяных ведрах, охалками, срезанные, обреченные на умирание... Колокольчик — думаю о тебе. Пурпурная гвоздика — своенравие. Орхидея — усердие. Миндаль — обещание... Папоротник, аспарагус, физалис... Столько цветов, столько трав, охалки привядших цветов отдельно, на клеенке. Обломанные ветки, пожелтевшие стебли... Брак, пересортица.

— Я думаю, — говорит Ивана, — я думаю... вот.

И она аккуратно приподнимает край клетчатой клеенки. Потом, нахмурившись, приподнимает еще повыше, так, что бедные цветы скатываются мокрой кучей к противоположному краю.

— Боже мой! — выдыхает Орест.

— Она наглая была, Анастасия. Прятать надо нагло, весело. Чтобы все — на виду.

— А если бы ее выкинули, клеенку эту?

— С чего бы? Она тут всегда лежит. Цветы выносят и выкидывают, это да. А она лежит, и все. Цветы переходящи, клеенка вечна.

— Позвольте! — Гительмахер вынимает из нагрудного кармана лупу и, кряхтя, присаживается над клеенкой. Ивана смотрит, как он прилаживает к неровно обрезанному краю картины симметричный лоскут и удовлетворенно кивает сам себе.

— Ну что? — Орест выглядывает из-за плеча Ивана.

— Да, это она. Та самая. Видите, это то, что она вырезала из рамы, а это — то, что осталось в раме. Края сопадают. Тютелька в тютельку, можно сказать.

— Боже мой, — повторяет Орест как заведенный. — Боже мой.

— Только... позвольте сюда, к свету... ну да... не хочу вас расстраивать, но...

— Он поврежден? — страдальчески морщит лоб Орест, — от сырости?

— Нет, при чем тут сырость. Я хочу сказать... Скорее всего, это не Вермеер у вас. Подделка. То есть изначально

подделка. Хан ван Меегерен, скорее всего, ну, знаете, знаменитый жулик, он прекрасно работал Вермееров. Я бы датировал вашего тридцатыми или сороковыми. Меня, конечно, смущает каталог — там черным по белому, что приобретен в восемнадцатом веке, но я бы усомнился. Видите, вот эти кракелюры? Ну, мелкие трещины.

— Я думала, на старых полотнах всегда так, — говорит Ивана.

— Не совсем. У оригинала они глубже... А на вашем они как раз для подделок Меегерена типичны, он в печи полотна прожаривал... специально, чтобы состарить полотно, у него была своя технология, и... Можно, конечно, дополнительную экспертизу, но я абсолютно уверен.

— Но это именно та картина, что была украдена? — напирал Орест.

— Да.

— Тогда... какая разница? Я хочу сказать, все эти штуки, подлинное там, не подлинное, это дело темное. Мы нашли картину? Нашли. Вы готовы подтвердить, что это она?

— Да, — Гительмахер выпрямился, сложил лупу и вернул ее в нагрудный карман, — это я готов. Но послушайте, что тут у вас вообще творится? Ни одной точной даты. Ни одного проверенного факта. Тут у вас вообще есть что-то настоящее? Что-то не поддельное? Или все это — одна сплошная огромная туристская туфта?

— Есть, — сказала Ивана, — мы.

Гительмахер задумчиво посмотрел на нее поверх пенсне и пошевелил носом.

— Вы в этом уверены? — спросил он.

* * *

Солнечный свет плясал на промытых окнах, на статуях святых у собора, на кариатидах, на расправившем крылья над карнизом каменном орле, которому какой-то шутник натянул темные очки. Ивана шла по брусчатке, над которой стелилась легкая, чуть заметная дымка, шла, привыч-

но огибая туристов, имевших обыкновение останавливаться в самый неподходящий момент, чтобы полюбоваться на очередную достопримечательность. При этом Ивана чуть шевелила губами, сопровождая умственную деятельность. Надо нанять девушку и сделать уборку. Наверное, давно пора было выбросить все это старье, а теперь уж и деваться некуда. Мебель можно частью отремонтировать, частью прикупить новую, денег, конечно, не напасешься, но можно на первый момент продать шубу Анастасии — это вроде как наследство. Анастасия не возражала бы. Уж что-что, а жадной она никогда не была. Орест говорит, что ей, Иване, полагается от города грамота, это, конечно, хорошо, но лучше бы деньгами... Еще надо поторопиться с заказом Янека, если хорошо получится, можно будет уговорить его на еще одно предприятие, и легенду хорошую разработать. В конце концов, не только турки осаждали город... Его кто только не осаждал. А потом пойдет эта работа с иллюстрированным атласом цветов, и работа хорошая, и место приятное, и венский штрудель она, Ивана, очень любит.

Бронзовая девушка опять была на своем месте, она так и сверкала на солнце. Ивана на миг остановилась полюбоваться ею, и девушка, словно почувствовав ее взгляд, повернулась и протянула Иване букет. Не бронзовый. Просто букет. Репейник и мак. Странное сочетание.

Благодарность. Забвение.

Благодарность. Забвение.

Ивана внимательно поглядела в улыбающееся лицо девушки, гладкое и бесстрастное под слоем бронзовой краски. Сколько ей на самом деле лет? Вот уже и морщинки у глаз, они под краской еле-еле видны, словно бы ниточки или кракелюры на старинном полотне...

Прижимая букет к груди, она пересекла площадь и двинулась к трамвайной остановке. До ботанического сада ехать минут пятнадцать, и если она, Ивана, поторопится, то успеет как раз к обеденному перерыву.

ЖЕСТЯНАЯ СОБАКА МАЙОРА ХОППА

Ем была особенно хороша работа у профессора Суонка, так это тем, что там без зазрений совести можно спать на рабочем месте. И Ариадна никогда не упускала такой возможности. Начальство на ее маленькие слабости смотрело сквозь пальцы — профессор и сам был не прочь вздремнуть после плотного обеда. А посетителей в настоящей волшебной лавке всегда было мало. Так что единственный инцидент, как-то связанный со сном на работе, случился, лишь когда карлик Джаскониус, компаньон профессора, несмываемым маркером пририсовал спящей Ариадне усы.

В то январское утро Ариадна дремала в большом викторианском кресле, будто специально созданном для того, чтобы в нем спать. С точно такого же кресла и начались приключения Алисы в стране за зеркалом. Только Ариадна ничуть не стремилась в Зазеркалье — чудес и приключений ей хватало и по эту сторону. Она была помощницей хозяина волшебной лавки, а это само по себе настоящее приключение. Что уж говорить о тех авантюрах, в которые ее постоянно втягивал профессор Суонк? Одна хлеще другой — и двух недель не прошло, как Ариадна чуть не стала пленницей стеклянного шарика с моделью Эйфелевой башни внутри.

Но пока в делах профессора царило затишье, и Ариадна пользовалась этим на всю катушку. Проще говоря, обьявила себя мышью-соней и впала в зимнюю спячку.

Бывают зимой такие дни, когда нет ничего приятнее, чем забраться с ногами в кресло и дремать над хорошей книжкой. Особенно если в названии присутствует слово «остров». «Таинственный остров», «Остров сокровищ»,

«Бесконечный Остров» или «Остров доктора Моро» — это всегда звучит многообещающе. Но сегодня на коленях у Ариадны лежал толстый том совсем иного рода — объемная монография, посвященная пузырькам и бутылочкам необычной формы и жидкостям, которые надлежит в них хранить. Книга хоть и жутко интересная, но над которой грех не заснуть.

За стеклом витрины хлопьями кружил пушистый снег. Компания ребятишек громко играла в снежки, но их радостные крики и смех ничуть не мешали сну Ариадны. Даже наоборот: они сыграли роль колыбельной. Во всем городе невозможно найти более мирный и уютный район, чем тот, где находилась волшебная лавка. Порой эта уютность доходила до такой слащавости, что это начинало раздражать. Но не сегодня — сегодня все шло как полагается. До тех пор, пока...

Ариадну разбудил звук дверного колокольчика — словно кто-то трижды протрубил в охотничий рог. Причем так громко, что Ариадна едва не свалилась с кресла.

Колокольчик в лавке Суонка был особенный. На каждого входящего он играл свою мелодию. Причем профессор утверждал, что по этой мелодии можно угадать, что за человек пришел в лавку или, по крайней мере, его настроение. Судя по звукам, настроение у вошедшего было весьма боевое.

Щурясь спросонья, Ариадна уставилась на посетителя. Он был высок и грузен. Широкое лицо раскраснелось с мороза, а в рыжеватых усах поблескивали тающие снежинки. Сперва Ариадна решила, что посетитель один из тех фанатов-реконструкторов, любителей разыгрывать битвы давно минувших эпох. Длинная шинель и высокая фуражка с треснувшим козырьком наводили на мысли о полях сражений Первой мировой. А на боку у него висела кавалерийская сабля.

На плечах незнакомца, точно погоны, лежали холмики снега. Ничуть не заботясь о приличиях, он стряхнул их на пол. Затем, с той же бесцеремонностью, отряхнул снег с сапог.

В этот момент Ариадна и решила, что пора вмешаться. В конце концов, не ему здесь убирать.

— Добрый день, — сказала она самым строгим тоном, на который была способна.

Усач вздрогнул и уставился на Ариадну так, словно только что ее заметил.

— Карл? Давненько мы не виделись... Ты сильно изменился. И, поверь старому другу, тебе эта внешность не идет. Особенно усы.

На пару секунд Ариадна задумалась. Что-то в словах усача настораживало. Но она решила не забивать голову.

— Вы к профессору? Он наверху, работает. Я его помощница. А вы...

Но не успела она договорить, как хлопнула дверь на второй этаж и послышался зычный голос Суонка:

— Узнаю этот горн! Неужели сам майор Хопп навестил старого приятеля?

И с этими словами в лавке появился профессор, всклокоченный, как орел, которого прополоскали в стиральной машине. Длинные седые волосы стояли дыбом, и казалось, что смятый гармошкой цилиндр только на них и держится. Суонк щеголял в канареечно-желтой пижаме в голубую полоску — подобных пижам у него было несметное количество, и менялись они каждый день. Ариадна ни разу не видела двух одинаковых расцветок. Впрочем, она не исключала и такой возможности, что на самом деле это была одна и та же пижама, меняющая цвет и узор, подобно ящерице-хамелеону.

— Ага! — сказал посетитель, хлопая себя по груди. — Как же я рад тебя видеть!

Они обнялись, а затем профессор повернулся к Ариадне, удерживая приятеля за плечи.

— Уже познакомился с моей помощницей? Очень удачное приобретение.

— Приобретение? — нахмурилась Ариадна.

— Позволь представить тебе моего давнего друга, — сказал Суонк. — Майор Бенджамин Хопп, по прозвищу Следопыт.

Хопп козырнул ей двумя пальцами и щелкнул каблуками.

— К вашим услугам, мадам, — в широкой улыбке сверкнули белоснежные зубы.

Если бы Ариадне показали сотню фотографий и попросили найти среди них снимок майора, она бы не задумываясь указала на этого Хоппа. Даже если бы тот был без фуражки и военной формы. До сегодняшнего дня Ариадна не задумывалась над тем, как должен выглядеть настоящий майор, а теперь уже не могла представить, что майоры могут выглядеть иначе.

— А почему у твоей помощницы усы? — вдруг спросил Хопп. — Я знаю, ты любитель диковинок, но...

Ариадна выпрямилась. По спине пробежал холодок. Вот оно...

— *Какие еще усы?!*

В волшебной лавке постоянно что-то менялось. Вещи появлялись и исчезали, сама собой двигалась мебель, на книжных полках возникали новые книги, а на картинах и фотографиях — новые изображения. Так, на мирном морском пейзаже работы Тернера могла разразиться буря, или у горизонта показывался парусный корабль. Но Ариадна никак не ожидала, что когда-нибудь подобные изменения затронут и ее.

Замирая от ужаса, Ариадна провела рукой под носом, готовая к тому, что там обнаружится густая поросль, как у майора Хоппа. И на кого она будет похожа? Гибкая девушка с тонким лицом и шапкой светло-рыжих кудрей и в то же время — с шикарными майорскими усами. В таком виде только в цирке и выступать. Но самое обидное, что кто-нибудь наверняка найдет это забавным.

На ощупь усов не обнаружилось, и Ариадна облегченно выдохнула. Пронесло? Но судя по ухмылке майора, все было не так просто. Да и на губах Суонка появилась едва сдерживаемая усмешка.

— Держи. Думаю, тебе сейчас нужно это...

Профессор протянул ей круглое карманное зеркальце. Ариадна выхватила его у него из рук и уставилась на отражение.

— Вот зараза! — не сдержалась она.

Над верхней губой и на щеках красовались по три широкие полоски, нарисованные черным маркером. Словно, пока она спала, кто-то пытался превратить ее в Хэлоу Китти.

Послюнявив палец, Ариадна потеряла щеку. Не помогло — след от маркера даже не размазался. Ариадна закричала зубами от злости. «Шутка» выглядела более чем дурацкой. Девчонкой в летнем лагере ее и то так не разыгрывали!

В волшебной лавке лишь один человек был способен на подобные выходы.

— ДЖАСКОНИУС!!!

От крика зашаталась люстра, с потолка посыпалась штукатурка. Щеглы и канарейки заметались в клетках, а отважный майор схватился за эфес сабли.

А спустя минуту дверь, ведущая в подвал под лавкой, лениво приоткрылась, и в комнату вышел компаньон профессора — карлик-изобретатель Джаскониус.

Как всегда, выглядел он крайне недовольным и угрюмым, и даже удачный розыгрыш не поднял его настроения. Ариадне еще не доводилось встречать большего мизантропа.

— Чего еще?! — проворчал Джаскониус, грязной тряпкой вытирая пот с блестящей лысины. — Я, между прочим, делом занят...

— Твоя работа? — процедила Ариадна, указывая на нарисованные усы. Джаскониус не улыбнулся.

— Ну да. Это все?

— Если ты думаешь, что это смешно... — продолжила шипеть Ариадна, но карлик вяло отмахнулся.

— Смешно? Что за бред? У меня нет чувства юмора, оно мешает в работе.

— Тогда что же это?!

— Я изобрел несмываемые чернила, и надо было их проверить. Сама бы ты не согласилась.

Ариадна опешила.

— Проверить? На мне?

— Должна же быть от тебя хоть какая-то польза?

И в этом был весь Джаскониус. Ариадна просто не нашла что сказать — стояла и беззвучно открывала рот, как рыба.

— Гляжу, твой компаньон в своем репертуаре? — майор Хопп фыркнул, моржовые усы всколыхнулись, точно водоросли в аквариуме. Карлик обернулся в его сторону, и лицо его скривилось в мучительной гримасе.

— Ну, здрасте... Только его здесь не хватало.

— Рад тебя видеть, дружище, — козырнул майор, улыбаясь так широко, что казалось, его голова вот-вот развалится на половинки.

Джаскониус пробормотал что-то неразборчивое. Кислая мина карлика не смутила майора. Он шагнул к нему, протягивая руки.

— Я помню, ты терпеть не можешь военных. Но уверен, на самом деле ты искренне рад нашей встрече.

— О да! Прямо-таки умираю от радости. Пойду прилягу на всякий случай.

Карлик в сердцах швырнул под ноги грязную тряпку.

— Эй! — крикнула Ариадна, пока Джаскониус не улизнул обратно в мастерскую. — Стой! Я с тобой не закончила...

— Ну чего тебе еще?!

— Чем смывается дрянь, которой ты разрисовал мое лицо?

Карлик наградил ее взглядом, полным тоски и безграничной скорби, в котором умудрился высказать все, что думает о женском интеллекте.

— Это несмываемые чернила. Естественно, они ничем не смываются!

*Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:
«Влюбился в девушку с усами. Куда катится мир?»*

Жестяной чайник на плите застучал крышкой.

— А вот и чай поспел. — Майор Хопп захлопнул ма-

ленькую записную книжку. — А вы знаете, прекрасная синьорина, что Карл заваривает лучший чай на этой планете? Я объездил полмира и могу утверждать это наверняка. Даже секретный чай с травами и маслом яка-альбиноса, который готовят в одном монастыре в тибетских горах, с ним не сравнится.

— А? — тоскливо отозвалась Ариадна, совсем его не слушая. Все ее мысли занимали усы, вернее то, как от них избавиться.

Они сидели в столовой на втором этаже волшебной лавки. Комната выглядела как крошечный кусочек Дикого Запада, втиснутый в четыре стены. Здесь имелись обои с индейским орнаментом, шкуры на полу и голова бизона с выпученными стеклянными глазами. А одну из стен занимал огромный натюрморт с дичью, пушиной и рыбой.

Многочисленные кухонные шкафчики и полки соединялись между собой веревочными лестницами и подвесными мостиками. Вместе они образовывали некое подобие крошечного «города на стене». Ариадна была уверена, что в этом селении живет самое настоящее племя миниатюрных индейцев, ростом с мизинец. Пусть ей никогда не удавалось их увидеть (обитатели столовой были существами стеснительными и не показывались людям), однако следы их пребывания находились повсюду. Иногда это оказывался крошечный томагавк, воткнутый в дверную ручку, иногда — засохшая муха, пронзенная стрелой-иглой. А пару раз Ариадна находила еще теплые угольки на месте погасшего костра за чайным блюдцем.

Однако сейчас Ариадна была не в состоянии думать о маленьких индейцах. Устроившись на краешке стула, она разглядывала свою физиономию в карманное зеркальце.

Как и обещал Джаскониус, нарисованные усы ничем не смывались. Ариадна испробовала три вида мыла, жидкость для снятия лака и жидкость для мытья посуды, соду, виски и колу — все без толку. Проще было смыть с носа все тринадцать веснушек. А так — только щеки покраснели там, где она скребла чернильные полосы ногтями.

У нее осталось не так уж и много вариантов. Пока что Ариадна разрывалась между пластической операцией и серной кислотой. Сомнительный выбор, честно говоря.

Профессор разлил по чашкам свой знаменитый чай — густой и черный, как сырая нефть. Майор тут же схватился за чашку двумя руками и сделал огромный глоток. На взгляд Ариадны, поступок более чем опрометчивый, особенно для человека, который уже пробовал знаменитый чай Суонка. Напиток этот по крепости мог сравниться с чистым спиртом, но обладал обратным эффектом — протрезвлял на неделю вперед.

— Ну, — сказал Суонк, усаживаясь напротив майора. — Выкладывай, с чем пожаловал? И не говори, что просто проходил мимо. По глазам вижу, у тебя какое-то дело.

— Хех, — усмехнулся майор. — Видишь людей насквозь?

Хопп бросил в чашку кусочек рафинада и уставился на то, как тот забегал по поверхности, будто пытаясь выбраться наружу.

— Ты что-нибудь слышал о Марте Эрфурт?

— Что-то не припоминаю, — нахмурился профессор.

— Я слышала, — оторвалась от зеркала Ариадна и, в ответ на взгляд Суонка, пояснила: — В новостях показывали сюжет. Это девочка-вундеркинд, играет на флейте. Вчера у нее был концерт в Филармонии. С симфоническим оркестром, между прочим.

Майор покачал головой:

— Должен был быть, но не состоялся. Пока об этом еще не говорили в новостях. Марта пропала за час до выступления. Бесследно исчезла из запертой гримерки. Никаких следов, ничего... Человек десять видели, как Марта туда зашла, еще больше — слышали, как она репетирует. Да и мать — отца у нее нет — все это время просидела под дверью...

Майор перевел дух, сделал большой глоток чая и продолжил:

— А когда Марте надо было готовиться к выходу на

сцену, ее мать постучала в дверь, и никто ей не ответил. Туда-сюда, в общем, когда вышибли дверь, обнаружилось, что девчонки внутри нет. Разумеется, обыскали все здание, но так ее и не нашли. Такие вот дела.

— А, — разочарованно протянул Суонк. — Тайна запертой комнаты?

— Что-то вроде, — сказал Хопп. — За тем исключением, что обошлось без трупа. Девчонка просто исчезла.

— Само собой, полиция ничем помочь не смогла? И мать девочки обратилась к тебе?

— Ты же знаешь, я лучший в этом деле.

Хопп подмигнул Ариадне. Однако она была не в настроении реагировать на заигрывания престарелого майора.

— В каком еще деле?

Ответил ей Суонк.

— Мой друг Бенджамин — ищейка. Но не в том смысле, что он полицейский, хотя иногда на них работает. Он ищет пропажи — потерявшиеся дети, сбежавшие мужья и банкиры, люди, похищенные инопланетянами, и прочее в том же духе. Особые случаи, за которые не берется ни полиция, ни частные детективы.

Ариадна посмотрела на майора с куда большим уважением.

— Здорово.

— К сожалению, в основном работа сводится к поиску пропавших котов, — Хопп картинно вздохнул. — Вы представить себе не можете, сколько котов пропадает в этом городе.

Но шутка, если это была шутка, не возымела успеха. Профессор постучал пальцами по краю стола.

— Сколько лет было Марте?

— Одиннадцать.

— Рановато, чтобы сбежать из дома. А ее мать...

— Души в ней не чаяла, — сказал Хопп, сообразив, куда клонит профессор. — Там все чисто. Да и девчонка была не из тех, кто станет сбежать от родителей... И уж тем более перед концертом.

— Тогда похищение? — предположил Суонк. — Девочка была довольно известной. Даже моя помощница о ней слышала.

Майор пожал плечами.

— Никто не выдвигал требований. Никаких записок о выкупе или телефонных звонков. Да и вообще, известный — не значит богатый. Обычная семья среднего достатка, не миллионеры какие-нибудь.

— А ее могли похитить и не ради выкупа, — вставила свое слово Ариадна. — Она живет с матерью? Может, отцу это не по нраву, вот он и решил взять дело в свои руки.

— Про отца я тоже подумал, но... — Хопп вздохнул. — Тут такая штука — неизвестно, кто он такой. Эльза, мать Марты, встретила его на вечеринке, когда была студенткой. Видела всего раз в жизни, причем в таком состоянии, что даже имени не запомнила. Скорее всего, он и не догадывается о том, что у него есть дочь. И не забывайте, что я говорил о запертой гримерке. Похитители, кем бы они ни были, не смогли бы проскользнуть незамеченными...

— Пожалуй, действительно интересный случай, — сказал профессор. — А что насчет твоих *особых* методов?

— Так я не сказал главного! — Хопп задержал дыхание, прежде чем выложить главный козырь. — Жестянка ничего не находит! Никаких следов. Ты можешь это представить?!

*Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:
«Когда-нибудь я выброшу эту собаку на свалку».*

— Какая еще Жестянка? — спросила Ариадна, заметив, как профессор приподнял бровь. Новость его сильно озадачила.

— Моя собака, — объяснил майор. — Лучший пес в обоих полушариях, если нужно найти пропажу. Второго такого не сыщешь.

— А! Ясно...

Похоже, Хопп ко всему прочему был еще и завзятым собачником. Ну а для любого собачника его пес всегда лучший. И спорить с этим бесполезно. Тем не менее Ариадна попыталась — исключительно из упрямства.

— Знаете, обмануть собаку несложно. Например, резкие запахи сбивают их с толку.

— Только не Жестянку, — отрезал Хопп. — Она не обычный пес. Обоняние собаки в сорок раз сильнее, чем у человека, а нюх у Жестянки в сорок раз сильнее, чем у прочих собак!

— А то и больше, — подтвердил Суонк. — Сам видел, как она шла по следу трехмесячной давности и ни разу не сбилась.

— Прямо как адская гончая, — хмыкнула Ариадна. Майор и профессор переглянулись.

— Ты только не говори такого в ее присутствии, — сказал Хопп, теребя себя за ус. — Жестянка не любит, когда поминают ее происхождение.

Ариадна уставилась на свое отражение в чашке. Темная поверхность дрожала и морщилась, из-за чего казалось, что с той стороны ей корчит рожи мультяшный зверек.

— В самом деле адская гончая?

— По крайней мере, частично, — сказал Суонк. — В груди ее пылает огненное сердце настоящей собаки из Дикой Своры.

— И «пылает» — это не метафора, — вставил майор. — Горит алым пламенем.

Ариадна замотала головой. Адская гончая с пылающим сердцем — не просто в такое поверить. Но она не стала говорить банальностей вроде «не может быть!» и «так не бывает!». Работая на Суонка, ей доводилось сталкиваться и не с такими чудесами. Что, впрочем, никогда не мешало ей удивляться — каждый раз с новой силой.

Наконец Ариадна смогла подобрать правильный вопрос:

— Откуда она у вас? Только не говорите, что купили ее в зоомагазине... Или...

Она повернулась к Суонку.

— Нет, нет, — замахал руками профессор. — Мы адскими гончими не торгуем. Не наш профиль. Впрочем, даже на Красном Рынке ты не найдешь такой товар. Адского пса нельзя купить.

— Но вам удалось его раздобыть? — упорствовала Ариадна.

Хопп продолжал теревить ус, словно не хотел обсуждать эту тему. Но под взглядом девушки он не смог устоять.

— Как бы так сказать, — замялся он. — На самом деле Жестянка, она вроде родственника...

— В смысле? У вас в груди тоже пылает огненное сердце?

— Только в метафорическом смысле. Нет — я человек из плоти и крови, как вы или наш общий друг Карл.

Профессор поклонился.

— А Жестянка, — продолжил Хопп, — моя теща...

— Кто?!

Если у этого вояки теща была адской гончей, Ариадна боялась спросить, кто же тогда у него жена.

— Теща. Жестянка — не настоящее имя. На самом деле ее зовут Инесса Пална. Понимаете, это запутанная история. Много лет назад, когда я был молодым и глупым лейтенантом, я женился на прекрасной женщине, Анне. Но я и представить не мог, что ее мать окажется ведьмой.

— В метафорическом или прямом смысле?

— В обоих. Пилила она меня будь здоров, но не в этом суть. Ко всему прочему она еще и баловалась черной магией. В общем, не знаю, кого она хотела вызвать и зачем, но что-то она напутала в своих зельях и пентаграммах. И очутилась в теле адского пса. Что случилось с ее прежним телом, мне неизвестно. Поговаривают, что кто-то видел среди Дикой Охоты очень сердитую старушку, но так это или нет — утверждать не возьмусь.

— А потом?

— Что потом? Пришлось взять ее к себе. Пусть и адская гончая, но все же семья. Мы должны заботиться

о своих родственниках... Жена у меня уже лет двадцать как ушла в мир иной, ну а мы с Жестянкой, в смысле — с Инессой Палной, так и живем на пару. Нашли себе работенку, благо пригодились ее новые таланты, и как-то сводим концы с концами...

Одним глотком он допил чай и поежился, будто выпил стакан виски. Меж тем у Ариадны еще оставались вопросы:

— А почему вы зовете ее Жестянкой? То есть для собаки это хорошая кличка, но для тещи...

— Вы же ее не видели! Пришлось оставить ее в машине. Этот дом не то место, где стоит появляться адской гончей.

— Разная полярность, — объяснил Суонк, что бы это ни значило.

— Но можно прогуляться — я припарковался на углу, — майор повернулся к профессору. — Заодно посмотришь, что с ней не так — может, поймешь, почему она не смогла взять след Марты?

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Купить: свечи стеариновые — 10 шт., жидкость для мытья стекол — 1 бут., масло машинное, полироль, аспирин — 4 уп., роман «В пламени страсти» (бум. обл.) — 2 шт., крекеры соленые «рыбки» — 1 уп.»

Снега на улице намело по щиколотку. Однако от дверей лавки отходила утоптанная тропинка, хотя и непонятно, откуда она могла появиться. Единственным посетителем сегодня был Хопп, а Ариадне не верилось, что майор стал бы заниматься протаптыванием дорожек.

Тропинка вывела их к припаркованной машине. Это оказался старенький «Форд», такой грязный и помятый, что невозможно было определить ни модель, ни его истинный цвет. Заднее стекло отсутствовало, и окно было затянуто черным полиэтиленом, прожженным в несколь-

ких местах. Похоже, поиск пропавших людей (и котов) не такой прибыльный бизнес, раз майору приходится ездить на подобной колыхаге.

Но первое, что почуяла Ариадна еще до того, как подошла к машине, был резкий запах гари. Словно на сковороде загорелось масло. Запах был настолько сильным, что у Ариадны засвербело в носу. Невольно она прикрыла лицо широким вязаным шарфом, хотя это было и не слишком вежливо по отношению к теще Хоппа. Майор и бровью не повел. Видимо, не первый раз сталкивался с подобной реакцией. Он распахнул дверь со стороны пассажирского сиденья.

— Как вы, Иннесса Пална? Надеюсь, не скучали?

Ответом ему было глухое рычание. От этого звука мурашки забегали бы по коже у самого отважного человека. Он напоминал и рев мотора, и скрип несмазанных дверных петель. Ариадна быстро огляделась в поисках путей к отступлению. Хотя, если в машине действительно находилась адская гончая, сбежать от нее невозможно. Ариадне доводилось читать про подобных собак — в сказках, легендах и фантастических романах. Если суммировать полученные знания, то сейчас в машине майора сидел огромный монстр, с длинными клыками и пылающим взором. Чудовище, страшнее льва-людоеда, тигра-убийцы и белой акулы вместе взятых. В голове Ариадны как заноза засел единственный вопрос: если хотя бы половина этих историй правда, чем же тогда майор кормит свою кошмарную родственницу? Адская гончая не тот зверь, который станет довольствоваться миской собачьего печенья.

Тем временем Хопп наполовину забрался в машину, а затем вылез, что-то прижимая к груди. С величайшей осторожностью, как хрупкую фарфоровую статуэтку, он поставил свою ношу на утоптаный снег. Послышался скрип, сменившийся металлическим лязгом. Адская гончая приподнялась на лапах и огляделась.

Ариадна опешила. Она-то готовилась увидеть жуткого монстра, а вместо этого... Ариадна не могла даже сказать,

живое ли это создание. Но зато сразу стало понятно, почему это существо прозвали Жестянойкой.

В какой-то мере в ее облике действительно присутствовало что-то собачье: голова, например, или четыре ноги. Но в остальном... Такую собаку мог сделать скульптор-авангардист, работающий с мусором, собранным на свалке, и имеющий весьма смутные представления о том, как же собакам полагается выглядеть.

Размером она была чуть больше бульдога, коренастая и нескладная. Задние лапы существа были заметно длиннее передних. В итоге морда почти касалась земли, а задняя часть задрана так высоко, что с первого взгляда не определишь, где у этой «собаки» голова, а где хвост.

Сделана она была из кусочков жести, нарезанных из консервных банок. Кусочки крепились между собой при помощи проволоки. Рваные острые края торчали во все стороны, придавая существу вид растрепанный и в то же время неприятно опасный — о любой из них можно было сильно порезаться. Голова «собаки» напоминала морду крокодила, с длинной, вытянутой пастью и треугольными зубами. Один глаз Жестянке заменял объектив от фотоаппарата, вместо другого мигал красный катафот.

Внутри Жестянки полностью отсутствовал какой-либо жесткий каркас — это было отлично видно сквозь зазоры между пластинами. И по всем законам физики, она должна была лежать на земле грудой проволоки и рваной жести. Тем не менее форму она держала так, словно жестяные доспехи были надеты на невидимое тело. Внутри же польхал огненный шар размером с кулак — то самое пламенное сердце, которое упоминали профессор с майором. То и дело с него срывались крошечные протуберанцы. Снег под лапами адской гончей зашипел, начал быстро таять, и вскоре ее окутала легкая дымка пара.

Странное было ощущение — видеть подобное создание при свете дня. Все равно что встретить единорога, прогуливающегося по супермаркету. Подобные вещи всегда сбивают с толку — в первые мгновения мозг отказывает-

ся верить в реальность происходящего. Пришлось напомнить себе, что она работает в настоящей волшебной лавке и ей не к лицу бегать от необычного. Ариадна обернулась к Суонку. Почему-то в его присутствии все чудеса казались абсолютно естественными, и это немного успокаивало, позволяя сосредоточиться на прочих вещах.

Профессор шагнул к адской гончей.

— Доброе утро, мадам, — сказал он, приподнимая цилиндр. — Рад видеть вас в добром здравии.

Жестянка склонила голову в снисходительном кивке. Несмотря на диковинный облик, что-то в этой собаке навело на мысли о маленькой, но очень вредной старушке. Из той породы, что всегда носят черное и способны кому угодно испортить настроение, всего лишь презрительно поджав губы.

Поздоровавшись с профессором, Инесса Пална снизошла до того, чтобы обратить внимание на Ариадну. Очень медленно жестяная собака оглядела девушку с головы до пят. Потом перевела взгляд на майора, переминающегося с ноги на ногу... Внутри нее что-то зашипело, словно кто-то бросил пригоршню снега на раскаленную сковородку.

— Моя помощница Ариадна, — представил ее Суонк.

Жестянка продолжала на нее смотреть — пусть это было невозможно, учитывая специфику ее «глаз». И, оробев под пристальным взглядом, Ариадна впервые в жизни сделала книксен. Позже она так и не смогла объяснить, что толкнуло ее на этот шаг, но поступить иначе она не могла.

— Здравствуйте, — пролепетала Ариадна, потупив взор и чувствуя себя крайне глупо. Надо же так расшаркиваться перед собакой!

Жестянка продолжала буравить ее взглядом, а затем едва заметно покачала головой. Недвусмысленный жест, означавший «даже не думай». Ариадна закашлялась, будто хлебная крошка попала ей не в то горло.

— Вы в порядке?! — Хопп шагнул в ее сторону.

Ариадна замахала на него руками, мол, все хорошо и помощь ей не требуется. Меньше всего Ариадне хоте-

лось выяснять отношения с адской гончей по надуманному поводу. Если теща майора так реагировала на каждую девушку, приближавшуюся к Хоппу хотя бы на десять шагов, ему можно только посочувствовать.

Профессор Суонк опустился перед собакой на корточки, одной рукой опираясь на трость, а другой придерживая цилиндр.

— Бенджамин сказал, у вас возникли некоторые трудности, — проговорил он, вращая трость. Бронзовый набалдашник в виде головы тигра смотрел то в одну, то в другую сторону, будто зверь оглядывался в поисках добычи. — Будто вы утратили свои удивительные способности...

Пластины на спине Жестянки задребезжали, цепляясь друг о друга острыми краями. Металлические челюсти лязгнули, и послышалось хрипкое рычание. Ариадна не понимала, каким образом адской гончей удастся издавать какие-либо звуки, кроме скрипа жести. Единственное, в чем можно не сомневаться, — эта собака не станет скулить и повизгивать.

— Ты же ее знаешь, Карл, — сказал майор. — Скорее она отгрызет собственный хвост, чем признает, что что-то не так.

— Это несложно проверить, — Суонк задумался. — Две недели назад я заметил под тем деревом бродячую кошку. Полагаю, мадам, вам не составит труда ее найти?

Жестянка поднялась и, дребезжа на ходу, засеменила к указанному дереву. Всем своим видом она пыталась показать, насколько унижительно для адской гончей заниматься подобными делами.

Жестянка обежала вокруг дерева, оставляя дорожку из подтаявшего снега, а затем устремилась к дому на противоположной стороне улицы. Не прошло и минуты, как адская гончая скрылась из виду.

— Надеюсь, кошка не убежала на другой конец города, — недовольно сказал Хопп. — Иначе нам до вечера придется ее дожидаться. Раз Жестянка взяла след, то остановиться она уже не может.

— Как минимум, она этот след взяла, — ответил профессор. — Двухнедельной давности, сквозь снег.

— Угу, — подтвердил майор. — Но как же быть с исчезновением Марты?

Профессор закатил глаза.

— Друг мой, ты меня удивляешь! Существует только одна причина, по которой адская гончая не смогла взять след.

— И какая же?

— Нет никакого следа. Девочка из комнаты не выходила.

— При этом там ее нет.

— Интересно, да? — сказал профессор. — Никогда не проходи мимо того, что интересно. Стоит проехаться до Филармонии и осмотреться на месте.

Издалека донесся пронзительный кошачий мяв. Так могла вопить кошка, встретившая самый худший кошмар в своей жизни. Хотя, если подумать, именно так оно и было.

На пару минут воцарилась гробовая тишина.

— Кстати, — наконец сказал Хопп. — С тебя десять монет.

— За что?! — вытаращился Суонк.

— Поиск пропавшего кота, стандартная такса. Дружба дружбой, но бизнес есть бизнес.

*Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:
«Эти родственники сведут меня в могилу».*

Желтый «Ситроен» Ариадны тащился за машиной майора по пустой улице. И не то чтобы им что-то мешало — проезжая часть была очищена от снега, никаких дорожных работ. Но майор водил машину так основательно, что впереди нее с легкостью мог маршировать человек с красным флажком. Жутко хотелось выйти из автомобиля, подойти к майору и спросить — нельзя ли ехать хоть капельку побыстрее?

Ничуть не меньше ее раздражало и отражение в зеркале заднего вида. Проклятушие чернильные усы никуда не делись, и Ариадну не радовала перспектива появиться с ними на людях.

Профессор, развалившись, сидел на пассажирском сиденье. Удивительно, как ему это удастся: роста Суонк был высокого, а места в «Ситроене» — всего ничего. Впрочем, Ариадна подозревала, что профессор может устроиться с удобством даже в обувной коробке.

— И что ты думаешь о майоре? — спросил Суонк.

Ариадна пожалала плечами.

— Он довольно милый. И занимается действительно важным делом... Но мне кажется, он пытается строить мне глазки.

— Не кажется, — заверил ее Суонк. — У Бенджамина большое сердце, и он влюбляется в каждое существо женского пола, которое встречает на пути. Помнится, он влюбился в русалку, которая объявилась в заливе. Шесть швов потом наложили...

— Это русалка его так? — удивилась Ариадна.

— Нет, конечно. Теща. Инесса Пална женщина весьма строгих нравов. И она не допустит, чтобы ее зять путался с девицами. Если она тебя заподозрит, то отгрызет тебе ногу.

— О! Я и не собиралась, но спасибо за предупреждение.

Профессор отмахнулся, мол, не стоит благодарностей. Машина майора тем временем свернула на улицу, ведущую к Филармонии.

— Знаете, — сказала Ариадна, — а я думала, что адская гончая — это большая черная собака с горящими глазами. Вроде собаки Баскервилей.

— Многие так думают, — кивнул профессор. — На самом деле они принимают облик, соответствующий окружению. Сейчас собакой-призраком никого не напугаешь — все думают про белый фосфор. А адская гончая должна внушать страх и трепет...

Они остановились у парадных дверей Филармонии — высокого здания с колоннами и куполом, похожего на обветшалый храм. На заснеженном крыльце топтался шкафоподобный полицейский в длинном, не по погоде, плаще-дождевике. Компанию ему составляли статуи муз; судя по атрибутам — Полигимнии и Урании. Едва машины остановились, как полицейский поспешил вниз, размахивая руками, чтобы не поскользнуться на узких ступеньках.

— Сегодня закрыто! Выходной!

Майор остановил его взмахом руки.

— Нам на место преступления.

— Чего? — вытаращился полицейский. — Я же сказал, сегодня выходной, и...

— Свяжитесь с инспектором Пирсом, — перебил его Хопп. — Он в курсе.

Полицейский что-то буркнул, но снял с пояса рацию.

— Инспектор? — он прижал рацию к губам. — Тут компания клоунов, ломятся на место преступления... Говорят, вы в курсе... Клоунов? Нет, не настоящих... Безумный Шляпник, Женщина-Кошка и какой-то ветеран... Ну там — шинель, фуражка, сабля... А, понятно... В самом деле?

Речь его прерывалась громким шипением, но разобрать, что именно говорит невидимый инспектор, не получалось. Наконец полицейский повернулся ко всей компании. Выглядел он озадаченно.

— Проходите. Инспектор встретит вас наверху.

Внутри Филармонии оказалось довольно темно — горела лишь половина ламп, тусклым желтым светом. Сразу от дверей Хопп свернул направо, к гардеробу, прошел мимо туалетов и открыл неприметную дверь с табличкой «Служебный вход».

— Тут лестница на второй этаж, — объяснил он. — В прошлый раз мы с Жестянкой здесь все облазили.

— Даже не сомневаюсь, — кивнул профессор. — Но ничего не нашли?

Майор сокрушенно развел руками. Ариадна на мгновение замешкалась.

— Я сейчас, — сказала она и юркнула в уборную.

Чуть позже, когда Ариадна перед большим зеркалом в очередной раз пыталась оттереть чернильные усы, дверь одной из кабинок открылась, и оттуда вышла невысокая женщина лет тридцати, в узком черном платье с блестками. Остановившись рядом с Ариадной, женщина уставилась на свое отражение. Огромные круглые очки делали ее похожей на сову. Глаза за выпуклыми стеклами покраснели, веки сильно припухли от слез. На девушку, стоящую рядом, она не взглянула.

Ариадна опустила руки.

— Простите, а вы, случайно, не мать...

Женщина вскрикнула, словно ее ударили, и метнулась обратно в кабинку, захлопнув за собой дверь. Ариадна растерялась.

— Извините. Я не хотела вас обидеть...

— Оставьте меня! — взвизгнула женщина из кабинки, а следом послышались сдавленные всхлипы. У дамочки определенно была истерика. Ей бы не помешала помощь специалиста.

— Извините, — еще раз сказала Ариадна и, ополоснув лицо водой, быстро вышла из уборной.

Вслед за майором они поднялись по лестнице и вышли в узкий коридор. Это и в самом деле был служебный вход. Повсюду штабелями лежали доски, стояли грязные ведра — словно несколько лет назад здесь затеяли ремонт да и бросили это дело. Пробираясь в полутьме, Ариадна набила шишку о старую арфу без струн, опрокинула ведро с окаменевшей побелкой... Половицы громко скрипели под ногами. Если Марту и в самом деле похитили, то унести ее этим путем точно бы не получилось. Тут бы самому не переломать все кости.

Полицейский инспектор ждал их около гримерки, прохаживаясь рядом с приоткрытой дверью. Он оказался моложе, чем думала Ариадна, видимо, ее сбило с толку слово

«инспектор». На самом же деле это был невысокий молодой человек, на вид — так немногим старше самой Ариадны. Вместо положенной формы он был одет в толстый вязанный свитер с высоким воротом и мешковатые брюки. Издалека полицейского можно было принять за какого-нибудь музыканта, заблудившегося после концерта. Да и прическа в стиле «воронье гнездо» намекала на некую артистичность натуры.

— Инспектор Пирс, — представился он, недоверчиво оглядывая Ариадну и Суонка. Похоже, полицейский не сильно обрадовался их визиту.

— Или просто Седрик, — сказал майор, похлопав инспектора по плечу. — Мой личный Лейстрейд. А по совместительству — двоюродный племянник.

Инспектор Пирс вежливо улыбнулся, будто ему было неловко за подобное родство.

— Кого это ты с собой привел?

— Это мой друг, профессор Суонк. Он вызвался помочь мне в расследовании, — сказал Хопп. — А это очаровательное создание — его помощница Ариадна.

Профессор поклонился, Ариадна ограничилась тем, что помахала рукой.

— А я вас помню, — сказал Седрик, поворачиваясь к профессору. — Вы хозяин магазина игрушек — дядя приводил меня туда, когда мне было лет десять. У вас еще работал карлик, который ненавидит детей. Надо же, такое чувство, что с тех пор вы совсем не изменились...

— Да, да, — сказал Суонк. — Что-то припоминаю... Надеюсь, и вы с тех пор не сильно изменились?

Полицейский продолжал внимательно глядеть на профессора.

— Помню, вы еще подарили мне набор юного детектива — там было увеличительное стекло, набор для снятия отпечатков пальцев, пинцет для улики и прочие подобные штуки...

— Рад, что оказался полезен, — улыбнулся профессор.

— Вообще-то, я мечтал об игровой приставке, — сказал

инспектор тоном, в котором чувствовалась затаенная обида. — Надо мной потом вся школа хохотала, а некоторые одноклассники до сих пор посмеиваются.

Впервые за все время знакомства Ариадна увидела на лице Суонка некое подобие растерянности. К счастью, майор пришел на помощь старому другу.

— Лучше скажи, как продвигается дело? — спросил он, обнимая племянника за плечо и подталкивая в сторону гримерки. — Есть подвижки?

Седрик вздрогнул, будто только что пробудился ото сна.

— Никаких, — вздохнул он. — Мы тут все вверх дном перевернули. Но ни следов, ни улик, ни мотивов... Девчонка просто испарилась.

Гримерка представляла собой маленькую комнату без окон и с длинным зеркалом вдоль одной из стен. Напротив зеркала стояла пара стульев, на одном лежали нотные листы, через спинку другого было перекинута темно-синее концертное платье. Вот и все. Ариадна отвернулась от зеркала, чтобы лишний раз не смотреть на свое отражение.

— Видите, — Седрик взмахом руки обвел комнату. — Я не представляю, куда отсюда можно подеваться.

— А как насчет потайных ходов? — поинтересовался профессор. — Здание старое, здесь могут быть скрытые переходы или секретные туннели?

— Мы все стены простучали и сверялись с планами здания. Чисто.

— А за зеркалом проверяли?

Седрик ответил ему усталым взглядом.

— Очень оригинально. Здесь стенка толщиной в два пальца, — он постучал по стеклу. — Лист гипсокартона, которым перегородили большую комнату. С той стороны еще одна гримерка. Когда пропала девочка, там готовились первые скрипки — шесть человек. Разумеется, их спросили, и, разумеется, они ничего не слышали...

— Кроме? — видимо, профессор что-то уловил в интонациях Седрика.

— Не знаю, важно ли это...

— В расследовании преступления важны все детали.

— Да, да. То же самое было написано на наборе юного детектива. Рубен Сикорский очень старался, чтобы вбить это знание мне в голову.

Он перевел дыхание.

— В общем, история такая: программа выступления ведь известна заранее. Моцарт, Шопен... Скрипки слышали, как Марта играла свои партии. Но потом она сыграла мелодию, которой не было в программе.

— Что за мелодию? — тут же насторожился Суонк. В этот момент он стал похож на орла, приметившего добычу.

— Они не смогли опознать... Мне это показалось странным. Они же все с музыкальным образованием и должны отличать Моцарта от Сальери. Хотя, возможно, это ничего не значит...

— Возможно, — профессор прошел к стулу. — Это ее ноты?

Седрик кивнул; профессор взял нотные листы, быстро их просмотрел и показал к Ариадне.

— Умеешь читать музыкальную запись?

Та гордо задрала нос.

— Я два года училась играть на скрипке.

— Это ответ «да» или «нет»?

Тут ей пришлось сдаться:

— Скорее — «нет». То есть я знаю, чем отличается фа от соль... Но прочитать мелодию с листа — не думаю, что у меня получится.

На поясе инспектора затрещала рация.

— Что еще? — спросил Седрик в микрофон.

Рация зашипела в ответ. Ариадна не разобрала ни слова — видимо, для этого надо было пройти спецкурс в полицейской академии.

— Конечно, пропустить! — сказал Седрик. — Она же мать!

Он отключился.

— А вот и мадам Эрфурт пожаловала. Сейчас начнется.

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Какое несчастье, что на долю столь прекрасной женщины выпало такое горе! Но, слово офицера, я сделаю все возможное...»

Эльза, мать пропавшей девочки, появилась в примерке через десять минут. И это была вовсе не та женщина, которую Ариадна встретила в уборной. В комнату вошла эффектная платиновая блондинка за тридцать, с пышной гривой волос. На лице ее застыло слегка брезгливое выражение — причиной тому была форма верхней губы. Глядя на нее, складывалось впечатление, что женщина презрительно морщится.

А еще Ариадна заметила мешки под глазами и до мяса обгрызенные ногти. Деловой костюм выглядел помятым, будто женщина спала прямо в одежде. Если вообще спала.

Цокая высокими каблуками, Эльза прошла в комнату и уставилась на инспектора, игнорируя прочих.

— Доброе утро, мадам Эрфурт. Вы хотите забрать вещи?

— Вещи?! — резко ответила Эльза. — Я хочу знать, когда вы найдете мою дочь!

Инспектор потянул за ворот свитера, словно тот вдруг стал нестерпимо тесным и пытался его задушить. Ни за какие коврижки Ариадна не хотела бы оказаться сейчас в шкуре полицейского.

— Мы работаем над этим и...

— И что? Вы что-нибудь выяснили?

Седрик выпрямился.

— Нет, — честно сказал он. — Но мы делаем все, что в наших силах...

— Делаете? Какой прок от ваших дел, если вы ничего не можете? Неужели вы не понимаете, что она совсем еще ребенок?

— Я все понимаю, мадам, — Седрик опустил взгляд. — Еще раз повторю — мы делаем все возможное...

Эльза застонала, закатив глаза.

— Слова! Это все, на что вы способны? Я ведь даже наняла частного сыщика, которого вы мне советовали. Так и от него никакого толку! Ну почему... Она же...

— Мадам Эрфурт? — прозвучал вдруг голос профессора Суонка. Женщина вздрогнула, поворачиваясь в его сторону. — Могу я задать вам несколько вопросов?

Среди множества других талантов профессор обладал удивительной способностью говорить с людьми так, что те слушались его безоговорочно. Казалось бы, странный человек в дурацкой пижаме и мятом цилиндре. Нелепый чудака или, того хуже, сумасшедший, сбежавший из клиники. А потом что-то случилось, и Суонк полностью преобразился. Ничего вроде не менялось, но на тебя словно обрушивалась волна цунами. Будто из-под хрупкой оболочки вырывались силы настолько могучие и древние, что простому человеку нечего и думать становиться у них на пути.

В такие моменты Ариадне казалось, что профессор вырастал еще на две головы, притом что он и так был ростом под два метра. Голос его звучал подобно громовым раскатам — не по звуку, а по сути, заставляя всех, кто находился рядом, вздрагивать и съеживаться. И мысли не возникало ему перечить.

На лице Эльзы отразилось крайнее замешательство, но в итоге она все же совладала с речью:

— Простите, а вы кто?

— Можете называть меня профессор, — разрешил Суонк. — Меня заинтересовало исчезновение вашей дочери.

— Вы журналист?

— Никоим образом. Однако я хотел бы с вами побеседовать. Вы ведь не станете возражать?

Прищурившись, он посмотрел Эльзе в глаза. Если у той и были какие-то возражения, то от них не осталось и следа.

— Присаживайтесь, — профессор указал на стул, и мать девочки безропотно села. Суонк сел напротив, держа трость между коленей. Даже сидя он умудрялся на-

висать над бедной женщиной так, что та втянула голову в плечи.

Ариадна вдруг подумала о том, что Суонк ведет себя так, будто именно он здесь главный. И это при том, что формально старшим сейчас был инспектор Пирс — по крайней мере, он был единственным представителем закона в этой комнате. Однако полицейский стоял у стены, спрятав руки глубоко в карманах. Заметив, что Ариадна на него смотрит, Седрик постарался придать лицу серьезное выражение.

— Марта — ваша дочь? — без обиняков начал профессор. Эльза вздрогнула.

— Что вы имеете в виду? Разумеется, она моя дочь.

— В смысле, она ваша *рогная* дочь? Не приемная и не подкидыш? Вы помните, как она появилась на свет?

Женщина издала короткий смешок.

— Думаете, такое можно забыть? Я помню каждую минуту, я...

— Хорошо, хорошо, — остановил ее Суонк. — Тем не менее ее отца вы не знаете.

Эльза покачала головой.

— А вы можете припомнить, как с ним познакомились? Я понимаю, прошло больше десяти лет, но все же...

Некоторое время женщина морщила лоб, словно эти воспоминания были запрятаны так глубоко, что требовались усилия, чтобы извлечь их наружу.

— Это случилось на вечеринке в клубе. Мы отмечали окончание университета. И так вышло, что я немного перебрала. Я никогда в жизни не напивалась, ни до, ни после, а тогда — не знаю, что на меня нашло. Все было в каком-то угаре — старая жизнь закончилась, новая еще не началась. Мы пили текилу, и мне выпал шанс проглотить червячка. У барной стойки я познакомилась с парнем, слово за слово, и мы поехали ко мне. Ну, вы понимаете... Наутро его уже не было, сбежал не попрощавшись. А через месяц я узнала, что беременна.

— И как он выглядел?

Женщина поджала губы.

— Высокий, светловолосый, красивый. Но лица я не помню. Я даже имени не запомнила.

— А вы не помните его зубы? — перебил Суонк.

— Зубы? — Эльза опешила. — При чем здесь зубы?

— Может, они были какие-то особенные? Чересчур длинные и кривые, странного цвета, или же их было больше, чем должно быть на самом деле?

Ариадна понимала, к чему клонит Суонк. Странные зубы — верный признак того, что имеешь дело с гоблином, перьешапкой или еще какой тварью, связанной с Красным Рынком. Все они умели прикидываться людьми. Но каким бы хорошим ни был костюм человека, спрятать зубы они не могли.

— Ничего такого не припоминаю... То есть я не заметила.

— Это хорошо, — улыбнулся профессор. — Было бы куда хуже, если бы вы заметили. У вас есть фотографии Марты?

— Да. Сейчас...

Эльза вытащила из сумочки бумажник и продемонстрировала вложенный снимок. С фотографии радостно улыбался симпатичный ребенок с огромными голубыми глазами и золотыми локонами. С виду — сущий ангел.

— Бедная девочка, — Эльза провела пальцем по фотографии. — За что ей все это? Что с ней могло случиться?

— Вот это я и собираюсь выяснить, — сказал профессор. — Если вы не против, я заберу этот снимок на время.

Женщина замешкалась, однако все же отдала фотокарточку. Суонк убрал ее в карман пижамы.

— Теперь перейдем к тому дню, когда ваша дочь исчезла, — сказал он. — Насколько мне известно, это случилось, когда вы находились снаружи, прямо под дверью?

— Да, — кивнула Эльза. — Марта репетировала наедине. Но я была рядом, чтобы, когда она закончит, помочь ей собраться перед выступлением. Заплести волосы... Так что я была здесь, не отходила ни на шаг. Но...

Женщина всхлипнула.

— Да, я знаю, — мягко сказал Суонк. — Искренне вам сочувствую. А ваша дочь всегда запиралась, когда репетировала?

— Только перед концертами. Марта говорит, что ей надо немного побыть наедине с музыкой. В таких вещах я с ней не спорю. Я ведь тоже занималась музыкой и думала поступать в консерваторию. Но не сложилось, и я стала юристом. Но Марта — она же гений! Я знаю, все родители так говорят, но это не только мое мнение. Многие музыкальные критики об этом писали, она лауреат ряда взрослых конкурсов — и это в одиннадцать лет!

— Хм... Ее инструмент какой-то особенный?

— В каком смысле?

— Может, вы купили его в антикварном магазинчике? Или у бродячего торговца? Или он достался вам по наследству, от родственника со странностями — коллекционера древностей?

— Ничего подобного, — сказала женщина. — Обыкновенная поперечная флейта «Перл». Купили мы ее в магазине музыкальных инструментов на Центральном проспекте.

— Давно?

— Года полтора назад или около того, — сказала Эльза. — А это имеет значение?

— Никогда не угадаешь, что может оказаться важным, — уклончиво ответил Суонк. — Вы были в курсе программы ее выступления?

— Конечно, — ответила женщина. — Моцарт, «Концерт для флейты с оркестром № 1»; Бах...

— Но после того, как она отрепетировала свое выступление, она играла что-то, чего не было заявлено в программе.

— Да, я слышала. Это ее собственное сочинение. Марта ведь собирается стать композитором. Сейчас она работает над одной сюитой, и ее она и играла. Видимо, что-то придумала и хотела что-то подправить...

— Это сочинение вашей дочери? — спросил профессор, передавая матери девочки листы с нотами. Та глянула на них одним глазком.

— Да, — сказала она. — Но это незаконченное произведение. Марта над ним еще работает.

Она снова посмотрела на ноты. Губы ее зашевелились, словно она принялась что-то напевать про себя. В глазах заблестели слезы.

— Очень хорошо, — сказал профессор, аккуратно собирая ноты. — Это я тоже оставлю у себя.

Эльза коротко кивнула, продолжая беззвучно напевать.

— Что ж, — сказал Суонк. — Благодарю вас, мадам Эрфурт. Больше у меня вопросов не осталось.

— Когда вы ее найдете? — всхлипнула Эльза, поднимая на него заплаканные глаза.

Суонк достал серебряные часы на цепочке и ногтем откинул крышку. Некоторое время он задумчиво изучал циферблат.

— Если повезет, — наконец сказал он, — то не позднее чем через двадцать девять часов.

Что-то в тоне его голоса заставило Эльзу выпрямиться на стуле.

— А если не повезет?

По лицу профессора скользнула тень. И молчал он, наконец, с минуту, прежде чем ответить:

— А если мы не найдем ее за двадцать девять часов, то не найдем ее никогда.

*Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:
«Кажется, девушка с усами что-то подозревает...»*

Эльза ушла — профессор убедил ее, что сейчас для нее лучше отправиться домой и ждать новостей. Это, конечно, настоящая пытка, но здесь она все равно ничем не сможет помочь.

— Ну? — протянул майор Хопп, не успели в коридоре

стихнуть шаги Эльзы. — Отвечай, старый жук, ты уже догадался, в чем суть дела?

Он чуть ли не подпрыгивал на месте, хватаясь за эфес сабли. Суонк покачал головой.

— Боюсь, что нет. Кое-что мне удалось узнать, но в целом картина не выстраивается. Слишком разрозненные факты.

— Почему же ты сказал этой чудесной женщине, что мы найдем ее дочь через двадцать девять часов?

— Я сказал, что у нас есть двадцать девять часов на то, чтобы найти ее дочь. Надеюсь, ты понимаешь, в чем разница?

Довольная ухмылка мигом исчезла с лица майора.

— Да... Думаю, что понимаю.

— А я — нет, — сказала Ариадна. — Что такого в этих двадцати девяти часах?

— Через двадцать девять часов будет ровно два дня, как пропала девочка, — сказал инспектор Пирс. — Но с вашей стороны было слишком самонадеянно обещать бедной женщине, что к этому сроку мы вернем девочку. А уж пугать ее тем, что в противном случае мы вообще не сможем найти ребенка, и вовсе жестоко. Случалось, что пропавших людей находили и через неделю, и через несколько месяцев, и через несколько лет.

— Сейчас не тот случай. Все, что у нас есть, — это двадцать девять часов. Если мы не успеем, шансы найти девочку равны нулю.

— С чего вы взяли? — вспыхнул инспектор. Кончик носа его задергался, как у сердитой мыши.

Майор Хопп схватил племянника за рукав.

— Ты прости, но он у меня немножко идиот, — извиняющимся тоном сказал он. — Не понимает самых очевидных вещей.

— Нет, погодите! — возмутилась Ариадна. — Что значит «идиот»?! Я вот тоже не понимаю, откуда взялось это время. Получается, я тоже идиотка?

Она сурово посмотрела на майора. Лицо его приняло

испуганно-пристыженное выражение, как у человека, который громко чихнул в опере.

— Ой... Простите, прекрасная мадмуазель, я не хотел вас обидеть... Надеюсь вы не подумали чего такого?

— Это не ответ, — строго сказала Ариадна.

Майор зафыркал в усы. Глаза его беспокойно забегали, словно он искал, где бы спрятаться. Для человека, который влюблялся во всех и вся, Хопп чересчур сильно боялся женщин. На его счастье, профессор пришел ему на помощь.

— Существует такое явление, как затухание чуда. Вы заметили, что здесь произошло странное, даже сверхъестественное событие?

Никто не стал спорить — исчезновение Марты Эрфорт и впрямь было из ряда вон выходящим.

— А любое странное явление искажает привычную реальность. Оно вроде камня, брошенного в воду, и от этого камня идут круги. Но дело в том, что реальность, как любая устойчивая система, стремится к равновесию. Если происходит сбой, реальность стремится погасить это воздействие, поглотить его. Камень тонет, волны становятся меньше и, наконец, совсем исчезают. Обычно на это уходит два дня. На третий день еще остается рябь, по которой можно понять, что событие имело место, но найти его источник уже невозможно.

— Э-э... — проговорила Ариадна. Все эти рассуждения показались ей несколько притянутыми за уши. И ничего не объясняющими.

— Можно попробовать более простой пример, — сказал профессор Суонк. — Представь, что в парке Сент-Клер среди бела дня объявился единорог. Все как полагается — прекрасен и грозен ликом, поступь его сотрясает землю, а рог сияет ярче звезд небесных. Дюжина человек его видела, он загнал на дерево влюбленную парочку, разбил тележку мороженщика и хорошенько наподдал самому мороженщику за то, что тот продавал просроченный товар. Событие странное и сверхъестественное, хотя случается и не такое. Однако на следующий день трое

из участников уже не могут с уверенностью сказать, существовал ли единорог, или же им просто привиделось. К концу второго дня почти все уверены, что это была лошадь, сбежавшая от извозчика в парке. На третий день сам извозчик, которого и близко не было, утверждает, что у него сбежала лошадь и это он приделал ей пластмассовый рог, чтобы повеселить отдыхающих. Сам рог потом нашли в кустах... Дольше всех держался мороженщик, но ему больше всех и досталось. Но в конце концов и он сдался и долго судился с извозчиком за разбитую тележку. Как видишь, реальность поглощает чудо, так что от него не остается следа...

— История с единорогом в парке Сент-Клер — не выдуманная, — сказал Хопп. — Я лично знаком с тем мороженщиком.

— Жалко, что не с единорогом. — Ариадна потеряла подбородок. — Но ведь единорог все равно был, независимо от того, что потом говорили?

Профессор кивнул.

— Подстройка чудес «под реальность» не отменяет самого события. Вопрос лишь в том, что меняются причины, и докопаться до истины становится невозможно.

— При чем здесь единороги?! — не вытерпел инспектор. — Они-то какое отношение имеют к этому делу?

— Надеюсь, что никакого, — ответил Суонк. — Но суть в том, что любому невероятному событию всегда можно найти рациональное объяснение. Это не сложно. Но рациональное вовсе не означает правильное. И если мы не отыщем Марту за оставшиеся двадцать девять часов, мы не узнаем, что с ней случилось на самом деле. А если мы этого не узнаем, то не сможем ее вернуть.

— Нельзя терять ни минуты, — подтвердил майор. — Какой у нас план?

— Вернуться в лавку и выпить чаю.

Майор расплылся в улыбке.

— Такой план мне по душе! С кружкой хорошего чая все сразу станет на свои места. — Он повернулся к Се-

дрику. — Остаешься за главного. Если заметишь что-то необычное — сразу звони мне.

Инспектор Пирс закатил глаза.

— Да у тебя даже телефона нет!

— Зато у меня есть, — сказала Ариадна. Пока она диктовала Седрику номер мобильного, Хопп сердито пыхтел.

Прежде чем уйти из Филармонии, Ариадна снова заскочила в уборную, все еще лелея надежду отмыть несмываемые чернила. Но, похоже, все шло к тому, что кошачьи усы у нее действительно надолго.

Развернувшись к выходу, Ариадна вновь услышала всхлипы из-за двери одной кабинки. Она замешкалась — стоит ли вмешиваться? — но затем все же осторожно постучалась костяшками пальцев.

— Простите? Эльза? Это вы?

Вопрос, конечно, глупый. Ариадна и так знала, что в кабинке заперлась та странная женщина в круглых очках, которую она встретила ранее. Неужели она до сих пор здесь? Прошло больше часа. За это время можно наплакать целый бассейн.

Рыдания за дверью зазвучали громче. Затем женщина шумно высморкалась.

— Извините? Вы в порядке? Может, вызвать врача?

Женщина не ответила. Ариадна отступила от двери кабинки. Если бы плакальщица просто послала ее подальше, было бы проще. В конце концов, существует тысяча и одна причина, из-за которой женщина имеет полное право рыдать в туалете. Может, этой особе разбил сердце виолончелист-ловелас? Непонятно почему, но виолончелистам Ариадна инстинктивно не доверяла. Или эту дамочку кто-то обидел... В общем — были бы слезы, а повод найдется.

И все же Ариадну что-то смущало. Филармония ведь сегодня закрыта? Здесь не должно никого быть — никаких виолончелистов и прочих. Впрочем, она могла и ошибаться.

— Вам точно не нужна помощь? — предприняла последнюю попытку Ариадна. Ответом стал громкий шум спускаемой воды.

Ариадна подождала с минуту, однако дверь кабинки не открылась. Женщина определенно не хотела ни с кем разговаривать.

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Этот карлик настоящий гений! Жаль, что у всех гениев мозги набекрень...»

Обратная дорога до волшебной лавки заняла в два раза меньше времени. На сей раз Ариадна ехала первой, и не было нужды подстраиваться под осторожный стиль езды Хоппа. Машина майора безнадежно отстала уже на первом повороте. Что не могло не радовать — Ариадна чувствовала бы себя неуютно, зная, что все это время Хопп смотрит ей вслед и тяжело вздыхает, а адская гончая Инесса Пална при этом тихо рычит.

— Я не могу понять одной вещи... — сказала Ариадна, обращаясь к Суонку.

— Спрашивай. Любопытство не порок. Только помни, до чего оно довело кошку.

Профессор провел пальцем у себя под носом, намекая на нарисованные усы. Это замечание Ариадна проигнорировала.

— Вы говорили про затухание чудес, рябь на воде и прочие подобные штуки. О том, что случается со странными событиями. Как они становятся совсем не странными...

Профессор кивнул.

— Но я помню, — сказала Ариадна, — что, когда вы взяли меня на работу, вы говорили, что волшебная лавка тоже событие.

— Так и есть, — подтвердил Суонк. — Событие, а не место. Продолжай, мне нравится ход твоих мыслей.

— Тогда получается, что и она тоже подвержена затуханию! — Ариадна сдула упавшую на глаз кудрявую прядку. — Однако сколько я на вас работаю, а ничего подобного не замечала.

— Это потому, что ты являешься частью этого события. Оно не столько случается с тобой, сколько ты случаемся вместе с ним. Единорог никогда не станет думать, что он лошадь с пластмассовым рогом. Он-то знает, кто он есть на самом деле.

— Но почему так вышло?

Профессор задумчиво смотрел на дорогу. Снег кружил большими хлопьями — точно стаи белых мотыльков отчаянно бросались на машину и гибли на лобовом стекле. Пришлось включить дворники. Щетки жалобно заскребли по мокрому стеклу, оплакивая снежных бабочек.

— Почему? Может, ты так захотела, может, этого захотел я. А может, все решила волшебная лавка. Что-то получилось случайно, что-то было предопределено от начала времен. Но если бы в свое время ты сделала неправильный выбор, сомневаюсь, что ты смогла бы найти лавку второй раз. Или помнила бы магазин игрушек, в котором тебе не купили игровую приставку.

Ариадна засмеялась.

— Ну, не так уж он и плох. Думаю, там не все еще потеряно.

— Возможно, это и есть ответ на твой вопрос.

Остаток пути они проехали молча, каждый думая о своем.

Укутанный облаком снежинок двухэтажный особнячок лавки, с черепичной крышей и резным флюгером, выглядел точь-в-точь как домик с рождественской открытки. Не хватало лишь струйки дыма над каминной трубой. Под витражными окнами громоздились сугробы — настолько белые и пушистые, что не верилось, что находятся они в центре большого города, где любой снег успевает испачкаться задолго до того, как долетит до земли.

Ариадна вышла из машины и остановилась напротив витрины, заставленной старыми книгами, пыльными бутылками, чучелами и черепами и прочими удивительными вещами, которые можно найти лишь в настоящей волшебной лавке. Над головой поскрипывала вывеска на

длинном кронштейне. Сложив ладони домиком, Ариадна прижалась к холодному стеклу. Где-то в глубине лавки зажегся зеленый огонек — Джаскониус включил лампу для чтения. Но разглядеть что-то конкретное за тусклым стеклом было почти невозможно: таинственные книжные полки, мебель неопределенной формы и колышущиеся тени, клетка с попугаем, словно бы парящая в воздухе... Лавка была не столько чудом, сколько обещанием целой вереницы нескончаемых чудес.

Невозможно представить, чего бы она лишилась, если бы действительно сделала неправильный выбор. Сидела бы сейчас в каком-нибудь безликом офисе и отвечала на бессмысленные телефонные звонки...

От дыхания стекло запотело. Ариадна протерла его рукавом куртки и решила, что если не на этой, то на следующей неделе нужно вымыть окна и вытереть пыль в витрине. Атмосфера, конечно, хорошо, но и за порядком следить не помешает. Профессор Суонк уже вошел в лавку, и Ариадна поспешила следом.

— Явились наконец? — прозвучал скрипучий голос Джаскониуса, не успели стихнуть переливы дверного колокольчика. — Я думал, вас сожрали тигры.

Когда в лавке никого не оставалось, Джаскониус выползал из своей берлоги и занимал место за прилавком. В лавке всегда должен был быть продавец, и как бы карлику ни претила эта работа, от нее он не отлынивал.

Из-за прилавка появилась блестящая лысина. Смерив Ариадну угрюмым взглядом, Джаскониус сказал:

— Только когда мне так повезет?

— Приятно, что ты о нас беспокоишься, — улыбнулась Ариадна. Карлика передернуло, будто кто-то заскрипел гвоздем по стеклу.

— Хотя бы вояки с вами нет. И на том спасибо...

— Майор подъедет чуть позже, — сказал Суонк. — А пока у меня есть для тебя работа.

Профессор передал карлику пачку нот. Тот быстро просмотрел листы.

— И чего ты от меня хочешь? — пробурчал он. — Чтобы я сыграл это на гармошке?

— А ты умеешь? — изумился профессор.

— Разумеется, нет! Ты бы еще станцевать меня попросил!

Суонк обдумал это предложение с таким серьезным видом, что Джаскониус аж покраснел от злости.

— Думаю, можно обойтись без танцев.

— Вот спасибо! — всплеснул руками карлик.

— Нужно сделать нечто, что могло бы исполнить это произведение, — профессор взмахнул нотами. — Что-то вроде искусственного музыканта...

— А разве не проще найти настоящего музыканта? — спросила Ариадна. — Мы же были в Филармонии. Там этих музыкантов целый оркестр. Можно было бы попросить Седрика, он бы все организовал.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказал Суонк. — Музыка бывает очень опасной — она может свести с ума или убить... Марта исчезла, исполняя эту композицию, — не факт, что это связано, но я бы поостерегся рисковать.

— Искусственного музыканта, говоришь? — проговорил Джаскониус, уставившись в потолок. — Хм...

Если бы его яйцеобразная голова в этот момент вдруг стала прозрачной, то наверняка можно было увидеть, как внутри все быстрее и быстрее начинают крутиться шестеренки. Большую часть времени, — скажем, девять минут из десяти, Джаскониус был просто невыносим. От его неустанного брюзжания, оскорблений и прочего хотелось на стенку лезть. А еще больше хотелось треснуть карлика по голове чем-нибудь тяжелым. Однако стоило появиться задаче, которая могла его заинтересовать, и Джаскониус словно обретал крылья. И Ариадна была готова поклясться, что в такие моменты голова карлика начинает светиться.

Изучив потолок, Джаскониус переключился на стены, затем исследовал пол под ногами и наконец обратил внимание на Суонка.

— Есть у меня пара идей... Только мне потребуются музыкальные инструменты.

— Если постараться, в лавке можно набрать инструментов на целый оркестр. Кажется, у нас была шарманка, гамельнская флейта и первая гитара Джона Леннона...

Джасконус кивнул, хотя было видно, что он бесконечно далеко отсюда. В такие моменты его изобретательский мозг разогнался до такой скорости, что обычному человеку угнаться за ним было невозможно.

— И вот еще — мне нужен индуистский бог.

— Какой именно? Ганеша? Кришна? Кали?

— Да без разницы. Главное, чтобы у него было достаточно много рук.

— Думаю, и это можно устроить... — Профессор вернулся к Ариадне. — Поедешь на бульвар святой Жозефины. Там есть маленький магазинчик — «Звезда Бенгалии». Хозяина зовут Чатни, ты его сразу узнаешь — такой тип в красном тюрбане и с повязкой на глазу, как у пирата. Скажешь, что ты от меня, и объяснишь, что тебе нужно. Бенджамин составит тебе компанию.

Ариадна поморщилась. Не то чтобы ей не нравился майор Хопп, отнюдь, но оставаться с ним наедине было чересчур утомительно. Взгляды исподтишка, вздохи и неуклюжие комплименты, может, ей и льстили, но куда в большей степени заставляли чувствовать себя неловко. Да и присутствие Инессы Палны подливало масла в огонь. Как бы то ни было, но адскую гончую Ариадна побаивалась.

— А может, я сама?

— Только не в «Звезду Бенгалии». Чатни тот еще прохвост — если у него в руках окажется личная помощница профессора Суонка, он своего не упустит. Знаешь, сколько за тебя дают на Красном Рынке?

Чего-чего, а цену себе Ариадна знала точно:

— Три страницы из утерянного рассказа Честертона и чучело слона.

Суонк хмыкнул.

— За последнее время цена успела подскочить. Сейчас

за тебя предлагают первоиздание «Бури» с комментариями настоящего автора и волшебное королевство Ним. Оно, конечно, совсем маленькое и невидимое, но это самое настоящее королевство.

— Ого! Неплохо... — Ариадна так и не поняла, стоит ли ей гордиться или же, наоборот, пугаться.

— Мне будет спокойнее, если тебя будет сопровождать кто-нибудь, кто сможет за тебя заступиться. А лучше старины Бенджамина кандидатуры не найти. Кстати, а вот и он — легок на помине.

Обернувшись, Ариадна увидела майора, топтавшегося напротив витрины. Очевидно, Хопп думал, что изнутри лавки его не видно. Она поежилась, когда майор выпятил губы, словно пытаясь кого-то поцеловать. Проследив за ее взглядом, Джаскониус громко фыркнул — минутная слабость прошла, и карлик начал возвращаться в обычное состояние презрения ко всему миру.

— Ну что же, — сказал профессор Суонк, потирая ладони. — Тогда все за работу. Время не ждет.

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Даже удивительно, сколько проблем легко решается при помощи сабли...»

Когда Ариадна вышла из лавки, майор все еще стоял у витрины. Глядя на отражение в темном стекле, он пытался пригладить растрепавшиеся волосы.

— Уже уходите? — расстроено протянул он. — А я думал, что...

Ариадна остановила его, подняв руку.

— Профессор послал меня с поручением. Вам же сказал меня сопровождать.

Майор тут же расцвел.

— Миледи! Мой меч всегда к вашим услугам! Что за поручение?

— Нужно раздобыть индуистского бога.

Хопп не растерялся даже на секунду.

— И куда мы? В Бомбей? В Калькутту? Нам предстоит долгое путешествие, но с вами хоть на край света. Сколько туда лететь? Часов восемь? И когда ближайший рейс?

— Нам на бульвар святой Жозефины, — спустила его с небес Ариадна. — Здесь минут пятнадцать на машине.

За спиной послышался металлический скрип и громкое шипение — словно кто-то выпустил воздух из воздушного шарика. Адская гончая остановилась метрах в пяти от волшебной лавки, посреди сугроба, не рискуя подойти ближе. Во все стороны от нее текли ручейки талой воды. Огненный шар под жестяной шкурой искрил и плевался короткими и тонкими, как иглы, молниями. Взгляд, обращенный к девушке, не предвещал ничего хорошего — красный катафот сверкал, будто в нем отражались все огни преисподней.

Ариадна потянулась к вороту куртки, сзади на шее выступили холодные капельки пота. Веселенькая ей предстоит поездочка, в такой-то компании... И неизвестно еще, что хуже — неведомый господин Чатни из магазина индийских товаров или эта парочка. Во всяком случае, господин Чатни пока еще не грозился отгрызть ей ногу.

— А ваша теща, Инесса Пална, она сильно... огнеопасна?

— Ну... Горючие предметы стоит держать от нее подальше. Особенно если она не в духе.

— Как же вы тогда возите ее в машине? — удивилась Ариадна. — Разве сиденья не должны загореться?

Не говоря уже о бензобаке и прочих радостях. Ехать на машине с такой собакой все равно что кататься верхом на гранате с сорванной чекой.

— А у нее есть асбестовый коврик, — спокойно сказал майор.

Ариадна смерила его скептическим взглядом. Подобная защита показалась ей смехотворной, как москитная сетка против тигров.

— Поедем на вашей машине, — сказала она, взвесив

все «за» и «против». И прежде, чем майор успел обрадоваться, добавила: — Только я за рулем, и не спорьте!

О своем решении она пожалела, не успев еще сесть за руль. Запах гари, паленой кожи и горелой бумаги и снаружи шибал в нос, внутри же оказался такой силы, что у Ариадны перехватило дыхание. В такой машине не помешал бы противогаз, а так приходилось каждый раз напоминать себе, что человеческому организму необходим воздух. На зеркале заднего вида покачивалась связка «елочек», но пользы от рощи ароматизаторов не было никакой. Даже удивительно, как Жестянка с ее обонянием и повадками истинной тещи все это терпела.

Едва Ариадна устроилась на переднем сиденье, как почувствовала затылком волну горячего воздуха. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто у нее за спиной. С такой собакой в машине не нужна никакая печка — жарко стало сразу же, несмотря на отсутствующее заднее стекло. Однако Ариадна не стала снимать вязаную шапку, наоборот, натянула ее поглубже. Ей совсем не хотелось лишиться волос. К тому же, если у нее загорится голова, слишком велика вероятность заехать куда-нибудь не туда.

В управлении машина майора оказалась тяжелой и упрямой, как мул на горной дороге. Тем не менее Ариадна с ней справилась и разогналась до скорости, которая майору и не снилась — километров тридцать в час. Хопп сидел рядом, бледный как смерть, двумя руками хватаясь за кресло. Вид у него был как у человека, который спяну сел в вагонетку на американских горках, а потом вдруг резко протрезвел.

— Да не пугайтесь вы так, — сказала Ариадна, выруливая на Большой проспект и пристраиваясь в ряд машин, направляющихся к центру. — Один мой знакомый на велосипеде ездит быстрее.

— Я не боюсь скорости. Мне доводилось и на ракете летать, и управлять «Ньюпором» — вот где настоящая скорость, ветер в лицо и все дела...

Майор сглотнул.

— Так в чем же тогда дело?

— Понимаете... Если ехать слишком быстро, то Инессу Палну укачивает и может стошнить. А это чревато последствиями.

Ариадна так резко ударила по тормозам, что сама чуть не вылетела через лобовое стекло. Ехавшая сзади машина чудом избежала столкновения и разразилась гневными гудками.

Дальше Ариадна поехала *очень медленно*.

— Знаете, — сказала Ариадна, когда руки перестали дрожать. — Я все хотела спросить... А чем питаются адские гончие?

Исподгишка она глянула на Инессу Палну, и в тот же момент раздался громкий щелчок. Глаз-объектив выдвинулся вперед и снова щелкнул. С более недвусмысленным намеком — «я тебя запомнила, смотри у меня» — Ариадне сталкиваться не доводилось.

— Она непритязательна, — сказал майор. — Ест все, что хорошо горит. Но больше всего ей по вкусу дешевые страсти. Чтобы были Он, Она и всякие ахи-вздохи в исторических декорациях.

— Как так? — не поняла Ариадна.

— Ей нравятся любовные романы. И чем слащавее, тем лучше. Всякие «В пламени страсти», «Роковая любовь» и прочее. Он — богатый лорд, она — простая служанка, но ничто не устоит на пути у высоких чувств. Но без непристойностей. От непристойностей у Инессы Палны начинается изжога.

— Она их читает? — изумилась Ариадна. Совсем не просто представить жестяную собаку, развалившуюся в кресле с любовным романом в металлических лапах. Или на асбестовом коврике, раз уж на то пошло.

— Она их глотает целиком, по две-три штуки за день, вместе с обложкой. Только из-за нее роман «Пленники любви» выдержал два переиздания.

Ариадна поджала губы.

— Надеюсь, автор никогда не узнает о причинах своей популярности.

Найти «Звезду Бомбея» оказалось непросто. Ариадна дважды проехала по бульвару в обе стороны, прежде чем заметила вывеску. Если это слово применимо к листу бумаги с написанным от руки объявлением. Бумага сильно намокла, и чернила расплзлись по ней неряшливыми кляксами — Ариадне оставалось только завидовать, что ее усы не нарисованы такими же чернилами. Магазинчик спрятался между отделением мелкого банка и конторой по аренде мотороллеров и не имел собственной витрины. Там была лишь неприметная зеленая дверь, такая узкая, что человеку упитанному пришлось бы проходить в нее боком.

— Похоже, нам сюда, — Ариадна остановилась у обочины.

Нахмурившись, Хопп уставился на дверь.

— Подозрительное местечко, — сказал он, проверяя, как сабля выходит из ножен. Жестянка на заднем сиденье тихо зарычала.

— Вот и Инесса Пална что-то чувствует. Возможно, колдовство...

— Думаете, тоже волшебная лавка? — спросила Ариадна, переходя на громкий шепот. Хотя этого стоило ожидать: профессор Суонк не стал бы посылать ее в обычный магазин. Он просто не знал об их существовании.

— Настоящая волшебная лавка только одна, — сказал майор. — Однако есть множество подделок.

— Как фальшивые елочные игрушки?

— Вроде того, — кивнул Хопп. — Слово «подделка» означает, что в них нет волшебства, но это волшебство может быть опасным. Будь настороже.

Они вышли из машины, и Ариадна толкнула зеленую дверь. Та открылась без единого звука, и это было даже хуже, чем если бы она открылась со зловещим скрипом. Если дверь открывается тихо, значит, захлопнется она очень громко. Листок с объявлением упал под ноги — Ариадна не стала его поднимать. Осторожно, на цыпочках, она вошла внутрь.

В магазине индийских товаров было душно и так силь-

но пахло благовониями, что защипало глаза. Из невидимых колонок доносилась тихая медитативная музыка; Ариадна поморщилась — треньканье ситара ей всегда казалось скорее раздражающим, чем успокаивающим. Как комариный звон посреди ночи.

Повсюду висели цветастые ткани, заколыхавшиеся от сквозняка, точно паруса экзотических лодок. Бронзовые обезьяны и слоны из красного дерева таращились изо всех углов. А вдоль стены тянулся длинный барельеф, от одного взгляда на который у Инессы Палны приключился бы острейший приступ изжоги, Ариадне же захотелось откашляться.

— Эй! — позвала она. — Кто-нибудь здесь есть?

Несколько секунд ответом была тишина, а затем послышался шорох ткани, и перед Ариадной, широко улыбаясь, возник господин Чатни. Материализовался из дыма ароматических палочек, точно сказочный джин. От неожиданности Ариадна отпрянула, на что улыбка Чатни стала только шире.

Он был высоким и тощим, но из-за того, что сильно сутулился, выглядел заметно ниже своего роста. На смуглом лице особо выделялись пухлые губы. Ариадна заметила, что Чатни улыбается так, чтобы были заметны ровные белые зубы. Короткая черная борода окаймляла подбородок и блестела так, будто Чатни смазал ее маслом. Голову индуса венчал высокий тюрбан, поперек левого глаза красовалась черная повязка, и впрямь придававшая ему сходство с пиратом.

— Добрый день, госпожа, — нараспев произнес он. — Чем могу быть полезен?

Он оценивающе оглядел девушку.

— Господин Чатни? — спросила Ариадна.

Индус прищурился единственным глазом.

— Это имя для особых случаев... — медленно сказал он. — Сейчас особый случай?

— Меня послал профессор Суонк.

На крошечную долю секунды толстые губы скривились,

В этот момент майор Хопп решил, что пришла пора вмешаться. Выхватив саблю из ножен, он шагнул к торговцу.

— Вот что, — процедил майор. — Ты эти шуточки брось, здесь тебе не Красный Рынок. Мы забираем слоновью башку, и не советую становиться у нас на пути.

Он запыхтел в усы.

— А, угрозы... — протянул индус скучающим тоном. — Я не люблю угрозы.

Господин Чатни поднял руку и щелкнул пальцами. В то же мгновение одна из бронзовых обезьян прыгнула к Ариадне, вытянув длинные лапы.

От сильного удара девушка отлетела к стене, опрокинув одну из чаш с цветами. Холодная вода выплеснулась на голову, смывая слезы.

Падая, Ариадна успела заметить, что не меньше пяти обезьянок набросились на Хоппа и выбили саблю у него из рук. Майор рухнул на колени, и бронзовые статуэтки прижали его к земле — вцепились в каждую руку и ногу, а еще одна устроилась на груди, скаля длинные клыки.

Но потом Ариадне стало совсем не до того. К ней самой подскочили еще четыре обезьяны и схватили так же, как и майора. Холодные металлические пальцы сдавили запястья так сильно, словно руки зажали в пыточных тисках. Мартышка с зеленоватой от патины мордой уселась сверху. Ощущение было такое, словно на живот Ариадне положили пудовую гирию. Сил едва хватало, чтобы дышать.

— Ах ты... — выкрикнул майор, после чего последовала череда удивительно грязных, но по-армейски точных ругательств. И продолжались они до тех пор, пока в легких Хоппа не кончился воздух.

Господин Чатни расхохотался.

— Не стоит грубить — может плохо закончится. Это тринадцать проклятых обезьян Аншмурати. В их бронзовые тела заточены души тринадцати самых жестоких убийц затерянного города. Именно эти обезьянки и по-

винны в Девонской Бойне. Бедный полковник Редмонд. Тело его так и не опознали — столько кусочков!

Он присел перед Ариадной и провел пальцем по щеке девушки, прямо по нарисованным усам. Руки у него были скользкими, словно он смазывал их салом.

— Какой чудесный сегодня день! У меня будет волшебное королевство... А если поторговаться, то и нечто посерьезнее. Кстати, ты и в постели такая дикая кошка, какой прикидываешься? Есть планы на вечер?

Ариадна выгнула шею, безуспешно пытаясь отстраниться от его прикосновений.

— Профессор... Суонк...

— Профессора здесь нет, — перебил ее индус. — А твой телохранитель ни на что не годен. Куда ему до моих обезьянок? Надо лучше выбрать спутников.

Пламя свечей задрожало и взметнулось вверх, будто кто-то плеснул на них бензина. Послышался треск раздираемой ткани и тут же — оглушительный рык. Это был не просто рев — казалось, он прозвучал из самой бездны. От него задрожали стены, опрокинулось несколько чаш с цветами... Любой лев или тигр, заслышав эти звуки, слопал бы самого себя, лишь бы оказаться как можно дальше.

Лицо Чатни вмиг посерело, пухлые губы затряслись, как желе. Он отпрянул от Ариадны, разворачиваясь на ходу, да так и замер с раскрытым ртом.

В дверях чулана, опустив голову, стояла Жестянка. Сердце адской гончей, размером с футбольный мяч, горело холодным синим огнем, в пасти вскипали сгустки голубого пламени, с жестяной шкуры сыпались искры.

Жуткий рев стих, но рычание не прекратилось. Цепким взглядом Жестянка обвела комнату. Послышалась серия коротких щелчков, а затем собака уставилась на Чатни с видом терьера, приметившего жирную крысу. Ариадна не сомневалась — будь у Жестянки язык, она бы не преминула облизнуться.

— Это... — индус проглотил вставший поперек горла комок.

— Ага, — ухмыльнулась Ариадна. — Именно она. Адская гончая, и зовут ее Инесса Пална.

Индус быстро поднял руку, но еще быстрее Инесса Пална метнулась в его сторону.

Это было похоже на вспышку молнии: миг — и Чатни лежит на полу, а Жестянка стоит, опираясь лапами ему на грудь, и дышит прямо в лицо. Резко пахло паленым волосом, вонь заглушила запах благовоний.

— Что ж, — произнес майор. — Теперь мы в равном положении... Только тебе надо отдать своим мартышкам приказ, а вот Инессе Палне приказов не требуется.

— Но... — индус закрутил головой, пытаясь уберечь единственный глаз от огненного дыхания Жестянки. — Может, попробуем договориться?

— Договориться? Ха-ха! Никаких переговоров. Эта игра пойдет по нашим правилам. Мы забираем слоновью башку, ты помогаешь нам дотащить ее до машины, а твои мартышки сидят и не рыпаются — все просто.

— Но...

— И если хоть волос упадет с головы моей спутницы, ну или с моей головы, ты позавидуешь судьбе своего полковника Редмонда — там хотя бы какие-то кусочки наши. Что скажете, Инесса Пална?

Адская гончая коротко рывкнула. Этого оказалось достаточно, чтобы Чатни залепетал:

— Все, все! Я понял!

— Вот и отлично, — сказал майор Хопп. — Прикажи своим мартышкам вернуться на место. И без глупостей.

Жестянка отпустила индуса. Тот щелкнул пальцами. Металлическая хватка тут же ослабла. Жуткие обезьянки отпустили Ариадну и по одной вернулись на постамент. На бронзовых мордашках застыло выражение крайнего недовольства.

— Козырь в рукаве? — Ариадна встала на ноги, рукавом куртки вытирая лицо. Не столько от воды, сколько от гадких прикосновений Чатни.

— Что-то вроде того, — майор поднял упавшую фуражку и нахлобучил на голову, затем нагнулся за саблей.

— Ну и чего ты ждешь? — спросил он дрожащего на полу Чатни. — Хватай своего зеленоглазого приятеля и тащи в нашу машину. И пошевеливайся, у нас не так много времени.

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Чего только нет на этом свете...»

В лавку они вернулись без приключений. Всякий раз, глядя в зеркало заднего вида, Ариадна видела красный камень, сверкающий во лбу статуи. Даже в машине, при свете дня, он выглядел на удивление зловеще. Хоппа подобные мелочи ничуть не смущали. Всю дорогу майор тараторил о том, как ловко они обставили господина Чатни.

— Видели его лицо? Я думал, что он лопнет от злости! Ничего — это послужит ему уроком, будет знать, с кем связываться!

Жестянка зарычала на заднем сиденье, но сейчас в ее голосе слышалось лишь ворчание сварливой старушки.

— О да! — сказал майор. — Вы были на высоте, Инесса Пална! И что бы я без вас делал?

— Как бы эти обезьянки не вернулись. Чтобы забрать свой проклятый камень.

— Да бросьте, — отмахнулся майор. — Во-первых, они все равно не смогут проникнуть в лавку. Во-вторых, индус — птица не того полета, чтобы идти против профессора. Алый Король Маджонга и тот боится Карла, куда уж этому прохвосту?

Ариадна остановилась напротив лавки. Вместе с майором они выволокли из машины статую Ганеши. Она оказалась не такой уж и тяжелой, видимо, была полой внутри. Хопп ногой толкнул дверь, и они вошли в лавку, под героическую песнь охотничьего рога.

Джаскониус встретил их с самым недовольным выражением на лице.

— Где вы шляетесь? — спросил он с порога. — Так сложно достать индуистского бога? Вас только за смертью посылать.

— Даже не представляешь, друг мой, как ты близок к истине, — сказал майор. — Чтобы выполнить твое задание, нам пришлось сразиться с ордой злобных демонов, и мы и в самом деле оказались на грани жизни и смерти...

— Пфф! — выдохнул карлик. — А я с какой радости должен вас дожидаться?

Ариадна и не ждала восторгов — во всяком случае, от Джаскониуса.

— Ну как тебе добыча? — спросил майор, похлопав Ганешу по макушке.

Морща нос, карлик обошел вокруг статуи.

— Сойдет. Хотя могли бы поискать что-нибудь получше. Что это за прыщ у него на лбу?

Он ткнул пальцем в кроваво-красный камень. Затем вытащил швейцарский армейский нож с дюжиной разнообразных лезвий. Подковырнув камень, он легко достал его из головы статуи и посмотрел на свет. Красные отблески озарили лицо карлика багрянцем, что, впрочем, на его физиономии было не особо заметно.

— Это, друг мой, знаменитый рубин «Глаз Раджпуста-на», проклятый и омытый кровью. Люди гибли сотнями, мечтая его заполучить...

— «Глаз Раджпуста-на»? — Джаскониус закудахтал, что служило ему вместо смеха. — Обычная крашенная стекляшка!

Размахнувшись, он изо всей силы швырнул камень в стену. Тот отскочил от нее, точно мячик. Нахмурившись, карлик поднял «стекляшку», осмотрел ее со всех сторон, царапнул ножом...

— Ладно, — сказал он. — Можно использовать, как стеклорез.

— Предупреждаю сразу — за этим камнем охотятся жуткие демоны, ровно тринадцать штук.

Джаскониус смерил его взглядом.

— Зачем демонам стеклорез?

Ответить на этот вопрос майор оказался не в состоянии.

Тем временем в лавку спустился профессор с дымящейся кружкой чая в руках.

— Вернулись?

— Знаешь, что с нами было?! — воскликнул Хопп. — Этот твой...

— Потом расскажешь, — остановил его профессор. — Поднимайтесь наверх, я приготовил чай. После хорошего приключения нет ничего лучше чашечки горячего чая. Завтра покажу вам кое-что интересное...

Он повернулся к Джаскониусу.

— Сколько тебе нужно времени?

— За час управлюсь, — сказал карлик, пнув статую Ганеши. — Если пила не сломается.

Суонк вытащил из кармана большой механический будильник.

— Что ж, время у нас еще есть, — кивнув карлику, он скрылся за дверью.

Ариадна и майор проследовали за ним в столовую. Там, среди просторов Дикого Запада, их уже ждали полные чашки со знаменитым чаем профессора Суонка — черным, как ночь, и крепким, как лучший виски. После пережитого приключения Ариадна не отказалась бы и просто от порции хорошего виски, но замена была вполне адекватной. К тому же на столе стоял черничный пирог, а до черничных пирогов она была сама не своя.

Когда с большей частью пирога было покончено, пришло время и для разговоров. Ариадна вытерла губы, темно-синие после черники, салфеткой и повернулась к профессору.

— Так что же вы хотели нам показать?

— О да, — сказал Суонк. — Тебе это понравится...

Он достал нотные листы и разложил их на столе, при-

жав чашками, солонкой и сахарницей, чтобы не разлетелись.

— Особый приз тому, кто первый заметит, что здесь не так, — сказал профессор, колючим взглядом обводя присутствующих.

— А какой приз? — встрепенулась Ариадна.

— Для тебя — последний кусок пирога.

Ариадна уставилась на листы с нотами. Она, конечно, была сытой, как удав, проглотивший пару кроликов, но черничный пирог — всегда черничный пирог. Однако, сколько она ни всматривалась, ничего особенного не заметила. Ноты как ноты, написанные нетвердой детской рукой.

— Не, — замахал руками майор Хопп. — На меня не рассчитывай. Мне эти музыкальные закорючки, что твоя китайская грамота.

— Вовсе не обязательно уметь читать ноты, — сказал профессор. — Смотри шире.

Майор сдвинул брови, но задачка оказалась ему не по зубам, и он отрицательно покачал головой.

— Сдаюсь. Можешь выкладывать карты.

— Помнишь, что говорила мать девочки про эти ноты?

— Что ее дочь собирается стать композитором и что-то там сочиняет.

— Именно. Марта *работала* над сюитой. А здесь у нас законченное произведение — видишь? — Суонк ткнул пальцем в слово «FIN» на последнем листе.

— Это ничего не значит, — сказала Ариадна. — Может, она не дописала середину или вносила какие-то исправления...

— Ты видишь хотя бы одну помарку или вычеркнутую ноту?

— Нет, но...

— Думаешь, она просто так играла сюиту перед выступлением? Она репетировала. Это полностью законченное произведение, и Марта собиралась исполнить его на концерте. Как сюрприз для всех, включая собственную мать.

— Допустим, — согласилась Ариадна. — Только не вижу в этом ничего криминального. Это был ее концерт, она имела полное право играть все, что ей вздумается. К тому же подобное выступление — лучшее место для премьеры. Захотелось девочке похвастаться талантами, вот и все.

— Мы еще не знаем, что это за сюита, — напомнил Суонк. — Поэтому мы не знаем, чего именно ей захотелось. А главное...

Он глубоко вдохнул.

— Мы не знаем, кому это захотелось.

— В смысле? — растерялась Ариадна. — Марте Эрфурт...

— А кто такая Марта Эрфурт? — прищурился профессор. — Чтобы раскрыть любое преступление, перво-на-перво нужно определиться с тем, кто жертва.

— Но мы это знаем!

— Неужели? Посмотри на нее, — профессор передал Ариадне фотокарточку. — Что ты видишь?

Минуты три Ариадна таращилась на снимок. Разглядывала со всей старательностью, пытаясь найти хоть малейшую червоточину — кривые гоблинские зубы или чересчур остроконечные уши. Но ничего подобного. С фотографии улыбался настоящий златокудрый ангел, только что без крыльев. Ариадна вернула фотографию Суонку.

— Симпатичная юная барышня. Даже слишком. Наверняка в нее влюблены все мальчишки из ее класса...

— Именно, — кивнул Суонк. — Это *идеальная* девочка. Красивая, как с картинки, при этом еще и умная и необычайно одаренная. Все ею восхищаются, она получает призы на взрослых конкурсах, и вообще у нее нет недостатков. Готов поспорить, что, когда она была маленькой, с ней не было никаких проблем. Она прекрасно спала по ночам, не капризничала из-за еды и научилась ходить гораздо раньше сверстников. Первым ее словом было «мама», вторым — «мамочка». Она всегда убирала игрушки, да и сейчас в комнате у нее идеальный порядок. Мать для нее — лучшая подруга, и ни разу в жизни они не поругались.

— Жуть какая. Разве такое возможно?

— Тебе виднее, — сказал Суонк. — Я же никогда не был маленькой девочкой.

— Как-то это неправильно, — покачала головой Ариадна. — Она *идеальная*, но как-то не для себя, что ли...

— Именно, — кивнул профессор. — Прекрасная дочь для *ее матери*. Она — олицетворение ее желаний и несбывшихся надежд. Помнишь, Эльза говорила, что хотела поступать в консерваторию, но родители не позволили?

— Ну да... Но такое часто бывает. Родители хотят для своих детей того, чего недополучили сами. Это такая психологическая компенсация. К тому же у Марты нет отца, не удивительно, что мать так на ней сосредоточена — подспудное чувство вины и все такое...

— Вот здесь интересный момент. Этот неизвестно откуда взявшийся отец. Когда он появился?

— На вечеринке в клубе, — сказала Ариадна. — В этом-то вообще нет ничего удивительного. Подобные молодые люди стаями бродят по ночным клубам. Подцепят девчонку на ночь, а наутро и след простыл. Я слышала, что у них даже существует что-то вроде соревнований.

— Это не ответ на вопрос «когда?».

— Что-то они там отмечали, — нахмурилась Ариадна. — И еще — тогда Эльза напилась...

— Именно! Первый и последний раз в своей жизни. Единственный раз она позволила себе расслабиться.

— И попалась на крючок! — сказала Ариадна. — Для подобных охотников за юбками пьяная девушка — сущий подарок.

— Либо случилось нечто другое. Меня смущает, что Эльза не может вспомнить ни имени, ни лица своего кавалера. Помнишь, я говорил про затухание чудес?

Ариадна надула губы.

— По-моему, вы чересчур усложняете. Обычная история. Не самая красивая, но...

— Была бы обычной, если бы ее дочь, — профессор взмахнул фотографией, — не исчезла таинственным об-

разом. А это заставляет внимательнее присмотреться к деталям.

— Думаете, отцом Марты был не человек?

— Я думаю о том, а был ли у нее вообще отец?

Ариадна чуть не подавилась куском пирога.

— Ну, знаете... — сказала она, стуча себя кулаком по груди. — Может, я чего не понимаю в этой жизни, но, по-моему, отец есть всегда — так или иначе. Эльза же не ящерица и не пчела, чтобы размножаться партеногенезом, уж простите за грубость...

— Никто и не говорит о размножении. Но что мы имеем? Дочь, воплощающую все надежды и чаянья своей матери. И этот ребенок ни с того ни с сего исчезает, оставив после себя лишь сюиту для флейты. И я хочу спросить, а существовал ли этот ребенок вообще? Или была только мечта Эльзы о таком ребенке?

— Что значит «только мечта»? Она помнит, как ее рожала. Да сотни людей видели Марту, даже тысячи — ее ведь показывали по телевизору.

— Они видели то, что хотела Эльза — ее воплотившуюся мечту. И Марта делала все, чтобы так и было. Но что она с этого имела?

— В смысле? Родительскую любовь и заботу, Эльза же в ней души не чаяла. Все для нее делала и всегда была рядом...

— Именно так, — кивнул Суонк. — Можно сказать, она отдала ей всю свою жизнь, все свои силы и время, а заодно — свои мечты, желания и стремления. Она была полностью на ней сосредоточена.

— Гиленгач, — вдруг сказал майор Хопп. Он хлопнул себя по коленям.

Профессор повернулся в его сторону.

— Ты выиграл кусок пирога. К несчастью, моя замечательная помощница съела все до последней крошки.

— Чего-чего? Гилен...

— Гиленгач, — повторил майор. — А ведь действительно похоже...

— Что еще за гиленгач? Это какой-то из видов гоблинов? Вроде мисы или нафты?

— Не совсем, но... — профессор потер подбородок. — Существует множество легенд о чудесных детях удивительной красоты и невероятных способностей. Раньше их считали детьми богов — определить отца всегда представляло некоторые сложности. Даная и золотой дождь, Леда, которая снесла яйцо, и прочие подобные истории. И соответственно их дети — Персей, Елена Прекрасная... Красивые, одаренные, и их способности проявлялись в самом раннем возрасте. Но беда в том, что многие из этих чудесных детей не были настоящими людьми. Очень удобно списывать их удивительные способности на божественное происхождение, но на самом деле все обстоит несколько иначе — люди сами наделяли их этими способностями... Потому что есть такое существо, как гиленгач.

Профессор щелкнул ногтем по чашке.

— Гиленгач не совсем гоблин, хотя они близки по природе. Он куда менее разумен, в том плане, что у него практически отсутствуют собственные устремления. По большому счету, он лишь отражает то, чего от него хотят видеть — впитывает желания и мечты и выплескивает их наружу...

— Но зачем?

Суонк задумался.

— Просто он так живет. В этом нет злого умысла, это форма мимикрии, одна из лучших, что мне известна. Гиленгач проникает в организм человека, после чего начинает развиваться и рождается, как самый обыкновенный ребенок. Ну, почти обыкновенный — ребенок этот отличается удивительными способностями, развит не по годам. Слышала выражение — «дитя — не нарадуешься»? Вот это именно тот случай. Дело в том, что гиленгач питается радостью, как мары питаются страхом. Впрочем, я не стал бы называть это паразитизмом — со своей стороны он дает тысячу и один повод для этой радости. С таким ребенком можно не бояться, что умрешь в одиночестве,

всеми брошенный и забытый, — гиленгач всегда будет рядом, что бы ни случилось.

Майор Хопп теребил седой ус.

— Одного не понимаю — сказал он. — Где Эльза могла его подцепить? Мне казалось, их уже почти не осталось. Со всей этой гигиеной, мытьем рук перед едой и прочими делами.

— Да как вообще можно подцепить такую...

Ариадна едва удержалась, чтобы не сказать «тварь». С другой стороны, это слово казалось совсем неуместным по отношению к златокудрой Марте Эрфурт. Было очень странно думать о ней не как о милой потерявшейся девочке, а как о *гиленгаче*, паразите, питающемся чужой радостью. Да и вообще, еще непонятно, кто и на ком паразитировал в большей степени.

— Она должна была проглотить яйцо, — сказал профессор. — Или личинку, но это срабатывает только в южных странах, где принято употреблять в пищу всяких гусениц, особо не разбираясь, что именно за гусеницу ты съел.

— Личинку, — Ариадну передернуло. — И эта личинка похожа на...

— На личинку. Бледно-желтый червячок, правда, морда у него выглядит точь-в-точь как человеческое лицо.

— Текила, — сказала Ариадна. — На той вечеринке они пили текилу, и Эльзе выпал шанс проглотить червячка. Это ведь могла быть та личинка? Не думаю, что в том состоянии она присматривалась, человеческое лицо у нее или нет...

Профессор Суонк уважительно приподнял бровь.

— Молодец, — похвалил он. — Наградил бы тебя пирогом, да ты и так весь съела.

Ариадна расплылась в улыбке — с учетом чернильных усов, живая иллюстрация к поговорке «Доброе слово и кошке приятно». Майор Хопп меж тем продолжал накручивать ус.

— Но загадка так и осталась загадкой, — сказал он. — Допустим, девчонка и в самом деле *гиленгач*. Но это никак не объясняет ее таинственного исчезновения.

— Не скажи, — покачал головой Суонк. — По своей природе гиленгач близок к подменышу, хотя и является более адаптированной формой. И его можно изгнать — приблизительно теми же методами. Выставить на мороз или, наоборот, поместить в печь, высечь крапивой или орешником... Есть и другие средства. Если гиленгач чувствует направленную угрозу, срабатывает защитный механизм — он прячется, как улитка в раковину, после чего окукливается, и начинается новый цикл. Единственное, что меня смущает, — угроза должна исходить от матери. Для него очень болезненно лишиться источника радости, которая его и питает. Но не похоже, чтобы от Эльзы исходила какая-либо угроза для Марты...

Он постучал пальцами по пачке нот, лежащей на столе.

— А куда он прячется? — спросила Ариадна. — Я помню примерку — там нет места, где бы Марта, кем бы она ни была, могла затаиться.

— Да и Жестянка сразу бы ее нашла, — напомнил майор. — Нет такого места, где от нее можно скрыться.

— Места нет, — кивнул Суонк. — Но есть форма. Гиленгач — существо с идеальной способностью к мимикрии. Он может прикинуться чем угодно, особенно в момент, когда чувствует угрозу. Поскольку он лишь отражает желания, мы видим то, что хотим видеть, а не то, что есть на самом деле. Только так его и можно вычислить.

— Как-то это сложно, — поморщилась Ариадна. — У меня от этих рассуждений и догадок голова идет кругом...

— Привыкай, — сказал профессор. — Кстати...

Он вытащил сложные электронные часы с множеством циферблатов.

— Не пора ли нам навестить нашего гениального друга?

Из личного дневника майора Бенджамина Холпа:

«Не понимаю я современную музыку. Куда подевались простые, красивые песни?»

Из-за двери мастерской Джаскониуса доносился грохот и лязг, будто карлик изо всех сил бил молотком по железному тазу. В самой лавке щеглы и канарейки в панике скакали в клетках и, видимо, громко щебетали, но расслышать их не было никакой возможности.

— Что-то мой компаньон разошелся! — крикнул профессор Суонк.

Ариадна развела руками. Джаскониус был увлекающейся натурой, и такие вещи, как шум, и то, что этот шум может кому-то мешать, его никогда не смущали. Впрочем, не исключено, что на самом деле карлик вел сейчас неравную битву с ожившей статуей Ганеши, возражавшей против распиливания на части.

На мгновение грохот стих, но на смену ему пришли не менее жуткие звуки — какофония инструментов, словно поддюжины музыкантов решили устроить концерт, но не смогли договориться, что они будут исполнять. У Ариадны аж зубы свело, перепуганные мурашки забегали по спине и рукам.

— Ох, — застонал майор, хватаясь за голову. — Ты уверен, что нам стоит туда идти?

Вместо ответа Суонк шире распахнул дверь и зашагал по пыльному коридору. Ничего не оставалось, как стиснуть зубы и пойти следом.

Карлик жил и работал в подвале с голыми стенами и крошечными окнами под самым потолком. Ариадна всегда подозревала, что среди предков Джаскониуса затесалась парочка гномов — иначе откуда такое стремление жить под землей? Больше всего мастерская походила на монашескую келью, вырубленную в скале. Из всей мебели здесь имелась лишь низенькая кушетка да покосившийся табурет; на стенах не было даже намека на обои. А что больше всего смущало Ариадну — она никак не могла найти место, где Джаскониус хранил инструменты и детали, из которых он собирал свои изобретения. Они просто появлялись в нужный момент, как по взмаху волшебной палочки, — начиная от отвертки и заканчивая

новейшим компьютером или мотором гоночного болида. Очевидно, это было одним из свойств волшебной лавки — давать ему все необходимое, за редкими исключениями, вроде статуи индуистского бога.

Когда они вошли в мастерскую, Джаскониус сидел по-турецки перед «искусственным музыкантом» и что-то печатал на массивной печатной машинке с неподвижной кареткой. Лысина карлика блестела бисеринками пота.

От машинки отходил пучок струн, и все они дрожали, стоило только карлику нажать на клавишу. Посредством сложной системы блоков и противовесов струны соединялись с «искусственным музыкантом».

Ганеша восседал на небольшом помосте. Он еще сохранял сходство со зловещим богом затерянного города, но теперь на слоновьей морде странным образом появилось виноватое и смущенное выражение. Бронзовые руки были распилены в нескольких местах и скреплены гибкими шарнирами и резиновыми трубками. Мощный насос непрерывно качал по толстым шлангам воздух внутрь статуи.

В руках Ганеша держал гармошку, гитару, бубен, трещотку и тромбон — те инструменты, которые удалось найти в лавке. И на всех он пытался играть — брэнчал по струнам, раздувал меха гармошки, размахивал трещоткой и тряс бубном. Тромбон, связанный отдельными трубками с насосом, ревел, как гиппопотам, наступивший на доску с гвоздями.

Вся конструкция была полной нелепицей, нарушавшей десять из десяти законов физики, логики и здравого смысла. И тем не менее она работала... Так было почти со всеми изобретениями Джаскониуса. Никто, кроме самого карлика, не понимал, как они функционируют. Но Джаскониус это знал настолько точно, что этого оказывалось вполне достаточно, чтобы начинал работать самый жуткий и нелепый механизм. Карлик обладал такой непростибаемой верой в свою гениальность, что горы должны были водить вокруг него хороводы.

Майор Хопп громко выругался.

— Вот зараза! Ну ты даешь, мой маленький друг! Гений, вот ты кто! И как можно было до такого додуматься?

Джаскониус скривился. Любая похвала была слишком мала для него.

Массивные руки Ганеши-музыканта с шипением опустились, однако инструментов он не выпустил. Сейчас он был похож на рок-звезду, готовящуюся выдать очередной ударный хит.

— А как это работает? — не удержалась от вопроса Ариадна.

— Пневматика. Если тебе известно такое слово.

— А! Ну понятно, — со знающим видом сказала Ариадна.

Разумеется, ничего она не поняла, да и ответ Джаскониуса ничего и не объяснял. Но лучшего она все равно не дождалась — растолковывать принципы работы своих изобретений карлик считал пустой тратой времени. А так можно его позлить — это было забавно.

— Ха! — сказал Джаскониус, прекрасно знавший все ее уловки. — Давайте сюда свои ноты.

Профессор Суонк передал ему листы. Джаскониус вставил первый в каретку печатной машинки и стал медленно прокручивать барабан.

— Считывающее устройство, — сказал он, отвечая на незаданный вопрос. — Надо загрузить в него произведение, установить темп, и можно начинать...

Струны, соединявшие печатную машинку со статуей, натянулись, стал слышен тихий звон; искусственный музыкант слегка приподнялся, из щелей со свистом вырывался воздух. Металлические пальцы дрожали на грифе гитары и клавишах гармошки.

Один за другим Джаскониус прогнал через каретку всю сюиту. Ганеша трясся сильнее и сильнее, казалось, он того и гляди не выдержит, и если не начнет играть, то развалится на части. Попросту лопнет от переполнявшей его музыки.

— Вы уверены, что это сработает? — спросила Ариад-

на. — Марта писала свою сюиту для флейты, а вовсе не для гитары с гармошкой...

— Конечно, сработает, — заявил майор. — Хорошая песня — всегда хорошая песня, сыграй ты ее хоть на флейте, хоть на стиральной доске.

Старый вояка подпрыгивал от нетерпения, ожидая, когда Джаскониус запустит свое устройство. Наконец с вводом данных было закончено. Карлик вытер вспотевшие ладони о штанины и со всей силы ударил по клавише «пробел».

Машинка звякнула. Натянутые струны пришли в движение, точно детали хитроумного ткацкого станка, — все быстрее и быстрее. Ганеша вскинул руку и затряс над головой бубном.

— Вступление, — тоном знатока сказал Хопп.

— Тихо! — зашипела на него Ариадна, и майор тут же прикусил язык.

Сюита начиналась медленно и величественно, как рокот волны, катящейся по прибрежной гальке в преддверии шторма. Тоскливо запела гармошка, выводя замысловатую мелодию. Из-за подбора инструментов сюита звучала немного на французский манер. Ариадне же она напомнила все и сразу — что-то досталось от Баха и от Моцарта, что-то от простенькой детской песенки, а что-то от модного поп-хита, который крутили по радио.

Но чем дальше, тем более несвязным становилось произведение. Сперва это было едва заметно — одна-другая лишняя или неправильная нота. Но постепенно их становилось все больше, пока наконец сюита не превратилась в бессмысленный и неприятный шум. Несколько раз мелодия пыталась прорваться — появлялась на несколько секунд, как голова утопающего среди бурных волн, но затем окончательно исчезла в жуткой какофонии.

Джаскониус морщился, будто только что съел килограмм лимонов. Профессор Суонк стоял с непроницаемым лицом, но по тому, как он едва заметно хмурил брови, Ариадна догадалась, что и ему мелодия неприятна.

И только Хопп улыбался и притопывал ногой — видимо, у майора начисто отсутствовал музыкальный слух.

Наконец все закончилось. Металлическая рука Ганеши опустилась, и он застыл в ожидании аплодисментов. Которых не последовало.

— Какая мерзость, — сказал Джаскониус. — Кто вообще сочинил такую гадость?

— Правда? — удивился майор. — А мне понравилось...

— Пфф! У тебя просто мозги не встали на место после контузии.

Майор надулся.

— Ну, знаешь... Рок-н-ролл тоже отказывались принимать, говорили, что это бессмысленное сотрясение воздуха.

— Любая музыка — бессмысленное сотрясение воздуха, а рок-н-ролл — особенно.

— Это не рок-н-ролл, — громко сказал профессор Суонк, и что-то в его голосе заставило всех замолчать. — Здесь нечто совершенно иное...

Он взял нотные листы и еще раз просмотрел последние страницы.

— Попроси нашего Паганини проиграть этот эпизод, — Суонк указал пальцем нужный отрывок. — Только чуточку помедленнее...

— Уверен? По-моему, мы слышали более чем достаточно...

Тем не менее карлик все же запустил Ганешу. По второму прослушиванию сюита прозвучала не менее жутко.

— Кошмар, — сказала Ариадна, когда все закончилось. — Это точно не рок-н-ролл.

— Зато я, кажется, знаю, где спряталась наша Марта.

— И где же? — Ариадна чувствовала, что разгадка плавает у поверхности и поймать ее не сложнее, чем ленивую рыбу в мелкой реке. Но у нее не получалось, и от этого она немного злилась.

— Где прячут дерево?

— В лесу. — Это была старая, всем известная задача.

— А книгу?

— В библиотеке?

— Разумеется. Ну а где прятаться музыканту?

Ариадна задумалась.

— В оркестре?

— Тоже неплохо. Но я имел в виду другое. Музыка — вот самое надежное укрытие. Хорошо и тем, что на виду, прямо под носом, и тем, что никому и в голову не придет там искать.

— Э... — протянула Ариадна. — Как можно спрятаться в музыке?

— Ты даже не представляешь, сколько свободного пространства есть между нотами. И потом, у нас здесь не просто музыкант, а гиленгач — существо с невероятными способностями к мимикрии. Марта не закончила свою сюиту, это гиленгач спрятался в ней. Но поскольку музыкальное произведение это больше, чем просто набор звуков, в тех местах, где он скрылся, мы слышим бессмысленный шум.

— Звучит как-то нелепо...

— Всякое случается, — пожал плечами Суонк. — Наш мир — удивительное место. Я слышал про одного писателя, который вписал себя в короткий рассказ. Так что спрятаться внутри сюиты для флейты не такое большое достижение.

— А ведь и правда, — сказал майор. — Когда Жестянка искала Марту, она рычала на эти ноты. Но я подумал, что это потому, что они пахнут девчонкой... Кто бы мог подумать, что они и есть девчонка!

— Похоже, Инесса Пална оказалась умнее нас всех, вместе взятых.

— Пфф! — сказал Джаскониус. — Ну это как раз не сложно.

Ариадна потеряла кончик носа.

— Ну хорошо, — сказала она. — Допустим, гиленгач замаскировался под музыку и ноты. Но что это нам дает? Как нам его оттуда вытащить?

— Пока он не окуклился, время еще есть, — сказал

профессор. — Но должны ли мы это делать? Все-таки это не настоящий ребенок Эльзы...

— Не нам это решать.

Профессор Суонк медленно кивнул.

— Возможно, ты и права...

— Может, проиграть сюиту в обратную сторону? — предложил майор. — Я слышал, так можно расшифровать всякие секретные послания.

— Почему бы и нет? — Суонк повернулся к Джаскониусу. — Справится твой чудесный музыкант с такой задачей?

— Спрашиваешь! — карлик застучал по клавишам.

Проигранная задом наперед сюита Марты звучала ничуть не лучше — все тот же бессмысленный хаос звуков. Ноты так и остались нотами, звуки — звуками, и никакой маленькой девочки.

— Дела... — протянул майор Хопп, когда стихли последние аккорды. — Что же нам теперь делать?

— Чтобы выгащить гиленгача, надо выяснить, почему он спрятался... А здесь без Эльзы не обойтись.

— Я могу позвонить Седрику, — Ариадна выгащила мобильник. — Думаю, он сможет ее вызвать. Не сюда, так в Филармонию...

— Тогда действуй, — махнул рукой профессор. — У нас осталось не так много времени.

Из личного дневника майора Бенджамина Хоппа:

«Ну, хоть кому-то в этой жизни повезло...»

Инспектор Пирс встретил их в фойе Филармонии.

— Эльза уже приехала. Ждет наверху. Надеюсь, у вас есть чем ее порадовать.

Затем он повернулся к Ариадне.

— Слушай, в «У Марио» мест не оказалось, я заказал столик «У Луиджи» на девять. Как тебе?

— Вполне. Один водопроводчик ничем не хуже другого.

У майора Хоппа отвалилась челюсть. Он уставился на профессора и прохрипел:

— Когда?

— Даже не спрашивай, — сказал Суонк. — Есть вещи, которые выше моего понимания.

Вслед за Седриком они поднялись в гримерку. Когда они вошли, Эльза мерила комнату шагами и кусала ногти. Вид у нее был совсем подавленный, круги под глазами стали заметно темнее.

— Вы нашли ее? — задыхаясь от волнения, спросила она, не успев Суонк переступить порог. — Где она? Что с ней случилось?

— Не спешите, — остановил ее профессор. — Прежде я хотел бы еще раз с вами поговорить.

— Поговорить? Да какие разговоры? Я рассказала все, что могла! Где моя девочка?

— Успокойтесь. И присядьте, — профессор говорил мягко, но перечить ему было невозможно. Эльза молча опустилась на стул.

— Вопрос может показаться вам странным, — Суонк остался стоять, опираясь на трость. — Но что для вас важнее — ваша дочь или ее достижения?

— Что за глупости! — вспыхнула Эльза. — Разумеется, дочь! Или вы думаете, что, если бы у нее не было талантов, я бы стала ее меньше любить?

— Хорошо.

— Только... — Эльза замялась. — Все ее достижения, ее способности — это часть ее? Я люблю ее не за это, но я люблю это в ней.

— Еще лучше, — кивнул Суонк. — Теперь вопрос сложнее... Вы будете любить ее в любом случае, кем бы она ни оказалась?

— Что вы имеете в виду? — Эльза выпрямилась на стуле, лицо ее приобрело напряженное выражение. — Я чего-то не знаю про свою дочь? Она с кем-то спуталась? Это в школе, да?

— О нет, насчет этого можете не беспокоиться. Про-

сто ваша дочь... Она не такая, как другие дети. И к ней нужен особый подход.

— Вы мне это говорите? — Эльза прищурилась. — Знаете, меня сюда вызвали не для того, чтобы я выслушивала советы доморощенного психолога или кто вы там... Я хочу знать, где моя дочь!

— А я не даю советов, — сказал профессор. — Я предупреждаю. Если хотите ее сохранить, вам придется отказаться от себя.

Эльза подняла на него взгляд.

— А я и есть она. Марта — это вся моя жизнь, без нее меня не будет.

Ариадна не знала, как к этому относиться. Ей было жалко эту женщину, полностью отдавшую себя дочери, которая даже не была человеком... С другой стороны, осуждать Эльзу она тоже не могла. Как не могла осуждать и Марту, которая, с одной стороны, полностью подчинила себе мать, но с другой — точно так же жила ради нее. Единственная разница между ними заключалась лишь в том, что *гилленгач* действовал согласно своей природе, для Эльзы же это был сознательный выбор. Конечно, для себя Ариадна не хотела бы таких отношений — ни с родителями, ни с детьми, когда они появятся, ни с кем-либо еще. Но она не Эльза.

— Что ж, — сказал профессор Суонк, видимо, придя к похожему решению. — Тогда перейдем к делу. Я хочу, чтобы вы вспомнили день, когда Марта исчезла. Вы были за дверью, так? И слышали, как она репетирует.

— Да. А потом музыка вдруг оборвалась... Я немного подождала и...

— Но если вы ее слышали, значит, и она могла вас слышать?

— Наверное. Но какое это имеет отношение...

— Самое прямое, — перебил ее Суонк. — Чтобы понять, как ее вернуть, я должен выяснить, почему она ушла.

— ОНА УШЛА? — Кровь отхлынула от лица Эльзы, и в мгновение ока женщина стала блее, чем погребальный саван. Того и гляди грохнется в обморок.

— Не так далеко, как вы думаете, — сказал профессор. — Но дальше, чем вы можете вообразить.

Эльза его не поняла. Впрочем, она и не пыталась — предыдущие слова Суонка выбили ее из колеи.

— Но... — проговорила она, уставившись на свои ладони. — Она ушла — это не в том смысле, что Марта... умерла?

Произнести последнее слово стоило ей огромных усилий. Ариадна заметила, что руки у Эльзы дрожат, будто ее колотит лихорадка.

— Нет-нет. Скорее в том смысле, что она сбежала.

Эльза уставилась на профессора.

— Да что вы несете? Как сбежала? Ей всего одиннадцать лет! У нас совершенно чудесные отношения, мы... я...

— Не сомневаюсь, — кивнул профессор. — Отношения у вас самые замечательные. Но знаете, чтобы разрушить замок, достаточно вытащить один камень. Вспомните — вы с кем-нибудь говорили перед исчезновением дочери? Так что она могла вас услышать?

— Нет вроде... Хотя погодите. Я перекинулась парой слов с дирижером. Она подходила сюда.

— И о чем же вы говорили?

Эльза наморщила лоб.

— Инга, в смысле дирижер, очень нервничала. У нее это был первый большой концерт. И она переживала, что до выступления осталось всего ничего, а Марта заперлась в примерке. Я ее успокоила.

— Успокоили? Что именно вы ей сказали?!

Инспектор Пирс шагнул к профессору — очевидно, чаша его терпения переполнилась. Всему есть предел, и сколько можно изводить несчастную женщину нелепыми вопросами? Ариадна схватила его за рукав свитера.

— Тс-с! — прошептала она. — Не мешай.

— Но...

Ариадна строго покачала головой.

— Тс-с!

Седрик отступил назад. Хотя вид у него был недовольный.

— Что я сказала? — Эльза дергала пуговицу на рукаве блузки. — Какие-то банальности, чтобы она перестала сама дергаться и дергать остальных. Что все будет хорошо и что на Марту можно положиться... Постаралась обрратить все в шутку — нервничающий дирижер на концерте это настоящий кошмар.

— Конкретнее, — сказал Суонк.

Эльза зажмурилась, будто этот нехитрый трюк мог помочь ей заглянуть в прошлое.

— Я сказала... Инга сказала, что, если что-то пойдет не так, для нее это будет катастрофа. Там какая-то запутанная любовная история: жених — скрипач-виртуоз, а она не еврейка и вообще собой ничего не представляет. Я сказала, что Марта ее не подведет, иначе получит крапивой по мягкому месту. Не поймите меня неправильно — я свою дочь ни разу пальцем не тронула. Да какая крапива посреди зимы? Просто с языка сорвалось — так мой отец грозился, видимо, само вспомнилось...

— Что и требовалось доказать, — громко сказал Суонк, отстраняясь от Эльзы. — Крапива! Гилен... Марта услышала эти слова, испугалась, а дальше сработал защитный механизм, и она спряталась.

— В каком смысле спряталась? Куда? — мать девочки схватила профессора за рукав пижамы. — Вы знаете, где моя дочь?

Последняя фраза прозвучала как утверждение, так что Суонк не стал отпираться и коротко кивнул. Эльза требовательно смотрела на профессора, ожидая продолжения. Она сидела на стуле, скрестив руки на коленях, напряженная, как взведенная пружина. Бледные губы вытянулись в ниточку. И не важно, что она молчала, — вопрос был написан у нее на лице.

Профессор Суонк постучал тростью по полу, словно проверяя его на прочность.

— Ты понимаешь, о чем он? — шепотом спросил инспектор Пирс.

— В общих чертах. Это волшебство.

— В каком смысле? — насторожился Седрик. — Твой приятель — экстрасенс? Вообще-то мы не одобряем таких методов...

— Экстрасенс? Что за чушь! Он...

Она замолчала.

— Я потом объясню. Когда ты сам все увидишь.

Инспектор Пирс переступил с ноги на ногу и хотел что-то сказать, но под взглядом Ариадны прикусил язык.

— Когда вы занимались музыкой, вы ведь играли на флейте? — неожиданно спросил Суонк.

Эльза вздрогнула.

— Да, я... Это важно?!

— Разумеется, если вы хотите вернуть дочь. Нужно дать ей знать, что вы не хотели ее прогнать. Чтобы она поняла, как вы ее любите и как много она для вас значит. Но слова здесь не помогут, она их не услышит. Вам придется пропустить ее через себя. Родить ее заново, из звуков музыки — той, что она писала для вас.

Он вытащил ноты и передал из Эльзе.

— Я должна это сыграть? Но... У меня нет инструмента. И я давно не репетировала, я...

Эльза не пыталась спорить и возмущаться, хотя все происходящее было, мягко говоря, странным. Но голос профессора Суонка или его слова каким-то образом за гипнотизировали ее и прогнали малейшие сомнения.

— Придется попробовать. Другого выхода я не вижу, — профессор обернулся к Седрику. — Думаю, инспектор Пирс не откажет в любезности и раздобудет для нас флейту. В Филармонии наверняка есть какой-нибудь склад музыкальных инструментов.

— Флейту?! — не выдержал Седрик. — Что за фарс вы устроили? На кой черт вам понадобилась еще и флейта?

— Говоря вашим языком — для следственного эксперимента.

Привстав на цыпочки, Ариадна что-то шепнула инспектору на ухо.

— Ладно, — сдался Седрик. — Будет вам флейта...

Найти в Филармонии инструмент действительно не составило труда. Не прошло и четверти часа, как Седрик вернулся с блестящей серебристой флейтой, обернутой бархатной тряпицей.

— Пожалуйста, — он передал инструмент Суонку. — Надеюсь, вы хоть чуть-чуть понимаете, что делаете.

— Можете даже не сомневаться, — заверил его профессор. Он повернулся к Эльзе. — Вы готовы?

Женщина кивнула.

— Тогда слушайте внимательно. Играйте не останавливаясь. Не думайте об этой сюите как о музыкальном произведении — представьте ее как беседу с вашей дочерью. Постарайтесь своим исполнением передать все, что хотите ей сказать. Дать понять, что она для вас значит. Продолжайте играть, даже если вокруг будет происходить что-то кошмарное, во что вы не сможете поверить, — не останавливайтесь.

Эльза пробежалась пальцами по клапанам инструмента, затем сыграла коротенькую гамму. На лице ее появилось отрешенное выражение, словно она пыталась что-то вспомнить, но никак не могла понять, что же именно.

Ноты Марты разложили на покосившемся ржавом пюпитре. Ариадна встала сзади, чтобы в нужный момент переворачивать страницы. Некоторое время Эльза молча смотрела на листы, а затем поднесла флейту к губам.

Странно, но то, что начала играть Эльза, совсем не походило на то, что они слышали в исполнении искусственного музыканта. И дело не в инструментах — сама мелодия оказалась иной. В другой раз Ариадна сказала бы, что это абсолютно разные произведения, отличающиеся друг от друга, как день и ночь. У Эльзы сюита звучала нежнее и мягче и была наполнена странной, невыразимой словами тоской и грустью. Ариадна вдруг вспомнила о детстве и о том, что уже неделю не звонила матери...

Ариадна почувствовала, как кто-то дотронулся до ее плеча. Суонк. Не говоря ни слова, профессор указал на нотные листы. Ариадна опустила взгляд и замерла.

Нотные значки ожили на странице. Они дрожали, словно Ариадна смотрела на них сквозь подернутую рябью поверхность воды. Особо нетерпеливые перескакивали с места на место. А стоило Эльзе их сыграть, они и вовсе теряли форму. Чернильными червячками, стайкой головастиков ноты скользили по бумаге, сливаясь в ручеек и стекая со страницы. Но они не падали на пол; где-то в метре от земли повисло серое облако — темные петли извивались, расплываясь в воздухе. Так расплывается гуашь, попадая в воду. В нос ударил сильный запах лакрицы — тягучий, сладковатый аромат волшебства.

Эльза тоже заметила облако и испуганно посмотрела на Суонка. Профессор знаками дал ей понять, чтобы она продолжала играть, иначе ей же будет хуже.

Насколько Ариадна помнила сюиту, уже должен был начаться тот хаос звуков, в котором, по словам Суонка, и спрятался гиленгач. Однако же назвать звучащую мелодию бессмысленной язык не поворачивался. Наоборот — это было одно из самых красивых музыкальных произведений, которое когда-либо слышала Ариадна. В исполнении Эльзы мелодия ожила, причем оживала она в самом прямом смысле этого слова.

Облако становилось плотнее, постепенно обретая форму. Сперва это был лишь намек на человека — что-то вроде пятна Роршарха, в котором при желании можно увидеть что угодно. Но вскоре отчетливо стали видны контуры тела, появилась голова, руки, ноги... До конца сюиты оставалось три страницы.

— А у тебя усы шевелятся, — шепнул Суонк ей на ухо.

— Что?! — Ариадна хлопнула себя по щеке, и тут же чернильные полоски, точно змейки, соскользнули ей на руку.

Долго они там задерживаться не стали и, сорвавшись с кончиков пальцев, устремились к проявляющейся девочке. Какое отношение «усы» Ариадны имели к Марте Эрфурт, оставалось только гадать. Видимо, Эльза вложила в сюиту все свои горести и переживания с момента ис-

чезновения дочери, а среди них оказался и образ Ариадны с нарисованными усами.

Две страницы... Уже не было никаких сомнений, что перед ними стоит маленькая худощавая девочка. Она еще выглядела смазанно и блекло, как на выцветшей фотографии не в фокусе. В руках девочка держала флейту.

— Мама? — голос прозвучал тише шепота.

Эльза вздрогнула.

— Не останавливайтесь, — беззвучно сказал профессор.

Марта стояла и смотрела на мать. А затем она поднесла к губам флейту и начала играть. Две мелодии слились в одну. Эльза уже не смотрела на ноты, мелодия лилась у нее изнутри. Ее флейта смеялась и пела от радости, ей вторила флейта дочери...

Ариадна не заметила, когда закончилась сюита. Несколько минут в гримерке стояла полная тишина, хотя Ариадне казалось, что она еще слышит затухающую мелодию.

— Мама? — снова сказала Марта. Голос ее зазвенел, как колокольчик. — Уже пора на сцену?

Флейта выпала из рук Эльзы. Она метнулась к дочери и схватила ее в охапку, словно боялась, что она может вновь исчезнуть. Растаять как дым, из которого она появилась. Уткнувшись лицом ей в шею, Марта шмыгнула носом.

— Думаю, нам пора, — сказал Суонк, беря Ариадну за локоть. — Наше дело сделано. Не стоит здесь задерживаться.

— Но...

Она посмотрела на нотные листы, на которых не осталось ни единого знака. Сюита исчезла или, быть может, обрела новую форму. А в золотистых волосах Марты темнели черные прядки — ровно шесть штук, по числу «усов». Ариадна усмехнулась, представив лицо Джаскониуса, когда тот увидит, что она все-таки смогла избавиться от несмываемых чернил. Интересно, если часть ее досталась этой девочке, кем бы та ни была, считается ли та те-

перь ее крестницей или кем-то в этом роде? И должна ли Ариадна заботиться о ней, как добрая фея?

— Да, вы правы, нам пора...

Они вышли из гримерки, тихо прикрыв за собой дверь.

— Что это было? — сказал инспектор Пирс, когда они отошли на достаточное расстояние. — Я хочу сказать... Она появилась...

Он замотал головой. Все случившееся было выше его понимания. Ариадна вздохнула: похоже, предстоит большая работа.

— На вашем месте, инспектор, я бы повременил с отчетом, — сказал Суонк. — Подождите денька три, и тогда вы точно будете знать, что это было.

— Хех, — майор Хопп усмехнулся и от души хлопнул племянника по спине. — А пока — дело закрыто! Поздравляю, Лейстрейд!

— Эльза тоже забудет, что произошло? — спросила Ариадна.

— Кто знает? — пожал плечами Суонк. — Волшебство зацепило ее очень сильно, от такого не просто избавиться. Что-то она забудет, но что-то останется с ней навсегда...

— А Марта? Она в самом деле не поняла, что она исчезала?

— Редко когда гиленгач осознает, кто он есть на самом деле. Возможно, это и к лучшему. В любом случае я буду внимательно следить за ее карьерой. Ее сюита была великолепна...

Они спустились в фойе, и тут Ариадна вспомнила еще об одном деле.

— Я сейчас, — сказала она, заходя в уборную.

Из-за двери кабинки все еще доносились рыдания. Ариадна не понимала, как можно так долго убиваться о ком бы то ни было, но всякое бывает. Она постучалась.

— Извините. Если это важно... Девочку нашли. Наверное, концерт можно организовать еще раз...

Дверь распахнулась так резко, что Ариадна едва успе-

ла отскочить и чуть не упала, поскользнувшись на кафеле. Впрочем, там были иные причины, чтобы падать.

Женщина в черном замерла на пороге кабинки. Вот только с тех пор, как Ариадна видела ее в последний раз, она успела сильно измениться. Сейчас на ее плечах красовалась огромная голова совы, с круглыми глазами и торчащими ушками из перьев. Очки в черной оправе каким-то чудом держались на коротком клюве и выглядели скорее как дурная шутка.

— Еще раз? — заклекотала женщина-сова. — Поздно! Поздно!

— Вот дрянь, — сказала Ариадна. — А я надеялась, что сегодня у меня будет свидание!

ЗАГРОБНЫЙ ДЕТЕКТИВ

*Евдокии Кугрявцевой —
с искренней благодарностью*

ночь с 5-го на 6 июля 1898 года домовладельцы, живущие на Большой Купеческой, их семьи и постояльцы были разбужены выстрелами. Перестрелка была короткая. Выглянув в окна и убедившись, что нигде нет пожара, обыватели улеглись спать.

Наутро полицейские сыщики обходили дома справа и слева от участка, недавно приобретенного негодником Зибенштейном, спрашивали о количестве выстрелов, о прочих звуках, о точном времени пальбы и о тому подобных глупостях. Обыватели поняли, что револьверной стрельбой баловались в будущем Зибенштейновом доме, который строили с прошлого года и уже подвели под крышу. Владелец оптового склада колониальных товаров Лабуцкий по вечерам играл в трактире с частным приставом Беренсом на бильярде и по дружбе спросил его, что случилось.

— Да вроде ничего не случилось, — сказал Беренс. — Может, студенты дурака валяли. Стекла в первом этаже перебиты, и все.

Студентов не поймали, собранные сыщиками гильзы выбросили, стекла Зибенштейн купил новые — так это дело и забылось.

А меж тем особняк, еще не став настоящим домом, приобрел первого жильца.

Это был столичный житель Адам Боннар, забравшийся в провинциальный портовый город по важной причине — он служил в частном сыском бюро и преследовал плохого человека, лишившего жену самого обер-полицмейстера фамильных бриллиантов. Бриллианты отнюдь не были украдены, а просто исчезли при очень сомнительных об-

стоятельствах — были там и тайные визиты полицейстерши в некую гостиницу, и вранье насчет помирающей тетушки, и сплетни прямо в каком-то гомерическом количестве. Потому-то пострадавший супруг через подставное лицо обратился к светилам частного сыска.

Как Адам, идя по следу, оказался в недостроенном доме, кто именно там его встретил, чья пуля вошла в сердце, когда в подвале образовалась яма глубиной в целых два аршина, куда потом подевались лопаты — не суть важно. Злодеи закопали тело неудачника и разбежались.

Менее всего они могли предположить, что такая смерть — вернейший путь к бессмертию. Уже на следующую ночь Адам бродил по особняку, плохо понимая, что с ним случилось.

Привычка сопоставлять факты и делать выводы очень пригодилась — вскоре Адам догадался, что стал привидением, привязанным к дому надолго — видимо, до того дня, когда найдут его прах, захоронят по-человечески и отпоют. Но особняк Зибенштейна строился на века, пол в подвале замостили каменными плитами, и мало надежды было, что кому-то придет в голову под ними ковыряться.

Адам погоревал и понял, что нужно чем-то занять себя. Он привык жить деятельно, весело и боялся, что скучное существование привязанного к дому привидения — вернейший путь к безумию.

Он наблюдал за строителями, видел их мелкие хитрости, бродил по саду, слышал, как за высоким забором в кустах дважды в неделю возится парочка, и вычислял: отчего дважды в неделю, кем служит кавалер, если в иные дни занят, и почему бы им не пожениться.

Сперва его мир был ограничен этим забором. При попытках перелезть или перепрыгнуть (Адам мог теперь подскакивать на сажень в высоту) бывшего сыщика отбрасывало нечто вроде прозрачной натянутой простыни. Но однажды ночью он обнаружил, что обойщики и декораторы не заперли ворота. Ночь была лунной, и от щели

между створками начиналась светлая дорожка. Адама осенило, он пошел по ней — и даже пересек улицу.

Покойный сыщик был убежден в своей незримости — ведь слонялся же он по вечерам среди маляров и паркетчиков, а его никто не видел. И он даже испугался, услышав хриплый бас:

— Ого! Еще одно несчастное создание навеки к сей скорбной юдоли прилепилось!

Адам еще не отвык при опасности хвататься за револьвер, вот только оружия теперь не имел — непонятным образом вся его одежда, включая хитрые новомодные подтяжки для носок, перешла в призрачное состояние, а револьвер — дудки!

— Не трепещи! — прорычал бас. — Пива желаешь ли?

— Пива? То есть как?

Адам за то время, что состоял в привидениях, ни аппетита, ни жажды не испытывал, что его немного огорчало — при жизни он был любитель хорошего застолья и часы, проведенные за столом в хорошей компании, считал самыми полноценными. Ему сильно не доставало ритуала — с усаживанием, расправлением салфетки, поклонами кельнера или полового, шутками сотрапезников, сосредоточенным выбором блюд и вин, тостами и кулинарными комментариями.

— А вот! — И перед Адамом предстал бородатый призрак в коричневой рясе, с непокрытой головой и с бочонок на плече.

— И что, оно... лется?... — растерянно спросил Адам.

— И как еще лется, чадо! Имя свое почтенное соблаговолит изречь.

— Адам Боннар, к вашим услугам.

— А я, чадо, брат Альбрехт, бенедиктинского ордена недостойная овца. Подноси уста!

— Как это — уста?

— Кознями сатанинскими я пивом-то снабжен, а кружки мне не дали. Вот — брожу, чая обрести собрата, кой подержал бы для меня бочонок, а я для него подержу.

В одиночку пить не то чтоб несподручно, а вовсе даже невозможно.

Призрачное пиво оказалось неплохим, и Адам подивился тому, что у призраков сохраняются вкусовые ощущения. Вот только пить, приспосабливаясь к дыре в бочонке, оказалось неудобно.

— Соседи, стало быть, — сказал брат Альбрехт. — Сие славно и пользительно. Будет с кем словцом перемолвиться. Тебя, чадо, как угораздило?

Адам рассказал историю с бриллиантами.

— Ну и дурак ты, чадо, — заметил брат Альбрехт. — Заманить себя позволил — вот и слоняйся теперь до скончания века, пока умом не тронешься, как наш гусар. Хотя он, может, в безумии скончался, того знать не могу, ибо на вопросы не отвечает, а чуть что — за саблю хватается.

— Тут и гусар есть?

— А также гусарова кобыла! Я полагаю, он лет с сотню как переселиться изволил. И с кобылой вместе. Ты, чадо, знай — я в скорбной юдоли четыреста лет обретаюсь, я тут старший. Был еще рыцарь Тагенбург, да пропал, а веселый был рыцарь! Сядет, бывало, под окошком и поет, и поет! Заслушаешься! Сдается, извели рыцаря. Не всем пенье нравится, а сосудам сатанинским так и во все оно противно.

— Кому?

— Бабам! Ибо всякая баба есть сосуд скверны и вместилище соблазна, — брат Альбрехт вздохнул. — Есть у нас и свое вместилище, у реки является. Я туда не хожу, дабы не оскверниться. Тагенбург от старости позабыл, у которого окна свои серенады распевать, то там, то сям садился. А голос-то людишкам слышен...

— Как это слышен? — удивился Адам. — Я в своем доме нарочно кричал — сам себя слышу, а маляры меня — нет.

— А это, чадо, нашего закона исполнение. Не понять, кара или награда, а только чего в смертный час сильнее всего желал — то и получаешь. Только радости от того

мало. Тагенбург вот желал для красавицы такое спеть, чтобы услышала и снизошла... то есть на ложе грешной страсти снизошла. Ну вот, ему голос дан. Я, когда меня обломками башни завалило, в бред впал, пить просил, но не воды, а пива. Вот оно, пиво. И все не кончается. А который год уж пью. А ты, чадо, чего желал?

— Я бриллианты найти желал, — признался Адам. — Думал, у них бриллианты при себе...

— Ох ты, святой Гервасий и все присные его! Искать тебе, чадо, теперь те камушки до второго пришествия, — сделал вывод брат Альбрехт. — Вот отчего ты остался, а не вознесся. Я для пива сдуру остался, ты — для камушков. Тот сосуд скверны, что у реки шатается, тоже чего-то, видать, горячо возжелал. Оттого-то ты, полагаю, и не мог выйти за пределы забора — тебе казалось, будто камушки где-то в доме.

— Так вот, вышел же!

— По лунной дорожке?

— Да!

— Это тебе удача выпала. По лунной дорожке далеко зайти можно. Главное — метку оставить. Меня отец Теофраст научил. Он являлся, потому что не отпели. А как отпели — вознесся. Уж от кого он эту мудрость перенял — на спрашивай, не ведаю. При мне денег, когда помирал, было — разбитый горшок с талерами, на полгорода их хватило, потому и шастаю. Чей горшок — неведомо, но коли я, помирая, на нем лежал, выходит, мой. У тебя, чадо, талеры или фердинги при себе есть?

Адам покопался в карманах, сильно сомневаясь в успехе, — если револьвер не перешел в призрачное состояние, то и деньги, видно, тоже. Но несколько монеток, завалившихся за подкладку, нашлось — наверно, сила, создавшая призрачную плоть, их просто не заметила.

— Клади сюда, в крапиву, — велел брат Альбрехт. — Теперь ты и без лунной дорожки дойдешь до сего места. Ибо тут твое имущество — имеешь право! Но учти — выходить за ворота можешь только ночью. Шастать по сво-

ему обиталищу — когда угодно, а за пределы — от восхода до заката.

— Это как? — удивился Адам.

— От лунного восхода до лунного заката, бестолковое чадо!

Посидели на лавочке у ворот, выпили еще пива, потолковали о сосудах скверны и с рассветом разошлись.

Иметь приятеля для призрака — сперва праздник, потом — дело привычное, наконец — тяжкий крест. Брат Альбрехт рассказал все монастырские истории и повторил их раз двести, Адам рассказал все подвиги частного сыскного бюро и повторил их раз триста, после чего оба как-то одновременно устали от дружеского общества, и даже бездонный бочонок с пивом был бессилён помочь. А время шло, события мельтешили, опять людишки стреляли, пушки грохотали, дома рушились, особняк неоднократно поменял жильцов, над подвалами, оставшимися от бенедиктинского монастыря, возвели дивное здание в двадцать этажей, на которое и смотреть было страшно.

Разумеется, за это время Адам не нашел и следа пропавших бриллиантов, хотя раскрыл несколько преступлений поблизости от особняка просто так, из любви к искусству, чем очень порадовал брата Альбрехта. Жаль, что донести имя главного злоумышленника до людей не удалось.

В один прекрасный день Адам сидел в особняке, который теперь, как в конце позапрошлого века, опять занимала одна семья, и смотрел телевизор. Сам он включать эту штуковину не мог, вся надежда была на хозяйку, красивую женщину, целыми днями смотревшую бесконечные истории про других красивых женщин. Брат Альбрехт, который мог приходить в особняк, от телевизора наотрез отказался. Он сказал, что в земной жизни вместилища соблазна многим ему напакостили и вовсе незачем смущать собственный покой, глядя, как они предаются разврату.

Вошел супруг дамы, к которому Адам чуточку ревновал.

— Ну, все о'кей, можно собираться, — сказал он. — Послезавтра вылетаем — и целых две недели я твой!

— На Сардинию? — спросила женщина.

— Как ты просила — на Сардинию! Просто лежать на берегу и балдеть! А что?

— Но ведь это не какая-нибудь рыбацкая деревня? Там есть хоть пара ресторанчиков?

— Наверно. В отеле точно что-то есть. Но мой тебе совет — все ценное оставить дома. Давай-ка собирай свои блестяшки, я их запру в сейф.

Адам, хотя и охотился за бриллиантами, не очень в них разбирался. Из любопытства он проследил, как супруги собирают бархатные коробочки с украшениями в железную коробку и как прячут ее в замечательный сейф, отыскать который было совсем непросто — он был вмурован в перекрытие между этажами, и дверца открывалась в ванную.

— Надо было теткыны камушки сдать на экспертизу, — сказала хозяйка. — Я все думала — Финкельману или Гроссу, собиралась, собиралась... С одной стороны, Финкельман может найти хорошего покупателя...

— С другой — черт ее, покойницу, знает, откуда она взяла эти камушки. Про нее всякое говорили. Пусть пока полежат. Торопиться некуда, — прервал супруг. — Найдем кого понадежнее Гросса или Финкельмана. В худшем случае — отдадим камни заново огранить, на оправу охотники найдутся... Где они?

— В спальне.

— Ну так неси сюда, чего ты ждешь?

Три длинные кожаные коробочки не сразу удалось пристроить в сейф.

— Теперь главное — не забыть включить сигнализацию, — напомнила хозяйка.

— Этим пусть Столешников занимается. Я его попросил — он эти две недели у нас поживет. Будет по вечерам включать свет и музыку.

— Это ты хорошо придумал.

Столешников был подчиненным хозяина, подчинен-

ным-неудачником: все попытки сделать из него по старой дружбе делового человека были обречены на крах скорый и беспощадный. В конце концов он стал чем-то вроде доверенного лица и исполнителя мелких несложных поручений, это его устраивало, да и хозяина тоже — кто-то же должен организовать ремонт холодильника и доставку дров для камина.

Этот человек Адаму нравился — он был тихий, кроткий, деликатный, старался лишний раз о себе не напоминать. И он был благодарен за все, как будто не получал награды за труд, а просил милостыню. Еще Столешников любил интересные книжки, и Адам заранее радовался тому, что будет через плечо читать всякие заковыристые истории про английских, французских и американских сыщиков. Это было лучше всякого телевизора.

Хозяева уехали, четыре дня Адам со Столешниковым жили в особняке душа в душу. На пятый стряслась беда.

Адам вышел прогуляться и выпить пива с братом Альбрехтом. К тому времени он уже имел четыре маршрута за пределами двора, помеченные монетками. Один удалось проложить прямо к многоэтажному дому, под которым лежали почти истлевшие косточки брата Альбрехта. Больше монеток не было.

— Ходил к мосту, гусара встретил, — рассказывал брат Альбрехт. — Чем дальше, тем хуже. Уже и саблей машет, когда скачет на кобыле по мосту. Раньше просто в полнолуние садился верхом, носился по городу, выезжал на мост галопом и посреди реки рушился в воду. Теперь же — с саблей. Людишек пугает до полусмерти.

— Отчего его видят? — спросил Адам.

— Я ж тебе, чадо, толкую — видать, перед дурацкой своей кончиной возжелал, чтобы все видели, как он несется по наплавному мосту и в пучине гибнет. Вот оно и сбылось. Там, на дне, его косточки, видно, лежат, вместе с кобыльими. И мост уж не тот, он лет сто как каменный, а наш дурак никак не угомонится... вот кара так уж кара... чадо! Слышишь? У тебя там что-то делается неладное!

Адам помчался к особняку. Теперь и он разбирал голоса. Брат Альбрехт, взгромоздив на плечо бочонок, летел следом.

В особняке их встретил Столешников. Точнее сказать, Столешниковых было двое. Один лежал на полу, скрючившись, держась за простреленный живот, а другой стоял над ним на корточках, пытаясь зажать рану, да только как ее зажмешь призрачными пальцами?

— Ого, чадо! — сказал брат Альбрехт. — Вот тебе и соседку даровали.

— Что тут было? Кто это вас? — спросил Адам. — Где он?

Призрачный Столешников посмотрел на него снизу вверх — и вскочил.

— Полицию вызвать надо! Полицию!

Еще не зная своих новых способностей, он взмыл под самый потолок.

— Угомонись, чадо. Не можем мы никого вызвать, увы нам, — горестно ответил брат Альбрехт. — Ибо не слышат нас и не разумеют.

— Я вас спрашиваю, что тут было! Отвечайте живее! — требовал Адам.

— Да какая уж тут живость... — проворчал брат Альбрехт.

— Пришли трое! Я сигнализацию не включал, они как-то догадались! Где сейф — они знали... а как я мог помешать?.. Что хозяева уехали — знали, все знали!..

— И что сейф?

— Выдернули, сволочи! У них домкрат с собой был.. Унесли сейф!

— А вас — ножом?

— Да, я лежал, все видел... Я их запомнил! Я их узнаю

— Запомнил, узнаю! — передразнил брат Альбрехт. — Чадо ты неразумное!

— Погоди, погоди! — перебил его Адам. — Какое у вас Столешников, было последнее желание? Самое последнее!

— Догнать, отнять! Что я теперь Антонычу скажу?..

— Ничего ты ему не скажешь. Ибо говорить с людьми

ками ты вряд ли сумеешь, — сообщил приятную новость брат Альбрехт.

Столешников не сразу осознал свое положение. А когда понял, что одна жизнь завершилась и другая началась, — зарыдал.

— Ну вот... — Брат Альбрехт вздохнул. — Ну как ты, чадо, мог им противостоять? Они — хуже пьяных ландскнехтов, а ты что? Ты — ягненок, чадо. Ну, не уберег, и что же теперь? Смирись, вытри нос, что тебе, горемычному, еще остается? Скорби, но в меру!

— Но он хотел догнать и отнять! Значит, он может полететь следом! Послушайте, господин Столешников, вы теперь умеете летать!

— Догонит — а дальше что? — разумно спросил брат Альбрехт. — Как отнять-то? Ты, чадо, лучше помоги его отсюда увести. Смотреть на свою брэнную плоть тяжело, мысли зарождаются безумные.

Монах был прав, но объяснить эту правоту новорожденному призраку удалось с большим трудом.

Во дворе особняка Столешников уже не рыдал, а говорил тихо и горестно:

— Он мне во всем доверял... он мне операцию оплатил... он меня в санаторий за свой счет отправил... я за него умереть был готов...

— Ну вот и представился. Рассвет скоро, чадушко Адам, — сказал брат Альбрехт. — Пора мне в подвал. А за этого страдальца не бойся. Рук на себя не наложит. Ныть будет — это уж точно, ныть и скулить.

— Не может быть, чтобы последнее желание не исполнилось, — упрямо твердил Адам.

— У тебя же не исполнилось.

— Исполнится! Или ты, чертов угодник, наврал про желания?!

— Эй, потише, потише! — закричал брат Альбрехт. — Очумел, взбесился!

Он вместе с бочонком перемахнул через забор, Адам — следом.

— Да ну тебя! Пошел ты к бесам зубастым! — выкрикивал брат Альбрехт, летя вдоль улицы. Адам преследовал его, напроць забыв, где метки.

Вдруг монах остановился и даже подался малость назад.

— Сгинь, рассыпся, сгинь, рассыпся, Люцифер проклятый! — возгласил он.

Дорогу ему заступил не Люцифер, не Асмодей и не кто-то помельче из всего адского воинства, а всего лишь кот — большой черный кот. От прочих четвероногих своего племени он отличался тем, что явно не знал чувства страха, да еще зеленые глаза полыхали ярче, чем полагалось бы.

Адам увидел кота — и тоже испугался, хотя, казалось бы, чего уж бояться привидению?

И тут кот заговорил.

— Скажите, любезные, как выйти к собору Святого Гервасия, что у реки? — спросил он.

— Прочь, Люцифер, прочь! Изыди, сатана! — завопил брат Альбрехт и запустил в кота бочонком. Но призрачный бочонок вреда животному не причинил.

— Погоди, не ори! На что Люциферу собор Святого Гервасия? — спросил озадаченный Адам. Коты ему и в прежней жизни были симпатичны.

— Ты, любезный друг, кажешься мне разумным, — сказал кот. — Конечно же, я не Люцифер. Я Дамиан Бозций и совершаю увеселительное путешествие.

— Ты не Дамиан Бозций, — твердо возразил брат Альбрехт. — Дамиановы труды я читал! Он был богобоязненный старец чистой жизни и кристальных помыслов! А ты — бес!

— Я полагал, что встретил разумных собратий по несчастью, — кот покачал головой. — А тебе демоны мерещатся. Сейчас я вам явлюсь, и вы все поймете.

Светлые иголки выросли из черной кошачьей шубы слились, образовалось облачко, затрепетало, вытянулось и полминуты спустя перед братом Альбрехтом и Адамом стоял благообразный полупрозрачный старец. При этом кот остался на своем месте и от такого чуда не пострадал

— Он наш! — воскликнул Адам. — Но, господин Бозций, что это значит?

— Я всю земную жизнь провел в обители, но перед смертью очень жалел, что не повидал мир, — признался старец. — Я ведь ушел в обитель еще мальчиком. И вот я остался в своей обители, и жил в книгохранилище, и тосковал. Сколь горестно было мое бытие! А у нас имелась полка с запыленными книгами, и один молодой брат по ночам приходил их читать. Я при жизни их не трогал, а в новой жизни... раз уж я все равно стал призраком... я решил — большого вреда не будет... Стоя за его плечом, я вычитал кое-что важное. Оказывается, привидение, привязанное к месту, где лежит бранный прах, может путешествовать! Для этого нужно найти кота, имеющего особые способности, и с ним договориться! Так-то, чада мои! Таких котов мало, но я искал и ждал, ждал и искал! Кот был ниспослан мне, и теперь я неторопливо путешествую из города в город, подобно премудрому Одиссею во чреве Троянского коня, смотрю на диковинки и помогаю коту прокормиться.

— Договориться с котом? — недоверчиво спросил брат Альбрехт. — Нет, нет, такому не бывать! И кот — дьявольское отродье, и ты мне доверия не внушаешь! Ты не Дамиан Бозций, а бес!

— Как знаешь, любезный брат, — кротко ответил старец. — А коли вздумаешь последовать совету, ищи кота, который умеет летать. Он-то тебе и нужен. Договориться с ним несложно — он отзывчив на ласку. Так где тут собор Святого Гервасия?

— Прямо и направо, — монах показал рукой. — Но я пойду за тобой следом. Если ты бес — ты и близко не сможешь к нему подойти! И тут уж я посмеюсь над твоим позором!

— Благодарствую — и прощайте, мои любезные, — сказал на это старец и превратился в облачко. Оно окутало кота, съежилось, втянулось в светлые иголки, иголки исчезли, и кот преспокойно отправился в указанном направлении.

— Ложь, ложь, ложь... — бубнил брат Альбрехт. — Нас учили опасаться! Соблазн и ужас!

— Но это моя единственная возможность найти бриллианты! — воскликнул Адам. — И для господина Столешникова это единственная возможность найти своих убийц и похитителей сейфа!

— На что тебе теперь эти камушки, бестолковое чадо? — спросил брат Альбрехт. — Их хозяева давно померли. Как искать наследников — неведомо. И что может сделать этот несчастный со своими убийцами? Плюнуть им в рожи — и то бессилён.

Он поспешил за котом, чтобы убедиться в его бесовской сути, а Адам полетел в особняк к Столешникову.

Тот сидел во дворе и горестно вздыхал.

— Сударь, у нас есть способ вернуть сейф, — сказал ему Адам. — Даже не способ, а идея. Но ничего, кроме нее, нет. Я уже давно знаю о жизни только то, что показывает телевизор. Может, вы осведомлены лучше. Не слышали ль вы о летающих котках?

— Мне только сумасшедших тут не хватало, — ответил Столешников. — Это мысль... лучше всего мне было бы сойти с ума, ничего не знать и не помнить...

Адам невольно вспомнил про безумного гусара.

— Нет, два спятивших привидения для одного провинциального города — это уж слишком. Коты, коты... где бы разжиться валерьянкой?..

— Как вызвать милицию? Никто ведь не догадается сюда заглянуть... придет Антоныч — он и найдет... ох, что он обо мне подумает?..

— О покойниках плохо не думают, это грех. Валерьянка, валерьянка... у хозяйки были какие-то успокоительные шарики, но как их вынести во двор?..

Адам знал, что призрачными руками не открутить крышку вещественного пузырька. Но все же полетел в особняк и попытался. За этим занятием его застал брат Альбрехт.

— Смирненно каюсь, — сказал монах. — Я дурак. Это

и впрямь мудрый Бозций! Он сидел на ступенях соборной лестницы, и с ним ничего не случилось! Чудо, чудо!

— Котов искать надо. Двух. Мне и господину Столешникову, — проворчал Адам. Задача была непростая, обременительная и трудоемкая, но она его радовала — наконец-то он мог действовать.

— Но сперва пиво.

Следующие сутки были потрачены на возню с соседскими котами. Сидя у мусорки, Адам подстерегал их и обращался к каждому особо с ласковыми словами и призывом «кис-кис». Некоторые чуяли привидение, прижимали уши и шипели. Нежности к Адаму не испытал ни один.

Люди в мундирах появились два дня спустя — кто-то из знакомцев Антоныча привез обещанную технику, две доogie рации вместе со стационарной установкой, чтобы передать Столешникову, и обнаружил сперва открытую дверь, потом мертвое тело. Адам, сидя на шкафу, наблюдал, как молоденький белобрысый следователь изучает обстановку, как его помощники ищут отпечатки пальцев там, куда нормальный человек руками не полезет, как упаковывают для выноса тело. Он понял, что найти преступников будет очень трудно — придется вызывать хозяев особняка, выяснять, кто мог знать про сейф, про его содержимое, и задавать множество иных вопросов. А время шло, и ценности, наверно, давно попали к новому владельцу.

Но кое-что полезное Адам все же узнал. Он слышал, как расспрашивают женщину, которая следила за порядком в особняке, он сообразил, как строится допрос. И первым делом пустил в ход знания, пытая бедного Столешникова. Плохо было, что он никак не мог записать ответы.

— Помяните мое слово, чада, это все затеял какой-нибудь сосуд скверны и вместилище соблазна, — подсказал брат Альбрехт. — Они знают цену украшениям!

— Ты бы лучше придумал, где и как взять валерьянку.

— Послушай, чадо, смирись, — брат Альбрехт похлопал Адама по плечу. — Оставь свои труды. Может, такой кот один лишь на все мироздание и был, достался Бозцию...

— Я от безделья устал хуже, чем от трудов, — ответил Адам. — В кои-то веки я могу заняться делом!

— Я в сем состоянии долее, нежели ты, а желания творить дела не испытываю.

— Потому что ты и при жизни был бездельником!

С Адамом случилось то, чего раньше ни с одним привидением не случалось: у него родилась мечта.

Он мечтал о работе так, как ни один Ромео не мечтал о своей Джульетте. Ведь если договориться с котом — можно будет ходить по всему городу, днем и ночью, и даже пользоваться кошачьими лапами! А когтистые лапы на многое способны!

Он поделился со Столешниковым, но тот впал в жестокую хандру, сидел на одном месте, раскачиваясь, вздыхал и охал. Безумный гусар носился где-то далеко, а о женщине, которая иногда являлась на речном берегу, брат Альбрехт рассказывать отказался. Был бы кот — можно было бы и до нее добраться...

Вскоре прилетели с Сардинии хозяева особняка, и разговоривал с ними в комнате, где нашли тело Столешникова, пожилой крупный мужчина с почтенной сединой и таким лицом, будто он знает все на свете. А молоденький следователь был отстранен от дела исключительно из-за своей молодости и неопытности, и Адам ему сочувствовал.

Но тот, видно, переживал из-за убийства, которое ему не позволили раскрыть, и однажды вечером Адам встретил его возле особняка. Следователь обходил его неторопливо, разглядывал окна, изучал забор. А потом свершилось второе по порядку чудо — первым Адам считал появление Дамиана Бозция.

Навстречу следователю вышел из кустов Хавчик из соседнего дома. Адам проверял этого матерого котяру на любовь к привидениям, и когти пролетели сквозь плотную руку с непостижимой скоростью. Видимо, Хавчик был или в прекрасном настроении, или голоден. Он, задрав хвост, подошел к следователю, а тот опустился на

корточки, чтобы исполнить ритуал чесания под мордочкой и за ухом.

— Может, хоть ты их видел, дружище? — спросил следователь. — У меня дома такой же зверь сидит — он бы, если бы видел, догадался бы, как доложить...

Вот этот зверь и требовался Адаму. Откуда-то возникла уверенность: он обязан быть летучим! И Адам помчался к брату Альбрехту мириться, потому что без монаха не мог бы выследить, где живет следователь.

Дело захватило его! Жизнь приобрела смысл! Мечта являлась в образах! Адам уже показывал мохнатой лапой на буквы, а следователь составлял слова!

— Безумствуешь и сумасбродствуешь, чадо, — сказал брат Альбрехт. — Это тебе искушение. Ты должен мирно жить, а не вселяться в грешную котовью плоть. Вообрази, какие соблазны тебя ожидают!

— Не вселяться, а так, временно... Если я еду куда-то в извозчицкой пролетке, нельзя сказать, что я в нее вселяюсь. Брат Альбрехт, ты ведь можешь далеко залетать, не то что я! Не ради себя прошу — ради господина Столешникова!

Это было не совсем правдой, но и не ложью.

— Мыслишь, чадо, он, когда убийцы и покража найдутся, опомнится и повеселеет?

— Мыслю так!

— Держи бочонок. С ним носиться несподручно. Вот ведь как получается... — Брат Альбрехт почесал в затылке. — Это ведь, выходит, будет доброе дело? Дивно! Выходит, и мы можем творить добро?

— Обязаны, — весомо сказал Адам.

Вернувшись, монах доложил: точно, живет юнец с родителями, имеет на содержании кота, который в талии потолще его самого будет. Кот вряд ли что летучий — с таким пузом не разлетишься. Но на роже написано: многое разумеет и мало кого уважает.

— А звать юнца Алексеем, а лет ему от роду двадцать пять, а нрав у него упрямый — дальше некуда, — завершил свой доклад брат Альбрехт.

- Ты к коту подойти пробовал? Он как — шипел?
- Нет, не шипел. Глядел, как ландскнехт на вошь.
- А сам-то ты как к котам относишься? — наконец догадался спросить Адам.
- А чего к ним относиться? Зловредные твари, многие из них служат сатане.
- Он это учуял. Я сам должен с ним потолковать. Может, договоримся?
- А как, чадо? На лунную дорожку надежды мало — там, как к этому Алексею идти, сплошные повороты.
- Разве она по крышам не пролегает?
- По крышам? Крепко ж тебя припекло, чадо.

Хотя Адам уже более ста лет пребывал в призрачном состоянии и падение с крыши ему ничем не грозило, он порядком струхнул, когда пришлось перепрыгивать через улицу. Но азарт победил, и вскоре Адам стоял возле дома, описание которому брат Альбрехт дал такое:

— Демонами охраняем и развратными девками подпираем!

На самом деле это был самый что ни на есть правильный югендстиль, и Адам в земном своем существовании прямо мечтал снять квартиру в таком новомодном доме, со множеством лепнины на фасаде, с полуобнаженными кариатидами у дверей и всякими причудливыми гипсовыми цветами на потолке.

Дорожка окончилась как раз у парадного, и Адам не сразу решился войти. Он понятия не имел, что может случиться с привидением, нарушившим закон так далеко от места упокоения тела. Образуется прозрачная упругая стенка и не пустит идти дальше? Некая сила отшвырнет обратно в особняк? Явятся невообразимые демоны и повлекут на мучения?

Адам очень осторожно сделал первый шаг — и ничего не случилось. Тогда он влетел в парадное.

Брат Альбрехт учил его проходить сквозь стены — как полагается, правым плечом вперед и с особым движением локтя. В особняке это получалось — ну так там и стены

родные. Адам принял нужную позу и просочился в прихожую Алексеевой квартиры. Время было позднее, все спали, а вот кот вышел навстречу. Посмотрев на него, Адам сразу понял — с этим каши не сварить. Но попытаться стоило.

— Киса, кисонька, — позвал Адам, нагнувшись. — Хорошая киса!

Кот сжался и прыгнул, целясь передними лапами в Адамову голову. То есть призраков он мог видеть, и это радовало. Плохо было, что зверюга, пролетев насквозь, повис на шубе и сорвал со стены вешалку.

Адама вынесло на лестничную клетку.

— Нет, он не безнадежен, — сам себе сказал Адам. — Я с ним договорюсь любой ценой! И этой ночью! Неизвестно, когда еще ляжет лунная дорожка — и куда она поведет.

Он вернулся в квартиру. Кот сидел посреди прихожей с ошарашенным видом, рядом лежала вешалка с куртками и шубой.

— Киса, ты куда не денешься. Тебе придется поладить со мной. Я, правда, не знаю, как убедиться в твоей летучести, но способ найдется! — Сообщив это коту, Адам вошел в комнату. Там его ждала радость несказанная по полам с горем: книжные полки, сплошь заставленные юридической литературой, и полная невозможность вытащить эти книги с изумительными названиями на корешках. Как бы пригодилась сейчас когтистая кошачья лапа! Как бы ловко цепляла она корешки книг!

Но мохнатый красавец был неумолим. Он шипел, замахивался лапой и совершенно не желал впускать в свое десятикилограммовое тельце призрачного постояльца.

За сто с чем-то лет, проведенных вне человеческой плоти, Адам полностью утратил чувство времени. Спешить ему было некуда. Вот он и проворонил час, когда луна скрылась, и лунная дорожка — с ней вместе.

Кот уже позволяя прикоснуться к себе призрачным пальцам, он уже слушал ласковые слова и не прижимал

ушей, когда Адам ощутил какую-то неловкость — словно бы кто-то, подойдя сзади, встряхивал его за плечи. А потом сильные пальцы вошли в его затылок, ухватились в голове за что-то болезненное и повлекли Адама прочь из комнаты, сквозь закрытое окно, сквозь крону липы, неведомо куда, спиной вперед.

Он закричал. Незримая сила пренебрегла криком. Она волокла Адама, безразличная к воплям и брыканью, на уровне четвертого этажа, потом опустилась чуть пониже. Адам умолк и безнадежно смотрел вверх, на небо. Он все яснее понимал, что за отчаянную вылазку полагается кара — может, даже слепота, чтобы больше не видеть лунной дорожки.

И тут он увидел летящее метрах в пяти над ним причудливое пятно. Оно планировало, поворачиваясь, оно снижалось понемногу, и вдруг до Адама дошло — да это же кот! Кот с растопыренными лапами, наслаждающийся неторопливым полетом, чуть-чуть рулящий хвостом! Адам протянул к нему руки, но коту и в голову не приходило прибавить скорости, он блаженствовал в счастливой невесомости, распластавшись на теплом воздушном потоке, словно грелся на солнышке, и его глаза были зажмурены.

— Киса, кисонька, кис-кис! — закричал Адам.

Кот приоткрыл глаза.

— Кисонька, помоги, выручай! Кисонька, миленький, сюда, сюда! — звал Адам.

Кот растопырил когти на передних лапах и стал снижаться. Адам протянул к нему руки, рванулся — и пропали вдруг ледяные пальцы из затылка.

На брусчатку узкой улицы зверек и привидение опустились одновременно.

— Главное — захотеть, — прошептал Адам. — Главное — очень захотеть... Как я мог забыть об этом?.. Ну, здравствуй, кисонька... будем дружить?.. будем?..

Зверек стоял в круге света под старинным фонарем. Теперь Адам мог его разглядеть и подивиться тому, какими разными бывают коты. Тот, в квартире следователя, был

царственный и вечно недовольный бездельник в великолепной рыжей шубе. Этот оказался маленьким, самой что ни на есть плебейской расцветки, серо-полосатым, но вот когда он открывал глаза, сразу становилось ясно, что котик не простой. Глаза у него занимали чуть ли не половину мордочки.

— Пойдешь со мной? — спросил Адам. — Нам нужно о многом поговорить. Ты ведь понимаешь меня? Вот только непонятно, как я буду тебя кормить. Но я придумаю!

Кот облизнулся и пошел прочь. Возле подъезда он обернулся, посмотрел на Адама очень выразительно, и Адам понял это так: тут я живу, если хочешь, следуй за мной.

Оказалось, что кот умеет просачиваться в щель шириной в полтора вершка. Привидению этого было более чем достаточно. Кот уверенно побежал вверх по лестнице и перед дверью четвертого этажа заорал очень требовательно. В переводе на человеческий язык этот мяв означал: да что вы там, с ума посходили, дрыхнете, когда кот под дверью помирает с голоду!

Видимо, хозяева привыкли к котовым подвигам. Дверь отворилась, и заспанный голос сказал:

— Опять! Вот поставлю на окна решетки...

Запомнив номер квартиры и дом, а вместо метки по наитию употребив пуговицу, оторванную от скюртука, Адам полетел к особняку. Неземная сила больше его не беспокоила, и он строил домыслы — чем именно удалось с ней сладить. Но ни до чего не додумался и отыскал Столешникова. Тот сидел на месте, где недавно был сейф, и маялся угрызениями совести.

— Ну, сударь, у нас появился шанс, — сказал ему Адам. — Итак, вы полагаете, будто один из ваших убийц раньше работал в заведении, поставляющем сейфы, и сам установил этот железный ящик между этажами.

— Я узнал его, — ответил Столешников, — да что толку?

— Толк будет! У нас есть кот!

Столешников так посмотрел на Адама, что слова уже не требовались.

— Вы можете вспомнить его имя?

— Говорил же вам — фамилия то ли Кожедубов, то ли Кожемякин. А имени не было — на что оно? Роста — моего, лысый, только на висках седые волосы. Нос длинный, восточный такой нос... Оставьте меня в покое, господин Боннар. Тут уж ничем не поможешь... хотя спасибо за сочувствие...

— Жаль, что мои убийцы давно на том свете. Я бы с ними разобрался! А ваших отыскать теперь — проще пареной репы.

— Вы очень хороший человек, — сказал на это Столешников. — Но вы бессильны против системы.

— Какой системы?

— Вы еще не поняли? Мы из одной системы попали в другую, и тут тоже свои запреты, свои возможности, но главным образом — свои невозможности...

— А вот посмотрим.

Привидения могут слоняться и днем, но во мраке они лучше себя чувствуют. Поэтому Адам на дело пошел, когда стемнело. Он знал, что сейчас уж никто не вцепится в затылок, раз метка оставлена. О том, что за сила присматривает за призраками и для каждого из них определяет свои загадочные правила, он не думал. Это было для него так же непостижимо, как таблица Менделеева, из-за которой он много лет назад вылетел из гимназии.

Метка лежала у дверей котовьего жилища. Адам проник вовнутрь и обнаружил кота в дальнем углу квартиры — там, где трудился за столом его хозяин. Хозяин тыкал пальцами в кнопочное устройство, а кот лежал рядом и заигрывал — подбивал лапой хозяйскую руку, отчего на цветной доске перед устройством, судя по возмущенным возгласам, появлялась ахинея.

Адам видел такое в особняке и примерно представлял, какая от этой штуки возможна польза. Оставалось слиться с котом так, как это проделывал Дамиан Бозций. Старец, прожив столько лет сперва в человеческой плоти, потом в призрачной, обрел совершенно детскую безмятежность и простодушие — ему и в голову не пришло объяснить, каким образом он вселяется в животное.

— Кыш, брысь! — вдруг закричал хозяин. Кот, видно, рассердил его всерьез — и сам это понял. Он попытался с места вскочить на книжную полку — на самый верх, где, видимо, имел надежное убежище. Но не допрыгнул, ухватился за книжные корешки и вместе с толстыми томами рухнул на стол, прямо на кнопочное устройство.

Хозяин уставился на цветную доску, ахнул и заорал:

— Лопнуло мое терпение! На мусорку жить пойдешь!

Он кинулся ловить кота, тот очень ловко спрятался под диван, но там его настигла швабра. Кот помчался к двери, толстый сердитый хозяин — за ним, Адам — за хозяином, и все вместе оказались в прихожей. Там коту негде было спрятаться, и карающая швабра нависла над ним, и Адам перепугался до полусмерти — этот пузатый дурак мог искалечить драгоценное животное! Что тут может сделать призрак? Да ничего!

Однако Адам крепко запомнил рассуждения брата Альбрехта о сильных желаниях. Главное было — захотеть спасти кота, изо всех сил захотеть, и тогда что-то обязательно произойдет!

Адам кинулся между котом и шваброй.

Нет, швабра не отскочила, не сломалась, и хозяин не заорал благим матом, встретившись взглядом с привидением, хотя Адаму и казалось, что удалось на мгновение стать зримым. Просто человек вдруг окаменел, потом вздохнул, опустил свое страшное оружие и, ворча, пошел прочь.

— Обошлось, брат, — сказал коту Адам. — Видишь, оказывается, я могу немало. Иди сюда, не бойся, я не дам тебя в обиду.

Кот понял, подошел, Адам опустил на корточки, обнял его и увидел, как из звериной шубки вырастают те самые острые светлые иголки...

...Два дня спустя молодой следователь Алексей Воронин постучался в кабинет к своему прямому начальству, подполковнику Ефремову.

— Входи, Леша. В чем дело?

— Вадим Сергеевич, вы мне верите?

- Верю. А что?
— Я похож на сумасшедшего?
— Нет, не похож.
— Или на любителя дурацких розыгрышей?
— Опять же не похож. А к чему ты клонишь?
Леша положил на стол лист распечатки.
— Вот, почитайте.

И подполковник Ефремов прочел:

«Сударь, сейф из дома на Большой Купеческой унес мерзавец, который сам его поставил. Фамилия — Кожедубов или Кожемякин, рост выше среднего, плешив, виски седые, нос длинный. Извольте проверить его алиби».

— Это что за странный доклад?

— Это я обнаружил у себя дома на мониторе ноутбука. Ходил принять душ, ноутбук был включен, я с девушкой переписывался. Прихожу — а там это... Откуда взялось — не знаю! Девушка тоже ничего не понимает. Фамилии незнакомые, по делу о краже сейфа такие не проходили!

— Насколько я помню, дело передали Марчуку.

— Да, я понимаю, он опытнее. Но это ведь появилось у меня!

— Он проверял фирму, которая ставила сейф, но там уже два раза сменилось руководство, в документах кавардак. Кожедубов или Кожемякин? Леша, давай договоримся — если у тебя забрали дело, то ты должен заниматься другими делами, а не самодеятельностью. Теперь объясни внятно — откуда фамилии?

— Я не знаю, товарищ подполковник. Я сказал правду.

— То есть сообщение мистическим образом оказалось на мониторе?

— Так точно.

— Может, ты переутомился? — таким образом Ефремов, как ему казалось, дал спятившему сотруднику хороший способ отступить, сохранив лицо и не испортив отношений с начальством.

— Тогда, товарищ подполковник, и мой кот переуто-

мился. Он забился под кресло и там шипел, потом вылез, стал наскакивать на пустое место.

— У тебя дома призраки, что ли, завелись?

— Не знаю, кто там завелся. А этого Кожедубова-Кожемякина нужно проверить.

— В свободное от работы время! — вдруг заорал подполковник. — Мистик на мою голову! Калиостро!

Адам, будь он в человеческой, а не в кошачьей плоти, взмок бы от натуги, печатая лапой слова. Он в бытность сыскным агентом, конечно же, видел пишущие машинки, «ремингтоны», и представлял себе, как с ними обращаться. Но размер клавиши на устройстве в доме Воронина плохо соответствовал кошачьей лапе. Адам не сразу сообразил, как стирать с экрана уже написанное, и с тремя строчками провозился минут двадцать, не меньше, и еле успел ускользнуть от завернутого в полотенце Леша. Он понимал, что зрелище печатающего кота может запросто довести человека до сумасшедшего дома.

Из открытого окна он слетел в крону липы и оттуда, с ветки на ветку, опустился на землю.

Странная мысль посетила его — отчего люди в земной своей жизни так редко поднимают голову вверх? Вот и он сам — все носом в землю тыкался, высматривая и выслеживая. А посмотрел бы на небо — может, и увидел бы летящего кота. И задумался бы — по каким таким делам летит загадочное создание? И, может, что-то понял бы. И пожелал бы удачи тому, с кем дружит этот кот...

Или же, перекрестясь, помчался к доктору!

Чтобы не искушать провидение, Адам часть дороги до особняка проделал пешком, а в полет пустился над аллеей, где никакой мечтатель, глазающий на облака, его бы сквозь ветки не увидел.

Там в подвале уже сидел брат Альбрехт. Пройти с котом сквозь стену не удалось, пришлось искать маленькое окошко.

— Поздравляю, чадо, — уныло сказал монах, выслушав отчет. — Пива хочешь?

— Ты что-то затосковал, — заметил Адам.

— Так и ты затоскуешь...

— С чего бы вдруг? — удивился Адам.

— А с того, что все кончилось. Не разумеешь, чадо? Вот ты своего добился, направил людишек по верному следу. Теперь-то что тебя обрадует? Чем займешься? Повеселился, поиграл в жизнь и кукуй дальше — пока не кончится вечность...

— У меня теперь есть кот, — Адам посмотрел за зверька, зверек ответил ему долгим взглядом. — И я возвращаюсь на службу. В жалованье не нуждаюсь, в мундире также, надо только придумать, как прокормить кота...

Он имел в виду — животное придется забирать у хозяев. Те, к счастью, зверя не избаловали, и, отпустив свое приобретение, Адам следом за ним проник в квартиру и очень удивился виду сухого корма. Кот, впрочем, грыз это извращение без особого восторга. Когда Адам ночью забирал его, кот был относительно сыт. Но лето не вечно, уже в сентябре окна станут на ночь закрывать. Значит, к сентябрю нужно придумать, где брать кошачий провиант...

По стене пробежала рябь, возникла трещина и разошлась на пару вершков, пропуская Столешникова, потом снова срослась.

— А мне что теперь делать? — спросил Столешников жалким голосом. — Так тут и жить? Вам-то хорошо! Брат Альбрехт уже привык! Вы, господин Боннар, нашли себе занятие! А я?.. Всю жизнь был неудачником... да, да, самым настоящим неудачником, эталонным! И сейчас вот тоже!..

— И до скончания дней будешь, чадо неразумное, — согласился брат Альбрехт. — Выпей пивка.

— Поищите себе кота, Столешников, — посоветовал Адам. — С котом уже можно что-то предпринять. А я хочу удостовериться, что Воронин сумеет задержать Кожедубова-Кожемякина и выпытать у него, куда делись драгоценности.

— Бесполезно. Вон у него в карманах мелкие денежки остались. Так он, непутевый, до сих пор ни единой метки не поставил. Сидит себе и скулит, как бес в рукомайни-

ке, — наябедничал брат Альбрехт. — Видно, есть убогие, рожденные для того, чтобы скулить, и другого ремесла им не надобно.

— Но он может опознать эту сволочь... — Адам задумался. — Столешников, где процветает та фирма, которая устанавливает сейфы?

— На Московском бульваре.

За те годы, что Адам провел в виде призрака, много чего в городе поменялось, а иные улицы переименовывали чуть ли не по шесть раз — после революции, в тридцатые, во время оккупации, после войны, в шестидесятые — в честь космонавтов, в девяностые — опять на старый лад. Московскому бульвару ничего не делалось. Так что Адам очень быстро понял, где искать грабителя.

Он надеялся, что Ефремов и Воронин отнесутся к подделке с уважением; мистика мистикой, а факт-то в ней реальный. Но хотелось убедиться, что полицейские действительно идут по следу. Просто убедиться...

А вдруг еще одна подсказка потребуется?

Путешествовать внутри кота было по-своему приятно, однако тревожно — увидев стаю бродячих собак, кот стремительно взлетел на дерево, отчего у Адама случилось легкое помутнение рассудка. В прежней жизни такое бывало, когда его еще маленьким старшие мальчишки брали с собой на большие качели.

Наконец кот дошел до Московского бульвара.

Там, где полагалось быть салону фирмы, предлагавшей сейфы и хитрые замки, обнаружилось кафе. Адам растерялся, но повел кота по окрестностям в надежде увидеть и услышать что-нибудь полезное. Кроме того, он искал двор с лавочками, на которых сидят жалостливые старушки. Если помянуть и потереться головой об ногу, обязаны покормить.

В бытность свою агентом частного сыскного бюро Адам Боннар немалые сведения получал именно от старушек, которым нравился благовоспитанный рыжеватый крепыш, умеющий очень внимательно слушать. Старушки

и вообразить не могли, что собеседник способен, ловко заломив руку, уложить наземь верзилу вдвое себя тяжелее, да еще и припечатать крепким словом. Адам же наловчился определять, какая из тетушек построже, какая пожалостливей и поразговорчивей.

Двор-то отыскался, но там ждал сюрприз — на лавочке сидел с двумя бабушками Леша Воронин. Леша был одет в простую курточку, в старые джинсы, смахивал на подростка, а для полноты впечатления нацепил наушники для плеера, которые болтались на шее.

Адам в кошачьем теле обошел лавочку и забрался под нее, чтобы слышать разговор.

— Так, значит, этих девушек из салона вы не знали, Нина Михайловна, — говорил он. — Как же быть-то?

— А что я в том салоне забыла? Вот в кафешку за эклерами захожу, — отвечала бабушка. — И очень хорошо, что вместо салона эту кафешку открыли. Туда ведь ночью приезжали, с заднего хода входили, машины гудели, а у моего Валерика бессонница.

Адам обрадовался чрезвычайно — Леша поверил ему и, не ломая голову над мистикой, пытается взять след Кожедубова-Кожемякина.

И тут же Адам обратил внимание, что Нина Михайловна охотно отвечает на вопросы и, кажется, говорит чистую правду, а вот приятельница ее, Ирена Освальдовна, не слишком расположена к откровенности. То есть подтверждает все, сказанное Ниной Михайловной, и не более того.

Видимо, чутье, свойственное обычному коту, у кота троянского переродилось в какое-то иное, более возвышенное, и Адам это чувствовал и даже страдал: сам он в земном существовании не обратил бы внимания на эту особенность старушечьего дуэта, а в призрачном — еще как обратил, но ведь нужно предупредить Лешу!

Но перед агентом встала самая настоящая дилемма: или догонять Лешу, пытаясь как-то с ним поладить, или искать корм для кота.

Выбор был мучительным — в Адаме проснулся тот не-

удержимый сыскарь, который преследовал похитителей в 1898 году и допреследовался...

Но, войдя в кошачье тело, Адам принял на себя заботу о всех потребностях этого тела.

Любопытно, что в земной жизни он кошкам хоть и симпатизировал, но считал их дамской забавой и отрадой толстых кухарок. Поэтому он смутно представлял себе, чем кормить своего кота, если не удастся раздобыть сухой корм. Помнил, что вроде эти звери уважают сметану и должны ловить мышей. Но где их взять, мышей? И тем более — где взять сметану?

Пришлось идти на поклон к сердобольным старушкам, тереться об ноги и громко мурчать — где у кота включается этот самый мурчатель, Адам догадался не сразу. И провозжать взглядом уходившего Лешу.

Но, как выяснилось, Адам поступил правильно.

— Полиция, полиция... — проворчала Ирена Освальдовна. — И ничего они никогда не найдут...

— Кисонька, кисонька, — ответила на это Нина Михайловна. — Проголодалась, беденькая...

— Полиция, полиция...

— Кисонька, кисонька...

— Он думал, я ему про Эвку так прямо и выложу. Нашел дуру.

— Чем же тебя покормить-то?

— Я скажу — а потом Эвкин хахаль меня с лестницы сбросит? Думаешь, почему на той неделе в четыре утра «Скорая» приезжала? Это он, Эвкин хахаль...

Адам подивился тому, что гадкое словечко все еще в обороте.

— Ах ты, моя хорошая, — бормотала Нина Михайловна.

— Вот тогда почему никто по дворам не ходил, соседей не допрашивал? А ведь покойника из подъезда вынесли. Все знают — и молчат! А это — Эвкин хахаль!

— Если бы покойника — точно ходили бы и спрашивали, — наконец ответила по существу Нина Михайловна. — Что ты, в самом деле, Иренка, наводишь тень на

плетень? Мало ли с кем Эва живет? Ей, слава те господи, уже тридцатник.

— А я тебе говорю — покойник, и в полиции у него все схвачено. И замяли дело.

Адам понял — не у покойника, а у хахаля.

— Так что же там, по-твоему, было?

— А то, что он к ней приехал ночью, а за ним следом — тот, покойник, и они подрались на лестнице. Думаешь, чего Эвка тогда дома сидела, мусор не выносила даже? А она их разнимала, и ей тоже досталось. Я видела — фонарь под глазом вот такущий.

— Где ж ты видела?

— Она за почтой спускалась. Так ты подумай — если бы я сказала, что парень из салона Эвкин хахаль, то что бы вышло? Он бы уж до меня добрался...

— Ты посиди с киской, я схожу, котлету вынесу. У нас вчерашние котлеты остались, Артемка расковырял, а есть не стал. Вот — хоть кисоньку побалую... Хорошая кисонька, хорошая девочка...

И тут только Адам ужаснулся.

Собственно, в ката он внедрил или в кошку, значения не имело: главное, контакт с животным налажен. Обнаружив зверя, умеющего летать, он так обрадовался, что заглянуть под хвост и в голову не пришло.

Но Адам с той давней жизни привык считать себя мужчиной, да еще видным мужчиной, любимцем дам, от хороших горничных до сумасбродных актеров. Хотя прошло столько лет, самоощущение крепкого и гордого своей статью мужчины, выходит, осталось. И что же, он теперь — кошка?

Был только один способ немедленно узнать истину.

Адам, руководя кошачьим телом, делал примерно то же, что делает головой и конечностями человек. Он переставлял лапы при ходьбе, он трогал кнопки компьютерной клавиатуры; полет — это было тоже что-то понятное, хранившееся в памяти с тех времен, когда маленький Адам летал во сне, и теперь оттуда добытое. Но сесть так, как садятся

кошки, выставив одну заднюю лапу вверх, и скрючиться, доставая языком до всех анатомических подробностей, — это казалось Адаму невозможным акробатическим трюком.

Добрая Нина Михайловна поспешила за котлетой. Адам сел, с любопытством глядя на Ирену Освальдовну. Старушечья была норовистая и притом пугливая — потому-то Леша ушел без полезных сведений. Но как же вызнать поболее про эту Эвку и ее любовника, служившего в белом салоне? И понять бы, когда именно случилась драка? Не связана ли она с покражей сейфа из особняка?

Котлета оказалась невкусной, и Адаму пришлось побороться с кошачьим отвращением к такой пище.

Потом соседки разошлись по домам. Адам прикинул — Эвка жила, пожалуй, в том же подъезде, что и Ирена Освальдовна. И, пренебрегши умильными «кис-кисами» Нины Михайловны, поспешил за вредной старухой. Та его в дверь не пустила, но у Адама хвалило ума вскарабкаться на молодой клен, с веток которого были видны все лестничные клетки в подъезде. Он определил, что живет Ирена Освальдовна на четвертом этаже, и подумал, что Эвкина квартира, скорее всего, ниже — старуха могла, не слишком рискуя, высунуться на шум драки и посмотреть сверху, но побоялась бы открывать дверь, живи она ниже Эвки.

Подумав, он решил вернуться в особняк и как следует допросить Столешникова: требовалось точное описание Кожедубова-Кожемякина и прочих сотрудников салона — не в одиночку же он устанавливал этот сейф. И тогда уже, набив голову подробностями, вернуться и выследить Евкиного хахаля.

Кто-то же должен помочь Леше Воронину!

В особняк Адам возвращался неторопливо, дворами, заново знакомясь с городскими закоулками. Кроме того, совершил он преступное деяние — стянул из пакета у мужчины, шедшего домой с покупками и зацепившегося языком за приятеля, упаковку сосисок. Это было рискованное предприятие — Адам зацепил провиант когтями

и взлетел на крышу троллейбусной остановки. Ожидавший транспорта народ дружно высматривал его, глядя в другую сторону.

Адам хотел было оставить сосиски на крыше до ночи, но заметил ворон. Делать им такой подарок он не хотел.

Вороны полагали, что уж втроем-то они отгонят кота от сосисок. Обычного бы отогнали — но им попался троянский и летающий.

Адам отошел от упаковки и дождался, чтобы все три пернатые злодейки на нее спикировали. Но унести добычу он им не позволил. Поднявшись в воздух, он напал на птиц сверху — чего они, понятно, не ждали.

Бой был коротким — и Адам сам не понимал, как у него хватило духу прокусить вороне затылок. В кошачьем рту было гадко. Две другие сообразили, что кот им попался непростой, взлетели на березу, где у них, видать, было гнездо, и оттуда смотрели на мертвое воронье тело.

Он огляделся. До особняка было уже недалеко, а если лететь сквозь древесные кроны, то, пожалуй, никто и не заметит. Взяв в зубы добычу, Адам взмыл вверх. Подныривать под ветки было нелегко, листья хлестали по глазам, но он справился. Самое, на его взгляд, опасное было — пересечь улицу перед особняком и не запутаться в проходах. И это удалось.

Уронив надоевшую упаковку во двор, Адам спустился туда же и покинул кошачью плоть. Когда белесые иголочки втянулись, он первым делом посмотрел зверю под хвост — и вздохнул с немалым облегчением. Все котовье хозяйство было на месте. Оставив кота наедине с сосисками, Адам сквозь стены помчался искать Столешникова.

Тот, по своему обыкновению, тосковал, забившись в угол, а брат Альбрехт его утешал.

— Ну вот помысли, неразумное чадо, что ты потерял? Жил ты уныло, был у богатого господина на посылках, одно подай, за другим сбегай, дом покарауль. У тебя и вместилища-то своего не было!

— Кого?

— Сосуда скверны и вместилища всех грехов. Сиречь бабы. Ну вот, а теперь тебя никто не гоняет, о деньгах думать не приходится, о бабе — тоже. Наслаждайся и пиво пей, зубастые бесы бы тебя драли!

— Брат Альбрехт, здравствуй, — сказал Адам.

— Как же прикажешь мне здравствовать, коли со мной уже ничего поделаться не может? Этого брэнной плоти нужно желать, а не нам, — резонно отвечал монах. — Пивка?

— Хорошо бы. Но сперва — дело. Мне нужно вот этого голубчика допросить — как устанавливали сейф. Эти жулики свое заведение закрыли и куда-то сбежали, но я на след попал. Столешников, соберитесь с силами и отвечайте!

— Что еще? — спросил горестный Столешников.

— Этот ваш Кожедубов-Кожемякин, который вместе с грабителями пришел за сейфом, ведь не один его ставил. Я посмотрел — в одиночку так стену не расковыряешь. У него непременно помощник был.

— Ну, был помощник...

— Оставь его, чадо. Ну, нравится ему скорбеть, — заметил брат Альбрехт. — А теперь такой славный повод.

— Пусть ответит на вопросы — а потом хоть весь изрыдается.

— Удивляешь ты меня, чадо... Смирения в тебе нет, вот что!

— Нет, — согласился Адам. — Я делом занят, тут не до смирения. Погоди-ка, святой отче... А ты хоть раз в жизни делом занимался?

— Кто — я?! — монах даже шарахнулся от Адама.

— Все понятно. Ну, господин Столешников, как вышло, что сейф заказали именно в этом заведении? И кто его в стенку вмуровывал? Сам Кожедубов-Кожемякин?

— Нет... с ним мужчина был... это он делал...

— Двое, значит?

— Еще молодой человек приходил, с бумагами, договор с Антонычем подписал.

— Трое. Четвертого точно не было?

— Точно...

— Кожедубов-Кожемякин росту вот такого, — Адам показал рукой. — Плешив... А плешь какая? От большого ума или от чужих подушек?

Брат Альбрехт расхохотался.

— Шутка-то, шутка, чадушки вы мои! Шутка-то, поди, меня старше! А до нынешних времен дожила!

Столешников не понял, пришлось объяснять: та плешь, которая расширяет пределы лба, — от ума, а та, что лишь на затылке, — от чужих подушек, то бишь ее владелец — гуляка и ловелас.

Оказалось, что преступник носит обе плечи, что брат Альбрехт объяснил весьма разумно:

— Гуляет, но с умом.

Затем последовала очередная сатира на вместилища греха и сосуды скверны.

Кроме седых висков и длинного носа, Столешников вспомнил кадык, легкую сутулость и неприятный голос. Перешли к мужчине, который помогал вмуровывать сейф. Это был здоровый дядька с усами, круглой мордой и коротким вздернутым носом, классической «репкой», насколько мог судить по описанию Адам. К счастью, он знал похожего дядьку, тоже коротконогого и пузатого, лет пятидесяти, так что картинка в памяти образовалась. И, наконец, молодой человек был не так уж молод — лет около тридцати пяти. Адам, посмотревшись телевизора, знал, что в сумасшедшем веке и сорокалетнюю тетку называют девушкой, но при этом сохранял прежние понятия о возрасте.

— Значит, темноволос, похож на киноактера, на которого — неведомо, — подытожил Адам. — Ростом с вас, Столешников, одет в костюм и при галстукe. Это, конечно, важная примета. Все равно что сказать: тело было найдено там, где у обочины паслась коза...

— Если бы включить телевизор! — заныл Столешников. — Я бы его сразу нашел и показал!

— Ступайте наверх. Может, хозяйка опять свои дамские истории смотрит. Вдруг он там покажется, — велел Адам. — Ну, брат Альбрехт, на любовника неведомой

Эвки как раз третий господин смахивает. Вряд ли она польстилась на старика.

— Вместилища как раз на богатых стариков льстятся.

— Тут больших денег нет, они на хозяина работают, своего дела не имеют.

— Брови густые! — вдруг выкрикнул Столешников.

— Мерси. Это уже полезнее. Господин Столешников, не угодно ли поохотиться на ваших убийц?

— Вы с ума сошли, — отвечал Столешников.

— Брат Альбрехт?

— И точно, что умишком повредился. Ну подумай сам, бестолковое чадо, что мы им можем сделать?

— Мы можем поставлять сведения господину Воронину, — сказал Адам, — благо я понял, как обращаться с этим адским настольным устройством. Вы как знаете, а я ночью пойду с котом в разведку. Вы же тоскуйте в подвале хоть до приезда турусов на колесах. Пойду посмотрю, чем там кот занимается.

Кот попал в беду. Дешевые сосиски ему на пользу не пошли, его мутило. Адам схватился за голову. Нужно было срочно доставить кота его законным хозяевам, чтобы он там отлежался и получил медицинскую помощь. Это означало, что ночная вылазка откладывается до лучших времен.

Другого способа добраться до Эвкиной квартиры Адам не знал.

Но так сильна была в нем жажда действия, что выход из положения он отыскал довольно скоро.

В подвале брат Альбрехт опять поил Столешникова пивом и развлекал анекдотами, которым было за пятьсот лет.

— Господа, как вы относитесь к азартным играм? — спросил, просочившись сквозь стену, Адам.

— А во что играть-то? Были у меня отменные кости, хитро сделанные, со свинцовой блямбочкой, так с собой-то я их взять не сумел.

— Карты?

— Ну-у-у! Карты! Знаешь, чадо, сколько они стоили?! В карты только бургомистр с родней играл, да гильдей-

ская верхушка, да отец настоятель. А мы, грешные, — в кости. Детишки — те в камушки... — монах задумался. — Вместителища скверны тоже в какие-то шашечки играли... А что?! Если у вас, чада мои, все пуговицы ободрать, то можно что-то вроде камушков затеять!

— Нет! Нет! Не трожь пуговицы! — Адам отмахнулся от монаха, который страшно обрадовался новому развлечению. — Есть другие способы! Ты когда-либо играл в города?

В прежней жизни Адам попадал иногда в приличное общество, где развлекались изысканными салонными играми. Гимназию он в свое время не окончил, но географию знал неплохо, так что отличался. Игра годилась для употребления тем, что не требовала никаких материальных предметов.

Наскоро объяснив брату Альбрехту и Столешникову принцип, Адам предложил ставки: у Столешникова заваялись мелкие деньги, сам он готов жертвовать пуговицами, а брат Альбрехт пусть для начала выступит судьей и предложит первый город.

— Лютеция, — сказал брат Альбрехт, и понеслось!

— Ялта!

— Астрахань!

— Новгород!

— Двинск!..

Играли два часа — новое развлечение заскучавшим призракам сильно понравилось. В конце концов Адам выиграл у Столешникова всю его мелкую наличность.

— Теперь это моя собственность, все слышали? Моя! Я — владелец! — провозгласил Адам, адресуясь к чердачному потолку. — Значит, я могу, добравшись до нужного дома, оставить там монетку и потом, препроводив бедного кота домой, преспокойно сесть в засаду!

Так и получилось.

Будь Адам в человеческой плоти, пришлось бы ему ради засады устраивать себе наблюдательный пункт на дереве. Но он благоразумно положил незримую людям монетку

в квартире Эвки и мог там слоняться без риска свернуть шею. Эвка, молодая женщина чересчур яркой, на Адамов взгляд, внешности, бездельничала — чем полы помыть и оконные занавески постирать, она валялась на диване, смотрела телевизор и, судя по кружевному бельишку под халатом, кого-то ждала.

Гость явился, когда она, утомившись вялотекущей амурной историей на экране, заснула. И это оказался не густобровый красавчик, а именно Кожедубов-Кожемякин.

Адам хотел было сбежать, чтобы не видеть соблазнительной сцены, но он должен был слышать, о чем говорят эти двое, и потому остался в комнате, только сел спиной к дивану. И было ему тяжело — на ум пришли все те красотки и проказницы, которые дарили благосклонность местному пинкертону.

Говорили любовники о всякой ерунде, о сломанном холодильнике, о ценах на копченое мясо и о законной стерве Кожедубова-Кожемякина, которую он не мог бросить, потому что она лежала при смерти. Эвка заметила, что вот так при смерти мадам уже третий год лежит, а Кожедубов-Кожемякин разразился причитаниями, из которых Адам понял, что лечение супруги обходится безумно дорого, и никто этого не понимает, и весь мир Кожедубову-Кожемякину враждебен. Слушая нытье, Адам даже усомнился, точно ли этот человек участвовал в ночном падении на особняк. Но, увидев, как Эвка, сразу забывшая про мадам, утешает любовника, понял: это актерское мастерство и ничего более.

Потом Кожедубов-Кожемякин засобирался домой, и это Адама обрадовало: был шанс узнать адрес!

Кожедубов-Кожемякин спустился по лестнице и сел в машину. Адам пролетел сквозь стену, приземлился на крыше автомобиля и сразу положил туда монетку.

Но он не учел ветра...

С монеткой-то ничего не случилось, она словно прилеплась к металлической крыше «Мазды». А вот Адама снесло с машины, когда Кожедубов-Кожемякин вырулил на

набережную. Адам и не подозревал, что привидению следует бояться ветра.

Он завис над мостом, а машина, выскользнув из-под него, умчалась в ночь.

Адам медленно опустился на асфальт.

— Зубастые бесы бы тебя съели, — сказал он вслед машине, — и косточки расплевали.

Теперь Адам мог и без кота присутствовать возле «Мазды», но как узнать, куда ее понесло, сыщик и понятия не имел.

На всякий случай он вынул из кармана выигранную монетку и бросил на мост. Теперь никакая когтистая лапа, вцепившись в затылок, не уволокла бы его с этого места.

Адам мог преследовать Кожедубова-Кожемякина, увозившего на крыше «Мазды» его имущество, но скорость призрака невелика, даже когда он передвигается большими прыжками, и несопоставима со скоростью автомобиля, летящего по пустым ночным улицам.

Единственное, что удалось, — запомнить три цифры из четырех на белом номере «Мазды».

— О! Кавалер! — услышал он девичий голосок. — Поди сюда, кавалер!

Адам обернулся и увидел вместилище скверны.

Похоже, тут брат Альбрехт был прав — именно эта особа вполне могла претендовать на звание сосуда греха.

Гонясь за похитителями бриллиантов и попав в портовый город, Адам за несколько дней побывал в разных его концах, в том числе и в квартале веселых домов, без которых ни один порт не обходится. Девушка, окликнувшая его, недаром бродила ночью по набережной — тут было самое подходящее место для исполнения ее ремесла. Преогромный вырез на платье, шляпа с бумажными розами, чересчур короткая для такого наряда, да еще подоткнутая юбка, полосатые чулки, красные подвязки которых мелькали во вздернутых складках, когда девушка шла к Адаму, — весь этот боевой доспех был ему знаком.

— Ты новенький, кавалер? — спросила девица. — Как тебя звать? Я — Гретхен, миленький.

Она поправила кружавчики на груди, подкрутила длинный желтый локон и поиграла плечиками.

— Я Адам.

— Меня боцман Клаус Дамменхоф спяну зарезал, ду-мал — я черт, а тебя как?

— Застрелили, — кратко отвечал Адам. Он чувствовал себя нелепо — да и как может себя чувствовать привидение-мужчина, когда его пытается соблазнить привидение-женщина?

— Давно?

— Давно.

— Что же я тебя, кавалер, раньше не встречала? Экий на тебе смешной кафтанчик?

— Я из дома уйти не мог. Недавно научили.

— Кто? Старый дурень Альбрехт?

— Да, брат Альбрехт.

По давнему опыту Адам знал — с этими особами нельзя унижаться до фамильярностей.

— Хорошо как! Новенький! А то скучно ведь девушке все одной да одной... Господин Тагенбург вознесся, нет его... Он ведь все пел, пел, да и спел что-то такое, такое! За песню его и отпустили, то есть туда взяли... А Митенька — он разве кавалер? Он только на кобыле скачет, ничего больше. Проскачет вот прямо тут и с моста в воду — бух! А что ты молчишь?

— Часто Митенька выезжает?

— Всякое полнолуние. Ночи три или четыре вот так в воду бухается. А куда потом — не знаю. И ни слова от него не дождешься. Гусар называется!

Адам посмотрел на небо. Луна с одного края уже была чуть подгрызена, но при желании можно было считать это время полнолунием.

— Старая и ранняя... — пробормотал Адам правило определения фаз луны. — Это уже старая... Послушайте, сударыня, он вчера выезжал?

— Выезжал! А ты не знаешь, кавалер?! Тут такое было, такое было! Полицейские приезжали! Из воды его вытаскивали!

— Гусара?!

— Да нет же, велосипедиста! Хорошенький такой мальчик, куда ехал ночью — не знаю, может, к красавице своей или от красавицы... А ему навстречу — Митенька! А он, чтобы под копыта не попасть — вбок, к перилам, да как-то через перила перелетел... может, сам в воду спрыгнул?.. А там — бык, опора мостовая, у быка — приступочка, он на нее как-то взобрался... Я туда побежала, к нему соскочила, так меня-то он не видит, а Митеньку-то увидел! Вот за что мне такое наказание, что меня никто не видит? А? Митеньку вон видят! И кареты из-за него в воду рушились — это когда тут еще наплавной мост был.

— Действительно... — пробормотал Адам.

В прежней жизни он слышал истории о призраках, которые являются в старинных замках. О призраках-невидимках, правда, не слышал — и вот сам стал призраком-невидимкой. Что касается брата Альбрехта — тот как-то хвастался, что являлся пьяным морякам и пугал их чрезвычайно, однако за все время знакомства с Адамом он таких подвигов не совершал. Вот и Гретхен — невидимка... как же там, наверху, все эти качества распределяются?..

И в чем провинилась бедная кобыла, раз ей определено являться до скончания времен вместе с гусаром?

— Он, может, еще появится, — посмотрев на луну, сказала Гретхен. — Еще рано. А когда луна за монастырскую башню зацепится — вот тогда... Ты, кавалер, ждешь?

— Подожду.

— Расскажи что-нибудь! А то я тут все одна да одна, скучно! Живых подслушиваю, только чем дальше — тем меньше понимаю, о чем они... А потом-то совсем плохо будет!

— Это уж точно, — согласился Адам.

И каким-то образом Гретхен сумела его разговорить.

Она, оказалось, тоже знала Дамиана Боэция с его котом; познакомилась, когда он бродил у собора Святого Гервасия и наслаждался архитектурой; она тоже пыталась познакомиться с подходящей кошечкой, но не получилось — именно в этой части города кошки появлялись редко, да и что им делать на широкой набережной и на мосту?

Адам даже пообещал поладить, если получится, с подходящей кошечкой и привести ее к Гретхен, когда луна села на крайний зубец монастырской башни. И раздался хрустальный перезвон призрачных копыт.

— Он, он, — прошептала Гретхен. — Смотри, кавалер...

Гусар вылетел из переулка. Выглядел он так, будто пил без просыпу второй, а то и третий день: черный доломан с красным воротником распахнут, рубаша разодрана до пупа, чакчиры в каких-то подозрительных пятнах, а на кивере, прежде чем был он нахлобучен набекрень, явно отдыхала чья-то весома задница. В руке была обнаженная сабля, готовая к удару.

Кобыла шла укороченным галопом, со стороны это было страшно красиво, гусар сидел в седле безупречно, гордясь великолепным станом и широкими плечами.

— Ах! — воскликнула Гретхен. — Кабы его только с лошадки сманить! Так нет же...

— Сейчас, — сказал Адам.

Он и в прежнем своем существовании был достаточно смел, чтобы в одиночку преследовать шестерых негодяев. А в бесплотном и очень легком теле призрака — так тем более. Оно же неязвимое.

Устремившись наперерез всаднику, Адам в несколько длинных прыжков с ним поравнялся и, дернув за повод вправо изо всех бестелесных сил, сбил лошадь с аллюра. Потом, увернувшись от сабли, он проскочил под лошадиной мордой влево и проделал небольшой трюк, которому в прошлой жизни научили его отставные кавалеристы. Результат был эффектен — под восторженный визг Гретхен гусар чуть не вылетел из седла, натянул поводья и поневоле остановил кобылу.

— Разрешите представиться — агент сыскного бюро «Русский Пинкертон» Адам Боннар, — сказал Адам.

— Александринского полка ротмистр Скавронский, — отвечал гусар. — Вы с ума сошли — под копыта лезть?!

— Ни лошади, ни мне ничто не угрожает. Другого способа познакомиться с вами не придумал. Нырять следом в реку не хотел. Холодно там, поди.

— Холодно... — помолчав, согласился гусар и вернул саблю в ножны. — Ф-фу... может, на ветерке хмель меня оставит?

— Во хмелю изволили погибнуть?

— То-то и оно...

— А о причине позвольте осведомиться?

— Да от злости я это, — сказал гусар, — от обычной черной злости, сударь, ничего более. Ну, какая у дураков злость бывает, понятно? Прелестница оказалась подлой тварью, мы ехали на войну, я пил беспробудно, в седле держался чудом, товарищи уж собирались меня палками подпирать... ну, озлился, всех убить захотел... А нечистая сила-то — тут как тут! Я видел рогатую рожу — от нее-то моя Армидушка и шарахнулась, да с моста — кувырк! Вот — который год уж сей кувырк...

— Бедняжечка мой... — прошептала Гретхен. Она как-то непостижимо оказалась совсем рядом и уже гладила лошадь по шее.

— А вы, сударь? — спросил гусар. — Каким манером изволили?

И соскочил с лошади.

— Выстрел в сердце, — и Адам рассказал о погоне за жуликами и о своей смерти в подвале особняка.

— Немногим лучше... Но вам легче, вы хоть не сами себя порешили, — сказал гусар.

— Может ли быть так, что люди видят того, кто сам себя порешил, а тех, кто от чужой руки погиб, — тех не видят? — предположил Адам.

— Никогда об этом не задумывался.

И гусар рассказал о своем житье-бытье. Где он пребы-

вал от полнолуния до полнолуния — сам не знал, а вдруг обнаруживал себя на лошади, с кипящей в сердце злобой на весь белый свет, и летел, не разбирая дороги. Вот — впервые за двести лет нашлась добрая душа, остановила, и он всем сердцем, или что там имеется у призраков, благодарен — пусть всего лишь за короткий разговор.

— А ежели попросить вас об услуге, сударь? — полюбопытствовал Адам. — Мы, потусторонние, должны вместе держаться, иначе — пропадем.

— Я уж пропал. Верите ли, сударь, всякий раз, как в воду рушусь, те же ощущения, та же ледяная вода в глотке. А ничего с собой поделатъ не могу — будто мне кем велено посреди моста в воду скакать.

— Кобылу жалко.

— Да, кобылу жалко...

— Но ведь можно, оказывается, этого избежать. Вот я вас удержал. Может, и фрейлейн Гретхен в состоянии. Или что иное... — Адам задумался, потому что мысль привлечь гусара к сыскной работе еще не оформилась и не обрела логических связей.

— Да я-то такого прекрасного кавалера!.. — обрадовалась Гретхен. — Вы, господин гусар, не думайте, я не такая! Я по доброте и с любовью!

— Неправильно получится, — возразил гусар. — Как сие ни прискорбно, а мне, как видно, велено прыгать в воду — я и буду прыгать. Таков приказ.

— Чей приказ?

— Не ведаю. Но выполняю. Дурак потому что. Пить меньше надо было. А вот теперь и расплачивайся.

— Ясно... Двести лет, выходит, сами себя наказываете?

— Приказ выполняю.

— А что будет, коли вы отвлечетесь от приказа и попытаете мне наказать злодеев?

— Невозможно, сударь. Я тут являюсь не более четверти часа в те ночи, когда мне положено, и что же я могу сделать?

— Есть различные способы...

Адам стоял совсем близко от гусара и видел плетение серебряных шнуров на доломане и на чакчирах. Вдруг он схватил серебряную пуговку и ловко оторвал.

— Вы что, умом повредились? — возмутился ротмистр Скавронский.

Но пуговка уже, сверкнув, улетела в сторону набережной, к выложенной плиткой пешеходной дорожке вдоль парапета.

— Ничуть, — отвечал Адам. — Пуговица — ваше имущество, и вы можете навещать ее в любое время с восхода до заката луны. Думаю, что теперь вам не придется ждать полнолуния.

— Но как?

— Почему я знаю? Вот что — я буду здесь с вами, пока не начнет светать, и погляжу, куда вы денетесь.

— И я, и я! — обрадовалась Гретхен.

— Кроме того — вы про лунную дорожку знаете?

— Я знаю, я по ней даже до каменных амбаров дохожу, — тут же похвасталась Гретхен.

— Не надо ничего этого, — хмуро сказал гусар. — Вы по доброте своей говорите, а нужна ли мне доброта? Мне назначено искупление. Может, даже... впрочем, нет, это я так...

— А доброе дело совершить — это в зачет разве не пойдет?

— Почему мне знать... Послушайте, я вам очень благодарен, мусью Боннар, но оставьте меня в покое. Поверьте, я буду с душевной теплотой вспоминать эту нашу беседу! — вдруг выкрикнул гусар. — Вы единственный, у кого достало духу!.. Но предоставьте меня моей судьбе!

— Отчего вы так упрямы?

— Оттого, что... Да оставьте вы меня наконец в покое! — ротмистр Скавронский вскочил на лошадь. — Прощайте!

Далее все было как обычно: посреди моста лошадь вздыбилась, перенеслась через перила и вместе со всадником беззвучно ушла на глубину.

— Сумасшедший, — сказал Адам. — Хотя, если двести лет вот этак кувыраться, и спянуть недолго...

— Нет, кавалер, — внезапно переменившись в лице, возразила Гретхен. — Он про искупление сказал, а я поняла... Мне ведь всяких кавалеров довелось принимать, еще когда в веселом доме служила, я ваши кавалерские затеи знаю... Иной чудила... ох, простите, кавалер... Иной с несчастной любовью к нам притащится, думает — так он ее под корень изведет, в грязи изваляется — и каменную стенку меж собой и своей красоткой поставит. Иной еще чего сочинит — чего на трезвую голову ни за что не понять... А этот — он чей-то грех искупает, точно вам говорю! Кабы свой — он бы так не упрямялся! Свои-то грехи — они детским баловством кажутся. А когда кого полюбишь и на смерть за него пойдешь... Я-то ведь, дурочка, нож в сердце приняла оттого, что от любви отказаться не пожелала. Ну что ты так глядишь?! Может, и всей-то любви было — на одну ночку, а за нее, за нее...

Гретхен разрыдалась.

— Надо же, и среди нашей братии страсти кипят... — пробормотал Адам. — А я вот как-то так жил, что только ремесло всей душой любил... вот оно мне покоя и не дает...

Делать все равно было нечего, и он подождал, пока Гретхен успокоится.

— Летняя ночь коротка, — сказал он девице, — пока время есть и лунная дорожка лежит, давайте посмотрим, откуда наш красавец на кобыле выскакивает. Я не заметил — из переулка, что ли?

Пошли смотреть и обнаружили заднюю стенку дома при соборе Святого Гервасия, где с давних времен жил причт.

— Нет, тут ничего такого быть не могло. Такого, чтобы опрометью на мост скакать и в воду кидаться, — уверенно заявила Гретхен. — То есть и среди святых отцов попадались кавалеры, но военного человека они бы в дом не впустили...

— А тут что было? — спросил Адам, показывая на здание, построенное в нынешние нелепые времена, какую-то пародию на стародавний стиль, похожую на театральный задник в пряничном средневековом вкусе.

— А тут был винный погребок, над ним сапожник жил с семьей...

— Погребок, значит... Любопытно, что от него сохранилось... Где окошко?

Про окошки здешних погребов Адам знал от брата Альбрехта. Земля в старом городе была дорогая, никто бы не стал ставить во дворе дровяной сарай, занимающий прорву места, и дрова хранили в погребах, прикупая по мере надобности. Спускали их вниз через особые окошки, под которыми были откосы, довольно крутые, но удобные для скольжения и вязанок, и досок, и даже бревнышек.

Окошко должно было глядеть на улицу — потому что пробраться с груженной дровами телегой во двор можно было только сверху, из-под облаков. Вскоре его обнаружили, и Адам закинул вовнутрь через решетку одну из выигранных монет. Потом они с Гретхен прошли сквозь стену и действительно — обнаружили среди всякогохлама мокрого гусара.

— Вы, сударь, этак ревматизм или еще какую подагру схлопочете, — сказал Адам. — А в нашем состоянии это уж навеки. Где лошадка?

— Там, — гусар махнул рукой в сторону кирпичной стены. — Как время настает — тут она и появляется. Прощайте, сударь, и вы, мадмуазель. Сейчас я, очевидно, засну. И буду спать до того самого часа...

— Значит, только в полнолуние? — спросил Адам. — В иные ночи выходить не пробовали?

— Нет, мне так приказано.

— А если рискнуть? Ведь пуговка-то, имущество ваше, в щель на набережной закатилась, и вы можете ее навещать.

— Нет. Прощайте.

Адам пожал плечами и ушел сквозь стену. Гретхен — за ним.

— И в самом деле, утро скоро, — сказала она. — Но он и следующей ночью в воду прыгать должен. Эта была третья, а он, бывает, и пять ночей подряд прыгает. А ты, кавалер, приходи еще... развеселю... я ведь веселая, бойкая, меня за это все любили...

Голосок был жалобный.

— Приду, конечно, — ответил Адам и помчался в особняк.

Столешников, как всегда, грустил о несбывшемся. Несбывшегося было много.

— Теперь ты слушай, чадушко, — сердито сказал брат Альбрехт. — Я уж взмок, утешаючи. Вот так подумаешь — да и поймешь, что своим убийцам он должен бочку испанского вина выкатить. Жил он скучно, служба была унылая, использовали его на побегушках, денег не заработал, своего сосуда соблазнов не завел, деток не родил — и еще хнычет, что его от такой горестной жизни избавили! Все, ухожу. Надоело! И пиво забираю!

— Нет, пиво не уноси. Я бы выпил малость. Всю ночь пробегал, из-за гусара этого дурного чуть не рехнулся...

— Испугал он тебя, что ли?

— Да можно сказать, что и испугал...

Адам рассказал о всех ночных событиях, а также об искуплении неведомых грехов и страстях.

— Вот оно что... — проворчал брат Альбрехт. — А погребок я помню...

— Вот и думаю — неспроста же мне в голову втемяшилось непременно найти убийц и грабителей! Неспроста ведь? Может, и я какой-то грех искупаю?

— Дурак ты, чадо. Суетишься, суетишься...

Голос уже шел из-за стены.

Адам прошел следом за братом Альбрехтом во двор особняка.

— Ну вот подумай сам. Убийство стряслось в доме богатого человека, пропали драгоценности. Да здешние сыщики из шкуры вон вылезут, чтобы все раскрыть. И без

тебя справятся. Выпей лучше пива, — предложил брат Альбрехт. — Без тебя, разумеешь?

— Не справятся. Их люди боятся. Вон та старуха не желала рассказать господину Воронину, что у одного из убийц любовница — ее соседка. Побоялась! А я узнал.

— Узнал, да, это похвально. Да только знаешь что? Если это заведение, где железные ящики мастерят, вдруг закрыли, а работнички разбежались, — это к чему?

— К тому, что полиция у них на хвосте сидит?

— Может, и так. А ты бы, чадушко бестолковое, сумел узнать, случились ли в городе еще подобные злодеяния? А? Может статься, они несколько таких железных ящиков взяли — да и сбежали от греха подальше, пока за ними не погнались. И даже — не так ли они все затеяли, что подготовились к злодеяниям и тогда только, закрыв свою мастерскую, сразу три или четыре ящика взяли? А? — Брат Альбрехт, предположив это, выглядел очень довольным.

— Похоже на истину. Ты-то откуда в этих делах разбираешься?

— В обители брат Клаус жил. Он в молодости много пошалил, раскаялся, кое-что рассказывал. Так-то, чадо. Не знаешь ты ничего, кроме злодеяния в твоём особняке, а разбираться лезешь. Утомонись.

— Нет, — помолчав, ответил Адам. — Про Эвку полиция еще не знает. А когда узнает — может, этот Кожедубов-Кожемякин уже где-нибудь в Бразилии загорать будет...

— Где?

— Далеко... Выздоровеет кот — полечу к Воронину, попробую еще письмо написать.

— Ну, коли это тебя забавляет... Опять же — не все ли равно, на что вечность переводить? Только проку-то? Помнишь, ты сообразил, кто старую Шустершу обокрал, помнишь? Не племянник, а племянница. И что? Все равно ведь племянника судили.

— Тогда еще не было компьютеров. И я не знал про котов.

Адам насилу дождался вечера и восхода луны. Ему даже

такая мысль в голову пришла, что надо бы еще одного кота поискать. В коте можно странствовать среди бела дня, а по лунной дорожке бегать и свое имущество навещать — только ночью.

Дом, где проживал кот, был помечен монеткой. Примчавшись туда, Адам забрался в квартиру и услышал вовсе не приятный разговор.

Разговор этот происходил на кухне, муж и жена все время шипели друг на друга — боялись разбудить детей.

— А я тебе говорю — он него нужно избавляться, и поскорее, — говорила жена. — Детям скажем, что убежал и не вернулся.

— Да как-то оно нехорошо...

— Что — нехорошо? Что — нехорошо?! Сам же грозился выбросить его на мусорку! А сколько лечебный корм стоит — ты знаешь? А он чуть что — в окошко!

— Так я же хотел сетку натянуть!

— Чшшш! Мало ли что ты хотел? А он шастает по всяким помойкам и приносит домой заразу! У него понос из-за какой-то дряни, а у нас Аленка по полу ползает!

— Так, может, в кошачий приют отдадим?

— Думаешь, там станут его лечебным кормом пичкать? Витя, там он будет умирать долго и мучиться. А ветеринар сделает укол — и все! И порядок!

Адаму стало стыдно до умопомрачения. Дурная котлета Нины Михайловны, ворованные сосиски, неизвестно из какой дряни сделанные... Он назвал себя болваном и подлецом.

Хозяева на кухне доругивались, и было ясно, что жена одолевает мужа.

Адам пошел к коту. Кот лежал на тюфячке в углу и дремал.

Нужно было хотя бы понять, как выглядит этот самый лечебный корм.

Пройдя дозором по квартире, Адам нашел на кухне место, где кормили кота, и увидел в миске коричневые кругляшки самого неаппетитного вида. Коробка с кругляш-

ками стояла на подоконнике. Он с трудом выговорил мудреное название.

— Хорошо, завтра с утра отнесу его, — сказал муж, уже не в силах сопротивляться.

Адам благословил хорошую погоду — окно на кухне было приоткрыто, и он мог спасти кота. Теперь следовало придумать, как обеспечить животное кормом.

В голову пришла мысль — сумасбродная, но умные на сей раз и не годились.

Адам склонился над котом.

— Ну, кисынька, потерпи немного, — попросил он. — Я тебя не брошу, слово чести, не брошу. И вылечу, и на лапы поставлю. Я не Столешников какой-нибудь...

Полет получился долгим и трудным. Адам, переволновавшись, делал остановки на каждой крыше. Лишь через два часа он оказался у дома, где жил Леша Воронин.

Молодой следователь сидел перед компьютером и увлеченно переписывался сразу с тремя девицами.

Выбора не было — Адам направил кота в воронинское окно.

— Ох, ни фига себе... — пробормотал Леша, увидев, как на подоконник из темноты выходит серый полосатый кот. — Ты откуда взялся?

Кот подошел к рабочему столику, прыгнул на свободный пятачок перед клавиатурой и несколько раз стукнул по ней лапой.

— Пом? — прочитал Леша. — Помооо? Помооооги... те?.. Это что? Это... это я сплю?..

«Нет, — напечатал кот, не соблюдая интервалов. — Имею сведения болен спасите...»

Леша смотрел на него, выпучив глаза.

— Убббий... ца... Столл... лешникова... — прочитал он. — Авто... 813... и буквы...

Кот сел и повесил голову. Письменные труды дались ему нелегко.

— Так, — сказал Леша. — То сообщение — твоих, то есть ваших... рук? — нет, лап — дело?

«Да».

«Вы — что такое? Нечистая сила?»

Кот помотал головой.

«Будупомогать, — настучал он. — Нуждаюсьвлечении».

— Вы ранены?

«Нетнужендоктор».

— Но вы — вы кто?

«Сыскнойагентадамбоннар».

Выстукивая это, Адам даже развеселился.

Затем он, стараясь быть лаконичным, поведал про Эвку и ее любовника.

— Вот теперь кое-что становится ясно, — пробормотал Леша. — Но только как же я со всем этим к начальству пойду? И так меня скоро всем отделом в дурдом поволокут...

«Предлагаюсотрудничество».

— Нет, я точно сбрендил...

«Носпервадоктора».

Ситуация осложнялась тем, что у Леша уже имелся кот, крупный и сильный, нового жильца он бы не потерпел. Леша пошарил в Интернете, нашел адрес ближайшей ветеринарной клиники и очень обрадовался, что она круглосуточная. Кошачья переноска дома имелась, Леша позвонил в приемный покой и полчаса спустя был там вместе с Адамом и троянским котом.

Врач попался толковый — уложил зверя под капельницу и очень удивился его благоразумию. Врач не знал, что имеет дело с призраком сыскного агента, не то еще больше удивился бы...

Адам провел с котом всю ночь. Совесьть грызла и мучила сыщика, когда он смотрел на мохнатое тельце, лежащее, как тряпочка. Совесьть бормотала: ты заставил умирающего зверя лететь чуть ли не через весь город, а потом печатать лапой слова. Адам отвечал совести: другого способа спасти этого зверя не было.

К утру коту полегчало. Леша Воронов, забежав в клинику перед тем, как идти на работу, договорился, что забе-

рет страдальца вечером. Адаму ничего не оставалось, кроме как сидеть в коте.

А уж вечером у него состоялся деловой разговор с Лешей.

Тот тайно от родителей запер своего сердитого кота в чулане, кинув ему туда специальные кошачьи колбаски, которые злюка обожал, и принес в свою комнату троянского кота вместе с Адамом. Леша говорил, Адам отвечал письменно, заодно научился пользоваться клавишей «пробел».

Леша рассказал: начальство в лице подполковника Ефремова пренебрегло непонятным посланием про Кожедубова-Кожемякина: мало ли кто балуется, посылая Воронину ахиною. Тем более что хозяева особняка никаких Кожедубовых-Кожемякиных не знали и про салон, где заказали сейф, отзывались похвально. Сам же Леша, чтобы не прослыть буйнопомешанным, больше об этом вслух не вспоминал, а пытался разобраться в свободное время. Так что прав оказался Адам, а не брат Альбрехт: Адамово следствие имело-таки смысл.

Леша проверил живущих в городе Кожедубовых и Кожемякиных — их, к счастью, оказалось немного. Мужчины подходящего возраста среди них не обнаружилось. И он уж совсем решил бросить эту затею, когда в окне появился кот.

Договорились вот до чего: Адаму следовало выяснить, может ли гусар Митенька Скавронский беседовать с людьми, а если может, не согласится ли поработать переводчиком.

Оставив кота у Леши, Адам помчался к набережной.

Больше всего он боялся, что гусар от полнолуния до полнолуния дрыхнет, как медведь в берлоге.

Но гусар задумчиво сидел в погребке. Видно, было ему что вспомнить — или же от полнолуния до полнолуния он маялся бессонницей и потому, озверев, выскакивал с саблей наголо пугать прохожих.

— Требуется ваша помощь, господин ротмистр, — без церемоний сказал Адам. — Когда вы на мосту являетесь, люди ведь видят вас?

— Еще бы не видели... Прежде, когда наплавной мост был, низкий, с перильцами деревянными, кареты с него так и летели.

— А говорить с людьми вы пытались?

— О чем с ними говорить... — гусар махнул рукой.

— Так пытались?

— Я раньше, когда в воду кидался, орал дурным голосом. Вроде бы слышали, — несколько смутившись, признался гусар.

— Помогите нам в розыске, господин Скавронский. Не всю же вечность в воду кувыркаться. Может, оно и зачтется.

— Да как же я помогу?

— Еще не знаю. Но хотел бы получить согласие ваше.

— Все это — пустое...

— Мы без вас не справимся.

— Эх... ну что за жизнь такая нелепая...

— Каждое полнолуние в воду шлепаться — оно, конечно, нелепо. Да только и в нашем загробном бытии что-то стоящее может случиться. Вставайте, идем, идем.

— Лошадь брать?

— Берите.

Зачем в розыске могла бы пригодиться кобыла — Адам не знал. Но полагал, что в лошадином обществе гусар будет чувствовать себя увереннее.

Но гусар, сев в седло, по двухвековой привычке тут же выдернул из ножен саблю и направил кобылу в сторону реки. Пришлось вцепиться в трензельное кольцо и, повиснув на нем, остановить этот порыв.

Дальше сотрудничество выглядело так: по ночной улице шел пешком Адам, с саблей под мышкой, ведя лошадь под уздцы. Гусар ехал, ошарашенно озираясь по сторонам: он отродясь не видел современной архитектуры. И даже дома, украшенные полутолыми фигурами, как велит югендстиль, были ему в диковинку.

— Вот, — сказал Адам. — Господин Скавронский, спросите у них дорогу.

Имелась в виду компания парней, с гвалтом шагающая навстречу. Увидев гусара, парни остановились.

— Господа, — сказал Скавронский, — как проехать к резиденции генерал-губернатора?

— Ково?..

— Слышат! — воскликнул Адам. — Они вас слышат!

— Три тысячи чертей! — согласился гусар.

В прекраснейшем расположении духа они прибыли к Лешину дому. Вселившись в кошачье тело, Адам разбудил задремавшего Лешу и при помощи компьютера объяснил ему ситуацию.

Леша оделся и спустился вниз. Кота на всякий случай он взял с собой в переноске.

Военный совет был стремителен и прост: нанести визит Эвке и, пользуясь ее безумием (не всякая дама выдержит появление в спальне гусара в черном доломане), узнать все о Кожедубове-Кожемякине.

Гусар беспокоился, что не сумеет правильно произвести дознание, но Адам пообещал быть с ним и подсказывать нужные вопросы. Леша ждал результатов на улице.

Как и следовало ожидать, любовница убийцы чуть не спятила.

— Да не знаю я ничего! Мало ли кто ко мне ходил! — кричала она, не желая слушать примет любовника, а от его фамилии и вовсе отмахиваясь руками. Наконец гусар сам, без подсказки, догадался замахнуться саблей, и тут Эвку прорвало.

— Да никакой же он не Кожедубов и никакой не Кожемякин! Зовут его Эльмар, фамилия — Дубожецкий!

— Я его убью! — воскликнул Адам, хотя убить Столешникова было уже невозможно.

— Где проживает? — спросил гусар.

— За рекой, за бывшим ипподромом, там кварталы частных домиков! Там он! У него там дом!

— Сомнительно, чтобы у преступника был собственный дом, где он живет открыто, — сказал Адам гусару.

— Врешь, — сразу же перебил Эвку гусар.

Как и следовало ожидать, дом принадлежал не Дубожецкому, а женщине, которую Эвка считала его женой. Женщину эту она видела и дала точные приметы.

Больше от нее сведений получить не удалось.

Адам с гусаром поспешили к Леше.

— Идем искать, — решил Адам. — Не так там много этих домишек. Пройдем по спальням. К тому же нам почти известен номер автомобиля.

Гусар повторил эти слова.

— Сейчас вызову такси, — сказал Леша. — Вы-то по воздуху можете, я с переноской не могу.

— Встречаемся у моста. Я постараюсь притащить туда брата Альбрехта и этого кретина. Мало ли что — должны быть люди на подхвате, — ответил Адам. — Господин Скавронский, найдите там эту девицу, Гретхен. Может, и она на что-то сгодится.

Полчаса спустя вся команда была в сборе — Леша с котом на такси, гусар на кобыле, с Гретхен на крупе, причем девица обнимала его за талию весьма шаловливо, брат Альбрехт с бочонком и Адам со Столешниковым, которого он крепко держал за шиворот и клял последними словами.

— Господин Столешников, — сердито спрашивал Адам, — откуда у вас в дурной голове взялась фамилия Кожедубов или же Кожемякин? Объясните наконец, зубастые бесы бы вас сожрали!

— Так сам же я его видел, сам с ним говорил! — испуганно отвечал Столешников.

— Оставь, чадо. Оставь, тебе говорю! — брат Альбрехт удержал кулак Адама своей огромной ладонью. — Он пригодится! Сам же говорил — он видел злодеев!

Шофер такси и так был озадачен ночным седоком с переноской, которому зачем-то потребовалось в полночь быть на мосту, — уж не ката ли собрался топить? Но когда он увидел в окошко гусара на лошади, причем гусар был в легчайшем серебристом сиянии, а лошадь, перебирая ногами, зависала в воздухе чуть ли не на полминуты, — так вот, шофер, кое-что слышавший о призраке,

встреча с которым чревата падением в реку, рисковать не стал, а выскочил из машины и с криком понесся прочь.

— Вот ведь дурилка, — сказал Леша. — Ну ладно, машину мы ему потом вернем, водить я умею. Что дальше-то?

— Гретхен, господин ротмистр и вы, несчастный, — этак Адам обратился к Столешникову, — кидайте пуговички в автомобиль господина Воронина. А ты, брат Альбрехт...

Положение было смешное — потрепанная ряса монаха пуговиц не имела вовсе, и он побожился, что штаны под рясой тоже держатся всего лишь на веревочке.

— Пояс! — воскликнул Адам. Действительно, брат Альбрехт был опоясан чуть ли не корабельным канатом.

Но снять с него этот канат было невозможно — монах брыкался и уворачивался, как девка от пьяного солдата.

— Перестаньте, Боннар! — крикнул ротмистр. — Лучше возьмите у него бочонок и киньте в повозку. И никуда он не денется.

— Так помогите же!

Вдвоем управились с братом Альбрехтом, бочонок закинули в такси, и монах, стаяя, полез туда же. К нему присоединился Столешников — не просто так, а посредством хорошего пинка под зад. На переднее место села Гретхен, радуясь, что хоть рядом побудет с симпатичным следователем, а Адам забрался на крышу и ухватился за антенну.

— Ну, как вы там? — спросил Леша.

— Все в авто, трогай! — приказал Адам, и гусар повторил его слова.

Такси понеслось по мосту, всадник — следом.

На месте старого ипподрома были торговый центр и стадион. Дальше шли длинные кварталы одноэтажных домиков.

— Итак, ищем по приметам четверых, — и Адам описал Дубожецкого, его супругу, бровастого молодого человека и того усатого-пузатого, который выполнял черную работу по установке сейфа. — Гретхен, красавица, вся надежда на тебя, у женщин глаз острый и цепкий.

— Ах! — ответила Гретхен.

Такси медленно двигалось по неширокой улице, чтобы разведчики, проникавшие в дома сквозь стены, не слишком далеко уходили от своего имущества.

Как Адам и предполагал, именно Гретхен отыскивала нужную пару.

— Женщина в спальне живые картинки смотрит, а трое кавалеров на кухне пьют и ругаются, — доложила она. — Куда-то уезжать хотят, но чего-то не поделили, поэтому и ругаются. О деньгах речь...

Гусар повторил для Леша.

— Как же быть? — спросил Леша. — Я могу вызвать патрульную машину, но нужен ордер на обыск, и оснований у меня — никаких...

— А если удастся найти похищенные драгоценности — это будет основанием? — любопытствовал Адам, предвидя ответ.

— Да.

— Ну, господин ротмистр, дело за вами. Приходилось вам вести кавалеристов в атаку?

— Еще бы! Под Кацбахом...

— Так вообразите, что за вами — ваш эскадрон, и...

— Руби их в песи, круши, гусары!

С этим кличем гусар прямо на лошади вломился в дом.

— Они умом тронутся, — сказал брат Альбрехт. — И ничего ты от безумцев не узнаешь, бестолковое чадушко. Беги, помогай!

Упрашивать не пришлось.

Гусар на лошади наполовину торчал из кухонной стены, поливая злодеев отборной бранью, но саблей не рубил — настолько у него соображения хватало.

— Скавронский, бриллианты! — крикнул Адам.

— Бриллианты на стол! — заорал гусар.

Преступники втроем забились в угол и впрямь были близки к безумию.

— Вот ты! — гусар саблей указал на бровастого моло-

дого человека. — Я тебя, подлеца, знаю! Говори живо — куда драгоценности упрятал?! Не то!..

— Да при чем тут я, при чем тут я?! Это Ковальчук! — и молодой человек попытался выпихнуть вперед усатого дядьку. — Он это! Он придумал!

Но дядька весил вдвое больше красавца и воспротивился.

— Он руками работать горазд, а затейник — ты! — продолжал гусар.

— Скавронский, опомнитесь, затейник — вон тот! — возмутился Адам.

Гусар злобно посмотрел на него и продолжал обвинять бровастого красавчика.

— Скавронский, он же уходит! — в отчаянии воскликнул Адам.

Действительно, Эльмар Дубожецкий отползал к двери, и отползал толково — по миллиметру, вдоль стеночки.

— Вот и превосходно! — рявкнул гусар. — Сейчас я с вами тут разберусь, воруги, супостаты!

Поняв, что на гусара накатила дурь, Адам выскочил наружу — туда, где ждали Леша, брат Альбрехт, Гретхен и Столешников.

— Он спятил, — сказал Адам своим потусторонним приятелям. — Он точно спятил! Он все провалит!

И тут во двор выскочил Дубожецкий. Леша стоял в тени, и убийца не заметил его.

Дубожецкий обежал дом, Адам и Гретхен понеслись следом.

Под навесом стояла знакомая Адаму «Мазда».

Дубожецкий отворил задние ворота, сел за руль. Машина с места развила неплохую скорость.

— Уйдет же! — взвыл Адам.

И тут появился Митенька Скавронский — верхом на кобыле и очень довольный устроенным переполохом.

— У вас, Боннар, стратегия, а у меня — тактика. Главное было — разделить силы противника. С тремя телесными врагами мы бы не управились, а с одним — еще повоюем, — объяснил гусар. — Мадемуазель и вы, чест-

ный отчет, оставайтесь и следите за красавчиком и за громилой. Мадемуазель, суньте им в карманы пуговицы с корсажа! Вперед, Боннар!

— А я, а я?! — заголосил Столешников.

— Господин полицейский! — позвал Лешу гусар. — В погоню!

Дубожецкий гнал «Мазду» неведомо куда, не разбирая дороги, гусар скакал следом, размахивая саблей. За гусаром, придерживаясь за его плечо, летел Адам, имевший на крыше «Мазды» имущество, а последним ехал на угнанном такси Леша. На заднем сиденье такси стояла кошачья переноска.

Время от времени Адам взмывал вверх и докладывал обстановку.

— Там лес. Он сейчас въедет в лес и пропадет!

— Лес? Прелестно!

Гусар придержал кобылу, чтобы с ней поравнялось такси. Леша открыл окошко.

— Вы можете заставить его въехать в чашу, чтобы он там застрял? — спросил ротмистр.

— Постараюсь.

— Тогда — вперед!

Лешу пропустили, и он возглавил погоню.

— Держитесь, Боннар! — крикнул гусар. — Вот это и есть истинное счастье! Вы не представляете, как я вам благодарен!

— Пока мы тут носимся, словно гончие за несчастным зайцем, те двое удерут, — ответил Адам, все еще не желавший признавать гусарского превосходства в вопросах погони.

— Далеко не удерут. Если они будут спасать награбленное, то мадемуазель с монашкой их выследят. Но сдастся мне...

Леша, показав неплохое водительское мастерство, прижал «Мазду» к обочине и в нужный миг грамотно ее подтолкнул. Машина съехала в канаву, и съехала очень удачно — завалившись набок. Леша проехал вперед, остановил такси, но выходить не стал — и правильно сделал.

Дубожецкий с трудом вылез через переднюю дверцу. В руке у него был пистолет.

— Ага, — сказал Адам. — Я не знаю этих нынешних моделей, но вряд ли в них больше двадцати патронов...

— Вас понял, — ответил гусар. — Сейчас будет очаровательное зрелище.

Он спешил и пошел на Дубожецкого с распростертыми руками, словно собирался схватить преступника в охапку.

— А вот сейчас и посмотрим, кто кого! — приговаривал гусар. — А вот сейчас я тебе, сукину сыну, шею-то и сверну!

Дубожецкий выстрелил. Пуля прошла сквозь бесплотную грудь и попала в сосну.

— Мазила! — презрительно сказал гусар.

На шестом выстреле Дубожецкий понял, что зря тратит патроны.

Выругавшись, он кинулся к машине и полез в багажник. Оттуда полетели в канву тряпки и коробки. Адам, уже предчувствуя истину, подлетел к «Мазде» и, присев на дверцу, заглянул вовнутрь.

Дубожецкий доставал из-за боковой обшивки багажника черные плоские коробочки и кидал их в разноцветный пакет.

— Тайник! Скавронский, крикните Воронову — у него там тайник! — завопил Адам.

Гусар полетел к такси.

Дубожецкий с добычей кинулся в лес.

— Уйдет! — вскрикнул Адам и погнался за убийцей.

Обычно он был рассудителен, но в азарте запросто терял голову — отчего и оказался закопан под особняком Зибенштейна. Вот и на сей раз — соображение отказало, и Адам, вылетев на лесную тропу, заступил дорогу Дубожецкому.

— Черт! — воскликнул Дубожецкий. И выстрелил в Адама.

Адам невольно шарахнулся, пуля прошла мимо.

— Сука! — таким комплиментом сопровождался следующий выстрел.

Тут только до Адама дошло, что убийца его видит.

Как это могло произойти — он не знал. Но радость испытал невероятную.

— Скавронский, он меня увидел! — завопил Адам. — Клянусь — увидел!

— Чего орешь?! — и третья пуля прошла сквозь Адамову шею.

— Скавронский, он меня слышит! Ей-богу, слышит! — Адам даже заскакал от восторга и этим вконец ошарашил убийцу.

После многих лет незримости и неслышимости обрести вид, обрести голос — да это же для призрака счастье несказанное. Теперь можно являться людям, заводить разговоры! А не выслушивать в многотысячный раз истории из монастырского житья брата Альбрехта!

Дубожецкий, ничего не поняв, сделал еще выстрел — а больше патронов в пистолете не было.

Отшвырнув оружие, он побежал по тропе, проскочив сквозь Адама, как сквозь облачко пара.

— Воронов! Господин Воронов! Сюда, скорее! Он безоружен! — кричал Адам. — Не пугайтесь только — меня теперь видеть можно! И слышать!

— Поздравляю, — сказал гусар. — Искренне и от всей души поздравляю.

Тут-то и раздался голос брата Альбрехта.

— Чада неразумные! Погоня!

Оказалось, сообщники Дубожецкого после его бегства, ругаясь, разболтали про тайник в багажнике. Они сообразили, куда должен направить грешные стопы главарь, и решили — за свою долю награбленного стоит побороться.

— Там у соседа в сарае стояла страшная колесница, и они про нее знали. Сейчас сарай взламывают, — доложил брат Альбрехт. — Ф-фух! Пивка бы!

— Надо предупредить господина Воронина!

Лешу поймали вовремя — он покидал такси, собираясь преследовать Дубожецкого.

— Один на один я его заломаю, — сказал Леша. — Тем более что он расстрелял боезапас. Но с тремя все-таки не справлюсь.

— Как себя чувствует мой кот? — спросил Адам.

— Полегчало коту. Я ему туда лечебного корма насыпал, он поел.

— Выпустите его.

Леша с любопытством посмотрел на Адама.

Он, общаясь с незримым помощником при помощи кота и компьютера, представлял себе сыщика немного иначе — не таким плотным, с другой прической и, конечно, без холеных подкрученных усов, необходимой принадлежности щеголя в 1896 году.

Адам усмехнулся.

— Втроем справимся, — пообещал он. — Вот и господин Скавронский поможет. Он как саблей замахнется — всякого ужас примет.

Леша выпустил кота и огладил его.

— Ну, благословясь... — опустившись на корточки, Адам поймал кошачий взгляд и мгновение спустя увидел светлые иголки.

Он боялся, что зримая плоть соединится с кошачьей не так легко, как незримая, но обошлось. Кот взмыл в воздух. Рядом с ним оказался брат Альбрехт — разумеется, с бочонком. Он первый заметил Дубожецкого и принялся описывать его действия: повернул направо, в потемках налетел на пень, грохнулся, вскочил...

Адам полетел по тропе, Леша с фонариком побежал следом. И когда на поляне они настигли убийцу, Леша понял замысел Адама.

Адам уже достаточно освоился в кошачьем теле, чтобы драться. Вцепившись убийце в волосы, он бил задними лапами по лицу, пока тот, выронив пакет, не попытался отцепить спятившего зверя. А тогда Леша вступил в бой, грамотно провел прием, уложил противника наземь, лицом в сухую рыжую хвою.

Пока не появились сообщники, следовало спасти добы-

чу. Кот, запустив когти передних лап в пакет, взмыл вверх и, пользуясь указаниями брата Альбрехта, уволок его подалее, на луг за опушкой, и приземлился вместе с ним в копешке свежего сена.

— Славно сделано! — похвалил монах. — Теперь главное — копны не перепутать. Ого! Нет, ты гляди, гляди...

Над лесом — приблизительно там, где въехала в канаву «Мазда», висел туманный силуэт.

— Оно, горюшко наше. Это значит — что? Что те нечестивцы на страшной адской колеснице все-таки едут за главным злодеем. Дай-ка и я взгляну...

Поднявшись и опустившись, монах доложил:

— А там целое сражение будет. От города едут полицейские повозки, две штуки. Их, я полагаю, твой дружок Воронин на подмогу вызвал. Ох, и что же теперь будет?! Эй, Столешников! Как ты там?

Адам понял: Леша, уверенный, что может предъявить награбленное добро, сделал нужный шаг. Дубожецкого он взял в плен, а с теми двумя помогут управиться его товарищи. Вот только что за добро такое?

Адам зацепил когтем край пакета, поднялся и позволил коробкам соскользнуть на сено.

Коробок было семь штук — старых, обтянутых тусклой кожей, с изящными замочками-защелочками, которые легко открывались при помощи смекалки и когтей.

В коробках, как Адам и предполагал, были дорогие украшения. Он открыл одну, другую, третью...

— Ишь ты... — прошептал брат Альбрехт. — Роскошь-то какая...

— Позвольте, позвольте! — вдруг закричал Адам, от волнения покинув кошачью плоть.

На то, как устроена у призраков память, ему не раз жаловался брат Альбрехт. События прежней жизни — с каждым годом все отчетливее, а события призрачной жизни блекнут и выгорают. Адам предположил: это потому, что она скучная. Брат Альбрехт вынужден был со-

гласиться, хотя обострения давешней памяти гипотеза не объясняла.

— Что ты, чадо? — спросил брат Альбрехт. — Живот схватило? Кошачий? Не должно бы.

— Да иди ты с животом... Погоди... — и Адам, заговорил, возведя глаза к небу, словно там был написаны слова: — Колье «ривьера», семьдесят два камня, из коих двенадцать по середине — в два карата, прочие — карат с четвертью, кольцо платиновое из бриллиантов и рубинов, перстень мужской платиновый «шевалье» с аметистом, окруженным бриллиантами по полкарата, серьги большие старинные, бриллианты на розовой подложке... по четыре больших ромбом...

Тут в умственном устройстве, заведовавшем памятью, что-то разладилось, и из уст Адама полетели обрывки и осколки:

— Два с четвертью карата... роза сапфировая... гранен таблицей... и семь по полтора карата...

Столешников, слышавший это, из любопытства опустил на копешку.

— Ты что такое несешь, чадо? — ужаснулся брат Альбрехт. — Погоди, догадался! Это те камушки, что ты в прежней жизни искал!

— Все побрякушки до последней зазубрил, — опомнившись, отвечал Адам. — Там списочек был — целая страница. И ведь помнил же тот, кто писал, сколько в которой побрякушке чего — и камней, и каратов.

Он уставился на раскрытые коробочки.

— И что же теперь будем делать? — спросил Столешников.

— Ты, чадо, к небесам воззови, — посоветовал брат Альбрехт. — Твое желание исполнилось, ты камушки нашел, теперь тебя могут и забрать. Это нам, грешникам, слоняться в миру до архангеловой трубы. Вот я — я, видно, не только пива в смертный час возжелал, а чего-то еще. А ты, братец?

Столешников вздохнул.

— А чего я мог пожелать... Выжить, уцелеть... чего еще то?.. Когда убивают?..

— Да уж, выжил... — проворчал монах. — Вот ведь какая штука-то получается: если живешь с бурными желани-ями, то и после смерти у тебя какой-никакой шанс остае-ся... а коли вообще без желаний, то вот как я. Дурак... пива ему, олуху, подавай! Пива, черти б его выпили да околели!..

Он грохнул бочонок оземь. Да что призрачному бочон-ку делается! Даже не подпрыгнул и не откатился.

— Что-то же еще у меня на уме было! А что?! Для чего меня, чудилу грешную, тут слоняться оставили? Что-то было, а в голове одно это пиво застряло!

— Надо привести сюда Воронова и сдать ему все это... По описи и под расписку...

— Сейчас, чадушко! Я приведу господина гусара, а он растолкует твоему приятелю, где...

— Я и сам могу растолковать.

Монах вздохнул.

— Все это неспроста, — пробормотал он, — ох, неспро-ста...

Он понесся к «Мазде» и вскоре вернулся.

— Повязали голубчиков, — сообщил он. — А госпо-дин Скавронский исхитрился из куста твоему другу шеп-нуть, где добыча. Тот, полагаю, вот-вот появится. А злоде-ев в город повезли. Надо же — ты своего добился.

— Добился... — повторил Адам.

Когда прибежал Леша и сгреб в пакет добычу, Адам молчал. И благодарность, которая раньше бы его обра-довала, прозвучала словно из иного мира, сквозь ватную стенку.

Совершенно обалдевший от всех ночных событий Леша убежал к своим товарищам, а кот остался при Адаме.

Из леса на опушку выехал гусар, на крупе лошади си-дела Гретхен.

— А мы ведь доброе дело сделали, — сказал гусар. — Вот ведь и от меток своих далеко, а никто нас обратно не тащит. Чудеса...

Вдруг на лугу как будто посветлело. Потусторонняя

компания разом подняла взоры к небу и увидела странную звезду. Звезда эта увеличивалась и даже удлинялась.

Широкий и плоский луч опустился из глубины ночного неба, лег под ноги Адаму золотой дорожкой.

— Ах ты господи, вон оно как!.. — прошептал потрясенный брат Альбрехт, гусар перекрестился, а Гретхен упала на колени.

Адам стоял, ничего не понимая.

— Отпускают тебя, чадо, отпускают! Давай, возносьсь... Ну, давай!.. — требовал брат Альбрехт. — Так, выходит, дело-то в камушках было... Ну, что ты встал?

— Я сейчас, сейчас... Брат Альбрехт, ты ведь присмотришь за котом? Я его тебе оставляю, ездить на нем будешь, но только придется корм ему добывать... Я все расскажу, объясню...

— Как это — корм добывать? Я и себе-то никогда не добывал, меня в обители кормили!

— Господин ротмистр, вы сможете за котом присмотреть? — спросил Адам. — Его нужно переправить в город, найти ему жилье. Вот хоть бы у вас в погребке...

— Простите, господин Боннар, кошек страсть как не люблю. Это у меня с детства... — и гусар вздохнул.

— Да что ж ты медлишь, чадо безмозглое! Из-за какого-то кота! — взревел монах. — Вознести-то дважды не предлагают!

— Гретхен, голубушка? Я научу, где корм брать!

— Я попробую, попробую... — испуганно отвечала девица, но по голосу Адам понял: с перепугу врет и будет о коте вспоминать, хорошо коли раз в неделю.

Тогда он поднял голову к небесам.

— Кота оставить не могу, — сказал он, словно извиняясь, и руками развел. — Его из-за меня убить хотели, он из-за меня дома лишился, а он домашний, балованный, да еще больной, пропадет... Ему лечебный корм нужен... Его вот из леса нужно выводить, место ему искать... И оставить не на кого... вот такая беда... а бросить — не могу...

* * *

В ночь с 5-го на 6 июля 1898 года домовладельцы, живущие на Большой Купеческой, их семьи и постояльцы были разбужены выстрелами. Перестрелка была короткая. Выглянув в окна и убедившись, что нигде нет пожара, обыватели улеглись спать.

Наутро полицейские сыщики обходили дома справа и слева от участка, недавно приобретенного негоциантом Зибенштейном, спрашивали о количестве выстрелов, о прочих звуках, о точном времени пальбы и о тому подобных глупостях. Обыватели поняли, что револьверной стрельбой баловались в будущем Зибенштейновом доме, который строили с прошлого года и уже подвели под крышу. Владелец оптового склада колониальных товаров Лабуцкий по вечерам играл в трактире с частным приставом Беренсом на бильярде и по дружбе спросил его, что случилось.

— Черт знает что, — сказал Беренс. — Только это между нами, тссс... Помнишь, ювелира Вайсмюллера ограбили? В марте? Ну так мы этих молодчиков взяли, почти всю шайку.

— Не может быть... — шепотом усомнился Лабуцкий.

— Там что вышло — за ними, оказывается, один столичный пинкертон по следу шел. А они, черти, до чего додумались — у Зибенштейна в подвале тайник устроили. Очень удобно — дом строится, никто его не охраняет... Ну, этот, столичная штучка, стрельбу и устроил. Хорошо, патруль услышал, сразу примчался. Так одного сукина сына пинкертон ранил, его живым взяли, и сразу, по горячим следам, за прочими кинулись. Они думали, в портовых амбарах отсилятся!

— А он, столичный? Он — что?

— А вот тут-то самое любопытное... тссс... Его тоже подстрелили, и провалился он в какую-то яму. Зибенштейн придумал американский отопительный котел ста-

вить, под него все в подвале раскопали. Наши молодцы его бы и не заметили, но — кот!

— Какой кот?!

— Кот в ноги кидался, орал, блажил, к яме привел. Они пинкертона вытащили, перевязали, сразу — в госпиталь! Он уже очухался, показания дает... Но ты молчи, братец. Троих-то мы взяли, а двое — еще в бегах...

— Надо же — кот... Он что, кота с собой возил, что ли? Вместо пса?

— Черт его знает... Пока вытаскивали, пока в авто тащили — кот пропал. Вот просто сгинул. Я супруге рассказал, она говорит — мистика. Говорит — такие случаи известны, а она у меня на спиритизме помешалась, журналы выписывает. Если сам статский советник Арнольд у себя этих спиритов собирает — так, значит, неспроста вся эта мистика. Если статский советник и даже господин Островский — а он же чиновник особых поручений при особе генерал-губернатора... Видать, что-то в этой мистике все же есть!

ТОТ, КТО ВСЕГДА ЖДЕТ

олодец, Кира, — сказал Сыромятников и закрыл последнюю папку. — Оперативно сработала...

Он покачал головой, словно китайский божок: широкие скулы, глаза с прищуром, коротко стриженная голова, полные плечи, явственный животик, угадывающийся даже за столешницей.

— Молодец, упертая ты... — повторил он и замялся.

Кира улыбнулась про себя. Обычно в таких случаях начальник отдела дознания Кировского РОВД говорил: «Молодец, упертый ты парень!» А тут? «Девка» — прозвучало бы грубовато, а грубости майор Сыромятников обычно излагал ласково и поэтично — заслушаешься. «Баба»? И вовсе смешно, стоило посмотреть на Киру: метр пятьдесят с кепкой, плоскогрудую, с мальчишескими бедрами, кукольным личиком — не красивеньким, а жестким, словно отлитым из пластмассы, — и нелепыми редкими веснушками. Кира деликатно отвернулась к окну, шевельнув рыжей гривой. Из приоткрытой форточки тянуло сыростью. Моросил дождик. Мокрые крыши среди волн зелени напоминали спины глубоководных чудовищ, которым вдруг взбрело в голову всплыть на поверхность: все в лишаях облупившейся краски, кораллах телевизионных антенн и пучках водорослей непонятных веревок.

— Слушай, — нашелся Сыромятников, — ребята болтают, что у тебя двадцать пять прыжков с парашютом. Правда?

— Правда, — Кира не смогла сдержать улыбку.

— Но-но, улыбается она, — посуровел майор, подумал и решил-таки уравновесить похвалу легким пистоном. Для порядка. — Ты почему до сих пор не сдала дело этого, беспризорника? Чего тебе не ясно?!

— Станислав Палыч, — протянула Кира, — у меня двадцать дней...

— Не знаю! — рывкнул Сыромятников и передразнил плаксивую интонацию Киры: — Двадцать дней... «Не парь мне моск», как моя дочь говорит. Ты еще скажи: по закону... Зачем держишь-то? Мало тебе? Так еще будут, не переживай...

Кира потупилась и промолчала. Какое там мало. На ее столе лежала пачка заявлений толщиной с том Большой Советской Энциклопедии: о незаконном лишении свободы и принуждении к рабскому труду; о краже магнитолы из автомобиля; об изнасиловании, на поверку оказавшимся обыкновенной житейской нечистоплотностью на почве пьянки, и членовредительстве в виде двух выбитых зубов «по причине супружеской измены»; и еще, и еще... Как говорил Митька Шмелев по прозвищу Пчела: «Эти гóвна — гребсти и гребсти...»

— Ладно, ступай, — сказал Сыромятников. — Но завтра чтоб сдала! Все ясно?!

— Ясно, товарищ майор! — Кира выкатила глаза.

Сыромятников только крикнул.

— Дура ты, девка, — сказал-таки он беззлобно, ласково сказал. — Упертая и есть. Верю в твои двадцать пять... Иди, иди...

«Чего он так?» — с обидой подумала Кира в пустом полутемном коридоре управления. Половина ламп не горела, несколько штук согласно мигали с едва слышным треском: «Чего он так — Чего он так — Обидно». Кире хотелось заплакать. Слез не было, давно не было, только обычно дергало щеку, и она ломалась, как кусок пластика, уродливой складкой. Кира ощутила знакомое подергивание, глядя в зашарканный линолеум с дырявыми островками, и стиснула зубы. Помогало плохо, подошвы кроссовок поскрипывали на каждом шагу: «Чего он так — Чего он так — Обидно». И все же острый слух Киры уловил неясный гомон, в разноголосицу, идущий откуда-то снизу, из недр здания. Она с раскаянием вспомнила, что ребята

из убойного отдела приглашали ее обмывать четвертую звездочку Сашки Гольца, и тут же ощутила дикую усталость. Нет, не сегодня. Не тот настрой...

Кабинет дознавателей встретил Киру полумраком и знакомыми запахами: бумажной пыли, дряхлой мебели, заплесневелых обоев, воздуха, нагретого допотопным монитором, и бесчисленного количества слов, произнесенных в кирпичной коробке за много лет.

Она не стала включать свет, прошла к окну мимо трех столов, по узкому проходу, привычно вильнув бедрами там, где принтер на Митькином столе далеко высунул жадный серый язык держателя для бумаги. Кира щелкнула по пластику коротко обрезанным ногтем, и тот отозвался обиженным дребезжанием.

Дождь припустил сильнее. Ветер барабанил гроздьями капель по ржавому откосу за окном, словно сеятель, швыряющий на город семена осени. Август в этом году был особенно дождливым и холодным. Сырость висела в воздухе целыми сутками, и бетонные стены недостроенного бокса в заброшенном гаражном кооперативе, где четыре дня назад нашли мертвого двенадцатилетнего мальчика, сочлились влагой, словно оплакивали его.

Кира прижала лоб к холодному стеклу. Город растаял в дымке ее дыхания, одинокий УАЗ на стоянке перед управлением расплылся в серо-синюю кляксу.

* * *

Мальчик лежал на спине в дальнем углу бокса, очень прямо, руки вытянуты вдоль тела, голова повернута набок, словно он не хотел, чтобы те, кто обнаружит его, сразу увидели лицо. Ворот байковой рубахи в бело-синюю крупную клетку слегка распахнут, штанины не очень чистых спортивных штанов задрались, обнажив худые щиколотки, носы растоптанных кроссовок смотрели в разные стороны. На фотографиях с места происшествия он выглядел очень маленьким, ненастоящим, словно старая тряпичная

кукла, заботливо и аккуратно уложенная в картонную коробку, которую все-таки забыли при переезде неведомые великаны. Вот грязный линолеум в пустых комнатах усыпан клочками бумаги и старых обоев, и катышки пыли, что до времени лежали в недосягаемых углах под диванами и шкафами, вяло колышутся, словно их шевелит жилой дух, утекающий из квартиры вместе со сквозняком. Осталась только сломанная игрушка, которую теперь оплакивала неровная бетонная стена, склонившаяся над ней в изголовье.

Тело обнаружил молоденький участковый на второй неделе самостоятельной работы. Заброшенный кооператив находился на его территории — хилая, полупрозрачная рощица отделяла квартал девятиэтажного новостроя от мрачноватых приплюснутых коробок, зияющих пустыми провалами ворот, словно беззубыми ртами.

Оперативная группа, дежурившая по городу, сработала четко и скрупулезно: таких подробных и внятных протоколов осмотра места происшествия Кире еще читать не доводилось, но выводы, проистекающие из сухого изложения основных фактов, сводились к нескольким предложениям, общим признаком которых было коротенькое слово «не»: не обнаружены, не найдены, не установлены...

Внимания, — правда, только по мнению Киры, — заслуживали два факта: искаженное судорогой лицо мальчика, а попросту — застывшая гримаса ужаса; и надпись, процарапанная на стене, над телом, на высоте около метра от пола — «шу-шу».

Кира не понимала, зачем Сыромятников сунул ей эту папку, мимоходом, в коридоре, торопливо буркнув:

— На, разберись по-быстрому.

Слишком серьезное было дело, не для дознавателя. Опера из убойного отдела наверняка до позднего вечера били ноги, обходя близлежащие дома, в поисках очевидцев, а участковый со всем нерастраченным пылом опрашивал старушек, выискивал на участке бомжей: кто что видел? знал? слышал?

Заключение судебно-медицинской экспертизы частично развеяло ее недоумение. Опуская научно-медицинские канцеляриту и подробности, мальчик умер сам и, как бы дико это ни звучало, в силу естественных причин.

— У него сердце — словно тряпочка, — пояснял Кире старый эксперт Федяев, быстро моргая слезящимися глазами.

В служебном помещении было сумрачно. На столе закипал электрический чайник, и пар из носика смешивался с клубами табачного дыма, которым Федяев окутывал себя, словно в этой завесе ему легче дышалось.

— Жить ему оставалось недолго. Фактически он уже был инвалидом. Печень, почки, головной мозг, почти все — сплошь патологии, медицинский справочник нарколога. В любой момент один из органов мог запросто остановиться. Сердце — это случайность, уверяю тебя... Ну, что еще? Застарелые следы многочисленных инъекций. Есть свежие, но и более профессиональные... В крови следы кое-каких препаратов, что обычно применяют в наркологических клиниках. Выводы сделаешь сама, но думаю, совсем недавно он проходил курс очистки организма... у них это называется — «омолодиться».

— У кого — у них? — зачем-то спросила Кира.

— У них, Кира, у них, — покивал Федяев. — В отчете, разумеется, я этого не писал, но тогда сразу подумал, что этот ребенок долгое время жил на улице, бродяжничал... Впрочем, что я? Так ведь оно и оказалось?

Кира промолчала, пальцы сжимали кружку, не чувствуя жара. Да, личность мальчика установили очень быстро, в первые же сутки, почти одновременно с получением заключения судмедэкспертов. Сазонов Кирилл Степанович, по прозвищу Кыша, 1996 года рождения, уроженец села Знаменское Лысьгорского района области, состоящий на учете в детской комнате милиции Ленинского РОВД города Кирчановска и находящийся в розыске по заявлению директора детского дома № 6 трехлетней давности. Тогда Кыша сбежал в последний раз.

— Он букву «р» не выговаривал, — рассказывала капитан Нефедова, начальник детской комнаты. — А любимое выражение — «кыша поехала!». «У вас кыша поехала? Да?» Это он у меня спрашивал. И не только у меня, конечно. «Кыша поехала? Кыша поехала»... Вот его и окрестили на улице... Три месяца назад мы нашли его в наркодиспансере на Аграновского: пришел сам, но курс лечения не закончил, сбежал.

— У него есть родители? — спросила Кира.

Увядшее лицо капитана с аккуратным, едва заметным макияжем скривилось, мешки под глазами проступили четче.

— Отец убит в местах лишения свободы семь лет назад. Мать — алкоголичка, ее лишили родительских прав, когда ребенку было шесть. Я была у нее вчера. Она не поняла, что произошло. Кричала только: «Какой сын?! Не знаю ничего!» Пьяная, конечно, до синевы. Двадцать девять лет, но по виду не скажешь: может, и сорок, а может, и все восемьдесят...

* * *

Порыв ветра уныло свистнул сквозь неплотно пригнанные рамы. Кира вздрогнула и очнулась. Город погружался в густые темно-синие сумерки, словно тонул в безбрежном грозовом океане. Девушка прошла за свой стол и уселась в кресло, не зажигая света. Тощая папка с делом Кирилла Сазонова, придавленная большим канцелярским дыроколом, словно кладбищенской землей, притягивала взгляд и, казалось, светилась в полумраке.

Кышу похоронили сегодня. Оснований для возбуждения уголовного дела у Киры нет. Все. Точка.

Щека у Киры вновь сломалась, и она торопливо приложила к ней ладонь, словно надеялась удержать расходящиеся обломки. Оснований нет, подумала она, оснований нет. Прижала ладонь сильнее и подумала еще: «Нет ли?» Не торопись, не торопись, сдерживала она бездумное упрямство, что у тебя есть?

Первое — гримаса, исказившая лицо мальчика.

Второе — надпись «шу-шу» над телом.

Третье... третье...

Третье — убежденность, что мальчик умер не в гараже. Его туда принесли. Принесли и аккуратно положили в угол. Кто? Откуда? Почему?

И, наконец, четвертое... Четвертое... А есть ли четвертое?

Скрипнула дверь, и в щель посунулся хазарский фас Влада Желтовского, обрамленный недельной щетиной.

— Кир, — сказал фас. — Ну ты чего?! Мы же ждем...

— Что? — Кира зажмурилась. Тусклый свет из коридора резал глаза. — А... ребята, вы извините, я не могу. Божок наехал, мне дел завтра надо сдать кучу...

— Какие могут быть дела?! — возмутился Влад, старательно выговаривая слова. Он распахнул дверь пошире и, словно наткнувшись на невидимый в полумраке взгляд Киры, замер в проеме.

— Удивительное дело, — сказал Влад после секундной паузы. — Кира отказывается кирять!

— Влад!

— Ладно, — сказал он вдруг совершенно трезвым голосом, отчего злость Киры испарилась. — Тебе, может, чем помочь?..

— Не сейчас, — ответила Кира. — Ты...

— Ладно, — повторил Желтовский и добавил: — Не сиди допоздна. Я к тебе загляну... после того как...

— Хорошо, — сказала Кира.

Влад закрыл дверь. Кира послушала легкие удаляющиеся шаги, и улыбка ее увяла.

Первое...

* * *

— В его случае, — отвечал на ее вопрос Федяев, — боль была очень сильной и вполне могла вызвать такой мышечный спазм. Приступ, если он длится хотя бы несколько секунд, способен исказить лицо человека до неузнавае-

мости. После двух инфарктов я могу тебе это сказать со всей определенностью. Второй случился у меня утром, во время бритья. Первое, что понял, глядя в зеркало: я не узнаю человека с измазанными пеной щеками. Еще до того, как почувствовал боль...

— Но вдруг его кто-то напугал? — упорствовала Кира. — Или что-то?

Федяев помолчал, закуривая новую сигарету, и его ногти, желтые от никотина, сухо щелкали, словно кастаньеты в руках танцовщицы фламенко.

— Не знаю, девочка, возможно, — сказал он, выпустив очередной клуб дыма. — Но я плохо представляю себе, что могло бы напугать до смерти мальчика, выживавшего на улице три-пять лет... Хотя, с другой стороны, с его-то сердцем, это мог быть просто громкий хлопок над ухом...

Сигарета сломалась в тонких пальцах. Половинка с тлеющим огоньком коротко шикнула в кружке с чаем.

* * *

— А второе? — не сдавалась Кира.

— Что — второе? — переспросил Митька Шмелев, и Кира почти различила в полумраке за столом напротив его грузную фигуру. — Ты про надпись? Не смейся. Кто ее сделал, когда и зачем — черт знает. Что она означает — тем более непонятно. Между ней и мальчишкой нет никакой мало-мальски видимой связи. Так что не стоит умножать сущности и притягивать за уши разные нелепости...

У Киры заломило виски. Да, все правильно, все верно... и все же она была убеждена, что мальчика принесли или привезли в этот заброшенный бокс. Экспертиза не подтверждала этот факт однозначно. Да, на одежде, обуви, некоторых участках тела было обнаружено множество следов почвенного, растительного происхождения, пищевых пятен, волокон — синтетических и органических, — но, учитывая, как мальчик жил, делать на основании этих результатов какие-то выводы было опрометчиво. В то же

время грязь на подошвах содержала вкрапления, совпадающие по составу с цементно-почвенной смесью аллеи, тянувшейся вдоль недостроенных гаражей. А это значит...

— Он пришел туда сам, — подытожил Шмелев.

— Митя, время смерти установлено: между двумя и четырьмя часами ночи, — настаивала Кира, понимая слабость этого довода. — Ты бы стал ночевать в пустом боксе, на бетонном полу, даже не попытавшись развести костер? Один...

— Вряд ли парнишка соблюдал режим, — заметил Шмелев. — У него могла быть сотня причин оказаться рядом с этими развалинами ночью, без компании. Тут его и прихватило. Он забрался в гараж, под крышу, чисто инстинктивно, как зверек, который ищет укромное место, когда становится плохо...

Нет, не соглашалась Кира, он же не зверь. Ему пришлось зарабатывать, попрошайничать, воровать, наверное. Он с кем-то общался, у кого-то доставал дурь, с кем-то дружил. Он должен был иметь более-менее постоянное место для ночлега: уютное на свой лад, обустроенное, создающее иллюзию безопасности...

Где он и умер.

Кира была уверена в этом. И те, кто был рядом — спал, ел, пил, — перенесли его на нейтральную территорию потому, что спать, есть и пить там, где умер твой друг, знакомый, что приносил в общий котел еду и клей, одежду и наркоту, улыбку и злость, деньги и пустой желудок, к которому ты прижимался во время холодных ночей, укрываясь тощим одеялом, — трудно и тяжело. Почти невозможно, словно он до сих пор лежит рядом, только вместо тепла распространяет вокруг липкий, высасывающий холод могилы. Кто такое выдержит?.. Вот место, которое ты считал своим домом, осквернено смертью: не от передоза, не от пьяного угара, не от ран, болезни, которую ты мог бы заметить, различить. Смертью, от которой лицо завязывает в узел. Двенадцатилетние мальчики не умирают так. Они вообще не умирают...

Они перетащили его, сказала Кира себе и кивнула темноте, пропахшей старой мебелью, обоями и бумажной пылью. Импульсивно, больше от страха, но не бросили тело в укромном уголке, где труп мог пролежать еще долго, пока крысы не объели бы лицо, ступни и кисти, не выгрызли бы внутренности. Они перенесли его поближе к людям: хоть похоронят по-человечески. Кто-то из них и сделал эту надпись: «шу-шу».

— Блядь! — Шмелев сдержанностью не отличался. — Кира, что ты докопалась до этой надписи?! Она тебе о чем-нибудь говорит?!

— Нет, — отвечала Кира. Она не лгала, но чувствовала, что не говорит правды. Чувство пришло извне, словно чужое дыхание коснулось щеки, и Кира с трудом подавила желание обернуться. — Может быть, это чья-то кличка?

— Да?! И что? — скепсис Пчелы был рыхлым, но, казалось, полным перезревших молочнокислых бактерий, как простокваша в служебной столовой.

— Ничего...

* * *

— Ничего, — повторила Кира в темноту и осеклась, уловив в тишине слабое пыльное эхо коротенького слова, покойно затихшее где-то за шкафом, рядом с другими, отзвучавшими в этой комнате за много лет. Черт! Кира шлепнула ладонью по выключателю настольной лампы, темнота нехотя отступила в углы, спряталась за мебелью: чего там, мол, еще? чего тянуть-то?.. Нет, подумала Кира, длинно выдохнув, она не готова слить бумаги... и мальчика. Его перетащили не только из боязни оставаться рядом с покойником. Зачем-то же сделали эту странную надпись? Было что-то еще. Она должна знать, должна...

Рот вдруг наполнился горечью. Сколько раз за двадцать пять лет своей упертой сиротской жизни она повторяла это? И сразу же под сердцем чуть ворохнулось — недоброе. Что-то средни упертости, о которой говорил

Сыромятников и которая давно стала притчей во языцех в управлении; стержневому упрямству, с которым она делала свои «двадцать пять», только злее и отчаянней, до ручки, до багровой мути перед глазами. Кире уже случилось отдаваться этому чувству целиком, и она не любила вспоминать об этом.

Она сосчитала до десяти и обратно, тщательно контролируя дыхание, и вдруг усмехнулась: знали бы ребята про эти пресловутые прыжки. Ее ведь купили за рупь за двадцать. Подначили, как дурочку, на спор, еще на первом курсе университета: мол, пять раз с парашютом прыгнуть — слабо? Откуда ей было знать, что три-то раза прыгнуть дают всем, без особых напрягов. А вот чтобы продолжать сигать с самолета, потребуется нечто большее, чем короткие подготовительные курсы, а именно: усиленная физподготовка, затяжные кроссы по пересеченке, в том числе и зимой, с колким ветром в лицо пополам с ледяной крупой, долгие часы в классе на теории и еще более выматывающие занятия на бесконечных укладках... Она и прыгала столько раз во многом потому, что ей просто было жаль потраченных усилий.

За окном совсем стемнело. Отсветы фонарей блестящими струями скользили по стеклу, огибая жемчужные капли, поверх неясного отражения слабо освещенного кабинета. Гомон внизу стих: или все разошлись, или пошли за водкой. Ноги у Кире затекли, и она чуть переменяла позу, кресло сварливо скрипнуло: двенадцатый час, пора бы и честь знать. Мысли бродили по замкнутому кругу: лицо, надпись, место, кто переносил тело? Мышечный спазм, «сердце, словно тряпочка», сырой бокс, царапины на стене, грязь на подошвах...

Ну, предположим, зацепки у меня есть, оборвала Кира цепочку фактов и домыслов. Далеко тело не могли отнести: тяжело, и чем дальше несешь, тем больше вероятность, что заметят. Значит, минут десять-пятнадцать. Полчаса — в самом пиковом случае. Откуда?

Впрочем, и тут гадать особенно было нечего.

За гаражным кооперативом проходила объездная трасса, а за ней — заброшенные, полуразвалившиеся дачки догорбачевских времен: в три сотни и разновеликими городушками, больше напоминающими таежные временки на строительстве ЛЭП, чем места отдыха притомившихся от урбанистического угара горожан. Крыши имелись далеко не у всех строений, не говоря уже о подобиях очага, но некоторые еще вполне годились для обустройства ночлега летом, даже таким сырым и холодным, как нынешнее. Будь у Киры больше времени, она обязательно бы нашла несколько таких лежек-пристанищ бездомных и беспризорников, но и это ей мало бы что дало. Кто? — вот главный вопрос, ответив на который можно было бы сконцентрироваться на остальном: почему? при каких обстоятельствах?..

— Даже если вы их найдете, — случается и в нашей работе чудовищное везение, — вряд ли они станут с вами разговаривать, — резонно рассуждала Нефедова. — Вернее, говорить они будут очень много и весьма охотно, но вот о Кыше не скажут ни слова. Кто вы им, мать родная? Просто еще один мент...

Да, не мать. Она вообще не знает, что это. У нее и такой, как у Кыши, не было...

Мать?!.

Кира смахнула с дела Сазонова дырокол, и тот с грохотом закатился под Митькин стол. Ладонь ныла, но Кира лихорадочно листала тоненькие листочки официальных бланков, заполненных разными почерками. Где-то здесь Она точно помнила, что сунула квадратную бумажку с телефоном в папку незадолго до того, как ее вызвал Божок

— Вот вам телефон одной женщины, — Нефедова вырвала листок из толстенькой пачки. — Может, она вам что-нибудь подскажет. Дети зовут ее мамой...

— А почему? — спросила Кира, но капитан лишь пожала плечами.

Кира уже звонила днем, но телефон не отвечал. Первые цифры 72. Это где-то в Заречном районе, который

принято считать спальным. Вероятно, владелица была на работе. Черт! Да где же он? Ага! Кира выхватила листок, подхватила трубку, мимолетно подумав, что звонить, пожалуй, поздновато, но пальцы уже стремительно тыкали в клавиши, сигналы набора сменились гудками. На втором Кире ответили.

— Доброй ночи! — затараторила она, услышав женский голос. — Прошу прощения за поздний звонок. Вас беспокоит дознаватель Кировского РОВД Симакова Кира. Мне очень нужно поговорить с Инной Сергеевной...

— Давайте поговорим, раз нужно, — ответила трубка. — Я слушаю.

— Инна Сергеевна, ваш телефон мне дали в детской комнате Ленинского ОВД. Вы Кирилла Сазонова знаете... знали?

В трубке помолчали.

— Это я привела его в наркологическую клинику несколько месяцев назад. Он умер?

— Да.

Несколько секунд в трубке мертво шелестело электрическими сигналами. Кире показалось, что она разобрала всхлип, но когда женщина заговорила, голос звучал ровно.

— Передоз? — спросила она. — Я знаю, из клиники он сбежал...

— Нет, — ответила Кира, — Инна Сергеевна, извините, я не могу об этом говорить. Мне предстоит принять решение об отказе или о возбуждении уголовного дела, но обстоятельства смерти мальчика таковы, что мне необходима дополнительная информация...

— Спрашивайте.

Кира смотрела на едва различимый в полумраке плакат с любимым Митькиным изречением давно умершего философа — маньяка по сущностям.

— Вы знаете, с кем Сазонов жил... на улице. Ну, ночевал, может быть, дружил...

— Саймон, Вера и Лека, — последовал быстрый ответ, потом женщина запнулась. — Извините, это их уличные

имена, конечно. Саймон — Петр Самойлов. Он самый старший, ему пятнадцать. Вера Ляпина, тринадцать лет, и Лека, Леша Зыбин. Он самый маленький — ему шесть.

Кира внимательно выслушала словесное описание детей, делая пометки на листе бумаги.

— А кого-нибудь по прозвищу Шу-Шу вы знаете? — спросила она.

— Как? — переспросила Инна Сергеевна и, когда Кира повторила, сказала: — Нет, не знаю. Никогда не слышала... Это как-то связано с тем, что Кыша?..

— А где их можно найти? — перебила Кира: невежливо, но ей не хотелось вдаваться в зыбкие предположения и подробности.

— Где они ночевали, я не знаю. Часто видела кого-то из них на Мытном пятаке у торгового центра «Мираж»... Последний раз, три дня назад, видела Веру и Леку...

— «Мираж» первый или второй?

— Второй...

— Спасибо, — пробормотала Кира, с нажимом чиркая на бумаге, — стержни дешевых шариковых авторучек отказывались писать с упорством злостных рецидивистов.

Вновь повисла пауза. На другом конце провода установилась особенная тишина: тяжелая и густая, как кусок расплавленного битума. Кира не знала, как закончить разговор.

— Почему они зовут вас мамой? — выпалила она вдруг. Для себя вдруг...

— Его уже похоронили? — одновременно спросила женщина.

Слова перемешались, столкнувшись в проводах, словно элементарные частицы, разгоняемые в скандально известном коллайдере. Эхом брызнули осколки и застряли у Киры под ложечкой, горло перехватило.

— Не знаю, — услышала она усталый голос. — На самом деле я мало что могу для них сделать. Иногда кормлю, даю что-нибудь из одежды, просто беру за руку и веду в больницу, детскую комнату или в интернат. Разговариваю... В большинстве случаев это не помогает.

Голос ослабел и растаял в электронном шуршании, Кира сглотнула комок вместе с дурацкими вопросами, которые лезли на язык.

— Его похоронили сегодня, — сказала она. — На новом кладбище. Двенадцатая аллея, участок 235.

— Спасибо, — Кира скорее догадалась, чем услышала это. Потом связь прервалась.

Кира уронила трубку на рычаг. Перед глазамиплыли цветные круги. Никакого удовлетворения она не испытывала, только усталость. Времени на поиски этих ребят ей никто не даст, на это может уйти не один день. Да чего там, будь она сама на месте Сыромятникова, и она бы не позволила гоняться за химерами на столь зыбких основаниях. Безнадега все это, безнадега. Пустышку тянешь, Кира. Раз, два, три, четыре... Руки на столе сжались в кулаки. Побелевшая на суставах тонкая кожа в свете настольной лампы отливала желтизной, словно кость. Думать, какое сейчас у нее лицо, не хотелось. Кира зажмурилась.

...Остро пахло дезинфекцией, ржавчиной и жестким, много раз стиранным бельем. Светящийся непроглядный туман окутал все вокруг. Справа, порывами, тянуло ледяной сыростью, и ощущение бездонной пасти близкого провала побуждало отодвинуться, но сил не было. С противоположной стороны, из глубины замкнутого пространства, доносилось негромкое журчание, что-то размеренно и влажно шлепало. Свет, холодный и липкий, не согревал. Хотелось кричать, но вдохнуть туман не получалось, и выдох был слабым, неслышным. Громкий щелчок привел белесые слои в движение, смешал их в плотные, угрожающие клубы. Они неспешно надвигались, толкая перед собой ослепительную белизну. Что-то твердое уперлось в плечо, сильно подтолкнуло в сторону пропасти: раз, другой... Нет! Нельзя! Это — нельзя! Там опасно! Нет! Помогите! Слабые руки молотили в пустоту, словно их дергали за веревочки, пальцы на ступнях поджались, ноги согнулись в коленях, рот судорожно разевался, но крика вновь не получилось — только стон...

— Кира. Кира!

Она вскинулась, ощущая струйку слюны на подбородке и красный оттиск кулака на лбу. Островки сна клочками туманили сознание, явь проступала неохотно, Кире потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Желтовский тряс ее за плечо.

— Ну, мать, ты совсем заработалась, — покачал он головой.

Разило от оперативника изрядно, но взгляд был ясным.

— Вставай, поехали, — сказал Влад со вздохом.

— Куда? — Кира потеряла глаза, украдкой мазнув ладонью по подбородку.

Ночь качалась за окном на мокрых проводах, шебуршилась в ветвях деревьев, роняя в рябые лужи тяжелые капли.

— Домой. Куда еще? — удивился Желтовский. — Ну пошли, пошли, ребята на дежурке до общаги подкинут...

Кира не стала сопротивляться. В уазике было тепло, пахло бензином, оружейной смазкой и куревом, и ее вновь разморило. Сон был неглубоким, прерывистым, жесткая подвеска мотала Киру на ухабах, подбрасывала на сиденье, глаза открывались и закрывались так, что недолгий путь домой превратился в цепочку обрывочных картин: кроваво-красные огни стопарей идущей впереди машины; гнойный, мигающий глаз светофора; пятна света, ползущие по мусорным бакам; взъерошенные фигуры в глубокой тени автобусных остановок; рекламные щиты с подсветкой, на которых дорогие джипы вдруг превращались в оскаленные физиономии бесполох существ; витрины магазинов с манекенами, застывшими, словно клиенты Федяева на жестяных столах с желобами. Скрипели колодки, взрыкивал на разгоне двигатель, щелкал сигнал поворота, приборная панель сочилась зеленоватым светом болотных огней...

Она не помнила, как поднялась домой, разве что лифт трясся и скрипел тросами больше обычного, словно жаловался на судьбу — на сожженные кнопки, ободранный

пластик, матерные граффити и застарелую лужицу блевотины в углу.

Сон с холодным туманом над пропастью приходил к Кире еще дважды. Она просыпалась в поту, тяжело дыша, слушала совиное уханье в груди, и пятно безжизненного света на потолке казалось ей нарисованной дверью в ночное небо. Сон изменился. Она была уверена, но в чем конкретно он стал другим — не помнила. Когда Кира уже засыпала — в последний раз перед яростной трелью будильника, — это смутное впечатление на миг приобрело четкие очертания.

Ее отчаянный призыв о помощи кто-то услышал.

Остаток ночи прошел спокойно. Кира спала тихо-тихо, как младенец у материнской груди.

* * *

Около девяти часов пасмурного морозящего утра Кира стояла чуть в стороне от ступеней центрального входа торгового центра «Мираж-2» и, придав кукольному лицу туповатое выражение, делала вид, что считает низкие клочковатые облака. Старый свитер с рукавами, вытянутыми на локтях, мешком свисал до середины бедер. Из кармана застиранных, мятых джинсов с прорехами под коленями торчал тубик «Момент». Растоптанные кроссовки выглядели так, будто Кира стащила их из мусорного бака. Она не причисывалась сегодня, и рыжая шевелюра напоминала моток медной проволоки в лавке приемщика цветных металлов. Самой отвратительной деталью ее легенды был налет на зубах. Кира с тоской ощупывала его языком, стараясь не вспоминать ту ахинею, которую она наговорила Пчеле перед просьбой прикрыть ее от Божка. Один день, подумала Кира, один день... Господи, только бы не попасться на глаза кому-нибудь из знакомых. Бредовая идея...

Время неспешно сочилось сверху мелкой крупкой.

Небо расплзлось, словно кусок серого пластика, обли-

того кислотой. В прорехах пенилась та же серая муть. Автоматические двери торгового центра с шипением разезжались перед людьми и с плотоядным стуком смыкали створки. На Киру обращали внимание не больше чем на низенький рекламный щит, на котором служащий местного фаст-фуда скоро выведет мелом корявое: «Специальное предложение! Сегодня бизнес-ланч — 135 руб». На стоянке с пыхтением ворочались автомобили, пуская сердитые дымки. Кира смотрела в глубину Мытникова переулка, в конце которого меж лип виднелось здание Федеральной налоговой службы по Кирчановской области. Мытный пятак, подумала Кира, щека сломалась насмешливой складкой, и тут же взгляд зацепил на периферии две неподвижные маленькие фигурки.

Она вытащила из кармана клей и, отвинтив колпачок, сделала вид, что нюхает: перепонка в горловине тюбика не была нарушена, хотя сам он старательно измят.

Кира зашлась коротким лающим смехом. Пара гламурных девиц, выходящая из дверей, шарахнулась с крыльца в сторону на подламывающих каблуках. Накрашенные губки сложились в испуганно-презрительное «Фи!».

— Слышь, коза, ты че тут пасешься? — услышала Кира. — Это наша поляна...

— По-ля-на, — повторила она и вновь засмеялась, оборачиваясь.

«Случается и в нашей работе чудовищное везение...»

Скупое описание Инны Сергеевны оказалось на редкость точным.

Если бы не жесткий взгляд, Вера ничем бы не отличалась от других девочек-подростков: худенькая, голенастая, с едва наметившийся грудью. На полголовы ниже Киры, не очень высокая для девочки своих лет. Синий спортивный костюм сидел на ней ладно, бедра уже распирала штанины скорой близостью девичества. Волосы стянуты в короткий хвостик на затылке, перехваченный резинкой, украшенной имитацией стразов. Но глаза... Зеленые, с медной жилкой, были подернуты старческой

пленкой: уставшей, всезнающей. И руки. Обветренные, красноватые ладони с грубой кожей и глубоко въевшейся в папилляры грязью. Нет, она следила за собой. Лицо свежее, умытое, тонкие губы, подведенные гигиенической помадой с блестками, пушистые ресницы. Только взгляд выдавал ее с головой. Вера не была ребенком уже очень давно, как и Лека, хотя он еще походил на щенка: беззащитного, мягкого и пушистого. Карие глаза широко распахнуты, веки и щеки по-ребячьи припухлые, каштановая шевелюра в пацанячем беспорядке. Короткая курточка была уже ему мала, а вот шерстяные штанишки, напротив, велики: нескладной гармошкой брючины спускались на сандалии. Судя по испачканным бахромистым краям, Лека вечно на них наступал.

— Тетя, ты дурочка? — спросил он бесхитростно, глядя Кире прямо в лицо. Разумеется, он не подначивал. Вопрос был задан прямо и по-детски простодушно. Вера одернула мальчика за рукав.

— А чего? — возмутился Лека. — Сама, что ли, не видишь?

— Вижу. Помолчи, — сказала Вера и обратилась к Кире: — Тебя как зовут?

Кира на секунду наморщила лоб, потом пожала плечами и хихикнула. Лека закатил глаза.

— Кому собираешь? — не отставала Вера. — Почему здесь? Сколько тебе лет?

— Кира, — сказала Кира.

— Чего? — переспросила Вера. — Чего Кира? Тебя так зовут?

Кира закивала.

— Ни фига тормозит, — Вера посмотрела на мальчика, но тот лишь дернул ее за руку, как капризный братишка.

— Вер, ну пойдем, — затянул он плаксиво. — Видишь же, она ку-ку. Еще и нюхает... Ты с ней разговаривать до утра будешь. Стоит и пусть стоит, чего ты?..

А ведь действительно, подумала Кира, могут и уйти. Запросто. Она вдруг растерялась, весь утренний настрой,

сдобренный изрядной долей сумасшедшинки, улетучился. Глупость какая. И что дальше? Сказать что-нибудь про Кышу? Нет, нельзя. Нельзя. В лучшем случае сбегут, в худшем — замкнутся. Они ведь едва-едва поверили в ее маскарад... Да и поверили ли? Девчонка вон как зыркает, как опер на перекрестном допросе...

— Ты где живешь? — не унималась Вера.

Кира пожала плечами и отвернулась, словно дети ей надоели. Она попыталась выключить их из сферы внимания, мысленно ретушируя картинку парковки со спящими между автомобилями людьми, обремененными объемастыми пакетами с фирменной эмблемой «Миража». Как в фотошопе. Один мазок ластиком, другой — и на фотографии появляются белые пятна, потом применить пару эффектов вроде размытия и пожалуйста — никаких детей. Так, дрожание воздуха, редкий фотографический дефект... Кира очень надеялась, что со стороны отсутствие всякого интереса продолжать разговор выглядит как выпадение внимания, неспособность долго концентрироваться на чем-то одном... Мне нужно пойти с ними, думала она, совершенно по-идиотски пуская слюни, глядя на гирлянду зеленых надувных шариков с гелием, что болтались на короткой стойке у входа в недавно открывшуюся на другой стороне улицы аптеку. Машины проносились по мостовой точно так же, как и мысли в голове — чужие, исключительно по своим делам.

Вера вдруг придвинулась, пристав на цыпочки, и жарко зашептала Кире в скулу:

— Ну вот что, подруга. Увижу, что ты тут сироту работаешь, — сдам Царику на разбор. Поняла?!

Она чуть подождала, ожидая какой-нибудь реакции, не дождалась и дернула Леку за руку:

— Ладно, пойдём...

Кира не пошевелилась, вслушиваясь в легкие удаляющиеся шаги. Ну вот и все: поиграли в место встречи изменить нельзя, пора и к своим баранам. Что же, так их и отпустить?

— Попробуешь сегодня один, — услышала Кира Верин голос. — К теткам с кошелками не лезь. Выбирай пары: молодые, но посолиднее...

— Да знаю я... — отмахнулся Лека.

— Ага, знаешь, — Вера потом еще говорила что-то сердитое, но слова растворились в уличном гомоне.

Кира обернулась, ребяташки зашли в торговый центр. Хлоп! Двери сошлись и тут же выплюнули на улицу смурного, похмельного мужичка с банкой «девятки» в руке. Мужик с хлюпаньем приложился на пару длинных глотков — острый кадык ходил, словно поршень, — потом утер подбородок и зашагал к автобусной остановке. Легчало ему на глазах.

Порыв ветра щелкнул рекламным транспарантом на тросах. Сверху сыпануло горстью крупных капель, Кира поежилась. Хреновый из вас оперативник, мадам. Отчетливо представилось недовольное лицо Сыромятникова: «Симакова, тебе, как настоящему милиционеру, два раза повторять надо? Повторяю. Где постановление по Сазонову?»

— Где, где, — прошептала Кира. — Тама...

Стайка ранних пожелтых листьев крутанулась над асфальтом маленьким смерчем и рассыпалась. Кто-то угодил под каблук прохожего, кого-то понесло дальше, один взмыл и прилип к ветровому стеклу черного «Лексуса», но его тут же слизнули дворники, бродячая кошка у мусорного контейнера машинально придавила лапкой последний листок, словно зазевавшегося воробья. В молниеносном движении не было ничего от игры, только голод.

— Жрать хочешь?

Кира вздрогнула и обернулась.

Вера с бумажным пакетом в руке, на боку которого проступало жирное пятно, стояла на ступеньках. Вкусно пахло свежей выпечкой. Кира пожала плечами, не отрывая взгляда от пятна. Девочка удовлетворенно кивнула.

— Хочешь, — сказала она. — Тогда пошли... Мульттики свои кидай сюда.

Вера раскрыла пластиковый пакет, болтавшийся на запястье:

— Кидай, кидай. Не бойся, не заберу. Меня от него не торкает...

Кира сунула тюбик в шелестящий мешок, Вера бросила пакет с выпечкой туда же и поманила ее за собой.

К вечеру ноги Киры гудели, словно старые столбы на деревенском проселке под сильным ветром, натруженные икры подрагивали. Изредка кружилась голова, слегка подташнивало. Лестничные пролеты качались перед глазами, и ступени, ступени, ступени... Выщербленные, заплыванные, усыпанные подсолнечной шелухой, с лужами подсыхающей мочи. Трели домофонов все еще звучали в унисон с курлыканьем сотен дверных звонков. Запахи чужих квартир смешались в обонятельную какофонию, человеческие голоса заглушались собачьим лаем. Мельтешение бесконечных лиц, которые наконец начинают сливаться в одно, как на фотороботе: брови ниже, глаза мельче, ближе к переносью, нет, не настолько, подбородок лисий... не маленький, а лисий... волосы короткие с проседью... это седые, а были перец с солью... нет, не похож.

Они обошли десятка два хрущевских пятиэтажек. Не так уж и много, казалось. За три года работы дознавателем Кира потопала ногами изрядно, но сегодняшние хождения показали ей одним бесконечным подъемом на вавилонскую башню. Это хорошо, что люди разговаривают на разных языках, думала Кира, спускаясь вниз в каком-то там по счету подъезде, даже очень хорошо. Она с содроганием представила, что строительство подобных зданий вошло бы у людей в привычку.

Пот намертво приклеил к лицу маску придурковатой взрослой девчонки. Она изнемогала от необходимости играть сразу на двух сценах: для людей, которые открывали им двери, и для Веры. Для последней — в особенности. Девочка оказалась природным интуитивом, тонким уличным психологом, изобретательной и психически гибкой, словно проходила практические курсы выживания

под руководством инструктора спецназа ГРУ. В общей сложности у Веры наготове было около пяти-шести историй, поясняющих их появление на пороге чужой квартиры, чьи скрытые пружины на поверку оказались просты, как сюжетная тяга телемыла: любовь, смерть, месть, ненависть, убийство, сумасшествие... Может быть, было что-то еще, но Вера не рассказывала романов с продолжениями, а комбинировала отрывочные факты, подходящие, по ее мнению, для очередного индивида. Разумеется, Кира была нечто вроде верительной грамоты, немым — в крайнем случае, мычащим, — кадром старого черно-белого кино «Верьте мне, люди!».

Все это Кира кое-как додумала потом, во время коротких перерывов-переходов между домами или когда меланхолично жевала сплющенный беляш, выданный Верой на обед. Сказалась привычка анализировать поступки, слова, интонации, выражение лица, глаз, жесты. Одно она заметила сразу: девчонка не только не просила денег, но и намеков на это не делала. И еще. Вера совсем не походила на ребенка, который несколько ночей назад нес на себе мертвого мальчика или царапал на бетонной стене короткую надпись — «шу-шу». Не то чтобы она должна была выглядеть как-то особенно, но все же никаких следов подавленности, признаков страха, отголосков печали Кира не замечала. Сомнения крепили. Кто-то маленький и настойчивый внутри нее, нахватавшийся Митькиного скепсиса, начинал потихоньку поднимать голову: «А она должна так выглядеть? С чего ты взяла, что она вообще там была или кого-то тащила среди ночи?»

Вера привычно затягивалась сигаретным дымом и, когда замечала взгляд Киры, подмигивала:

— Ну что, подружка? Дела идут, а?

«Понятия не имею», — могла бы сказать Кира, но только моргала и беззвучно шевелила губами, словно переводила вопрос на санскрит. Она перебирала в памяти свои зацепки, которые при свете дня казались надуманными: первое, второе, третье... четвертое? Кира никак не могла

вспомнить четвертый аргумент, побудивший ее выйти на улицу. Мысль ускользала, и вспоминался только давешний сон, да и то как нечто серое, комковатое, но неприятно живое, присутствующее здесь и сейчас. Он распускал внутри Киры холодные чуткие щупальца и осторожно шевелил ими, не давая о себе забыть.

Вера смеялась, затаптывала окурочку, и они шли к очередному дому: подъезды, ступени, двери, лица, выплывающие из полумрака квартир, раскачивались гирляндами воздушных шариков, как у той новой аптеки. Лязгали замки, бубнили голоса, а Кира думала о просторных помещениях с простыми панцирными кроватями и старыми матрасами, на которых пятна высохшей мочи составляли загадочные архипелаги. Она вспоминала, что дужки у кроватных спинок легко снимаются и ими можно ударить по голове, рассекая кожу в кровь, металлический привкус холодной перловки на воде заполнял вдруг рот, окружающие краски блекли, скрипели рассыхающиеся полы, и старая краска в лунном свете блестела, как антрацит. Тоска забиралась под одеяло и сворачивалась в ногах клубком, словно кошка, наволочка царапала щеку, кто-то всхлипывал приглушенно в дальнем углу, но на этот звук сознание почти не реагировало, как на постукивание веток в окно — это старый карагач рассказывал сказку на ночь о тех, кто спал здесь до них и будет спать после.

А потом Вера пихала ее локтем в бок, Кира односложно мычала, а картинки ее собственного сиротского детства нехотя растворялись в серой мути, которой были выкрашены стены в подъезде. Она задыхалась...

Часам к пяти Вера тоже сникла.

— Пошли, что ли, Леку искать?...

По прикидкам Киры, им надавали не меньше полутора тысяч только деньгами. Много, наверное. Руки оттягивали пакеты: две булки хлеба, пакет молока, кусок сыра, сметана, немного печенья, сок в тетрапаке, полбатона — грамм на двести — вареной колбасы, пусть и слегка подсохшей (у Киры в холодильнике время от времени гнез-

дились и более мумифицированные экземпляры), яблоки, чай в одноразовых пакетиках, две банки рыбных консервов, плов в полиэтиленовом мешочке, творог... Вера несла что-то из одежды: пару свитеров, куртку, вязаную шапочку с шарфом и маленькие, на Леку, осенние полуботинки без шнурков, на липучке.

Ветер усилился, похолодало градусов до семнадцати, Кира порадовалась, что надела свитер. Вечерний поток транспорта и людей забил улицы плотными, вяло шевелящимися пробками. При этом все суетились, торопились, озабоченно хмурили брови, пихались локтями, гудели клаксонами, моргали фарами, а иногда крыли матом.

Лека сидел на лавочке в одной остановке от торгового центра, где они расстались, и баюкал литровую бутылку дешевой газировки. Выглядел он так, словно собирался просидеть там всю оставшуюся жизнь. Вера ускорила шаг. Мальчик заметил их не сразу, а когда увидел, бровки поползли вверх, точнее, одна только попыталась: левый глаз уже заплаыл багрово-синим.

— Кто?!

Кира непроизвольно вздернула плечи, словно над ухом ударили молотком по ржавой железяке.

— Я его не знаю, — вздохнул Лека.

— Мажор?

— Не-а. Вроде нас, только старый, вонючий...

— Деньги были?

Пухлые губы Леки задрожали.

Вера матерно ругнулась.

— Ты что, не мог убежать?! Позвать на помощь?! Ты же мелкий — любой бы помог...

Лека качал головой, слезы брызнули из глаз, крупные, безутешные, ценою в еще один несбывшийся мир.

— Сколько тебя учить?! — наседала Вера.

— Я не мог, понятно? — Мальчишка вдруг спрыгнул с лавки и ощерился: спереди молочные зубы уже выпали, розовые десны блестели от слюны. Бутылка покатилась по

асфальту, шипя и подпрыгивая. — Не мог я!.. Он был похож на Шу-Шу... и... страшный...

Кира выронила один пакет. Этого никто не заметил, потому что секундой раньше Вера бросила свои. Она облапила вырывающегося Леку, притянула к себе.

— Я не мог, — всхлипывал мальчик глухо. — Не мог я...

Вера удерживала вздрагивающие плечи, что-то успокаивающе бормоча в вихрастую макушку. Кира не могла разобрать ни слова: на остановке шипела пневматика, лязгали двери, с надрывом гудели электродвигатели троллейбуса, отваливающего от тротуара, словно океанский буксир от пирса. Губы Веры безостановочно шевелились:

— ...сон, слышишь?! — услышала вдруг Кира обрывок нежного речитатива. — Нет никакого... никто... не заберет...

Лека долго не мог успокоиться, и курточка, лопнувшая на спине по шву, все вздрагивала, как будто собиралась сорваться с плеч и улететь, но Вера все говорила и говорила, и слова, похоже, удерживали ее на месте. Мысли Киры подпрыгивали в голове, словно пассажиры в проносящихся мимо раздолбанных маршрутных пазиках, выкрикивающие бессвязные междометия.

Чуть позже автобус-гармошка волочил их в своем пыльном, как внутренности мумии, чреве по сто первому маршруту, постанывая сочленением. Лека увлеченно рылся в пакетах, издавая время от времени радостные восклицания, словно ребенок под новогодней елкой. Кира заметила, как Вера сунула мальчишке в карман несколько мятых десятирублевых купюр. Он не спрашивал, почему Кира едет с ними, и так понятно. Мальчик вновь шелестел пакетами, словно сам звук доставлял ему удовольствие. Он заметно повеселел и почти не морщился, случайно притрагиваясь к синей гуле под глазом.

Кира догадывалась, где они сойдут. Пожалуй, теперь она знала, кто нацарапал на стене гаражного бокса тревожащую надпись «шу-шу». Конечно, Лека был слишком маленький и жил на улице, но это не значило, что он не умеет читать и не смог бы нарисовать простое повторя-

ющеся слово. Он еще боялся чудовищ, призраков, темноты, грозы, глубокой воды и того, кто мог жить там, под мутной толщей. Он боялся крови, уколов, вообще боли — всего, чего боятся маленькие дети, недалеко ушедшие от первобытного в себе. Улица рихтовала его, вколачивая в природные страхи раннюю боязнь одиночества, незнакомых людей, наказания, осуждения со стороны других детей, живущих схожей жизнью, перед которыми ему было бы стыдно расплакаться, но эти тревоги еще не довели над ним так, как над Верой. Он забывал о них с наступлением ночи, ворочаясь без сна и настороженно вслушиваясь в редкие звуки, которые, казалось, не могли издавать существа из плоти и крови.

Лека мог сделать эту надпись.

А вот чего он не стал бы делать, так это тащить мертвеца в темноте — даже притрагиваться к нему, и уж тем более не догадался бы снять с Кыши кроссовки и испачкать подошвы в жидкой грязи кооперативной аллеи. Это сделали другие, и их мотивы вряд ли объяснялись боязнью чудищ. Может быть, это и было ее четвертое соображение, прислушивалась к себе Кира. Нелепое сочетание рациональных действий и побудительных причин с детской выходкой, неуместной над мертвым телом, если только таким образом не хотели сообщить имя убийцы или настоящую причину смерти. Не эта ли заноза стала решающим толчком к ее авантюрной выходке? Кира вздохнула, автобус скрипел и покачивался, за окном потянулись промышленные кварталы, умирающие заводы и промзоны кололи небо бездымными трубами, как состарившиеся мушкетеры, придорожные деревья и кусты мрачно тянули ветки к земле, в листву намертво вьелась многолетняя пыль и сажа.

Они сошли на повороте к городскому аэропорту, перед постом ДПС на выезде из города. Милиционеры в светоотражающих жилетах, с короткими автоматами наперевес, привычно потрошили фуры с номерами соседнего региона. Кира перешла дорогу вслед за ребяташками, пересекла

чахлую лесополосу и оказалась на пологом склоне глубокого лога. Километрах в трех над далекими деревьями маячили высотки, те самые, в которых оперативники несколько дней назад искали свидетелей смерти Кирилла Сазонова.

Брошенные дачи рассыпались по логу, теснясь друг к другу, словно крошки в огромной ладони, готовой вот-вот сжаться в кулак. Смеркалось. Было тихо, как на кладбище. Буйно разрослись кусты боярышника, сирени. Одичавшая, пересохшая малина топорщилась там и сям голыми ржавыми прутьями. Осот стоял стеной вперемешку с крапивой и полынью, огромные листья лопуха стелились над землей, словно разбросанные лопаты. Где-то впереди каркнула ворона.

Вера шла первой, выбирая едва заметные тропки. Лека семенил за ней, вытянув шею и прикрывая лицо локтем: бодулы крапивы хищно раскачивались поперек тропы. Через пять минут штанины Киры вымокли до колен, а свитер нацеплял репья. Лабиринт полусгнивших заборов и перекрученной рабицы, торчащей из земли, вел их вниз по склону. Они обходили ржавые баки и мятые вагончики. Каркасные коробки легких домиков давно расшатала ветер и непогода, шифер и оцинковку с крыш растащили, ободрали со стен щиты из прессованных опилок, выдрали рамы. Рыжий, цвета волос Киры, битый кирпич с нашлапками окаменевшего раствора лежал могильными холмиками, поросшими одуванчиками. Погребя без люков вспухали вдруг невысокими курганами, из черных провалов тянуло гнилой водой и плесенью. Если бы Кышу спустили туда, его бы никто не нашел.

После дождей почва внизу была топкой и пружинила под ногами, но Вера, не останавливаясь, стала подниматься на противоположный склон. Лека сильно кренил тело в сторону: пакет почти волочился по сырой траве. Локоть он уже не выставлял, Кира слышала шумное всхлипывающее дыхание, наступая мальчику на пятки.

Коробка из заливного шлака с пустыми провалами окон преградила дорогу. Вверху шлак уже начал осыпаться,

стены утратили геометрию и напоминали картинки старинных замков из детских книжек. Кира почувствовала запах дыма. Странно. С противоположного склона дымок бросался бы в глаза, но она ничего такого не заметила. Вера свернула направо, в обход разваливающегося здания, тропинка проходила под самой стеной. Шлак осыпался с негромким шелестом, когда кто-нибудь задевал стену пакетом или плечом. Поводыри Киры скрылись за углом.

— Привет, — услышала она ломкий хриловатый басок.

За развалинами на небольшом участке сорняк был выкошен и вытоптан, жесткая стерня чувствовалась даже через подошвы кроссовок. Метрах в десяти от шлаковой стены располагался небольшой сарайчик на сваях, без окон — примерно три на пять, — обшитый фанерой, с одностатной крышей, крытой рубероидом. Над покосившейся трубой дрожало марево, в котором вспыхивали и гасли крохотные искры. На крылечке перед закрытой дверью сидел Саймон. Он криво ухмылялся бесцветными тонкими губами и напоминал Бабу-ягу на пороге избушки с курьими ножками: желтые острые зубы, словно он точил их напильником, как людоед с тропических островов, худое лицо с впалыми щеками, крючковатый нос, серая дряблая кожа, темные круги под глазами, волосы убраны под бандану, сальные кончики падали на воротник потрепанной кожаной куртки. В тонких пальцах дымилась сигарета, между ног на ступеньке стояла полторашка «Охоты», наполовину опорожненная.

— Че за телка? — поинтересовался парень, желтоватые белки влажно блестели.

— Своя, — бросила Вера. — Помогите лучше...

— Смотри, что у меня, — Лека бросился вперед, в вытянутой руке он держал пару полуботинок.

— Круть! А под глазом у тебя что?

Лека насупился.

— Ца, — сказала вдруг Кира. — Рик...

— Чего? — прищурился Саймон. — Ты откуда про него знаешь?

— На улице живет — вот и знает, — ответила Вера, но Кира уловила ее острый взгляд. — Ты, кстати, поговорил бы с ним. Сегодня на Леку бомж напал у ветклиники по Федоровского, рядом с гаражами. Деньги хотел отобрать. Беспредельщик, мозги сгнили, наверное, напрочь!

— Ладно, — Саймон прищурился, по-прежнему глядя на Киру, словно на заговорившую мышь. — Отобрал, кстати?

Лека протянул дрожащей ручонкой тощую пачку десятирублевков. Саймон сунул деньги в карман куртки, не пересчитывая. Кира поставила пакеты с продуктами на землю и стала отдиравать от свитера плотные шарики репейника.

— У тебя сколько? — обратился Саймон к Вере, протягивая руку.

— Сотен семь...

Очередной колючий шарик выпал из пальцев. Оп-па, подумала Кира, как интересно. Мелкий дождик вновь принялся накрапывать, куртка Саймона покрылась мелкими пупырышками.

— Мало, — сказал он. — Че мало-то так? Царик по куску с носа берет в неделю...

— А то я не знаю! — огрызнулась Вера. — Ты сам-то чего принес? Или только на пиво хватило...

— Принес, принес, — проворчал Саймон и посмотрел на Киру: — Слышь, а у тебя деньги есть, а?

Кира невозмутимо продолжала чистить свитер.

— Че, глухая?!

Вера выступила вперед.

— Не наезжай, — попросила она. — У нее, знаешь, в головке сквознячок, притормаживает, но подают на нее, как от тебя, не отворачиваются. Это она сегодня угощает, — Вера трянула пакетами. — Из вещей перепало кое-что. Пусть переночует, посмотрим. Че стали-то тут вообще? Сейчас польет...

Саймон покосился на небо, бросил окуроч.

— Пошли, — сказал он. — Я натопил уже...

Внутри света не было. В прямоугольнике дверного про-

ема плескалась темнота, короткая дрожь пробежала по спине Киры, и когда Лека бесстрашно нырнул вперед, ей захотелось потянуться и оттащить его за ворот сильным рывком. Через секунду он уже чиркал спичками. Саймон поднялся по ступенькам, загородив короткие вспышки. Кира вошла следующей, непроизвольно задержав дыхание.

Тепло окутало ее сразу же, словно пуховое одеяло, и она поняла, насколько сильно похолодало к вечеру. Лека зажег наконец три свечи в настоящем, хотя и довольно уродливом канделябре. Вера захлопнула входную дверь, и трепещущее пламя дрогнуло чуть сильнее. Кира осмотрелась.

Слева от входа, в углу, огороженном асбестовыми плитами, стояла обыкновенная низенькая буржуйка, багровые щели очерчивали дверцу топки и поддувала. На плите эмалированный чайник плевался парком. Труба ломалась коленом в метре от плиты и тянулась наискось к центру помещения почти под самый потолок, до очередного колена, выведившего трубу наружу. Грубо сколоченные двухъярусные нары, заваленные тряпьем, располагались по обеим сторонам неширокого центрального прохода, в конце которого, у дальней торцевой стены, стоял колченогий стол с нехитрой утварью. Справа на гвоздях висели вороха одежды, под ними у стены зеленый ящик с крашенными в защитный цвет петлями: что-то военное. Вошек бы не подхватить, подумала Кира, но в целом было скорее уютно.

Вера протиснулась мимо нее и с грохотом водрузила пакеты с продуктами на стол, подвинув какие-то банки.

— Располагайся, — она небрежно указала рукой на нижнюю постель. — Спать здесь будешь. Я наверху, пацаны — напротив.

Лека быстро стрельнул глазами и отвернулся, острые плечики выражали испуг. Саймон плюхнулся на противоположные нары и забулькал пивом. Глаза с интересом поблескивали из тени желтоватыми тигриными искрами. Кира почувствовала себя в западне. Сомневаться не приходилось: Кыша умер на этом ворохе тонких, как промокашки, одеял. Она опустилась на топчан осторожно,

словно на краешек свежей могилы. В спину потянуло погребом, Кира усталилась вперед в одну точку, живо представляя Кышу: ворот байковой рубахи в бело-синюю крупную клетку слегка распахнут, штанины не очень чистых спортивных штанов задралась, обнажив худые щиколотки, носы растоптанных кроссовок смотрят в разные стороны...

Она не была суеверной, да и пугливой ее никто бы не назвал, но ей вдруг пришла в голову абсурдная мысль: дети что-то замышляют. Разве Вера не нарочито громко разбирает сумки, равнодушно отвернувшись от всех? А Лека? Слишком уж долго он восхищается своими «обновками», притоптывая подошвами по дощатому полу, стараясь при этом не смотреть в сторону Киры. Саймон с вампирическими зубами старательно скрывался в сумерках, просочившихся сюда, казалось, прямо из романов Мейер — этакое игрушечное зло. Вот только ухмылка, прилепленная к этим зубам, выдавала опытного подонка...

А потом ее разобрал смех. Чушь все это! Молодая, здоровая, сильная женщина. Она может встать и уйти прямо сейчас, ничего не объясняя. И она засмеялась, но глубокие грудные звуки вышли жуткими, словно смеялся смертельно больной человек. Саймон подавился пивом, Лека метнулся под крыло к Вере, как цыпленок, и только последняя сохранила какое-то самообладание.

— У нее бывает, — объяснила она. — Ничего...

— Да? — кожа на лице Саймона приобрела зеленоватый оттенок. — А по темечку она не съездит? Во сне... И вообще, говорят, психи все заразные. В смысле, от них крыша едет и у здоровых...

— Не съездит, — сказала Вера. — Она тихая. Смеется только... и нюхает еще. На, держи свои мульти-пульти...

На колени Кире упал тюбик клея, она неловко подхватила его суетливым, жадным движением.

— Во! — хохотнул Саймон. — Глюконавтка, бя! Ну давай, давай, не стесняйся. Все ж свои...

— Пусть поест сперва, — Вере эта идея явно не понравилась.

— Ага, — поддакнул Саймон. — И потом все тут заблует. Уж лучше пусть сейчас воткнется...

— Отстань! — Вера отвернулась к столу. — Давайте ужинать.

Кира отвернула колпачок тюбика. В этот момент это показалось хорошей идеей: она не хотела объедать ребятишек. Пусть сейчас у нее нет с собой документов, часов, телефона, ключей от квартиры, холодильника под боком и собственной ванны с горячей водой. Она одета в тряпье, в котором отремонтировала свою комнату, и выглядит полной идиоткой. Но это все маска, понарошку. У нее все есть, и еще будет много чего: дел, встреч, впечатлений, чувств, надежд, мечтаний, вполне достижимых целей и желания что-то сделать в этой жизни...

Она поднесла тюбик к носу. Саймон утратил к ней интерес, Лека следил, как Вера режет хлеб аккуратными тонкими ломтиками, и глотал слюнки. Вряд ли он ел что-нибудь с утра. Кира вспомнила свой завтрак: яичница с колбасой, кофе. На секунду ей стало стыдно за то, что она только изображает жизнь, которой живут эти дети. Маска бездонной дуручки едва держалась, словно ее неряшливо прилепили степлером и теперь скобки расшатались, разогнулись и вот-вот отвалятся. Казачок засланный, так твою!.. Дура набитая! Что ты хотела узнать?! Что Кыша умер в этом сарае? Ну, допустим, узнала. Дальше что? Эти дети перенесли его в другое место? Перенесли. Слишком здесь обжитое и удобное гнездышко, чтобы бросить убежище и искать-обустраивать другое. Вера или Саймон сняли с Кыши кроссовки и испачкали их в грязи перед гаражом? Ну, сделали они это! Не хотели они, чтобы их домик искали. И что? Где здесь состав преступления?! Лека, который наверняка думает о смерти, как о чудовище, забирающем людей куда-то в темноту, откуда не возвращается никто, начертил на стене название своего страха ржавым гвоздем? Пусть! Это же не какое-то жертвоприношение неведомому божееству, ему просто нужен детский психолог. Зачем ты здесь, Кира? Все, что тебе нужно сделать, — это отвести этих детей

в детприемник. Как эта женщина, Инна Сергеевна. Пока они не закончили так, как Кыша: никому не нужными, сломанными куклами. Они должны учиться, спать в кроватях, регулярно питаться. Да, в детдоме не сахар, и она так жила, и убегала, и ненавидела серую, горькую жизнь, лишённую родительской заботы, защиты, любви. И каждую ночь старый карагач рассказывал страшные сказки, постукивая веткой в окно, словно умолял впустить его. Пусть так. Но это тот единственный шанс, который улица не даст никогда: Леку еще вполне могут усыновить...

Кира сильно потянула носом...

Испарения клея, холодные и острые, как вязальная спица, проломили носовой хрящ и застряли где-то над правой бровью под черепом. Кира опустила взгляд, капелька желтоватого и мутного, словно гной, клея нехотя выползла из носика, пьяно завалилась набок и соскользнула вниз. Черт!!!

Пальцы стали словно сосульки, к позвоночнику приложили лед. Кира сильно выдохнула, будто надеялась вытолкнуть из себя отравленный воздух до последней молекулы. Диафрагма трепетала, и выдох получился дрожащим, судорожным. Трое из десяти, подумала Кира, трое из десяти. Голову сдавило обручем, сердце подкатило к горлу. Трое из десяти, попробовавших нюхнуть, умирают сразу же...

Вера зачем-то протягивала ей громоздкий бутерброд с колбасой и сыром. Кира подтянула колени к подбородку, забираясь на топчан с ногами, и отодвинулась в глубину постели, пока не уперлась в дощатую стену.

— Ты чего? — Вера приподняла брови.

Кира замотала головой, звуки грохотали в ушах, словно камни, перетираемые в песок.

Трое из десяти...

— Дай мне, — потянулся Саймон. — Видишь, она уже втарилась...

Он ловко сцапал бутерброд и, не мешкая, откусил здоровый кусок. Несколько крошек упало на пол. Саймон подмигнул Кире, энергично двигая челюстями. Вера по-

жала плечами и отвернулась: нет так нет. Лека притоптывал в нетерпении:

— Сделай мне, Верусик, мне сделай...

Секунды осыпались на пол неприметной пылью рядом с хлебными крошками, которые щедро рассыпал чавкающий Саймон. Кира не замечала своего дыхания, словно оно было чужим или вовсе искусственным, как в больнице — на аппарате. Когда у входа в торговый центр она бросала клей в пакет Веры, перепонка в тубике была целой — это она точно помнила...

Стоп! Не паникуй! Не дихлорэтана нюхнула, ничего тебе не сделается. Кира с трудом возвращала себе способность связно мыслить. Сердце билось уже не так сильно. Кто мог обнаружить, что клей запечатан? Саймон к пакетам не притрагивался, хоть Вера его и просила. Сумки разбирала она. Да еще Лека шарил в автобусе. Только он вряд ли обратил бы внимание, а если и обратил, то спросил бы сразу: чего, мол, тетя-дурочка, клей запечатанный нюхает? Похихикал бы... С другой стороны, он мог проткнуть перепонку просто так, из баловства или озорства, как многим маленьким мальчикам нравится лопать воздушные шарики или устраивать из игрушечных автомобилей большие аварии, с поломками, естественно. А потом тут же забыть об этом... Вера могла хорошенько рассмотреть тубик гораздо раньше: в течение дня она часто рылась в пакетах, перекладывая содержимое, доставая сигареты, что-нибудь перекусить, разыскивая зажигалку. И что? Кира строила свой маскарад вовсе не на токсикомании. Это был просто дополнительный штришок к портрету бездомной дурочки. Может быть, то, что клей оказался запечатанным, добавляло еще больший вес ее придурковатости. Может быть... А еще может быть, что Вере понадобилась именно одурманенная дурочка. Или одурманенная не-дурочка, в том случае, если она раскрыла притворство Киры. Но зачем?.. Да и не похоже. Все, что Вера говорила или делала, совсем не работало на такую версию...

У тебя паранойя, Симакова. Лучше тебе уйти...

Шевелиться Кире не хотелось. От тепла ее разморило, и как только напряжение внезапного испуга прошло, растворяя адреналин в крови без остатка, приятная расслабленность охватила тело. Колеблущееся пламя свечей притягивало взгляд, золотистые шары открытого огня танцевали над оплывающими столбиками, восковые слезы быстро мутнели и обращались в камень, как в сказке про заколдованную принцессу. Никуда я не пойду, решила Кира. Главное — больше не вдыхать этот омерзительный химический запах. Это главное. Она читала... Кира попыталась закрыть тубик, но руки не поднимались. Ладони тихонько покалывало, ступням в обуви стало жарко, в голове слегка шумело, словно Саймон поделился с ней стаканом крепкой «Охоты».

Как же она устала. Вон и Лека осоловел, клюет носом, и щепоть жирного плова вот-вот выпадет из ослабевших пальцев, но Вера — ах, эта заботливая Вера, все видит — отправляет малыша спать, помогая взобраться на второй ярус. Кира посмотрела на свои руки. Клей куда-то подевался вместе с колпачком. Может быть, она сама сломала перепонку, еще днем, попытавшись закрыть тубик не той стороной колпачка? Впрочем, не важно. Сейчас клея нет, и это правильно. Глупо спать с открытым тубиком под боком, можно приклеиться ко всем этим одеялам моментально. Кира хихикнула, представив, как она будет выглядеть, завернутая в лоскутные слои. Как прошлогодняя капуста на овощном складе, слегка покусанная зимой через насквозь промерзающий угол. Смешно... Нет, в самом деле! Она рассмеялась, но сумела оборвать каркающий смех — Лека засыпает. Засыпает, засыпает, засыпает... Кого засыпает? Чем? Горло издало придушенный клекот, смех не желал отсиживаться внутри и рвался наружу, щеки раздувались. Кира испуганно приложила ладони к рту, но слишком резко вскинула руки и здорово шлепнула себя по губам. На глаза выступили слезы, в носу защипало. Наверное, так ангелы хлопают младенцев по устам при рождении, и оттого они так кричат... Шальная мысль

была явно чужой, словно ее произнес в голове Киры незнакомый голос. Она не стала концентрироваться на этом: пусть себе...

Саймон достал сигареты, Вера тоже поднялась с топчана.

О! Покурить! Совершенно верно, после сытного ужина надо покурить. Кира колыхнулась на постели, как студень, пытаясь подняться, но сарайчик вдруг встал на дыбы. Она зажмурилась, ожидая скольжения, удара, под веками плавали радужные пятна и... Ничего не случилось. Разве что ворс заскорюзлого одеяла царапал щеку да в плечо уперлось что-то твердое. Кира открыла глаза. Вера с Саймоном спокойно шли по вертикальной стене, прилепившись к ней подошвами, словно мухи, направляясь к прямоугольному люку в полу. У них тут еще и погреб есть? Эй, ребята! Печка опрокинулась! Кира очень четко видела толстые раскаленные жгуты щелей между неплотно прилегающими к проемам дверцами топки и поддувала. Эй, эй! Саймон пнул люк погреба, и тот отвалился в черноту, словно весил не одну тонну. Вера упала в проем вслед за кожаной курткой... Оттуда тянуло сыростью и гнилью. Ну и ладно, Кира махнула рукой или только вообразила, что машет — она не могла сказать точно, — а потом сарай крутанулся, как играющий ребенок на пятке, и она поняла, что лежит на топчане вытянувшись, лицом вверх, разглядывая шершавые доски верхнего яруса. Древесные волокна выглядели такими мягкими и шелковистыми, словно шерстка кота, такими нежными, что хотелось их погладить. Руки потянулись вверх двумя пустотелыми рукавами, наполненными гелием, и повисли. Пальцы неуклюже шевелились, как щупальца сонной каракатицы. Кира ясно различала глубокий папиллярный узор, прочерченный опасной бритвой. Но боли не было.

Кто-то громко и щекотно засопел прямо в ухо, Кира вздрогнула всем телом, как сонная лошадь в стойле. Она сумела повернуть голову, но никого не увидела рядом, только тени в золотистых ореолах танцевали на противоположной стене между кроватями. Потянуло табачным дымком

и приглушенными голосами. На невидимых струях слова раскачивались и крутились, словно мартышки в зоопарке:

— Как насчет сладенького?

— На сладенькое я тебе вон — привела...

— Чего?! Она же простуженная на всю голову!

— И че? Пелотка поперек? Не ссы, зубов там тоже нету...

— Да не буду я! Обдолбанная еще...

— В первый раз, что ли?

— ...

— Тогда в узелок завяжи,.. козел...

— Да? Ну и ты обломись...

— Пошел ты!..

Чушь какая-то, подумала Кира и показала словам язык. Над головой кто-то горстями стал рассыпать что-то увесистое, как пятирублевые монеты. Глухой дробный стук распугал кривляющиеся слова-мартышки — они бросились врассыпную. Воздух колыхнулся, поглаживая щеки и лоб Киры, волны принесли с собой ароматы дождя и сырой земли. Надсадно заскрипел пол, нары под Кирой качнулись, а наверху тяжело завозилось, зашебуршало, далеко хлопнула дверь, брякнула щеколда. Саймон показался в проходе плотной тенью, полы куртки хлопали по тощим бедрам, как сломанные крылья. Он нырнул в свою нишу и замер кучей тряпья. Тишина несмело сочилась с потолка вместе с дождевыми каплями: кап, кап, кап... Кира рассмотрела влажные искры, равномерно устремляющиеся к полу около печи. Сочное шлепанье разбивающихся капель напомнило ей неоднократные посещения морга, столы с кровостоками и синюшный свет люминесцентных ламп.

Благодушие выступило из пор холодной влагой. Кира — не пустотелый безвольный мешок с костями, распластанный на постели, как замороженная камбала, — а другая Кира, энергичная, упертая, что билась сейчас в паутине нервных окончаний, вен и артерий, исходила криком: «Тупая ты сука! Очнись! Шевелись, идиотка! Неужели ты думаешь, что тебя так повело с одной понюшки?! Что-то не так здесь! Беги!..»

Легко сказать! Кира не чувствовала тела. Совсем. Оно запросто могло быть сейчас где-нибудь на Марсе, Северном полюсе, в Тимбукту или на рассыхающихся нарах в кое-как обжитом сарае меж заброшенных дач на окраине Кирчановска. Это не имело значения. Сейчас Кира была бестелесным сгустком панических мыслей, обманчивого зрения и ненадежного слуха, застывшим в куске прозрачного пластика; коллекционным приложением к популярному журналу «Мир насекомых» (рекомендованная цена — 179 рублей), которое уже кто-то внимательно и жадно разглядывал...

Разглядывал?!

Эфемерная Кира ворвалась в свое тело, проломив правый висок с вязким чавкающим звуком, с каким пуля вгрызается в дерево. Так оно и было. Руки и ноги одеревенели, налитые сырой окаменелой тяжестью столетней лиственницы, и, казалось, вросли в нары. Грудь едва заметно поднималась и опускалась, голову сдавило, как болванку в струбцинах. Глаза вращались в орбитах двумя крашеными шариками, управляемыми неумелым кукловодом: потолок, затянутый теньями; соседние нары; носы ее кроссовок, прильнувшие друг к другу, как нетерпеливые любовники; печь; щели между досками пола. Все в слабом угасающем свете, неподвижное, сонное. Очередная капля воды с подтекающего потолка летела нестерпимо долго и зависла крохотной жемчужиной в десяти сантиметрах от неизбежного «шлеп». Кира не смогла сделать очередной вдох. Ощущение стороннего взгляда усилилось...

Веки опустились, словно скрипучие разошедшиеся ставни, ресницы сомкнулись неплотно. Сквозь этот штакетник зрачки Киры уловили осторожное движение в углу за военным ящиком, слабое беззвучное шевеление.

— Сай, — услышала Кира, сумерк за ящиком замер, притаился. — Мне нужна доза...

— Ты знаешь... — прозвучало в ответ.

«Кто говорит?!» — крикнула Кира, но звуки застряли в темнице черепа. Голосовые связки бесполезно трепета-

ли, лишённые воздуха, челюсти, казалось, стянуло алюминиевой проволокой, взгляд не отрывался от угла, где секунду назад темнота перебирала воздух когтистыми пальцами, словно клубок полупрозрачной шерсти. Грудь начало жечь, как будто Кира проглотила уголек и он застрял в пищеводе. Дверца печи приоткрылась, багровые отблески вырвались из топки алыми языками, обожжёнными голубоватым пламенем, дотянулись до угла, куда был устремлен неподвижный взгляд Киры. Она увидела...

Там, где темноту лизнул красноватый свет, как пылинки в солнечном луче, танцевали мохнатые катышки в обнимку с мелкими щепочками, порхали клочки бумаги, мерцали крохотные осколки зеленоватого стекла, кружилась подсолнечная шелуха и невнятные засохшие комочки. Только на секунду движение показалось хаотичным, следующий удар сердца протолкнул в мозг Киры тошнотворное воспоминание о червях, целеустремленно копошившихся в глазницах трупа двухнедельной давности. Желудок стремительно свернулся с бумажным хрустом, как новогодняя свистулька, испустившая последний выдох. Словно почуяв, что его заметили, клубящийся мусорный ком выкатился из угла в проход между нарами и беззвучно взорвался, распухая в коротконогую сутулую фигуру с покатыми плечами и бесформенной, комкообразной головой-наростом, руки-столбы упирались в пол обрывками пожелтелых газетных клочков. Существо покачивалось на рахитичных ножках уродливым клоуном, связанным на детском празднике из огромного прозрачного воздушного шара, внутри которого под напором воздуха кружил и подпрыгивал разнообразный мусор. В безостановочном мельтешении оставались неподвижными две полуржавые канцелярские кнопки с острыми треугольными зрачками. Бездонная чернота в них была устремлена прямо на Киру. Она почувствовала влажный жар в паху, быстро пропитывающий джинсы на бедрах.

В тот же миг существо подпрыгнуло, уцепившись за стойку соседних нар, и быстрыми паучьими движениями взобралось на верхний ярус. Вопль рвал Кире гортань, но

и только, рот казался забитым жеваной промокашкой. Со стуком она скосила глаза-шарики. Существо сгорбилось над Лекой, словно принюхивалось к дыханию мальчика: шу-шу-шу-шу-шу...

Кира испустила слабый стон.

В ту же секунду нестерпимое зловоние обрушилось на нее бетонной плитой. Окрестные погребов вспучились белесой, закисшей пеной, сотни немых тел в грязной одежде столпились вокруг, десятки гнилых ртов выдохнули в лицо. Треугольные зрачки повисли в нескольких сантиметрах от ее лица.

«Вот мы и встретились... Ты пришла. Я ждал, я всегда жду...»

Бесполой голос, сплетенный из миллионов голосов без возраста и чувства, осыпался ей в лицо щепочками и кусочками палых листьев. Кира рванулась, но давление лишь усилилось. Затрещали ребра, глаза вдруг выскочили из орбит и повисли на зрительных нервах. Левым она видела собственное ухо и прядь волос, правым — прыщавые ягодицы Саймона: трясущимися ущербными лунами они дергались между худеньких белокожих бедер, что, казалось, светились в темноте.

«Ты сильная. Ты всегда убегала...»

Кира чувствовала, что ее перетирают в жерновах.

«Но я знал. Всегда знал, где ты, и был рядом. Помнишь, когда ты только устроилась на работу, Пчела на лестничной клетке, подмигивая другим курильщикам, хлопнул тебя по заднице и спросил: «Ты мальчик или девочка?» Помнишь? Это я посмотрел на него тогда так, что он заблевал всех, кто не успел отскочить...»

Зубы Киры начали вращаться в деснах.

«А когда старшие мальчики в детдоме решили, что тебе пришла пора стать женщиной... Это же я вложил в твои руки кроватную дужку. Кровь брызгала на стены... Старый карагач до сих пор рассказывает эту историю девчоночьей спальне...»

Кира почувствовала, что в штанины набились теплые, юркие комочки. Обвивая щиколотки голыми хвостами,

они принялись рвать икры. По лицу ползали насекомые, ощупывая поры чуткими лапками.

«Тебя никто не хотел еще до зачатия. Та безмозглая шестнадцатилетняя сучка, что явилась в больницу в конце шестого месяца, согласилась на заливку, только чтобы избавиться от тебя немедленно. К всеобщему сожалению, ты родилась живой, хотя и крохотной — меньше куклы в магазине. Толстая усатая медсестра принесла тебя в туалет и положила на подоконник перед открытым окном, едва закутанную в старую пеленку с казенным штампом. Иногда она возвращалась и тыкала в тебя коротким пальцем, проверяя, жива ты или нет. Сначала ты кричала, поджимала ножки и сучила ручонками. Потом только стонала, как умирающий котенок... Ты выжила потому, что я согрел тебя своим дыханием. Все это снится тебе каждую ночь. Я единственный, кому ты нужна...»

— Нет, — прошептала Кира, распухший язык уже не помещался во рту.

«Я единственный, кто тебя любит...»

— Нет!!! — закричала Кира.

Обжигающие слезы потекли внутрь пустых глазниц. Крик вытянул за собой легкие, и они повисли перед лицом мокрыми губчатыми мешочками.

«Шу-шу-шу-шу...» — слышало то, что осталось от Киры, лопааясь кровавыми пузырями на красно-губчатой поверхности.

Лека заплакал во сне.

Ему снился грязный, вонючий бомж, который отобрал у него деньги и избил. Только во сне он был ласковый и улыбался, но злые глаза на покрытом струпьями лице подходили на две ржавые кнопки. Лека плакал и просил не забирать его: у него еще будет дом и семья, он еще должен вырасти. Бомж склонялся к тонкой шее Леки и, складывая потрескавшиеся губы трубочкой, часто втягивал и выгалкивал через сжатые зубы воздух, как это, играя с ним, делала мама, которую Лека едва помнил или думал, что помнит:

— Шу-шу-шу-шу-шу...

БИПЛАН-ПРИЗРАК

1

тчет об этом расследовании детективного агентства «Бейкер-стрит, 221» стоило бы начать с того утра, когда мы с Кеннеди получили по почте конверт, в котором лежали два роскошнейших приглашения.

Бумага приглашений была удачно стилизована под пергамент, исписанный готическим почерком писца. Псевдопергаменты приглашали нас на свадебное торжество, долженствующее состояться неделю спустя в Ост-Кемпене, штат Иллинойс.

Знакомых в этом городке мы не имели. Но и никакой ошибки с адресом не произошло. Приглашали именно нас. Мистера Кеннеди и доктора Блэкмор. Нет, я понимаю, что в этой стране мы с Кеннеди люди не последние, но звать нас на роль свадебных генералов, по-моему, еще рановато...

Еще можно было бы начать отчет о расследовании с вечера того же дня — с телефонного звонка, разъяснившего нам смысл загадочного приглашения...

Можно...

Но тогда давние события, во многом предопределившие более чем странный финал свадьбы, останутся за кадром. Поэтому начать придется со Столетней войны. Не с той, где по полям грохотали закованные в железо рыцари, а лучники Черного Принца стреляли в них из добрых тисовых луков, где Дева Франции вела в бой полки, а у стремени ее скакал верный оруженосец Жиль де Рэ, прославившийся позже в качестве многоженца и пытливого естествоиспытателя по прозвищу Синяя Борода.

Речь о другой Столетней войне. О второй.

Случившейся значительно позже и значительно ближе — в Иллинойсе. Но, как и первую, вели ее между собой британцы и французы. Вернее, потомки британцев и потомки французов.

А началось все с сущего пустяка...

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА I

Порой события мелкие, случайные и по видимости незначительные влекут за собой последствия глобальные, несоизмеримые по масштабу с породившими их причинами...

Если бы ранним утром 22 июня 1821 года не задул легкий восточный ветер, если бы стояло полное безветрие или дул ветер любого другого направления — Вторая Столетняя война, скорее всего, не началась бы... Или началась бы, но совершенно иначе, и события ее происходили бы совсем по-другому.

Но вскоре после теплого и тихого июньского рассвета задул и стал помаленьку крепчать именно восточный ветерок. В результате спустя пять дней полковник Илайя Кэппул схватился за грудь, пробитую двумя пулями из «дерринджера», и медленно оплыл под копыта своего жеребца, не успев отвязать поводья от коновязи... Так началась Вторая Столетняя война — начавшие ее люди, конечно, понятия не имели, что протянется она дольше века. Они, надо думать, и про Первую Столетнюю не имели представления. Но воевать и Кэппулы, и Монлезье умели неплохо.

Обоим семействам (вернее, к 1821 году — уже кланам) довелось в свое время пострадать за веру. Кэппулы, в иные времена звавшиеся Кэппуэлами, происходили из твердокаменных шотландских пуритан, сторонников Ковенанта, — и уехали в Новый Свет от преследований безбожных Стюартов. Чистоту веры (и ненависть к посягавшим на нее) Кэппулы соблюли и здесь. В Новой Англии, в достаточно просторном и уже тогда веротерпимом Кон-

нектикуте суровые Кэппулы не ужились. Слишком много безбожной швали роилось вокруг — начиная от баптистов и заканчивая моравскими братьями. И пуритане в числе первопроходцев-фронтирьеров свершили новый Исход. Двинулись на запад — к Миссисипи и прериям. Мужчины шагали, стиснув ружья и распевая псалмы на мотив походных маршей. Женщины и дети ехали в фургонах...

Подыскивали землю обетованную пилигримы лишь в Иллинойсе — на восточном берегу реки с многосложным и непроизносимым индейским названием, тут же переименованной ими в Клайд-Ривер. Впрочем, мужчинам Кэппулам, умевшим и любившим повоевать, еще пришлось вернуться в Новую Англию во время Войны за независимость — вернуться и показать безбожным ганноверцам, как умеют пуритане стоять под пулями и выдерживать атаки конницы.

Хотя к тому времени, когда на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий на западном берегу Клайд-Ривер появились первые Монлезье, первоначальная твердость ковенантеров несколько смягчилась. В общину вливались, рондьясь с Кэппулами, все новые семейства, пришедшие с востока. Соглашаясь разделить веру первых поселенцев Клайд-Ривер, их угрюмой нетерпимостью они отнюдь не страдали...

Монлезье же происходили из французских гугенотов. Кое-кто из их поздних потомков пытался доказать, что предки именовались когда-то де Монлезье, утратив дворянскую частицу лишь в колониях, не признающих аристократической спеси. Однако несколько семейств из луарского местечка Монлезье дворянами никогда не были — типичное «третье сословие», растившее виноград, делавшее из него вино и торговавшее всем, что подвернется под руку. Страдать за веру отцов Монлезье на своей исторической родине не спешили — дружно перешли в католичество еще до отмены Нантского эдикта, едва почувствовав, что их протестантизм начинает вредить торговым интересам. Не помогло: конкуренты-католики

Варфоломеевских ночей им не устраивали, но вредили, как могли, — в том числе и при помощи королевских чиновников, не доверявших блудным детям, вернувшимся в лоно римской церкви.

Кончилось тем, что Монлезье подались за океан — столь же дружно, как и меняли веру. Одноименный крохотный городок опустел в одночасье. Во французской тогда Луизиане новоприбывшие первым делом решили, что раз Парижа им не видать, то и к мессе ходить, и латинские молитвы учить незачем. Решили и послали римскую блудницу туда, где блудницам место. И вновь стали общаться со Всевышним по-французски, в своем молельном доме.

А чуть оглядевшись, они убедились, что растить здесь хлопок — руками негров-рабов — куда выгодней, чем привычный виноград. И весьма преуспели в новой отрасли сельского хозяйства. Впрочем, не только в ней — коммерческими способностями Монлезье всегда отличались. Их торговые брига и шхуны бороздили воды Карибского моря — и порой, обзаведясь каперским свидетельством (а то и без такового), мирные купцы Монлезье откладывали гроссбухи и счета, брались за абордажные сабли и превращались в подлинный бич морских путей между Вест-Индией и Старым Светом. Реяли их вымпелы и у берегов Гвинейского залива — самим добывать «черную слоновую кость» для своих плантаций было куда выгоднее, чем покупать у других искателей удачи...

Тревожный сигнал для них прозвучал, когда на покинутой родине революционный Конвент отменил рабство — в том числе и во французских колониях. Возможно, происходившие из третьего сословия Монлезье разделяли отчасти идеи свободы, равенства и братства. Возможно, они даже радовались, когда запущенные на полную мощь гильотины начали истреблять потомков их притеснителей. Но рабство — тут уж извините. Это святое. Какая еще свобода для негров? Какое еще с ними братство и равенство?

Другие известия из метрополии (например, о попытках регулировать декретами цены свободного рынка) тоже не вызывали энтузиазма — даже у тех Монлезье, кто хлопковым бизнесом не занимался. Не дожидаясь, пока руки непредсказуемого Робеспьера дойдут до колоний, Монлезье стали подумывать, как бы перебраться из-под триколора под сень звездно-полосатого флага — благо в Штатах аболиционисты считались пока наивными чудаками, а Джона Брауна и Эйба Линкольна не существовало даже в проекте. И Монлезье-разведчики двинулись вверх по великой реке Миссисипи.

Тогда-то и появились в Иллинойсе, на западном берегу Клайд-Ривер, первые французы. А вскоре они привели за собой часть клана луизианских плантаторов и коммерсантов — самую боевую и легкую на подъем. Впрочем, французами их можно было назвать уже с натяжкой — немалая часть креольской крови в жилах Монлезье позволяла предположить, что идеи равенства с цветными расами иногда находили-таки отклик в гугенотских сердцах — если представительницы помянутых рас отличались молодостью и красотой.

Кэппулы встретили новых соседей, поселившихся за рекой, не то чтобы радушно, но спокойно — земли в Иллинойсе в те годы хватало всем. Интересы двух кланов даже дополняли друг друга — вновь прибывшие по привычке занимались торговлей и земледелием, лишь сменив хлопок на сахарную свеклу, подсолнечник, маис и пшеницу; Кэппулы же традиционно отдавали предпочтение скотоводству и принимали более чем активное участие в становлении и бурном развитии молодой американской промышленности — кожевни, принадлежащие членам клана, разрастались в кожевенные заводы, маслодавильни — в заводы масляные.

Поселения на обоих берегах Клайд-Ривер росли, связи между ними становились все более тесными — сырье с принадлежавших Монлезье плантаций превращалось на заводах Кэппулов в товары, расходившиеся по Миссиси-

пи и ее притокам на баржах и барках, владельцами коих были опять же соседи-французы... Берега реки, помимо привычного парома, связал деревянный мост — ежегодно сносимый весенним половодьем и восстанавливаемый совместными усилиями. По мосту постоянно грохотали груженные фургоны — и порой им приходилось по часу ждать в очереди на проезд.

Все чаще поговаривали, что стоит связать берега Клайд-Ривер еще одним мостом, капитальным, способным выдержать любой паводок. Называли даже наиболее удобное место для его постройки — через безымянный остров, разделивший Клайд-Ривер на две более узкие протоки...

Но второй мост так никогда и не был построен.

Остров же стал причиной того, что 27 июня 1821 года полковник Илайя Кэппул схватился за пробитую двумя пулями из «дерринджера» грудь — и медленно оплыл под копыта своего коня, не успев отвязать поводья от коновязи. А его убийца, Робер Монлезье, убрал в жилетный карман крохотный, отделанный серебром двухствольный пистолетик, повернулся и ушел размеренным твердым шагом.

Так прозвучали первые выстрелы Второй Столетней войны.

2

Самым внимательным образом изучив расписание поездов и самолетов, мы с Кеннеди отправились в Иллинойс по железной дороге — иначе после прилета нам пришлось бы почти сутки любоваться местными архитектурными красотами в ожидании начала свадебной церемонии. Я сомневалась, что в этом отношении Ост-Кемпен мог потягаться с Венецией или Санкт-Петербургом. И настояла на поезде.

Мы не прогадали, поскольку нашим соседом по купе оказался некий мистер Монлезье-Луер, преподававший историю в университете Северной Каролины. Профес-

сора истории бывают разные — достаточно вспомнить фильмы про Индиану Джонса. Наш попутчик, правда, не носил мягкую шляпу и не размахивал хлыстом по любому поводу. Но удивить сумел с первых минут знакомства:

— О! Мадам и мсье тоже едут в Кемпен, на «свадьбу тысячелетия»?

Кемпен в его устах прозвучал как «Кемпье». Мы с Кеннеди переглянулись. Вариантов имелось ровно два: либо Кеннеди, стоило мне отвернуться, успел проболтаться на вокзале носильщику или проводнику. Либо мы столкнулись с гением дедукции...

Мой коллега изобразил несложную пантомиму, свидетельствующую, что он был нем как рыба.

— На свадьбу, — подтвердила я, решив, что особого криминала в этом нет. И спросила сама: — Извините, но что позволило вам прийти к этому выводу?

— Элементарная наблюдательность, мадам...

— Мадемуазель, — поправила я.

— Элементарная наблюдательность, мадемуазель, и банальная житейская логика. Когда ваш спутник доставал из бумажника билеты, я увидел лежавшее там приглашение. Точь-в-точь такое лежит в моем кармане.

Мы познакомились и разговорились с наблюдательным и банально-логичным профессором. Узнав, что мы представляем детективное агентство (Кеннеди никогда не упускал случая сделать бесплатную рекламу «Бейкер-стриту») и будем присутствовать на свадьбе в профессиональном качестве, Монлезье сказал задумчиво:

— Неужели Джошуа Кэппул опасается, что Столетняя война может вспыхнуть вновь?

Я усомнилась:

— Едва ли. Не думаю, что Елизавета Вторая Виндзорская все еще претендует на французские земли. У нее есть более насущные заботы: отстоять Гибралтар от испанцев, не позволить аргентинцам вновь попытаться судьбу на Фолклендах...

— Да нет же... — экспрессивным жестом профессор

пресек мои рассуждения. — При чем здесь та Столетняя война? Я имею в виду другую, начавшуюся с того, что в 1821 году Робер Монлезье застрелил полковника Кэппула. Удивительное дело — Илайя Кэппул без единой царапины прошел войну с англичанами и три войны с индейцами, в том числе первую семинольскую, а там было куда как жарко... И надо же — в двух милях от своего дома не уберется... А последние выстрелы Столетней войны прозвучали в 1930 году — и вновь у самого родового гнезда Кэппулов.

— Получается Сто-с-лишним-летняя война! — продемонстрировал Кеннеди хорошее знание арифметики и посредственное — истории.

О чем я и намекнула ему с присущим мне тактом:

— Кеннеди... Всем известная Столетняя война тянулась еще дольше — целых сто шестнадцать лет! Тебе стоило реже посещать оксфордские пабы и чаще — лекции по истории!

Чтобы замять конфуз моего коллеги, профессор поспешно продолжил:

— Мы едем не просто на свадьбу. Это династический брак, призванный поставить последнюю точку в давней распре — потому что после того, как перестали грохотать выстрелы, еще семь десятилетий длилась война «холодная»...

Честно говоря, мне все это не понравилось. Вдруг у кого-то из гостей действительно не выдержат нервы? Я поежилась, представив, как они выхватывают из-под фраков и смокингов тайком пронесенное оружие и начинают сводить счета более чем вековой давности... И спросила:

— А из-за чего началась столь затяжная ссора? Надеюсь, причина достойная?

— Началось все из-за пустяка, — вздохнул профессор. — Из-за еще одного сахарного завода, который решил построить полковник Кэппул...

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА II

Когда полковник Илайя Кэппул решил поставить еще один сахарный завод в дополнение к шести, уже имеющимся в его собственности, и поставить его на том самом острове, который, по слухам, предполагалось использовать для возведения капитального, не сносимого половодьями моста через Клайд, — короче говоря, в начале 1821 года, — отношения между кланами Кэппулов и Монлезье были наиболее дружескими за все годы их соседства. При размежевании земель штата владения и Кэппулов, и Монлезье вошли в один округ Кемпен — и поселения на противоположных берегах Клайда стали совокупно именоваться городом Кемпеном. Разбитым, правда, на две части, Ост-Кемпен и Вест-Кемпье — но такое бывает и с более крупными городами.

Шли разговоры, что в недалеком будущем одна из подрастающих дочерей-красавиц Робера Монлезье станет женой старшего сына полковника Кэппула — чем будет положено начало еще более тесному единению двух кланов. Но, возможно, то были лишь сплетни.

Как бы то ни было, отношения между главами кланов казались весьма дружескими. Раз в неделю или мсье Робер ездил в гости к полковнику, или тот отдавал визит приятелю. Они проводили вечера за игрой в экарте — к данному занятию Илайя Кэппул пристрастился как раз благодаря Роберу Монлезье. Без сомнения, это свидетельствует, насколько выдохлась в Новом Свете старая пуританская закваска — бывлые Кэппуэллы и подумать не могли о подобном бесовском развлечении.

Именно с картами в руках Робер Монлезье и узнал о намерении полковника поставить еще один сахарный завод в дополнение к шести уже имеющимся. Поставить на острове, разделяющем Клайд на две почти равные по ширине протоки.

— Хорошая мысль, — одобрил мсье Робер, затянувшись сигарой. — Все равно толку от этого клочка земли

никакого. Ни под вспашку, ни под пастбище... Большая часть острова — болото, меньшая — каменистый холм. А под завод, пожалуй, подойдет — и вода рядом, и выгружать сырье с барок удобно, и грузить на них готовый товар... Но, дорогой полковник, вам стоило бы — просто так, чисто для проформы — спросить моего разрешения... Ан-карт! — добавил он, «убив» королем полковничьего валета; в той партии Монлезье понтировал.

— Я не понимаю, дорогой Робер, с какой стати я должен спрашивать чье-либо разрешения на то, чтобы поставить на своей земле свой завод. При всем уважении к вам — не понимаю...

Сказав это, полковник налил себе виски (с собственного винокуренного завода, выдержанное полтора десятка лет в обожженной изнутри дубовой бочке — не на продажу, для себя) и начал новую раздачу.

— Извините, дорогой полковник, но остров — это моя земля! — Холодка в голосе Монлезье добавилось. — Сорок долларов на табле-труа!

Последние слова он сказал излишне громко. И шлепнул две двадцатидолларовые монеты на зеленое сукно чересчур резко.

Полковник, напротив, заговорил гораздо тише. Но приятнее его слова от этого не стали:

— С каких это пор ваша? — Привычного «дорогой Робер» теперь не прозвучало. — Ваши земли по левому берегу, мои по правому. Остров ближе к правому, если у вас имеются в том сомнения — можно пригласить землемера и произвести съемку. Остров мой.

Монлезье только что собирался свести все к шутке и поставить вместо пятидесяти долларов на «табле-кятро» свое право на островок (честно говоря, совершенно ему не нужный). Но слова полковника — тихие, неприятные, очень серьезные — мгновенно заставили француза изменить решение.

— Границы между территориями проводятся вовсе не так! — громко и резко возразил он, тоже позабыв про

обращение «дорогой полковник». — Линией границы, идущей по реке, считается фарватер! И любому, имеющему нормальное зрение, хорошо видно, с какой стороны обходят мои барки остров! С ПРАВОЙ! Это моя земля!

Надо сказать, что полковник был изрядно близорук. Но очков не носил, тщательно скрывая сей недостаток. Намек мсье Робера заставил Илайю Кэпула побагроветь. К тому же если формально Монлезье и был прав, говоря о границах, проводимых по фарватеру, то на практике все обстояло несколько сложнее. Своенравная река, разделившая их земли, часто меняла свое русло, обрушивая весенним напором берега, намывая новые косы и отмели, и второстепенные протоки нередко становились вдруг основными. Но к тому времени, когда зашел разговор о правах на остров, разделенные им протоки были с точки зрения речного судоходства совершенно равнозначны. Суда, принадлежавшие Монлезье, действительно чаще проплывали по правому рукаву, но не вследствие его большей глубины — просто на том берегу располагались причалы многочисленных заводов и заводиков клана Кэпулов...

— Ах, твои барки... — прошипел полковник. — Значит, ты давно положил глаз на мою землю... Недаром говорят, что француз и в болоте найдет чем поживиться...

Слово «лягушатник» не было произнесено. Но вполне подразумевалось.

Монлезье вскочил. Смахнул со стола карты и деньги. Упавшая свеча зашипела в лужице разлитого виски.

— Я отдал бы тебе остров бесплатно, старый спесивый гусак! БЕС-ПЛАТ-НО!!! — прорычал мсье Робер. — А теперь — черта с два! Любой суд подтвердит, чья это земля! И под твой сраный завод тебе придется поискать другое место!!!

— Как ты меня назвал? — спросил полковник тихо и страшно.

— Гусак! Goose! Gander!!!

Полковник тоже оказался на ногах. Голос он так и не повысил:

— Вон отсюда. И в жизни не встречайся на моем пути, жабоед. Встретишься — раздавлю.

Спустя несколько дней в окружном суде Кемпена лежало два встречных иска.

3

Похоже, в профессоре Монлезье-Луере дремал писательский дар. Кеннеди спросил:

— Кто-то из участников той ссоры за картами оставил ее описание?

Профессор скромно улыбнулся:

— Нет, не успел ни тот, ни другой. Это, извините, моя реконструкция.

(То-то мне этот «гусак» показался смутно знакомым... Очевидно, в своих «реконструкциях» профессор вовсю использовал литературную классику.)

У Кеннеди проснулся профессиональный интерес к делу. По крайней мере, вопросы он стал задавать так, словно перед ним был клиент, пришедший в «Бейкер-стрит, 221».

— Но почему дело дошло до стрельбы? Как я понял, они ведь попытались разрешить дело цивилизованно, через суд.

— В те годы зачастую так и происходило — дело решалось в суде, а после проигравшая процесс сторона бралась за оружие. Суд, по большому счету, лишь решал, чей выстрел будет первым. Окружным судьей в Кемпене был тогда некто Роллингс, не принадлежавший ни к одному клану. В мелких, бытовых конфликтах, случавшихся до того между жителями правого и левого берега Клайда, он старался разбираться объективно. В 1821 году судья оказался в очень сложном положении — но хотя бы попытался разрешить конфликт, не допустив кровопролития...

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА III

Судья Роллингс оказался в сложном положении — но честно старался не доводить дело до кровопролития. Все попытки разрешить дело миром до начала процесса провалились. А любое судебное решение — даже провести границу ровно посередине спорного острова, — во-первых, давало повод для затяжной вендетты, во-вторых, создавало судье могущественных врагов.

Пока Роллингс ломал себе голову, судебный процесс начался. Главными свидетелями на нем выступали лодочники, плотогоны и лоцманы с Клайд-Ривер. Тем из них, кто носил фамилию Монлезье (вернее, первую часть фамилии — чтобы не путаться, многочисленные иллинойские ответвления клана именовались Монлезье-Нуар и Монлезье-Бланш, Монлезье-Дюбуа и Монлезье-Деривьер и т.д., и т.п.) — словом, всем этим Монлезье-Имярек адвокаты Кэспула мгновенно давали отвод. В результате независимые речники разделились на три примерно равные части. Одни утверждали, что фарватер проходит слева от острова. Другие — что справа. Третьи говорили, что рукава реки равны между собой...

Тогда Роллингс попытался извернуться с ловкостью, достойной известного библейского царя, совмещавшего в своем лице исполнительную и судебную власть. Он, не мудрствуя лукаво, назначил судебный эксперимент. Стороны, каждая из которых была уверена в своей правоте, согласились признать его результаты. Признать без апелляций и попыток свести счеты.

Великой сложностью опыт по определению фарватера не отличался. В миле от спорного острова, выше по течению, где река текла ровно и спокойно, в воду опустили бочонок из-под виски, для балласта нагруженный камнями. Опустили ровнехонько посередине реки — точку, равноудаленную от берегов, вычисляли долго и тщательно.

Покачиваясь, бочонок медленно плыл по течению. Берега, несмотря на ранний час, были усыпаны зрителя-

и гибели, то в засадах и от руки численно превосходящего врага. Я подумала, что у Кэппулов наверняка имеется своя версия давних событий.

Кеннеди удивляло другое:

— Мне непонятны две вещи, профессор. Во-первых, отчего в многолетнюю бойню не вмешивались власти? Все-таки Иллинойс — не Дикий Запад... Во-вторых, если ваши предки и Кэппулы с такой интенсивностью истребляли друг друга — то почему вендетта тянулась так долго? Оба рода — при всей своей многочисленности — должны были, извините за выражение, закончиться гораздо раньше.

— Очевидно, мистер Кеннеди, на основе моего рассказа у вас сложилось несколько превратное мнение о событиях... Монлезье и Кэппулы не занимались тем, что каждый день палили друг в друга. Засады, о которых я говорил, были скорее исключением, чем правилом — оттого так они и запомнились. Обычно стычки происходили чисто случайно, при неожиданных встречах, — как в истории с молодым Монлезье-Грие и Джезайей Кэппулом. К тому же существовал определенный кодекс кровной мести, от которого стороны старались не отступать. Нельзя было, например, убить противника в его доме, или в церкви, или на кладбище, или когда он находился в обществе женщины или ребенка. Негласные перемирия вступали в силу на время праздников, войн или стихийных бедствий... Кроме того, имелся еще один момент: когда в вендетту начали втягиваться дальние родственники, у них уже не было столь горячего стремления дырявить головы людям, которых они до того в глаза не видели. Родовая честь обязывала — но желания не было. И они, и их противники старались сделать так, чтобы возможностей для случайных встреч стало как можно меньше. А власти, надо сказать, в конце концов все-таки вмешались — после того как в 1851 году в законодательном собрании штата депутаты Монлезье затеяли перестрелку с депутатами Кэппулами, попутно убив и ранив

полтора десятка никак не замешанных в кровной мести людей... В результате в тот год — как раз к тридцатилетнему юбилею начала войны кланов — в наших краях появился Тейлор Блэкстон, человек жесткий и решительный. И заявил, что вендетты здесь больше не будет — даже если ему собственноручно придется перестрелять для этого оба рода вплоть до самых дальних родственников. А у Тейлора слова с делом никогда не расходились...

— Кем же он был, этот решительный Тейлор? — любопытствовала я.

Рассказать профессор не успел. В купе просунул голову проводник, объявил: «Ост-Кемпен! Стоянка три минуты!» — и продолжал буравить нас взглядом, ожидая чаевых за столь бесценную информацию. Пришлось сунуть вымогателю доллар.

Разговор прервался, пути у нас с профессором разошлись — мы с Кеннеди вышли, а он поехал дальше, собираясь выйти на другом берегу, в Вест-Кемпье. Впрочем, на брачном торжестве, начинавшемся через четыре часа, мы должны были еще встретиться.

...Атаковали нас в ту же секунду, как ноги наши коснулись ост-кемпенской земли, столь обильно политой англо-французской кровью... Даже, пожалуй, раньше — еще мои каблуки не успели цокнуть по платформе, Кеннеди, крихтя, еще вытаскивал из тамбура наши чемоданы, — а они уже обрушились на нас, как стая бандерлогов. Хищные, отталкивающие друг друга, алчно поблескивающие бляхами, готовые рвать из рук вещи и тащить их к стоянке такси, или к камере хранения, или к черту в пекло — и вымогать, вымогать, вымогать чаевые... Ненавижу американский сервис.

Но сегодня бандерлоги не преуспели. Короткий резкий свист перекрыл их возбужденное повизгивание. Мы обернулись. По перрону приближался человек, размахом плеч напоминающий центрального футбольной команды, причем облаченного в полное защитное снаряжение. За спиной

футболиста маячили двое полицейских в форме — явно не конвой, но почетный эскорт.

Бандерлоги застыли, глядя на подходящую троицу, как на питона Каа. Футболист не удостоил их ни единым словом, даже не сделал жеста рукой. Неуловимое движение бровью — и стаю вымогателей как ветром сдуло.

— Мистер Кеннеди и доктор Блэкмор, я полагаю?

Мы кивнули, и он сделал знак одному из полицейских, тут же подхватившему чемоданы.

— Я заместитель шефа полиции Ост-Кемпена, Френсис К. Лесли. Можно просто — Фрэнк.

Я узнала голос человека, чей телефонный звонок разъяснил нам суть полученного по почте приглашения. Но, как оказалось, не разъяснил историческую подоплеку назревавших в Ост-Кемпене событий.

5

Лесли очень предусмотрительно забронировал нам два номера в отеле «Нимфа Клайда» — в тот же день, когда отправил по почте приглашения. Потому что для всех держателей окрестных гостиниц, мотелей и кемпингов наступил звездный час — дальние родственники Монлезье и Кэппулов съезжались со всех континентов. В полном смысле слова со всех — Андре-Мари-Жиль Монлезье-Бланш, известный ученый, прилетел из Кейптауна, куда три дня назад вернулся, отработав шестимесячный срок на антарктической станции. Словом, ни гостевых комнат в домах родственников, ни номеров в отелях катастрофически не хватало.

Но у нас с Кеннеди благодаря заботливости Фрэнка проблем с жильем не оказалось. Именно в номере Кеннеди Лесли ввел нас в курс уникального дела — дела по расследованию преступления, которому только еще предстояло совершиться.

— Как вы, очевидно, уже догадались, господа, я тоже принадлежу к отдаленной родне Кэппулов, но тем не ме-

нее, хоть я и позвонил вам по просьбе мистера Джошуа Кэппула, но действовал не столько в его интересах, сколько в интересах соблюдения законности и правопорядка, охранять которые в Ост-Кемпене мне доверено.

Лихо! Отнюдь не каждый полицейский способен вернуть без бумажки такую лексическую конструкцию, ни разу не сбившись в падежах и во временах глаголов. Мне, по крайней мере, столь велеречивые копы до сих пор не попадались. Правда, как мы могли догадаться о его родстве с Кэппулами, все равно осталось неясным. О чем Кеннеди и спросил прямо.

Фрэнк Лесли охотно пояснил, что родня Кэппулов насчитывает сейчас более сотни семейств — но в отличие от Монлезье, сохранявших родовое имя в качестве первой части двойной фамилии, его сородичи пошли иным путем. Как знак кастовой принадлежности, каждый из них носил между именем и фамилией «К» с точкой. И не просто носил — представляясь, произносил ее именно как букву, так же указывал в документах и на визитных карточках...

Конечно, на просторах Штатов живут тысячи и тысячи людей, чье второе имя начинается с буквы «К» и которые не имеют никакого отношения к Кэппулам. Но в округе Ост-Кемпен это безошибочный признак, позволяющий определить родню. Чужие, в том числе и приезжие, предпочитают здесь либо называть и писать второе имя полностью, либо не употреблять вообще.

На этом месте рассказа Фрэнк задумчиво посмотрел на меня и произнес:

— Пожалуй, доктор Блэкмор, за Монлезье вас на свадьбе не выдать. А вот за дальнюю родню Кэппулов... Легкое фамильное сходство усмотреть вполне можно — при большом желании, конечно. Так и сделаем. Со своими наш клан общается все-таки чуть-чуть иначе, чем с чужаками.

— Постараюсь не уронить честь семьи, — заверила я Фрэнка К. Лесли. — Хотя среди моих предков по ма-

тери тоже имелись шотландцы. Возможно, если копнуть поглубже...

— Давайте отложим генеалогические изыскания на потом, — предложил Кеннеди. — До торжества осталось меньше трех часов, а мы с доктором Блэкмор до сих пор не представляем, в чем будет состоять наша задача. Каким может оказаться, как вы выразились по телефону, «потенциально возможное преступление»? В поезде мы услышали от одного из потомков Монлезье предположение, что некоторые гости могут вознамериться свести счеты вековой давности. Это так?

— Что за потомок? — мгновенно насторожился Лесли.

Мы с Кеннеди коротко рассказали о профессоре Монлезье-Луере.

— А-а-а, старый романтик... Это именно он запустил в обиход термин «Столетняя война». Название красивое, спору нет. Но не особо точное. Последние выстрелы действительно прозвучали лишь в 1930 году — но перед ними было многолетнее затишье. Соперничающие кланы предпочитали сводить счеты в политике и экономике... А открыто начать пальбу при всем честном народе — тут ваш профессор вообще хватил через край. Такого не бывало со времен Тейлора Блэкстона.

— Да кто же он был такой, этот Тейлор Блэкстон? — чуть не хором спросили мы с Кеннеди.

— История долгая, расскажу как-нибудь потом... Мистер Кеннеди прав — времени осталось немного, надо ввести вас в курс дела.

Надо сказать, что Лесли не обманул — и позже действительно поведал нам про Блэкстона, положившего конец активной фазе вендетты. Но я изложу эту историю именно сейчас — чтобы в последующих исторических отступлениях прямо перейти к событиям, повлекшим появление в небе Иллинойса биплана-призрака, который вот уже семьдесят три года никак не может совершить посадку...

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА IV

Перестрелка в конгрессе штата Иллинойс, случившаяся во время одного из заседаний весенней сессии 1851 года, имела своей причиной не только старинную вражду между Монлезье и Кэппулами. По крайней мере, до того депутаты из обоих кланов много лет просидели на разных концах зала, стараясь не встречаться в кулуарах, а при случайных встречах за свои кольты хвататься все же не спешили. Очевидно, приравнивали храм законотворчества не то к кладбищу, не то к церкви.

Но к 1851 году многое изменилось. Тело старины Брауна еще жило и здравствовало, но дух его уже всюду витал над Штатами. Набирали силу процессы, которым десять лет спустя было суждено породить Конфедерацию Южных штатов и Гражданскую войну. Короче говоря, законодательное собрание решало простой вопрос: останется ли Иллинойс рабовладельческим штатом?

Нетрудно понять, какую позицию занимали Монлезье, чьи земли до сих пор обрабатывали негры-рабы и которые (Монлезье, не рабы) имели многочисленную родню в Луизиане, Алабаме и Джорджии... Еще легче догадаться, что Кэппулы — отчасти в пику своим кровным врагам — стали активнейшими противниками рабства. Любому чернокожему с плантациям левобережья достаточно было переплыть ночью реку (не попав под пулю патрулирующих берег Монлезье), чтобы оказаться в полной безопасности.

Парламентская дискуссия проходила жарко. И закончилась не менее жаркой перестрелкой. Эта капля переполнила чашу терпения властей штата, до сих пор поглядывавших сквозь пальцы на развлечение, традиционное для богатых родов. В округах Ост-Кемпен и Вест-Кемпье ввели прямое губернаторское правление. А судьей (и одновременно — начальником объединенной полиции обоих городков, полностью обновившей свой состав) был назначен Тейлор Блэкстон.

Откуда этот человек появился в Иллинойсе, не знал

никто. Слухи ходили самые разные. Одни говорили, что в Мексиканскую кампанию он командовал батальоном янки-добровольцев — батальоном, больше напоминающим необузданную банду убийц и грабителей, и на окружающих Веракрус гасиендах его имя до сих пор вспоминают с ужасом. Другие утверждали, что Блэкстон до последнего времени зарабатывал на жизнь тем, что грабил золотые прииски Калифорнии, был изловлен лишь с помощью федеральных войск и купил себе амнистию, согласившись влезть между молотом — Кэппулами — и наковальней-Монлезье.

Скорее всего, ни одна из этих (и других схожих) версий действительности не соответствовала. Но за дело Тейлор Блэкстон взялся круто.

Для начала он посетил стоявшее во главе клана французов семейство Монлезье — просто Монлезье, без приставок. Эти Монлезье стали уже третьей семьей, возглавившей род взамен начисто истребленных родственников и отбросившей в знак своего нового достоинства вторую часть фамилии. Никакого диалога не было — не присаживаясь, Тейлор заявил, что любого члена клана, рискнувшего выстрелить в Кэппулов, в течении четырех часов вздернут. Не убить, не ранить — лишь выстрелить. Заявив это, Блэкстон уехал во владения Кэппулов, коим сообщил то же самое.

Ничего, кроме презрительных усмешек, угроза не вызвала. Хотя нет, пожалуй, вызвала — на следующий день восемнадцатилетний Антуан Монлезье-Леру переплыл на лодке Клайд и демонстративно — издали и почти не целясь — разрядил пистолет в первого попавшегося на пути Кэппула. Даже не Кэппула — всего лишь во владельца бакалейной лавочки Джозефа К. Бонса, состоящего лишь в дальнем свойстве с кланом, но имевшего несчастье написать свое имя на вывеске с пресловутым «К».

Пуля даже не оцарапала бакалейщика. Антуан бросил пистолет и не менее демонстративно отдался в руки многочисленных полицейских, наводнивших в те дни оба го-

рода. Похоже, Блэкстона просто проверяли. И демонстрировали ему, кто здесь главный. Но когда несколько часов спустя адвокаты клана Монлезье прибыли в тюрьму округа с достаточной, по их мнению, суммой залога, Антуана им вернули без внесения денег. Мертвого. Повешенного на тюремном дворе. К телу прилагалась копия приговора, вынесенного чрезвычайным заседанием суда под председательством Т. Блэкстона...

Той же ночью дом, где снял несколько комнат Блэкстон, запылал, подожженный с четырех концов. А Монлезье в пять десятков стволов стреляли по любому движению, что чудилось им за дышащими пламенем окнами. Акт мщения, впрочем, длился недолго. Спустя несколько минут Монлезье попали под густой перекрестный огонь устроившей неподалеку засаду полиции — и полегли почти все. Командовал операцией сам Тейлор Блэкстон, предусмотревший подобное развитие событий. Немногих уцелевших Монлезье судили на выездном заседании суда — тут же, в свете пожарища, — и немедленно вздернули на окрестных деревьях.

Левый берег Клайд-Ривер притих, шокированный таким поворотом дела. На правом, наоборот, ходили королями — уверенные, что Блэкстон не иначе как их дальний родственник, много лет скрывавший родство, дабы оказаться на нынешнем своем посту.

Приятное заблуждение продолжалось до тех пор, пока три недели спустя Бак К. Роджерс не отправился на охоту и не подстрелил случайно встреченного в полях Дени Монлезье-Нуара. Бак и не думал скрывать свой подвиг — вернулся в Ост-Кемпен, радостно хвастая всем встречным и поперечным, что с «родича Блэкстона» причитается за сэкономленную веревку — поскольку, дескать, собака-лягушатник явился на правый берег с ружьем и двумя револьверами явно не пострелять кулопаток...

Через два часа Бак К. Роджерс задрыгал ногами на «веселой вдове» — так в Ост-Кемпене именовали виселицу...

* * *

За девять лет Блэкстон пережил двадцать четыре (!) покушения. Трижды судья был ранен, а после четвертого поджога никто и ни за какие деньги не соглашался предоставить ему жилище — Блэкстон поселился в здании суда, превращенном в настоящую крепость.

Но драконовские меры принесли результат. Взаимное истребление прекратилось. Более того, несколько покушений на судью предпринималось объединенными силами кланов, временно позабывшими вражду в надежде избавиться от общей напасти.

Настоящего примирения, конечно, не произошло — слишком свежа была память о mnogой пролитой крови. Но стрелять друг в друга Кэппулы и Монлезье перестали. У них даже появился оригинальный и рискованный способ сведения счетов: молодежь (без оружия!) переправлялась через реку и начинала всячески задирать и оскорблять соперников — в надежде, что нервы у тех не выдержат. Имелся, конечно, риск самому словить пулю — но ружья и револьверы имеют обыкновение промахиваться, а «веселая вдова» — нет. Поначалу провокации срабатывали, но мало-помалу молодые Кэппулы и Монлезье все больше привыкали выходить из дому невооруженными и разбираться с обидчиками при помощи кулаков. Этого, собственно, и добивался Тейлор, понимавший, что старшее поколение едва ли переделаешь...

На десятый год своей беспощадной тирании Тейлор Блэкстон исчез столь же неожиданно, как и нагрязнул. Накануне своего исчезновения он вновь посетил — впервые за все годы — и Кэппулов, и Монлезье. И тем, и другим сказал всего по шесть слов: «Я уезжаю. Возьметесь за старое — вернусь». Главы кланов, обалдевшие от неожиданности, как-то сразу не сообразили схватиться за оружие — и позволили уйти заклятому врагу, имевшему наглость явиться к ним без обычной многочисленной охраны...

Но спустя недолгое время и река, и все ведущие из Ост-Кемпена и Вест-Кемпье дороги оказались перекрыты засадами — грех было упускать последний шанс поквитаться. Напрасная надежда. Ни одним из тех путей Тейлор Блэкстон не уехал. Никто вообще даже не видел, как он покинул свою цитадель — здание суда. Исчез, словно в воздухе растворился. Еще много лет спустя и Кэппулы, и Монлезье, бывая в самых разных уголках Штатов, спрашивали о человеке с таким именем и внешностью — тщетно. Поневоле у многих закрадывалось сомнение, что Блэкстон был демоном, вынырнувшим из своей преисподней — и в назначенный срок вернувшимся обратно...

6

— Никаких перестрелок между гостями ожидать не приходится, — уверенно заявил Лесли. — Ожидается совершенно иное преступление — хищение уникальной драгоценности, много десятилетий находящейся в собственности семейства Кэппулов и долженствующей послужить свадебным подарком мисс Дездемелль Кэппул в ходе ее бракосочетания с мистером Аленом Монлезье, — и именно для предотвращения означенного преступления я пригласил вас по просьбе отца невесты, мистера Джошуа Кэппула.

Ну, завернул... Я всегда считала, что футболисты выражаются немного проще и короче.

— Как вы узнали о готовящемся хищении? — поинтересовался Кеннеди.

— Очень просто, — сказал Фрэнк Лесли, перейдя на несколько более удобные для восприятия фразы. — Упомянутая драгоценность много лет не была доступна для обозрения. Не выставлялась, ни разу не надевалась. Хранилась... честно говоря, я и сам могу лишь догадываться, где ее хранили, — либо в банковском сейфе, либо в каком-то не менее защищенном тайнике в особняке Кэппулов. За семьдесят лет эту драгоценность видели че-

ловек десять, не более, — если не считать хозяев. О намерении мистера Кэппула сделать столь роскошный, поистине королевский подарок дочери узнали многие. Но внешний вид колье — это именно колье — едва ли кто-либо помнит спустя семьдесят лет после... В общем, последний раз на публике эта драгоценность появлялась так давно, что видевших ее в живых не осталось. Но, как недавно выяснилось, в течение последних двух месяцев несколько крупнейших ювелирных фирм США получили анонимное предложение купить партию драгоценных камней; к предложению прилагалось подробное их описание. Это оказались камни из колье Кэппулов.

— Неужели кто-то мог надеяться, что на подобное предложение откликнутся? Да еще на анонимное? — изумилась я. — Тут ведь за мило пахнет аферой!

— Вы ошибаетесь, — возразил Фрэнк. — Анонимная продажа — достаточно распространенная практика. Многие весьма известные в этой стране люди не желают, чтобы продажа их драгоценностей получала огласку. И из соображений престижа, и из-за налоговых проблем. Анонимно продают — и продолжают сверкать на светских раутах подделками. Техника изготовления бижутерии достигла в наше время небывалых высот. Единственное, о чем заботятся ювелирные фирмы, дорожащие своей репутацией, — чтобы покупаемая драгоценность не оказалась в списке объявленных в розыск. А фиктивным продавцом зачастую выступает какая-нибудь фирма, зарегистрированная на Каймановых островах с уставным капиталом в один доллар.

Кеннеди спросил:

— Как ювелиры догадались, что им предлагают именно колье Кэппулов? Если никто его и в глаза не видел?

— Таинственному продавцу не повезло. Главный специалист-оценщик одной из нью-йоркских фирм, получивших предложение, двадцать лет назад был приглашен отцом Джошуа Кэппула для экспертизы и оценки стоимости колье. Разумеется, стоимости на тот момент. Кэппулы

примерно раз в поколение конфиденциально проводят подобную оценку. За двадцать лет ювелир не забыл уникальную вещь — и сразу понял, что за камни ему предлагают. В полицию обращаться не стал, колье ведь в розыск не объявлялось... Позвонил Кэппулу и осторожно намекнул, что согласен купить колье. Мистер Джошуа весьма удивился, и тогда старик рассказал ему все. Мистер Кэппул обратился ко мне. Конечно, у нашего шефа полиции опыт куда больше, но...

— Но у него нет буквы «К» между именем и фамилией, — догадалась я.

Фрэнк К. Лесли кивнул.

— История не оригинальная, — заметил Кеннеди. — Многие уникальные произведения искусства, которые трудно сбыть, крадут под конкретного заказчика. Второй вариант — произведение заменяется дубликатом, и его исчезновение обнаруживается много позже, когда вор уже спокойно сбыл добычу... Этот вариант, надеюсь, вы проверили сразу?

— Проверили. Перед вручением подарка Кэппул все равно хотел произвести его очередную оценку... Подмены не произошло. Колье подлинное.

— Если не секрет, во сколько его ныне оценили? — спросила я.

— Вопрос сложный... — замялся Фрэнк. — Когда продается такая уникальная вещь целиком, то стоит она именно столько, сколько согласен заплатить клиент. Если же продавать по частям — как попытался гипотетический потенциальный похититель, — то получится значительно дешевле... Но даже вразбивку, по среднерыночным ценам на драгоценные камни, получается около ста восьмидесяти миллионов долларов...

— Сколько-сколько?! — поперхнулся Кеннеди.

Я же попросту онемела.

— Я ведь говорил — драгоценность уникальная. Дело в том, что бригадный генерал Эбрахам Кэппул принимал участие в знаменитом рейде Шермана. А у жен и доче-

рей богатых плантаторов всегда были неплохие драгоценности...

— То есть ваш предок мародерствовал... — сказала я.

— Во-первых, не предок — я происхожу из другой линии. А во-вторых, можно выразиться и аккуратнее: брал военные трофеи. Что поделать, время было такое... Мелкие и наименее ценные камни генерал продал, существенно укрепив пошатнувшееся за время распри с Монлезье хозяйство. А самые отборные бриллианты, вынутые из многих тоже в свое время весьма известных драгоценностей, пошли на колье Кэппулов.

Я живо представила себе, как люди в синей форме федератов под недреманным оком генерала-мародера роются в руинах разнесенного огнем артиллерии особняка, как извлекают засыпанный обломками несгораемый ящик, как саперы взрывают его пироксилином, как жадные пальцы борца за свободу негров лезут внутрь... Не хотелось представлять другое — как последователь Джона Брауна говорит своим головорезам: «Поделим добычу честно, ребята. Девку на всю ночь вам, а эту висюльку с ее шеи — мне...»

Мне вдруг расхотелось заниматься этим делом. Возникло желание отправиться на вокзал, сесть в поезд, идущий обратно, в Род-Айленд. Пусть к чертям украдут это залитое кровью колье... Я посмотрела на Кеннеди. У него на лице схожих желаний не читалось. Вздохнув, я решила: ладно, в конце концов, эта девочка, Дездемона Кэппул, уж никак не виновата в тех гнусностях, что творил ее предок... Да и жених, Ален Монлезье, может оказаться вполне приличным молодым человеком.

Кеннеди спросил:

— Как я понимаю, колье появится перед публикой именно на свадебной церемонии? До венчания или после?

— После. Венчание пройдет в старинной церкви начала позапрошлого века. Выбрана церковь неспроста — именно около нее застрелили полковника Илайю Кэппула. То есть распря завершится именно там, где началась. Есте-

ственно, всех гостей небольшой храм вместить не сможет — брачная церемония состоится лишь в присутствии близких родственников. Главное же торжество произойдет возле дома Джошуа Кэппула.

— Возле? — переспросила я.

— Именно возле. Вы не представляете, сколько приехало гостей... Чтобы расставить праздничные столы в помещении, пришлось бы арендовать крытый стадион — а таковых в округе не имеется.

— Масса малознакомого народу на открытом пространстве... — протянул Кеннеди. — Рискованно, Фрэнк... Наверняка и Кэппулы, и Монлезье даже не знают в лицо всех своих дальних родственников, живущих где-нибудь у черта на куличках... В этой толпе легко могут остаться незамеченными грабители, переодетые гостями, — и не один-два, а многочисленная группа.

— Думаете, мне это не приходило в голову? — вздохнул Лесли. — Но одно могу пообещать точно — оружие туда никто не пронесет. Ни на себе, ни как-либо еще. С оружием там будут только мои люди. И вы.

— Вы могли бы изложить диспозицию подробнее? — спросил Кеннеди.

Лесли кивнул, водрузил на стол ноутбук и начал манипулировать клавишами. Вскоре на экране возник трехмерный план дома и прилегающего к нему парка. Усадьба Кэппулов, догадалась я.

Фрэнк К. Лесли объяснял диспозицию, и параллельно картинка на экране менялась. Через несколько минут нам стало ясно, что, несмотря на футбольную внешность, организатор из Фрэнка более чем толковый. Он продумал практически все. Гипотетические похитители никак не могли просочиться сквозь двойное кольцо оцепления, ускользнуть от внимания снайперов и замешавшихся в толпу агентов в штатском. А пройдя легально, по приглашениям, — никоим образом не смогли бы ускользнуть с добычей.

Поневоле я подумала, что бы смогла предпринять, если бы играла за тех. И спросила:

— Атаку с воздуха вы предусмотрели? В ожидании подобного куша можно арендовать вертолет.

— Предусмотрел. Все имеющиеся в радиусе ста миль вертолеты под негласным контролем. Да вертолет им не очень-то и поможет... Смотрите: вон там, на плане дома, мерцает красный огонек. Это местонахождение колье на настоящий момент — в подвале, в сейфе. Чтобы извлечь его оттуда сейчас, надо посадить на вертолеты «Дельту» в полном составе — и то не знаю, получится ли у них что-нибудь без поддержки артиллерии и танков. Опасный момент наступит чуть позже — когда колье будет выставлено для обозрения.

Он проделал еще несколько манипуляций с клавишами — мерцающее красное пятнышко-колье поползло по экрану.

— Смотрите, — продолжил Лесли, — колье для обозрения будет выставлено на открытой террасе дома. Вертолету поблизости не приземлиться и не зависнуть — мешают деревья, провода. А если он десантирует группу в отдалении — вон там, где столы и эстрада, — фактор внезапности будет потерян. Мои люди просто расстреляют «вертушку» из гранатометов.

— Допустим, — не сдавалась я, — что один из гостей схватит колье, помчится во-о-он туда и ухватится за трап быстро подлетевшего вертолета. При хорошей синхронизации действий может сработать. Особенно если с вертолета пара пулеметчиков будет поливать свинцом ваших людей.

— Исключено, — отрезал Лесли. — Колье будет лежать на террасе не открыто. Под огромным колпаком, намертво соединенным с основанием. По сути дела, это тот же сейф — лишь прозрачный. Чтобы вскрыть его, потребуется изрядно времени и несколько комплектов алмазных сверл. Под мышку тоже не возьмешь и не побежишь — конструкцию с трудом поднимают четыре человека.

Кеннеди спросил с легким оттенком иронии:

— Отец так и подарит колье дочери — в огромном прозрачном сейфе?

— Нет, конечно... И это самый ответственный и рискованный момент. Футляр вынесут поближе к столам — вот сюда. Затем его откроют, Джошуа Кэппул наденет колье на шею дочери, она станцует один танец с молодым мужем... И — я надеюсь — после этого проклятая побрякушка вновь надолго исчезнет с людских глаз. А чтобы вручение подарка произошло без эксцессов, я предусмотрел следующее...

Через десять минут нам с Кеннеди стало ясно: Фрэнк предусмотрел все. И, похоже, пользуясь влиянием Кэппула, стянул на подмогу полицейские силы со всего Иллинойса. Пока он рассказывал, я в своих попытках сыграть за противника обдумывала подкоп — во время танца земля разверзается, и невеста вместе с колье рушится вниз, — но быстро оставила эту мысль. Оказывается, в подвале дома установили пару сейсмодатчиков, способных засечь чуть ли не крота, копающего свой ход...

Кеннеди озвучил наши общие мысли:

— Больше того, что сделано, никто бы не сделал... Маленький вопрос: зачем вы пригласили нас?

Фрэнке К. Лесли ответил как-то понуро и тоскливо:

— Вы верите в предчувствия? И я не верю. Но одно чувство у меня растет и крепнет в последние дни: что-то стрясется. Что-то обязательно стрясется сегодня с проклятым колье... Есть вещи, которым не стоит вылезать на свет божий, — и эта побрякушка одна из них. А зачем я вас пригласил... Всего лишь выполняя пожелание мистера Кэппула. Ему рассказала про ваше детективное агентство миссис Баскер. Миссис Джулия К. Баскер.

Ну и ну, подумала я. Оказывается, дама с собачкой, подкинувшая «Бейкер-стриту» его первое дело, тоже из Кэппулов... Тесен мир.

— Миссис Баскер поведала про ваши с доктором Блэкмор детективные таланты: что вы можете по мельчайшим нюансам во внешности и поведении многое сказать

о человеке и даже безошибочно вычислить преступника. Мистер Джошуа Кэппул — он весьма тревожится за колбе — загорелся этой идеей. Поэтому ваша задача проста: присутствовать на свадьбе, общаться с гостями и попытаться применить упомянутые таланты. Я понимаю, шанс невелик, гостей слишком много, но попробовать стоит... Однако нам пора ехать. Переодевайтесь, через сорок минут жду вас в машине.

— Через час, Фрэнк, через час, самое меньшее, — правила я.

А сама подумала: наверняка парень не женат и никогда не стоял нервно в дверях, готовый к выходу, ожидая, пока жена закончит возиться с макияжем.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА V

После исчезновения Мистера Вережки, сиречь Тейлора Блэкстона, на берегах Клайд-Ривер наступило короткое затишье. Не нарушаемое пока выстрелами.

Вполне могло быть, что избежавшие объятий «веселой вдовы» мужчины старшего поколения вновь развязали бы вендетту, помаленьку втянув туда и молодежь, подросткую без привычки хвататься за оружие при виде представителя враждебного клана.

Могло, но не сложилось. Хотя пострелять друг в друга Монлезье и Кэппулам пришлось — приближалась Гражданская война.

Нетрудно догадаться, в каких лагерях оказались противоборствующие семейства. Именно на деньги старого Феликса Монлезье формировался «Белый легион Миссисипи», в который вошла самая отчаянная молодежь Иллинойса и Канзаса и которому суждено было стать лучшим конным полком в армии генерала Ли. Командовал полком сын старика, Роже Монлезье, — и полковник Соломон Кэппул (родной племянник генерала Эбрахама Кэппула, столь прославившегося в рейде Шермана) гордился тем,

что именно его пушки выкосили картечью «Белый легион», пытавшийся дерзкой атакой переломить ход сражения у Индейской реки... Полковник даже хвастался, будто бы самолично наводил пушку, убившую своим выстрелом «Роже-лягушатника».

Впрочем, хвастаться долго ему не пришлось, Монлезье таких обид не прощали. И спустя два месяца скальп полковника Соломона украсил луку седла молодого конфедерата Виктора Монлезье-Ружа, происходившего из луизианских Монлезье. Сам Виктор Монлезье-Руж погиб уже в самом конце войны, при осаде Ричмонда.

В общем, можно сказать, что перипетии Столетней войны очень тесно переплелись с событиями войны Гражданской. Но если в столкновении Северных и Южных штатов победили федераты-северяне, то в схватке Монлезье и Кэппулов победителей не оказалось. Как всегда и бывает, погибли самые отважные, а уцелели те члены обоих кланов, что остались в тылу и занимались поставками в армию северян сапог с отваливающимися через сотню шагов подметками, а в армию конфедератов — мяса с душком...

А после Гражданской войны пришло их время. Правила схватки стали иными. Теперь дело решало не умение первым выхватить револьвер, но способность тихо и незаметно скупить акции нужной компании. Столетняя война стала войной экономической.

Нет, выстрелы еще порой звучали, но скорее как исключение. И никаких скидок на старинные обычаи и традиции стрелявшим уже не делалось — шли под суд, как обычные уголовные преступники.

Поначалу, в годы Реконструкции, перевес в экономическом соперничестве клонился на сторону Кэппулов. Но Монлезье в очередной раз доказали, что не привыкли теряться в изменившейся обстановке, — и постепенно положение выравнивалось.

Как и в самые кровавые времена вендетты, ни один выстрел в этой войне не оставался без ответа. Когда

Кэппулы выбрали концессию на постройку железной дороги, проходящей через Ост-Кемпен и грозившей нанести изрядный ущерб речному бизнесу Монлезье, французы оплатили тем, что втрое подняли цену на сплавляемый по Клайду лес. И шпалы Кэппулам пришлось возить за тридевять земель, в результате стройка оказалась вовсе не такой доходной, как предполагалось... Когда Монлезье вторглись в традиционную сферу Кэппулов и возвели на своих землях огромный маслозавод, работающий на новой для Иллинойса культуре — рапсе, для заводиков правобережья, давивших традиционный подсолнечник, наступили черные дни. Но Кэппулы ответили тем, что протащили в конгрессе Иллинойса законопроект о переводе штата на газовое освещение (взяв подряд на его реализацию). В результате Монлезье несколько лет имели трудности со сбытом дешевого рапсового масла — и завод окупился гораздо позже, чем планировалось...

И конечно же, главным полем битвы стала Чикагская биржа. Если Кэппулы были заядлые «быки», то Монлезье, разумеется, не оставалось ничего иного, как стать «медведями». Ах, какие изящнейшие корнеры и рискованнейшие демпинги в исполнении соперничающих кланов хранят летописи Чикагской биржи! Люди, способные видеть романтику в бесстрастных колонках цифр, наверняка восхитятся этими финансовыми дуэлями не меньше, чем любители крови и выстрелов — подвигами Роже Монлезье-Гоша, в одиночку выходившего против полудюжины Кэппулов...

Однако к началу нового, двадцатого века стала намечаться тенденция, сильнее и сильнее тревожащая ревнителей традиций, засевших в Ост-Кемпене и Вест-Кемпье. Смерть полковника Илайи Кэппула и даже кровавые схватки Гражданской войны все более становились историей для молодых членов кланов, расселившихся по всем Штатам, — историей зыбкой и нереальной. Законы же коммерции были вполне конкретными и очевидными.

Они, эти законы, гласили: в бизнесе нет друзей и нет врагов — есть Господин Доллар и Госпожа Прибыль.

Все чаще до непреклонных стариков доходили вести: то там, то тут Кэппулы (вернее, носители клановой «К») затевают совместные финансовые проекты с Монлезье-Имярек. Хуже того, даже член возглавлявший клан семьи, Эбрахам Кэппул, не устоял — вложил деньги в техасскую нефть совместно с луизианским Монлезье-Рошфором...

Старики негодовали, но век их кончался.

Как ни странно, яркой поборницей примирения с Монлезье выступила Ревекка Кэппул (в девичестве — тоже Кэппул), внучка небезызвестного генерала, собиравшего в Джорджии коллекцию бриллиантов... Хотя Ревекке как раз довелось пострадать от одного из последних выстрелов Столетней войны: в 1903 году в Европе, в Ницце, был убит ее младший, горячо любимый брат Джеремиа — студент Геттингенского университета. Убил его на дуэли молодой офицер Жан-Мари Монлезье-Сюрмер, советник американской военной миссии во Франции.

Впрочем, вполне возможно, что два молодых человека дрались вовсе не за фамильную честь. Не исключено, что обоим просто вскружила головы одна и та же красotka, а старые счета послужили лишь катализатором в конфликте...

Как бы то ни было, поединок состоялся, и молодые люди доказали, что отнюдь не растеряли фамильных навыков в обращении с оружием. Попали оба. С простреленным левым плечом Жан-Мари всадил-таки молодому Кэппулу пулю прямо в сердце...

Безутешная Ревекка возненавидела не Монлезье, но саму идиотскую, от предков доставшуюся вражду. Дочерей у нее не было, с невестками миссис Кэппул не слишком ладила — и, умирая, завещала колье Кэппулов той из девушек их семьи, которая первой выйдет замуж за представителя рода Монлезье. Попытки сыновей и невесток оспорить завещание не удались, адвокаты Ревекки знали свое дело...

★

Стимул оказался велик. Но в течение двенадцати лет после смерти Ревекки соискательниц наследства не находилось. Совместная коммерция — одно, но так вот сразу взять да и породниться... Хотя порой молодые дальние родственники Монлезье — не преуспевшие на традиционном коммерческом поприще — пытались. Сватались — не столько к племянницам покойной миссис Кэппул, сколько к ее знаменитым бриллиантам. Но получали от ворот поворот.

Двадцативосьмилетний Анри Монлезье-Руж (прямой потомок лихого кавалериста-конфедерата, оскальпировавшего полковника С. Кэппула) свататься к наследницам давних врагов не пробовал. Он жил на отшибе и не интересовался семейными новостями.

Анри слыл паршивой овцой в сплоченном стаде Монлезье: контрабандист и игрок, воздушный бутлегер, владелец и пилот старого, с мировой войны оставшегося биплана, известного всему Среднему Западу под ласковым прозвищем «Пьяный Мустанг»...

Но именно этот сорвиголова случайно встретил в мае 1930 года юную красавицу Джудифь Кэппул. И понял, что пропал...

7

Прибывшие из церкви молодые меня лично разочаровали.

— Типичное «Падение дома Ашеров», — тихонько, чтобы никто не услышал, сказала я Кеннеди.

Он ответил шепотом:

— Вот живой пример, опровергающий теорию, что в семьях, практикующих близкородственные браки, чаще рождаются гении.

Признаков гениальности на лицах свежесобвенчанной парочки действительно не наблюдалось. Но гений, что ни говори, такое же отклонение от нормального хомо сапиенса, как и законченный олигофрен. У людей, из поколе-

ние в поколение женищихся на двоюродных родственниках, подобные отклонения вполне закономерны.

У невесты характерная черта Кэппулов — чуть скошенный назад подбородок — приобрела уже несколько гипертрофированный вид. Да и вся она была какая-то бледная, анемичная, с заторможенными движениями. Жених выглядел чуть поживее, но и он казался заморышем на фоне прочих Монлезье, не боявшихся мешать свою кровь с отнюдь не родовитыми семействами. Впрочем, на молодую жену Ален Монлезье смотрел с неподдельной любовью. А это, согласитесь, все-таки главное...

Столы были накрыты двух видов: банкетные, рядом с возвышением, где за дубовым столом восемнадцатого века восседали молодые и их ближайшие родственники, и фуршетные, живописно раскиданные по старинному парку, — немалая часть Монлезье-Имяреков и Кэппулов-«К» сразу устремила к ним, явно не желая выслушивать бесконечные здравицы молодым. Похоже, кое для кого эта свадьба стала лишь поводом пообщаться с далеко живущими родственниками.

— Пожалуй, нам сюда, — кивнул Кеннеди на фуршетные столы. — Едва ли потенциальные злоумышленники объявятся там, возле жениха с невестой, под прицелом телекамер и взглядами стариков, назубок знающих генеалогическое древо. Пошли работать, Элис...

И мы пошли работать.

* * *

Не знаю, так ли уж талантливы Монлезье в военных и коммерческих делах, как гласят их семейные легенды. Но бабниками оказались все поголовно.

Едва я закончила пестрящую куртуазными намеками беседу с Жаном Монлезье-Люка, владельцем сети прачечных в Денвере, как ко мне тут же приблизился с бокалом в руке Андре-Мари-Жиль Монлезье-Бланш — вы-

сокий, лет сорока пяти мужчина, выделявшийся в толпе гостей окладистой бородой и кирпично-бурым загаром.

— О-о-о, мадемуазель тоже из Кэппулов? — без обиняков спросил он, делая вид, что внимательнейшим образом рассматривает всего лишь приколотый к моей груди бэйдж. — По лицу и не скажешь, совершенно другой тип, совершенно...

Бэйдж, который (и окрестности которого) столь тщательно изучал Андре-Мари-Жиль, гласил, что зовут меня Элис К. Блэкмор.

— Двадцать седьмая вода на киселе, — обтекаемо ответила я русской идиомой. Вполне возможно, что и не соврала. В конце концов, если принять на веру историю Адама и Евы, — все мы от инцеста произошедшие родственники.

И, чтобы поддержать светскую беседу, я тонко намекнула на его тропический загар:

— Мсье недавно вернулся с юга?

— О да! Совсем недавно, и совсем с юга! С такого юга, что южнее уж некуда!

Из дальнейших слов Бланша выяснилось, что он ученый-геофизик, просидевший полгода в Антарктиде, вернувшийся лишь три дня назад и через пару-тройку недель собирающийся обратно. Причем в каждом слове сквозил намек, что за шестимесячное затворничество Андре-Мари-Жиль накопил невероятные запасы мужской ласки и нежности — и очень жаждет ими поделиться.

Но, увы, я уже потеряла к нему интерес. Любвеобильный геофизик никак не мог быть искомым человеком. Мысль, что можно в Антарктиде разработать детальный план похищения коле Кэппулов, приехав лишь к его реализации, казалась абсурдной.

Но отвязаться от ученого оказалось не так-то просто. С обаятельной настойчивостью он выяснил, какое у меня образование. Узнав, что я имею дипломы по физике, по медицине и по социологии (про академию ФБР пришлось умолчать), он возликовал:

— О-о-о!!! Не теряйте времени, мадемуазель! Именно такие — с многопрофильными знаниями — люди позарез нужны в Антарктиде!

И с увлечением начал расписывать, как весело (и весьма доходно) жить в обществе двадцати семи мужчин на засыпанной снегом станции и какие удивительные находки таятся под ледовым панцирем шестого континента.

— Одна древняя цивилизация антарктов чего стоит, мадемуазель! Да-да!! Регулярно мы наталкиваемся на факты, которые ничем иным объяснить невозможно, просто невозможно!

Его напор оказался так силен, что на секунду я усомнилась: может, и вправду? Послать к чертям это залитое кровью кольцо, уехать на крайний юг искать следы антарктов... Двадцать семь мужчин — мужественных бородастых полярников. И я — вся в белом.

От гипноза Андре-Мари-Жиля меня спас один из распорядителей торжества, цепко ухвативший ученого за рукав. Геофизик вздохнул:

— Извините, мадемуазель, мне нужно выступить с поздравлением молодым. Никак не отвертеться — сейчас как раз выступают по очереди представители Монлезье и Кэппулов, расселившихся по разным континентам, и Антарктиду представляю я один...

На ходу он вынул из кармана и протянул мне визитную карточку:

— Если надумаете, мадемуазель, — позвоните непременно! Непременно! Впрочем, если не надумаете, — звоните тоже. Я буду ждать!

И он отправился поздравлять молодых от лица всех жителей Антарктиды, включая вымерших антарктов и здравствующих пингвинов...

Карточку я убрала подальше. Вдруг да пригодится.

А сама двинулась к фуршетным столам и эстраде, с которой гремели усиленные динамиками поздравления. Двинулась, ища взглядом Кеннеди. Он обнаружился в окружении кучки молодых «К», которым увлеченно

рассказывал что-то, — судя по энергичным жестам, к коммерции отношение не имеющее.

Мы обменялись взглядами. Кеннеди пожал плечами. И он без улова... Я ответила аналогичным жестом. Или Лесли с Джошуа Кэппулом переоценили наши детективные способности, или в этом многолюдстве нам просто пока не удалось столкнуться с готовящими акцию людьми. Впрочем, вполне могло быть, что никакой акции и не будет, что разосланное ювелирам предложение — чья-то мистификация, призванная потрепать нервы главе рода Кэппулов. И грех винить мистера Джошуа в том, что он дует на воду...

8

Как-то само собой, без предварительной договоренности сложилось, что Кеннеди в тот день занимался Кэппулами, а я — Монлезье. Может, виной тому стала врожденная галантность французов.

Обаятельнейший Франсуа Монлезье-Демьер, владелец речного флота, количеством вымпелов лишь немного уступающего Либерии, настойчиво уговаривал меня проделать вместе с ним путешествие по Миссисипи — от самых верховьев, от Сент-Пола, до устья, до второй родины его предков — Нового Орлеана.

— Вы увидите всю Америку, всю, как она есть, мадемуазель! — убеждал он. — У меня имеется пароходик — снаружи полнейший реликт: гребные колеса, медный колокол, две дымящие трубы — сплошной Марк Твен! А внутри — вы просто будете шокированы, мадемуазель Элис! Одна палуба — натуральный, без дураков, девятнадцатый век, ни грамма пластика: кожа, дерево, серебро, слоновая кость... А этажом ниже — век двадцать первый: космический дизайн, современнейшие материалы и технологии, вся мыслимая и немислимая электроника! Это машина времени, настоящая машина времени! Несколько шагов по трапу — и вы переноситесь на две

сти лет вперед или назад! Соглашайтесь, мадемуазель, не раздумывайте!

А почему бы и нет? — подумалось мне. Отчего бы и не прокатиться на машине времени по всей, как она есть, Америке? Увижу...

И тут я увидела.

Не всю, как есть, Америку, естественно. Но одного из гостей, вызвавшего у меня чувство легкой тревоги. Что-то было с ним не так...

Я мило и светски улыбалась владельцу двухтрубной машины времени и что-то ему говорила, а сама напряженно пыталась понять, что так насторожило меня в пожилом мсье, оказавшемся неподалеку от нас. На первый взгляд ничего подозрительного: ухоженная козлиная борода, пенсне допотопного вида, видеокамера в руке, тоже старинная, громоздкая... Стоп! Стоп!!

Видеокамера! Ее козлородый обладатель не первый раз за сегодня попался мне на глаза. Но — ни разу ничего не снимал своим видеоагрегатом. Ничего! Ни возвращение молодых из церкви, ни лобзания их с близкой и дальней родней, ни вручение подарков... Зачем тогда притащил? Может, в руках у него нечто, лишь замаскированное под камеру?

Наскоро пообещав путешественнику во времени, что подумаю над заманчивым предложением, и присоединив его визитную карточку к антарктической, я неторопливо двинулась в сторону козлородого. Он тоже был из Монлезье — Пьер-Анж Монлезье-Гренель, если верить бэйджу. Однако семейного интереса к прекрасному полу (в моем лице) этот Монлезье не продемонстрировал. Скользнул равнодушным взглядом — и отвернулся. Чем только укрепил мои подозрения.

Тут я узрела в отдалении знакомое лицо профессора-историка. И решила использовать его в своих коварных планах. Подошла, поздоровалась, позволила поцеловать ручку, выслушала несколько комплиментов, бывших свежими и оригинальными лет сто назад... Более того, на

куртуазные намеки профессора отвечала фразами, которые при желании можно было истолковать весьма вольно. А сама, как опытный лоцман, исподволь подводила историка поближе к владельцу странной видеокамеры.

— Ах, профессор, — томно проговорила я, — мне видится явный знак судьбы в нашей второй встрече. Давайте попросим вашего родственника увековечить ее! — И я кивнула на камеру в руках козлобородого.

На лице профессора отразилось некое сомнение. Коллебанье. Возможно, между Монлезье-Луерами и Монлезье-Гренелями существовали какие-то трения... Но желание дамы историк выполнил. Обратился с просьбой к родственнику.

— Извините, мадемуазель, извините, Гастон, но это невозможно, — отказался Гренель. — Кассета предназначена исключительно для съемок колье Кэппулов. В кои-то веки оно увидит свет — и я не собираюсь упустить шанс.

Так-так... Последнюю фразу можно истолковать неоднозначно... Я провокационно спросила:

— Вы любитель старинных драгоценностей?

— Это моя работа, мадемуазель! Я ювелир, старший партнер известной уже сто двадцать лет ювелирной фирмы. — Монлезье-Гренель прервался, чтобы прибавить свою визитку к уже скопившимся у меня. — Я видел это колье — представляете? — и даже держал в руках! Но провести фото- или видеосъемку мне тогда не позволили...

Вот оно что... Все складывается одно к одному. Этот внешне безобидный старичок может оказаться автором плана ожидаемого хищения. Похоже, именно он проводил последнюю оценку бриллиантов. Неясно, правда, зачем ювелиру-профессионалу рассылать предложение по коллегам и конкурентам — уж он-то мог сбыть камешки без малейшей огласки. Хотя — неплохой способ отвести подозрения от себя. И уж никто, вероятно, не разбирал на части видеокамеру почтенного мсье, на вид никак не способного на решительные силовые акции. Но что-либо стреляющее или взрывающееся, пронесенное таким спо-

собом, недолго передать молодому сообщнику — тех наверняка сотрудники Лесли проверяли более тщательно...

Честно говоря, и вместе, и порознь эти поводы для подозрений казались более чем шаткими. Но я уверилась, что иду по правильному следу. Потому что мое шестое чувство подало сигнал тревоги отнюдь не при виде допотопной камеры — неправильность с ней я осознала чуть позже. Было, было в поведении ювелира что-то, что словами не опишешь, что можно только почувствовать... Затаенная тревога? Ожидание чего-то? Глубоко спрятанный страх? Не знаю. Но что-то было...

Пока у меня в голове вертелись эти мысли, ювелир начал рассказывать подробную историю кольца Кэппулов. Поначалу его слушателями стали лишь мы с профессором да еще одна оказавшаяся поблизости парочка. Но постепенно аудитория увеличивалась. Тема оказалась актуальной, гости, особенно дамы, с нетерпением ожидали появления уникальной драгоценности...

Я выскользнула из густеющей на глазах толпы, окружившей Монлезье-Гренеля. И поспешила на поиски Фрэнка К. Лесли. Профессор попытался было увязаться следом, но я сослалась на неотложные дамские дела.

9

— Совершенно исключено, — отверг футболист мои подозрения. — Во-первых, все специалисты единодушны: разосланное по ювелирам описание сочинил дилетант. Видевший камни, державший в руках, даже взвешивавший — но дилетант.

— Совершенно естественный ход со стороны профессионального ювелира, — настаивала я. — Специалисту куда проще выдать себя за профана, чем наоборот.

— Возможно, вы и правы... Но есть еще один момент. Монлезье-Гренель впервые увидел кольцо после того, как ювелиры получили анонимное предложение. Спустя неделю. А до этого мог лишь слышать легенды о нем.

— Хм... Но ведь его фирма существует сто двадцать лет... Может, кто-то из предшественников приглашался на одну из предыдущих оценок и в архиве фирмы осталось подробное описание колье?

— Тоже исключено. Не забывайте, что он Монлезье... Кэппул-отец, надо думать, сейчас пригласил его неспроста — чтобы новые родственники из первых рук узнали, что за приданое получает Джебелль. Но раньше такое было попросту невозможно.

Пришлось удрученно согласиться с тем, что мои легендарные интуиция и чутье на этот раз дали сбой.

— Больше ничего подозрительного? — спросил Лесли. Я покачала головой.

— Может, и обойдется, — сказал он с сомнением. — Через полчаса вынесут колье. Как бы я хотел, чтобы этот день уже закончился...

Когда я вернулась к исполнению своих обязанностей, толпа вокруг ювелира и профессора отнюдь не рассеялась. Наоборот, стала еще гуще.

Но теперь рассказывал Монлезье-Луер. Рассказывал странную историю о предыдущем, семидесятилетней давности, появлении на публике фамильного колье. О последних выстрелах Столетней войны. И о биплане-призраке, мчащемся из ниоткуда в никуда в ночном небе Иллинойса.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА VI

Когда Анри Монлезье-Руж впервые увидел Джудифь Кэппул, она горько рыдала.

Слезы редко красят женщину, но Джудифь все равно показалась молодому Монлезье прекрасной. А когда рыдает прекрасная девушка, то...

Он подошел решительным шагом. Он сделал настолько уверенно-небрежный жест в сторону начинавших собираться зевак, что они мгновенно вспомнили про свои

неотложные дела. В Броквуде, штат Техас, хорошо знали «Пьяного Мустанга» и его бесшабашного пилота. Знали, что оскорбленный Анри за словом в карман не полезет — полезет за револьвером.

— Что случилось, мадемуазель? — спросил он участливо.

— Поезд... поезд... — других слов сквозь рыдания было не разобрать.

Поскольку дело происходило на площади перед вокзалом Броквуда, Анри догадался: девушка отстала от поезда. Не опоздала — никаких вещей у нее не было, а именно отстала.

Через несколько минут, когда рыдания поутихли, его догадка вполне подтвердилась. Джудифь возвращалась из пограничного с Мексикой Эль-Пасо от родственников. Те посадили ее в поезд и, скорее всего, уже отправили отцу телеграмму. Наверняка он будет ее встречать, а она... Ужас, ужас, ужас... Ведь она везла, везла семье кучу мексиканских сувениров — но увидела, что тут, на площади, продают серапе очень оригинальных расцветок, и... и... Поезд должен был стоять десять минут, но... Ни денег, ни вещей, ничего... Отец никогда и никуда теперь не отпустит ее одну...

Серапе — действительно, довольно оригинальное — валялось в пыли под ногами.

Кошмарной и безвыходной ситуация могла показаться лишь впечатлительной девятнадцатилетней девушке. При помощи телеграфа проблема решалась легко и просто. Но Анри — через десять минут общения с Джудифью — понял, что пропал. Пропал окончательно и бесповоротно. Понял, что ему, влюбленному доньне лишь в синеву неба, будут теперь сниться эти заплаканные синие глаза...

— Этот пустяк не стоит ваших слез, мадемуазель, — сказал он уверенно. — Поезда по Техасу ездят неторопливо. До Форт-Уэрта мы успеем перехватить его трижды.

— У вас есть автомобиль? — спросила девушка со сла-

бой надеждой. — Боюсь, я не выдержу бешеной конной скачки по прериям...

У нее уже мелькнула мысль о машине — едва Джудифь увидела исчезающий за семафором поезд. Но жители маленького патриархального Броквуда до сих пор предпочитали пользоваться старым добрым гужевым транспортом.

— Машины у меня нет, извините, мадемуазель. Есть кое-что получше. Самолет.

...До сих пор мисс Кэппул не доводилось воспарять над грешной землей. Впечатление было потрясающим. Она не отрываясь смотрела на расстелившуюся под крылом «Мустанга» огромную пыльную карту Техаса — онемев от восторга. Старый биплан казался ей чудом техники, а его пилот... Она сама не понимала, кем казался ей Анри. Джудифь в свои девятнадцать лет еще ни разу по-настоящему не влюблялась...

Поезд они догнали — преодолев за час сотню миль. Но, как оказалось, зря. Выяснилось, что стараниями соседей по купе и проводника всю имущество мисс Кэппул было аккуратнейшим образом упаковано, уже на следующей станции вручено машинисту встречного поезда — и сейчас наверняка поджидает владелицу в Броквуде.

Полетели обратно — уже не торопясь, сделав крюк для заправки.

Начальник станции Броквуд, жизнерадостный толстяк в ковбойских сапогах и стетсоне, несказанно удивился: как, ему ведь сказали, что мисс улетела домой самолетом! И он самолично отправил все ее вещи посылкой в Иллинойс, согласно обнаруженному на чемодане адресу. Буквально на ходу впихнули в почтовый вагон лишь чуть притормозившего курьерского поезда! И все бесплатно, мисс, все за федеральный счет! Начальник явно гордился оперативно оказанной медвежьей услугой.

Анри — скажем прямо — тоже в глубине души был рад. Неизбежное расставание откладывалось. И он предложил: лететь в Иллинойс на «Мустанге»! С учетом двух

пересадок, поездом добираться от мексиканской границы до Ост-Кемпена неделю. Он, поспешив, может уложиться в три дня. А можно и не спешить — и увидеть сверху всю Америку. Всю, как она есть.

И они полетели. Не спеша...

...Неизвестно, что способствовало лавинообразному развитию взаимного чувства. Свежий ли воздух высоты или теснота кабины «Мустанга»... Навигационное оборудование биплана — вернее, почти полное его отсутствие — делало ночные полеты весьма рискованными. И во время первой ночевки, лежа без сна на узкой койке отеля, затерянного где-то в степях Оклахомы, перебирая события переполненного впечатлениями дня, Джудифь поняла: она любит Анри.

А потом, следующим вечером, случилась вынужденная (по крайней мере, так утверждал пилот) посадка, и романтическая ночевка среди бескрайних полей, и костер, посылающий искры куда-то к звездам, и рука Анри, лежащая на ее плече, и...

Его фамилию она узнала только утром. Удивилась и подумала, что теперь, пожалуй, сможет претендовать на наследство Ревекки Кэпул... Джудифь — что бы ни подумали ханжи и моралисты о минувшей ночи — воспитывалась в строгих правилах. И первым делом поинтересовалась у сияющего Анри: не желает ли он показать ей одну из местных достопримечательностей? Например, ближайшую церковь?

К чести молодого Монлезье-Ружа надо сказать, что, отвечая согласием на негаданное предложение, он и понятия не имел о знаменитом колье Кэпулов...

Встречавший Джудифь отец, к ее удивлению, совсем не обратил внимания на то, что дочь, севшая на поезд за две остановки до Ост-Кемпена, прибыла без багажа. Заботливо приготовленная история пропала зря. Эбрахам Кэпул (тезка знаменитого генерала) казался полностью погруженным в какие-то свои думы. Джудифь тоже молчала, размышляя, как бы поаккуратнее подготовить родителей к шокирующему известию...

Ничего в этом направлении предпринять она не успела. Спустя десять минут после прибытия под родной кров Эбрахам Кэпул порадовал дочь известием: ровно через полтора месяца она выходит замуж!

...Введение сухого закона весьма пошатнуло позиции клана Кэпулов, традиционно продолжавших заниматься винокурением. Нет, как всем известно, Америка в результате «прогибишен» пить не перестала, но отличное, многолетней выдержки виски, производимое Кэпулами, вытеснилось дешевыми суррогатами, подпольно ввозимыми через мексиканскую и канадскую границы. И заправляли этим бизнесом люди новые, хваткие и беспринципные, с которыми привыкшим к легальному ведению дел Кэпулам тягаться было трудно.

Стоявший во главе клана Эбрахам Кэпул отчаянно пытался выправить положение, перекачав деньги в другие отрасли, скупив большие пакеты акций компаний, работавших в нетрадиционных для клана областях. Казалось, дело пошло на лад — и тут грянула Великая депрессия. Акции компаний, лопающихся как мыльные пузыри, превратились в макулатуру. Весной 1930 года перед Эбрахамом Кэпулом стояла простая дилемма: или пустить себе пулю в лоб, или ответить согласием на предложение Джека Саллини, попросившего руку его дочери.

Тридцатипятилетний Саллини, американец во втором поколении, был из тех криминальных дельцов, что чувствовали себя в неразберихе конца двадцатых как рыба в воде. Бутлегерство, азартные игры, рзкет, проституция — именно на этих четырех китах держалась подпольная империя Саллини. Но в последнее время гангстерского императора все больше тянуло к порядку и законности — и план по легализации своих доходов он выполнял с той же быстротой и решительностью, с какой ранее отстреливал конкурентов. Важным звеном плана стал брак с наследницей достопочтенного и влиятельного клана — кандидат в женихи первым из коллег нарушил традицию искать невест среди дочерей подпольных боссов итальянского происхождения.

Предложения Саллини были заманчивы: на заводах Кэппула восстановится производство спиртного, и при этом тестю не придется заботиться ни о его сбыте, ни о возможных неприятностях со стороны стражей порядка — зять все возьмет на себя. Прочие погибающие предприятия Кэппула тоже получают солидные финансовые вливания — если тесть не будет задавать нескромных вопросов о происхождении наличности.

Взамен Саллини хотел Джудифь.

И — колье Кэппулов.

Несколько лет назад мистер Эбрахам и на порог бы не пустил «грязного италяшку»... А теперь...

Стреляться очень не хотелось. Идти за долги в тюрьму — еще меньше.

Он согласился.

Но объяснил: колье получить не так-то просто. Вот если бы уважаемый мистер Саллини носил немного другую фамилию... Нет проблем, бодро ответил гангстер. И спустя полтора месяца (за этот срок дела Кэппула пошатнулись еще больше) предоставил заверенную кучей печатей бумагу с исторической родины, из которой следовало: его прадед по отцовской линии был самым натуральным Монлезье, усыновленным старинным сицилийским родом и принявшим новую фамилию...

Эбрахам Кэппул назначил день свадьбы — до неприличия близкий, в традициях клана было готовиться к бракам неторопливо и обстоятельно... Но жених торопил, да и обстоятельства поджимали — раньше, чем дочь предстанет перед алтарем, отец вполне мог предстать перед судебными исполнителями. Нельзя даже сказать, что Эбрахам Кэппул поступал вопреки желаниям дочери, — ими он просто не поинтересовался...

...Гостей со стороны невесты почти не было — клан Кэппулов не пришел в себя от шока. Зато в избытке присутствовали смуглые и черноусые молодчики, сверкающие набриолиненными проборами и дурновкусно-огром-

ными драгоценными камнями в массивных перстнях и запонках. Но этот блеск не мог соперничать с сиянием коле на шее невесты.

Адвокатская фирма «Моррисон и Моррисон», выступавшая душеприказчиком Ревекки Кэппул, поначалу в штыки приняла итальянскую бумажку Саллини. Но когда старший Моррисон скоростно скончался от передозировки свинца в организме, уцелевшие партнеры немедленно признали гангстера за самого доподлинного Монлезье.

Венчание должно было состояться здесь же, в семейной часовне Кэппулов, но по католическому обряду (предки-пуритане заворочались в гробах от такого попрапия принципов).

Джудифь, цветом лица соперничающая со своей фатой, шла по парку медленно. Очень медленно. И, не отрываясь, смотрела вверх. Только вверх. На небо.

И небо взорвалось ревом мотора!

«Мустанг» прошел над процессией низко-низко. Казалось, головы и куски тел полетят сейчас во все стороны от бешено вращающегося пропеллера. Гости бросились врассыпную. Сделав разворот на малом радиусе, биплан повторил маневр. Пролететь ниже было невозможно — но он пролетел. Гангстеры вжимались в землю, пачкая неизменно дорогие костюмы и ожидая, когда сверху ударит пулемет или посыплются бомбы.

Вместо этого «Мустанг» коснулся земли, прокатился по лужайке и замер ядрах в шестидесяти от залегшей процессии. Все взгляды были прикованы к нему, никто поначалу не заметил, что невеста, отшвырнув фату, бежит к самолету.

Никто, кроме одного человека — Эбрахама Кэппула, в последние дни начавшего подозревать неладное, но ни слова не сказавшего будущему зятю.

И отец преградил путь дочери.

Трудно понять, чего он хотел больше: остановить дочь или сохранить исчезающие вместе с ней бриллианты. Но

когда Эбрахам Кэппул от резкого толчка в грудь рухнул на землю, кольцо с лопнувшей застежкой оказалось в его руке.

Джудифь не замедлила бег. Неслась прямо в объятия выпрыгнувшего из «Мустанга» человека в кожаной куртке и кожаном летном шлеме. И, когда он уже подсаживал ее в кабину, рев работающего мотора перекрыли выстрелы.

Стрелял сам Джек Саллини — не расставшийся даже на собственной свадьбе с длинноствольным армейским кольцом модели 1917 года. Позже он утверждал, что целился исключительно в пилота, но многие разглядели красное пятно на ослепительно-белом платье невесты.

Стрелком Саллини оказался неплохим. Анри пошатнулся, с трудом устоял на ногах, привалившись к «Мустангу». И медленно стал сползать вниз. Саллини нажимал на спуск снова и снова... Что кричала Джудифь, протягивая руки сверху, из кабины, — никто не услышал. Но Анри Монлезье-Ружа слова любимой женщины поставили на ноги. С огромным трудом и с ее помощью он перевалился через борт кабины.

«Мустанг» начал разбег. Саллини, рыча, швырнул под ноги опустошенный кольт, вырвал пистолет у одного из своих присных — те тоже достали оружие, но стрелять в сторону невесты шефа не решались...

Новые выстрелы взлету не помешали. Хотя на какое-то мгновение показалось, что биплан врежется в высокую ограду парка. Но шасси разминулось с потемневшими кирпичами в считанных дюймах — и вскоре шум двигателя стих вдали. И тогда все услышали крик Эбрахама Кэппула:

— Проклинаю! Проклинаю блудливую сучку! Вечно болтайся в небесах! Вечно! На земле, пока я жив, тебе места не будет!!!

Джек Саллини молчал. И нехорошо смотрел на несостоявшегося тестя.

Под конец рассказа звучному голосу профессора внимала чуть ли не половина гостей.

— И что? Чем все кончилось? — в несколько голосов стали спрашивать слушатели, когда профессор замолчал.

Монлезье-Луер пожал плечами.

— Тем и кончилось — биплан растаял в небе. Навсегда. Кэппул и Саллини искали Джудифь долго и старательно — а уж возможностей у этих людей хватало. Кстати, гангстер спас-таки отца сбежавшей невесты от разорения. В конце концов, колье никуда не делось... Подрастала младшая дочь Кэппула — четырнадцатилетняя Рахиль. Решили, что через пару лет Саллини женится на ней... Но и этому браку не суждено было состояться. В 1931 году «Паккард» Джека, в котором ехал он сам, еще двое мужчин и три девицы, был изрешечен из нескольких «Томпсонов», следовавший сзади «Форд» с охраной — тоже. Никто не уцелел. А колье осталось в семье. И семьдесят с лишним лет хранилось под замком.

— Неужели и после смерти гангстера Джудифь не дала о себе знать? — спросил кто-то.

Историк покачал головой.

— Не дала. Самое странное, что биплан Анри Монлезье-Ружа нигде и никогда не приземлился, хотя искала место посадки целая объединенная армия гангстеров и детективов. Нигде и никогда не находили его обломков. Исчез. Растаял в небе... И ходят слухи, что проклятие Кэппула сбылось. Что «Мустанг» до сих пор кружит где-то над облаками — на манер «Летучего Голландца». Иногда снижается, ищет место для посадки — но никак не может приземлиться. Такая вот легенда Иллинойса... Причем не один раз люди видели по ночам низко летящий биплан с погашенными огнями. Впрочем, может быть, это простые совпадения... Самолеты в стиле ретро сейчас в моде...

Возможно, профессора еще долго терзали бы расспросами, но тут наконец-то произошло долгожданное событие: из особняка Кэппулов вынесли колье.

Сказав, что будут его демонстрировать в прозрачном сейфе, Лесли ничуть не преувеличил. Четверо мужчин с натугой вынесли закутанное в шелковое покрывало нечто пирамидальной формы, водрузили на край обширной террасы Кэппулов. Высотой пирамида оказалась примерно по плечо тащившим ее мужчинам, а стороны основания были около четырех футов каждая...

Гости выстроились чинным полукругом, оттесненные одетыми в штатское сотрудниками Лесли. Покрывало с гигантского ларца сдернул сам мистер Джошуа Кэппул. Толпа ахнула — в основном женскими голосами.

Лично я особых поводов для восторга не узрела. Ну да, сверкает огромная «Звезда Джорджии», и еще несколько знаменитых бриллиантов, и множество мелких и средних... Но красоту этой вещи, узнав ее историю, я оценить не могла. И отвела взгляд от принесшей столько бед игрушки. Стала рассматривать ларец — весьма, на мой взгляд, примечательный. Наклонно сходящиеся стенки были сделаны из стекла толщиной не менее шести-семи дюймов, не дающего тем не менее почти никаких искажений. Стыки стекол прикрывали, поднимаясь вверх по ребрам пирамиды, массивные узорчатые оковки. Они сходились на вершине, украшенной кольцом около полутора футов в диаметре, выполненным в виде стилизованного венка из колосьев и каких-то листьев. Внутри, на металлическом основании, возвышался обтянутый бархатом постамент, и уже на нем лежало кольцо Кэппулов.

— Этот ларец изготовили еще в 1889 году, когда кольцо собирались экспонировать на Всемирной выставке, — сообщил мне на ухо оказавшийся рядом Монлезье-Луер. — Та поездка сорвалась — Кэппулы и правительство так и не договорились, кто будет выплачивать немалые суммы, запрошенные страховыми компаниями. А вот теперь, видите, вещь пригодилась. Изготовители, кстати, клялись, что стекло выдержит с пяти шагов пулю сорок пятого калибра...

Интересно, подумала я, есть ли в истории двух кланов что-нибудь, не известное этому всезнайке?

Публика любовалась блеском бриллиантов с расстояния в десятки шагов — ближе Лесли решил никого не подпускать (как он сам потом объяснял: не слишком даже понимал, от чего страхуется, просто повиновался смутным предчувствиям).

А возле ларца тем временем хлопотал Монлезье-Грель, пропущенный сквозь оцепление. Мсье ювелир пристраивался с камерой и так, и этак, все что-то ему не нравилось, что-то бликовало и не давало заснять колье во всей красе. По его просьбе дюжие парни, вытащившие ларец, дважды его переставляли и поворачивали. Наконец удовлетворенный мсье ювелир приник к видоискателю.

Но заснять ничего не успел.

Потому что небо неожиданно взорвалось ревом мотора.

11

Мне дважды довелось побывать под бомбежкой. Впервые — на Балканах, когда бомбардировщики миротворцев из НАТО в очередной раз немного промахнулись, второй раз — в Гамильтонвилле, штат Мичиган, — хотя правительство и руководство ВВС до сих пор утверждают, что та бомбардировка была лишь плодом массовой галлюцинации.

В общем, опыт у меня имелся.

При виде пикирующего прямо на нас самолета надо было немедленно отскочить подальше от дома и залечь на землю, прикрыв голову руками. Вместо этого я — одна из немногих — осталась на ногах. И прекрасно рассмотрела пронесшийся буквально в двух десятках футов биплан.

Это был «Мустанг»!

Биплан-призрак!

Фюзеляж и плоскости зияли многочисленными дырами, ключья матерчатой обшивки болтались в потоке обтекаю-

шего воздуха. Казалось, с такими повреждениями самолет летать не может.

Но он летел! Я разглядела кожаную куртку и кожаный шлем склонившегося над штурвалом пилота. А за его спиной, в открытой двухместной кабине, я увидела...

СКЕЛЕТ В ЛОХМОТЬЯХ БЕЛОГО ПОДВЕНЕЧНОГО ПЛАТЬЯ!

Джудифь Кэппул вернулась!

Пораженная этим зрелищем, я не сразу поняла, что сквозь рев мотора слышу выстрелы. Повернулась — Фрэнк Лесли, широко расставив ноги и держа пистолет двумя руками, стрелял вслед биплану.

Похоже, по крайней мере одна из пуль Фрэнка достигла цели — за бипланом потянулся густой шлейф черного дыма. Пилота это не смутило. Выполнив разворот на малом радиусе, пошел на новый заход. История повторялась — один к одному.

Казалось, биплан летит прямо на нас — и очень скоро врежется в террасу. Ювелир снимал, Лесли пытался вставить в пистолет новую обойму...

И тут биплан открыл огонь!

На крыльях расцвели ярко-желтые цветки, загрохотали пулеметные очереди. Я упала ничком и торопливо откатилась под прикрытие низенькой балюстрады. Лесли и ювелир тоже прекратили геройствовать. Через секунду по ушам с удесятеренной силой ударил рев двигателя, а по всему телу — воздушная волна. Я была уверена, что столкновение неизбежно, что сейчас грянет страшный взрыв, но самолет опять пронесся мимо — казалось, в полуфуте над моей головой. Пулеметы смолкли. Терраса и прилегающая лужайка окутаны облаком удушливого черного дыма. Надрывно кашляя, я пыталась хоть что-то разглядеть сквозь эту пелену... Тщетно.

Звук мотора смолк вдали — но куда улетел биплан, я не заметила...

Через несколько минут отвратительное облако рассея-

лось. Потрясенные люди поднимались на ноги, не очень понимая, свидетелями чего им довелось стать...

Несмотря на плотный пулеметный огонь, убитых и раненых не было видно. Но...

Но не было видно и кое-чего еще...

Возвышение на террасе, где находился ларец, опустело. Колье Кэппулов исчезло.

Тишина стояла мертвая.

Потом я услышала громкий визгливый голос и обернулась. Коротышка-жених тряс тестя за грудки и вопил:

— Где колье????!!! Где колье, старый козел????!!! На хрена мне сдалась твоя тощая селедка!!! Где колье, я тебя спрашиваю????!!!

12

Прошло два дня.

Страсти немного улеглись, ошарашенные гости разъехались. Старый Кэппул примирился с зятем, а тот — с исчезновением колье. А может, ни с чем они так и не примирились, но публичных разборок больше не устраивали.

Все эти дни шла напряженная работа — и итоги ее подводились на состоявшемся в кабинете Лесли совещании. Кроме хозяина кабинета присутствовали я и Кеннеди.

Страховые компании назначили за находку колье круглую сумму в семь миллионов долларов, иначе им пришлось бы выплатить Кэппулам куда более крупную сумму. Но — основанную на предыдущей, двадцатилетней давности, оценке драгоценности и по меньшей мере вдвое меньшую нынешней стоимости колье. Короче говоря, в розыске пропавших бриллиантов были заинтересованы все. Кроме, разумеется, похитителей.

Мы с Кеннеди и Лесли, недолго думая, договорились образовать некий триумвират — нести всю раздобытую информацию в общую копилку и разделить призовую сумму поровну, на троих. Конкурентов у нас хватало, но

в случае успеха маячила перспектива навсегда избавиться от поисков собачек всяких миссис Баскер...

— Я и сам понимаю, доктор Блэкмор, — говорил Фрэнк, — что возня Гренеля с ларцом перед самым похищением выглядит чертовски подозрительной. Но, похоже, это действительно совпадение. Ювелир просто придавал наиболее выигрышный ракурс украшению...

«И при этом разворачивал кольцо на вершине ларца, чтобы его легко мог подхватить каким-нибудь крюком биплан-призрак», — добавила я про себя, упрямо поджав губы. От своих подозрений в адрес Монлезье-Гренеля я отказываться не собиралась.

— Мы все говорим не о том, — сказал Кеннеди. — Мы цепляемся за отдельные — понятные нам — узелки проблемы. И не желаем признать простой и очевидной вещи. А именно: на глазах у нас, у троих профессионалов, произошло преступление, а мы так и не можем объяснить, пусть даже в виде версии, как его совершили.

— Ну почему же... — попытался было протестовать Фрэнк.

Кеннеди перебил:

— А вы попробуйте, попробуйте сформулировать коротко и четко, что именно мы увидели в день бракосочетания Джезебель Кэппул и Алена Монлезье.

Лесли попробовал:

— Мы увидели, как летательный аппарат, по внешним признакам предположительно классифицируемый как биплан 1910-х годов выпуска, атаковал особняк Кэппулов и собравшихся в нем гостей и после пулеметного обстрела, под прикрытием дымовой завесы, неизвестным способом произвел изъятие принадлежавшей семейству Кэппулов уникальной драгоценности — вероятно, на лету подцепив крюком ларец с означенной драгоценностью, при этом в кабине биплана были замечены человеческие останки в последней стадии разложения, по некоторым признакам могущие принадлежать исчезнувшей семьдесят три года назад Джудифь Кэппул.

Выдав эту сложноподчиненную конструкцию, Фрэнк К. Лесли гордо посмотрел на Кеннеди. Тот с иронией процитировал:

— Предположительно... неизвестным способом... вероятно... НЕВЕРОЯТНО — вот какое слово подходит тут больше всего! То, что мы видели, — невероятно! Не бывает! Среди гостей присутствовал Уильям К. Стаут из Айовы — человек, тридцать пять лет занимающийся в качестве хобби полетами на малых самолетах. Можно сказать — эксперт. Он утверждает: самолет, поврежденный как тот, что мы видели — потерявший сорок процентов обшивки, — лететь не сможет! НЕ СМОЖЕТ! Не хватит подъемной силы крыльев... И выполнить подобный маневр — пройти на минимальной высоте впритирку со стеной дома — тоже НЕ СМОЖЕТ! Даже с неповрежденными плоскостями — не сможет! Между стеной дома и самолетом возникнет зона сильнейшей турбулентности, он неизбежно провалится или даст крен — без какого-либо запаса высоты столкновение с землей неизбежно. А пулеметы... Вы нашли хоть одну пулю, Фрэнк?

— Ни одной. Наверняка там были холостые патроны.

— А гильзы? Хоть одну гильзу вы нашли? У холостых патронов гильзы все же имеются.

Лесли покачал головой и сказал:

— Вы намекаете, мистер Кеннеди, что мы имели дело с явлением потусторонним? Или, выражаясь более научно, — паранормальным? Говоря прямо, вы склонны допустить, что Джудифь Кэппул действительно все это время болталась над облаками со своим любовником, а теперь воспользовалась okazji, чтобы вернуть колье?

— Вокруг нас имеется масса явлений паранормальных и с научной точки зрения совершенно необъяснимых, — просветил его Кеннеди. — Очевидных явлений, каждодневно наблюдаемых. Обычный жужжащий над лугом шмель с точки зрения физики и аэродинамики куда более невозможное существо, чем реликтовый лох-несский плезиозавр или снежный человек. Не может шмель ле-

тать! Не может, и все! Наука не допускает! А шаровая молния? Никто отчего-то не сомневается в ее существовании. Между тем все попытки создать столь длительное время существующий сгусток плазмы или хотя бы просчитать его модель...

Все это я слышала много раз. И поэтому сразу же отключила слуховые рецепторы. Пусть Кеннеди выговорится, пусть расскажет про Бермудский треугольник и провалы в пространстве и времени...

Я размышляла, как же все-таки зацепить скользкого и хитрого Монлезье-Гренеля. Никак не желала признать, что моя интуиция дала сбой. По классификации Юнга я отношусь к интуитивным логикам — и недаром «интуиция» стоит в этом сочетании на первом месте... Ну почему, почему при виде этого козлотородого старичка в моем подсознании зазвенел сигнал тревоги?

Фрэнк К. Лесли выслушал излияния Кеннеди и резюмировал коротко:

— Ерунда. Не тот случай. Даже если предположить, что биплан Монлезье-Ружа действительно попал в какой-то загадочный хронокатаклизм, все равно концы с концами не сходятся. Почему пассажир биплана умер и истлел до скелета, а пилот остался вполне дееспособен? Почему разрушившийся до такой степени самолет способен летать? Почему, вынырнув в наше время, пилот ни с того ни с сего начал охоту за колье? И самое главное — как он с борта биплана-призрака разослал ювелирам предложения о покупке партии бриллиантов?

И тут Кеннеди весьма меня удивил. Он, способный часами упорно отстаивать свои параноидальные идеи, кратко согласился:

— Да, действительно, похоже, с этой версией я поспешил.

Лесли не стал трубить победу и добивать моего коллегу, признавшего поражение. Вместо этого сказал:

— А вот у меня появилась куда более реальная версия. Вернее — куда более реальный подозреваемый.

Выдержав эффектную паузу, Лесли объяснил:

— Можно провести несложную экстраполяцию. Попытаться вычислить способности, знания и умения человека, бывшего организатором акции, исходя из того, как она проведена. Так вот, мне кажется, этот человек, во-первых, кто-то из своих, отлично знающий и летописи обоих кланов, и устные свидетельства — в том числе историю колье Кэппулов — и державший в руках если не само украшение, то подробное его описание, оставленное человеком, хорошо знакомым с этими бриллиантами. Кстати, характерный штрих: один из нью-йоркских ювелиров сказал мне, что камни в том самом коммерческом предложении, как ему показалось, были описаны в несколько архаичном стиле. Примерно так бы мог описать их кто-либо в конце девятнадцатого — начале двадцатого века, некоторые из употребленных терминов сейчас уже практически вышли из обихода.

Мне стало ясно, к чему клонит Фрэнк. Вернее — к кому.

— Во-вторых, этот человек прекрасно знаком с легендой о биплане-призраке. С легендой, отнюдь не имеющей столь широкой известности, как схожие истории о «Летучем Голландце» или Гессенском Кавалеристе. В-третьих, он должен иметь знакомства среди пилотов малой авиации. Причем среди пилотов экстра-класса. Такие люди зачастую совершают то, что кажется непредставимым для заурядных летчиков. Вспомните авиаторов, пролетавших между опорами мостов, втискиваясь в проем, что был всего-то на пять-шесть футов шире, чем размах крыльев их машин. А что касается того, что самолет не мог лететь с настолько разрушенной обшивкой, то тут на помощь могли прийти достижения современной техники. Например: если поставить на такой «призрак» вместо штатного двигателя в полторы сотни лошадиных сил втрое более мощный — вполне возможно, что получившийся гибрид покажет неплохие летные качества... Вывод прост. У нас есть на примете человек, удовлетворяющий первым двум критериям из трех. Если нащупать ниточку, ведущую от

него к авиаторам-асам, то... — Лесли сделал многозначительную паузу.

— Профессор Монлезье-Луер? — хором спросили мы с Кеннеди. Версия, что почтенный профессор — организатор самого дерзкого и удивительного ограбления на моей памяти, казалось натянутой. Хотя... кто знает, как могли проявиться в нем гены авантюристов Монлезье.

— Он самый, — утвердительно кивнул Фрэнк. — Думаю, он раскопал пылящееся в каком-нибудь архиве описание колье Кэппулов, сделанное, очевидно, кем-то из стародавних оценщиков. Прикинул, сколько могут стоить нынче такие камешки, — и не устоял перед громадной суммой. Нашел себе сообщника — первоклассного пилота.

— Точно, — вспомнила я. — Профессор знал, по моему, все о стеклянном суперларце, больше века пролежавшем без дела у Кэппулов. Мог предположить, что мистер Джошуа не станет заказывать новое хранилище, но выставит колье именно в этом.

— Вот-вот, — подхватил Лесли. — И одна конструктивная особенность — большое кольцо наверху ларца — подсказала ему остальные детали плана, замешенного на глубоком знании истории. Короче говоря, с сегодняшнего вечера профессор будет под негласным наблюдением. Он, кстати, никуда не уехал — остановился в Вест-Кемпье, якобы хочет поработать с тамошними архивами. Придется моим ребятам охотиться на чужой территории, ну да не беда. Арестовывать Луера смысла нет, хорошее знание истории криминалом не является. Но чует мое сердце — никак не должен он надолго выпускать из виду сообщника и колье. За такие деньги и святой осколомится...

— Хорошо, — сказал Кеннеди. — Займитесь плотно профессором. А мы с Элис попробуем распутать клубок, потянув за другой конец нити. Займемся самолетом и пилотами-асами. Не думаю, что в Штатах так уж много людей, способных на подобные фокусы. Если ваши выкладки

верны, Фрэнк, то где-то на середине пути мы непременно встретимся.

И он обратился уже ко мне:

— Ты не хочешь вместе со мной нанести визит одному своему знакомому?

— Какому?

— Самолетному Герцогу. Он ведь обитает где-то здесь, в Иллинойсе?

Кеннеди, как выяснилось, не забыл великого знатока истории авиации, весьма помогшего нам в деле «Либерейторов». Мне и самой хотелось бы вновь встретиться со стариком, но...

— Нет, Кеннеди, — сказала я с крайне многозначительным видом. — У меня другие планы. Но все его координаты я тебе дам.

Кеннеди посмотрел на меня удивленно, но ничего не стал спрашивать. А я ничего не стала объяснять. Незачем тратить время, объясняя этим скептикам, что интуиция толкает и толкает меня на след совсем другого человека — ювелира Монлезье-Гренеля.

13

— К чему весь этот цирк, Кеннеди? — спросила я, когда мы покинули здание муниципальной полиции Ост-Кемпена. — К чему все рассуждения о шмелях, шаровых молниях и хроноклазмах? Ты ведь не верил своим словам о том, что колье похищено действительно тем самым бипланом.

— Не верил, — согласился Кеннеди. — Я, как выражался один мой знакомый, проверял Лесли на вшивость.

— Проверил? Каковы результаты?

— Педикулез не обнаружен, госпожа доктор! — отпартовал Кеннеди тоном бравого санитаря. — Я просто подумал: а почему, собственно, все наши версии замыкаются на клан Монлезье? У Фрэнка, допустим, такому направлению поиска способствует буква «К» между именем

и фамилией. Ты тоже на свадьбе общалась исключительно с Монлезье — и, вполне естественно, работаешь с известными тебе людьми и фактами. Я же для разнообразия решил поискать потенциальных похитителей среди клана Кэппулов.

— Нашел?

— Понял одно: идеальное сочетание мотивов и возможностей для хищения колье было у тандема «Лесли — Джошуа Кэппул». Посуди сама: все, что знает о колье и биплане-призраке профессор Монлезье-Луер, знает Кэппул-отец. Послания к ювелирам — для отвода глаз. Кэппулу продавать колье незачем! Он выцарапал бриллианты у душеприказчиков Ревекки, не позволявших ему продать или заложить драгоценность, — раз. Получит огромную сумму от страховых компаний — два. Оставит с носом всех Монлезье и зятя — три. Потом, не торопясь, может много лет продавать бриллианты аккуратно, по одному, — четыре. Или владеть колье тайно, любуясь им по ночам в запертой комнате, — пять.

Говоря все это, Кеннеди по давней привычке загибал пальцы на правой руке. Продемонстрировал мне получившийся в результате кулак и спросил:

— Убедительно?

— Убедительно, — согласилась я. — Но бездоказательно. А в чем тебе видится роль Лесли?

— Главная его задача при подобном раскладе — продумать всю систему охраны так, чтобы драгоценность была защищена от всего, кроме атаки биплана-призрака. Поскольку могли объявиться и другие охотники за бриллиантами. Вторая задача: постараться толкнуть расследование на потусторонний и мистический путь — иначе не стоило затевать всю свистопляску со скелетом в свадебном платье и драной обшивкой.

— Красивая версия, — одобрила я. — Изящная. Ни одного прокола в логике. Вот только абсолютно не сочетается с дальнейшими действиями Фрэнка.

— В том-то и беда... — погрузнел Кеннеди. — Лесли никак не отреагировал на все мои потусторонние подачи. Твердо стоял на материалистических позициях. А без него, в одиночку, Кэппул не смог бы ничего. Жаль... Такая красивая была версия...

Вот так-то, мистер Великий Сыщик. Это только в романах ваши коллеги выстраивают с лету блестящую дедукцию — а потом на них со всех сторон сыплются подтверждающие ее улики.

14

Кеннеди отправился к Самолетному Герцогу (возвращаться ему, по всему судя, придется уже глубокой ночью). А я неторопливо катила по Ост-Кемпену и размышляла, какой бы изыскать способ, чтобы забраться в базы данных ФБР. Моей вконец отбившейся от рук интуиции отчего-то втемяшилось, что ювелир Монлезье-Гренель показался мне подозрительным именно потому, что где-то и когда-то он промелькнул в одном из дел, связанных с прежней моей работой. Я мысленно перебирала знакомых хакеров, и...

И резко нажала на тормоз. Вышла из машины, подошла к столь заинтересовавшей меня витрине магазинчика, принадлежавшего, если верить вывеске, компании «Медиум, инк.».

Судя по витрине, сия торговая точка специализировалась на медицинских товарах — и весьма специфичных. Витрину украшали всевозможные муляжи деталей человеческого тела: кисть руки, брюшная полость в разрезе, наполовину вскрытый пластмассовый череп, демонстрирующий одно полушарие мозга... Короче говоря, пособия для изучающих медицину, неплохо мне знакомые. Центральное место в экспозиции занимала огромная розовая задница из какого-то мягкого пластика — табличка рядом извещала, что это тренажер, позволяющий младшему медицинскому составу полу-

чить «навыки инъекций, спринцеваний и постановки клизм»...

Но заинтересовало меня не это. В углу витрины стоял скелет. С максимальной точностью выполненный муляж скелета в натуральную величину.

— В каком смысле вас интересуют скелеты? — спросил молодой менеджер «Медиума».

Бэйдж на его груди извещал, что ни к Кэппулам, ни к Монлезье он отношения не имеет, что изрядно меня порадовало. Эти два семейства успели мне порядком надоесть.

— Вы хотите приобрести пластмассовый муляж скелета? — выспрашивал тем временем менеджер. — Пожалуйста, цена — одна тысяча триста долларов. За два и больше — скидка десять процентов. За десять и больше — пятнадцать процентов. Или вас интересует настоящий, подлинный скелет? Это обойдется в несколько раз дороже, и придется подождать, пока его доставят с центрального склада. Или, — тут менеджер понизил голос до заговорщицкого шепота, — мисс желает продать скелет? Свой скелет?

Он окинул меня профессиональным взором. Фигуральное выражение «раздевает взглядом» часто применяют к мужчинам. Но этот на вид приличный юноша меня взглядом явно свеживал, потрошил, вываривал и очищал кости от остатков хрящей и мышечной ткани... Меня передернуло.

Торопливо я заверила его, что продавать корпорации «Медиум» свои будущие останки не собираюсь. Что всего лишь интересуюсь покупателями скелетов и их муляжей — и не медицинскими колледжами и клиниками, но частными лицами.

Менеджер казался разочарованным. Очевидно, мои косточки чем-то приглянулись этому некрофилу. И, похоже, он не оставил надежд уговорить меня расстаться за разумную сумму с ненужной в загробной жизни обузой. Перспектива долгого ожидания настойчивого

юношу не смущала: фирма «Медиум» фактически является монополистом в этом узком секторе медицинского рынка, существует почти две сотни лет и уж как-нибудь потерпит пару десятилетий. Хотя — тут лицо менеджера осветила тайная надежда — хотя если за мной числится какая-либо неизлечимая смертельная болезнь, то сумма гонорара может вырасти, значительно вырасти.

Хороший детектив умеет все повернуть на пользу делу. Даже такой нестандартный интерес к своей особе. Прикрывая отвращение милой улыбкой, я намекнула, что предложение меня заинтересовало. Более того, дала понять, что работа у меня более чем рискованная, что судмедэксперт имеет возможность в любой момент подхватить какой-нибудь редкий смертоносный вирус. Но вместо увеличенного гонорара меня интересуют данные по продажам скелетов и их муляжей во всех раскиданных по Штатам магазинчикам «Медиума» за последние четыре месяца (именно четыре месяца назад было объявлено о грядущей свадьбе; едва ли хитроумный план родился на свет раньше этого срока).

Юноша вздохнул: информация конфиденциальная. Но, так и быть, он мне ее предоставит, обратившись в централизованную базу продаж, — в обмен на немедленное подписание договора.

Через сорок минут я покинула магазин, унося договор, чек и две объемистые распечатки — менеджер скачал заодно и данные на корпоративных клиентов. И — полноправным владельцем значительной части своего организма я уже не являлась. «Поосторожней с переломами!» — напутствовал меня юноша, плотоядно улыбаясь. Утешало одно — уплатив приличную неустойку, договор можно было расторгнуть.

Я уже писала о том, что реальные расследования редко похожи на те, что изображают в своих опусах авторы детективного жанра. Лишь в их творениях сыщики долго и нудно беседуют с людьми — причем девяносто процентов услышанного дает ложные следы, но на основании оставшихся десяти процентов неизменно удается вычислить истину и устроить эффектную сцену разоблачения.

В реальной жизни эффектной концовки, даже после всех хождений и бесед, вполне можно так и не дожидаться — дело «повисает» на долгие месяцы, а то и навсегда. А иногда наоборот — первый или второй выстрел наугад приносит желанный трофей...

Так получилось и с делом биплана-призрака. По крайней мере, поначалу нам показалось, что именно так...

— Вы уверены, что это та птичка, которую мы ищем? — спросил Лесли. — Порхающая в поднебесье и клюющая бриллиантовые зернышки?

Разговор происходил в машине Фрэнка, быстро катящей сквозь предрассветную мглу. На операцию выехали лишь мы втроем. Конечно, семь миллионов на троих без остатка не делятся — при дележке на четверых или пятерых цифры получаются куда более круглые. Но от спорного последнего доллара я была готова отказаться в пользу Кеннеди — именно он, с толком распорядившись полученной от Самолетного Герцога информацией и бесцеремонно разбудив ночными звонками ряд мирно спящих граждан США, вычислил пилота искомого биплана-призрака.

— Что птичка именно та, я уверен, — сказал Кеннеди. — Вот только боюсь, что застанем мы лишь пустое гнездышко... И в самом деле, зачем ему сидеть тут два дня на пороховой бочке? Ваши люди ведь наверняка прочесывали этот район?

— Прочесывали... — подтвердил Фрэнк. — И я не понимаю, как они могли пропустить логово биплана-при-

зрака. Разве что подвела инерция мышления: самолет ассоциируется с ангаром, со взлетной полосой... Никак не с фермерским коровником.

* * *

По словам Кеннеди, Тимоти Герцог сообщил ему следующее.

В США достаточно людей, зарабатывающих на жизнь воздушными трюками на всевозможных авиашоу. Но специалистов экстра-класса, способных выполнить фокус с ларцом, среди них не осталось. По крайней мере, Герцог таких не знал. Вроде бы трое летчиков, когда-то имевших нечто подобное в своем репертуаре, еще живы — но давно уже не летают. Особенно запомнился в свое время один из них, выступавший под псевдонимом Небесный Доктор, — тот отточил свое искусство до того, что подхватывал с земли не какой-нибудь неодушевленный предмет, а собственную ассистентку, ставшую впоследствии его женой... Однако, по словам Герцога, в настоящее время продолжают выступать несколько асов, вполне способных после недолгих тренировок освоить трюк.

Получив координаты авиакаскадеров, Кеннеди принялся выяснять их местонахождение в настоящий момент — и две ночи назад. И почти сразу, разбудив ночным звонком коммерческого директора некоего «Эйр-эротик-шоу», получил весьма подозрительную информацию о летчике Джордже Брезмане-третьем (был Джордж потомком целой династии воздушных трюкачей). Этот Брезман совершенно неожиданно ушел из шоу, где зарабатывал неплохие деньги, — уволился в середине сезона, чем весьма подвел весь воздушно-эротический коллектив.

Крепко обиженный на Джорджа директор мигом стряхнул сон и вываливал Кеннеди все, что знал. Правда, знал он о дальнейшей судьбе Брезмана немного —

но и этого оказалось достаточно, чтобы смутные подозрения моего коллеги переросли почти в уверенность. Во-первых, директор сообщил, что до него дошли сведения: Брезман купил самолет. Причем его средства такой покупки никак не позволяли. Машина была не из дешевых — реплика биплана времен Первой мировой СЕ-5.

Кеннеди немедленно сделал стойку и стал выпрашивать обо всем: о непроверенных слухах про Брезмана, о любых случайно оброненных им намеках о своих дальнейших планах... И — в неводе блеснула золотая рыбка! Вроде бы кто-то видел Джорджа Брезмана в Чикаго с одним бывшим пилотом, имени его коммерческий директор не знал, смог сообщить лишь псевдоним — Небесный Доктор!

— Странно все это, — прокомментировал Лесли рассказ Кеннеди. — Покупку самолета Брезман совершил открыто, на свое имя; общение с Небесным Доктором не скрывал... Мне кажется, Кеннеди, благодаря знакомству с этим самым Герцогом вы просто получили фору — но через пару дней на хвост Брезману села бы и остальная свора охотников за страховыми деньгами. Похоже, пилота использовали втемную. Например, наняли, чтобы тот разучил и продемонстрировал коронный трюк — якобы с ведома хозяев торжества... Сказали: шутка, розыгрыш для гостей... А в условленном месте парня поджидали — забрали колье и всадили пулю в голову.

— Возможно, — сказал Кеннеди. — Но есть и другой вариант. Брезман самостоятельно разузнал, что за предмет он должен похитить якобы в шутку. Не бином Ньютона, в конце концов, — в прессе мелькали сообщения о грядущем торжестве и о колье... Джордж мог затеять свою игру. Мог не полететь в точку randevу с организатором акции, а забрать колье себе и двинуть в сторону мексиканской или канадской границы. Лететь ночами, аккуратно, низенько, на недоступной для радаров высоте... При таком раскладе ему так или иначе пришлось бы

начинать новую жизнь под другим именем. Оттого никак не конспирировал свои действия.

Я добавила:

— Да и не так легко купить самолет под чужим именем — после одиннадцатого сентября.

— Но как вы вышли на эту выставленную на продажу ферму? — полюбопытствовал Лесли.

— Элементарно. Заглянул на сайты всех местных агентств по недвижимости. (Хвастун! Это я ползала полночи по риелторским сайтам!) Зная к тому времени размеры SE-5, искал помещение подходящей площади, и... Что это там, впереди?

— Не пойму... Вроде фары мелькнули... — неуверенно сказал Лесли, притормаживая и выключая дальний свет. — Или отблеск...

Встречная машина так и не появилась. Мы двинулись дальше — осторожно, с погашенными фарами, — и через несколько минут увидели, как утверждалось в рекламном объявлении, «группу очаровательных ретростроений в восхитительной живописнейшей местности». Не знаю, не знаю... Если запустение, грязь и разруху можно считать стилем ретро, то реклама не лгала. Живописностью местности, ввиду темноты, восхититься мне не удалось.

Впрочем, совсем темно не было. Сквозь щели в ставнях неопрятного бревенчатого дома пробивались лучики света. Птичка все-таки в гнезде?

Мы покинули машину и вторглись на территорию назначенной к продаже фермы. В подобных ситуациях мы с Кеннеди давно научились понимать друг друга без слов. Короткий обмен жестами — Кеннеди с Лесли бесшумно двинулись к входной двери. Я — оружие наготове — направилась вокруг дома, высматривая черный ход или окно со снятой ставней.

Потом я увидела-таки искомое. В смысле — освещенное окно без ставни. Заодно отсутствовала — вернее, валялась снаружи, у стены — оконная рама. Поблескивали осколки стекла. Я взяла на прицел пустой проем, готовая

к любым сюрпризам. Таковые не появились — лишь Кеннеди возник в освещенном прямоугольнике.

— Заходи, Элис, — позвал он. — Сторожить некого. Мы опоздали.

16

— Итак, господа, попробуем сформулировать, что же здесь произошло, — объявил Лесли тоном председателя жюри присяжных.

Пошарил взглядом по разгромленной комнате — куда бы присесть? — и уселся на стол, не найдя ничего более подходящего.

Кеннеди не ответил — продолжал ковыряться в стене лезвием швейцарского ножа, пытаясь извлечь глубоко ушедшую в трухлявое дерево пулю.

Формулировать пришлось мне:

— По-моему, все однозначно. Здесь, приведя одну комнату в относительно жилой вид, скрытно и недолго жил человек. Более чем вероятно — тот самый летчик, Джордж Брезман. Часа четыре назад к нему явился некто — с весьма недружелюбными целями. Противники обменялись выстрелами — как минимум тремя. Два из них сделаны из пистолета примерно тридцать восьмого калибра, третий — из гораздо менее мощного, двадцать второго калибра, скорее всего. После этого один из противников выскочил (был выброшен?) в окно. И, судя по всему, убежал — крови под окном совсем чуть-чуть. Или его лишь царапнула пуля, или порезался осколками стекла. Второй остался — и устроил тут настоящий погром, пытаясь что-то найти. Нашел или нет, неизвестно, но уехал на той машине, фары которой мы мельком увидели. «Икс» оказался хитрее и терпеливее нас — загнал машину в кусты, погасил все огни и дождался, пока мы проедем мимо. Надо понимать, убежавший был именно Брезманом, ему-то обыскивать свое логово ни к чему. Искали, скорее всего, колье Кэпулов. Вот, собственно, и все.

— Есть одно уточнение, — подал голос Кеннеди от стенки. — Гостей было двое. И стреляли они оба.

— Почему ты так решил?

— Посмотри, как летели пули. Если их выпустили схватившиеся между собой люди, то надо допустить, что они кружили вокруг друг друга и стреляли неторопливо, с большими паузами... Нереально.

Он наконец извлек пулю и с торжеством положил на стол. Вынул свой пистолет и пояснил:

— Смотри, как все происходило. Один стрелял отсюда, от стола — вот так. Другой, тот, что с большим калибром, — от раскладушки, вот так, — дважды. И тот, и другой — практически одновременно. Как я понимаю, оба — по выпрыгивающему в окно человеку.

— И оба промахнулись? — уточнила я.

— Такие, видно, уж стрелки были... Самое удивительное не это. Вы посмотрите на пулю.

Действительно, куда более удивительным оказался материал крохотной пульки. Она была серебряная! Или из сплава, очень напоминавшего серебро.

— Вот это да! — изумился Лесли. — Неужели действительно какая-то чертовщина? Интересная цепочка выстраивается: биплан-призрак — пилот-призрак — серебряная пуля...

У меня выстроилась более короткая цепочка: серебро — ювелир.

— Я думаю, повторять обыск смысла нет, — сказал Лесли. — Либо кольцо уже найдено гостями Брезмана, либо спрятано так надежно, что с лету не найти... Осмотрим коровник? Если ваши, Кеннеди, предположения верны, там должны остаться следы биплана-призрака.

Как выяснилось, в качестве ангара на ферме использовался не коровник, но огромный сарай для сена, ныне пустующий, что сути не меняло. Следы там нашлись. Задом нашелся и сам биплан! Это оказался именно он, биплан-призрак, свалившийся нам на головы во время бра-

косочетания, испортивший весь праздник и исчезнувший вместе с фамильной драгоценностью...

Но, отец небесный, в каком же он был состоянии!

И при первой нашей встрече самолет производил впечатление чудом держащейся в воздухе развалины, а уж теперь... Казалось, над ним долго и основательно трудился маньяк-расчленитель, восплававший вдруг ненавистью к старинным аэропланам — или желанием разыскать колье Кэппулов? Было вспорото и разрезано все, что можно: матерчатая обшивка самолета, пухлые колеса его шасси, обивка кресел пассажира и пилота... Двигатель оказался наполовину разобран — по всему судя, посредством кувалды. Содранные с крыльев пулеметы валялись на бетонном полу — и, похоже, поработал с ними тот же мастер, что и с мотором бедняги биплана.

При виде пулеметов, кстати, мгновенно выяснилась причина безвредной и беспульно-безгильзовой стрельбы.

— Бутафория, — сказал Кеннеди, легонько толкнув ботинком раскуроченный кожух «льюиса». — Голливудская бутафория. Патронов тут вообще нет, ни боевых, ни холостых. В форсунке, изображающей дульный срез, порциями взрывается смесь ацетилена и кислорода. А вот и постановщик дымовой завесы — тоже не боевой, киношный...

Чего-то подобного я, собственно, и ожидала — и на останки пулеметов не отвлекалась. Осматривала обшивку плоскостей. Она оказалась весьма любопытной — лишь подойдя практически вплотную, можно было разглядеть, что псевдодыры, оставшиеся на месте содранных и болтающихся кусков обшивки, на деле самым тщательнейшим образом заделаны плотной прозрачной пленкой. Подъемная сила крыльев не пострадала ни в малейшей степени. Приспособление, которым подхватили ларец с колье, на биплане отсутствовало. Виднелись лишь следы его крепления к фюзеляжу.

Если тем временем осматривал псевдо-Джудифф, не-

брежно выброшенную из кабины псевдо-«Мустанга» и лежавшую чуть в стороне.

— Обидно, — сказал он, — когда красивая легенда оказывается таким вот дешевым мошенничеством... А с другой стороны, я рад, что проклятие старого Кэппула оказалось лишь словами, глупыми и пустыми. Что Джудифь улетела со своим парнем и где-то жила с ним долго и счастливо, и рожала ему детей...

Я — совершенно не вовремя — подумала: пора Фрэнку жениться. Пошла взглянуть на останки псевдо-Джудифь. И остановилась, изумленная.

ЭТО БЫЛА НЕ ОНА!

Нет, пожалуй, я не совсем ясно выразилась. Скелет подлинной Джудифь Кэппул никто в этом сарае обнаружить и не рассчитывал. Но лежащий под ногами у Лесли муляж не имел ничего общего с тем, что я хорошо разглядела за спиной пилота биплана-призрака. Там был настоящий скелет или весьма точное его подобие. Здесь же — очень грубая подделка. Нечто, изображающее череп, небрежно вырезанное из чурбака — так дети вырезают пугалки из тыкв на Хэллоуин — и раскрашенное белой краской. Костяк под платьем состоял из связанных палок.

Когда я поделилась наблюдениями с коллегами, они усомнились.

— Ты ошиблась, Элис, — заявил Кеннеди. — В быстро пролетевшем биплане невозможно разглядеть детали скелета. Это уже поработало твое воображение, достраивая смутно мелькнувшую картинку.

— Никакое не воображение! — возмутилась я. — У той «Джудифь» платье разодралось на груди — виднелись ребра. А рука лежала на спинке переднего сиденья — костяк руки. У этого же муляжа попросту нет таких деталей.

Они не стали спорить (хотя, похоже, остались при своем мнении). Лесли примирительно сказал:

— Возможно, Брезман сделал эту куклу, увидел: слишком грубая — и выбросил. Раздобыл настоящий скелет.

Ага, подумала я. А потом так в него влюбился, что

убежал в ночь со скелетом под мышкой. И еще подумала: все-таки недаром я подписала кабальный договор с «Медиумом». Хотя в списках клиентов на их распечатках не оказалось ни ювелира, ни возглавляемой им фирмы, ни профессора-историка, но, возможно, обнаружится кто-то из новых всплывающих в деле персонажей. И почему-то мне казалось, что это будет не пилот Джордж Брезман.

17

— Будете вызывать ваших людей? — спросил Кеннеди.

— Пожалуй, пока не стоит, — задумчиво ответил Лесли. — Попробуем поискать колье еще раз, втроем... И здесь, и в доме.

Я его вполне понимала. Нашему компаньону совершенно не улыбался такой вариант: кто-то из подчиненных-полицейских с ликующим воплем обнаруживает колье — и вместе с ним семь миллионов премии. Наши семь миллионов. Ну, или почти наши...

Мы стали искать. Скажу сразу: колье не нашли.

Но кое-какие находки интерес вызывали.

Во-первых, выяснилось, что стреляет Фрэнк не хуже покойного Джека Саллини. В корпусе биплана обнаружилось четыре пулевых отверстия. А сиденье пилота оказалось запятнано кровью! На всякий случай я взяла ее образцы — лишняя улика, доказывающая, что за штурвалом сидел именно Брезман, не помешает.

Во-вторых, в биплане имелся ящик для перчаток, весьма напоминающий автомобильный. Выпотрошенный — содержимое, вываленное на пол кабины, не заинтересовало лихорадочно искавших колье людей. А зря. Там обнаружился комплект полетных карт с проложенным маршрутом, подробно проработанным. Трасса получалась отнюдь не прямая, но шла по безлюдным местам, в облет всех мегаполисов. Карандашные пометки, по всему судя, указывали места ночевок и заправок — все, как на под-

бор, тоже в малонаселенной местности. Но самое интересное — маршрут вел напрямик из Ост-Кемпена в Техас, к мексиканской границе! Лже-«Мустанг» собирался повторить в обратном порядке семидесятилетней давности полет «Мустанга» настоящего...

Третья заинтересовавшая меня находка обнаружилась в доме, в комнате, приспособленной Брезманом под жилье. Это был большой блокнот с перфорированными листами. Часть из них была вырвана, а на верхнем имела место запись — крупным мужским почерком, почти квадратными буквами.

«МСЬЕ! НЕ ЗНАЮ, КАК ОБЪЯСНИТЬ ВСЕ ЭТО. УВЕРЕН, ЧТО ВЫ МНЕ НЕ ПОВЕРИТЕ, НО ПРОИЗО...»

Запись обрывалась на полуслове.

— Начал писать послание работодателю, — удовлетворенно констатировал Лесли. — Профессору Монлезье-Луэру.

«Нет, ювелиру Монлезье-Гренелю», — мысленно поправила его я. Потом вслух высказала обуревавшие меня сомнения:

— Концы с концами не сходятся, коллеги. Картинка совершенно не складывается. Где-то в наших расчетах есть изъян. Судите сами: допустим, Брезман решил оставить с носом организатора или организаторов хищения и рвануть вместе с колье в Мексику. На биплане нелегально пересечь границу. Вроде бы полетные карты вполне это подтверждают. Но почему он не полетел туда сразу? От дома Кэшпулов? Почему засел здесь и дождался визита разгневанного нанимателя? Зачем начал писать объясняющую что-то записку? Хотя должен был понимать: не отдаст колье — никакие объяснения не помогут...

— Все очень просто, — сказал Фрэнк. — Потому что я всадил в него пулю. Парень почувствовал, что на полет до Мексики сил не хватает, и с огромным трудом дотянул биплан сюда. Хотел обработать рану, сделать перевязку... Но здесь совсем ослаб и попросту не мог улететь. Запиской решил выиграть время, оттянуть встречу с главарем.

Звучало логично, но меня он не убедил.

— Рана не была чересчур серьезной, — сказала я, — судя по количеству вытекшей на сиденье крови. Мало того что Брезман смог с ней совершить посадку и закатить биплан в сарай, он еще умудрился сбежать от двух вооруженных мужчин, исполнив весьма лихой трюк. Вопрос: даже если это ранение мешало ему управлять самолетом, почему не попытался уехать наземным транспортом? Куда разумней, чем сидеть и ждать, кто доберется до тебя раньше: полиция или сообщники.

У Лесли на этот вопрос ответа не нашлось. Зато Кеннеди осенило:

— Концы сходятся с концами в единственном случае! У НЕГО НЕ БЫЛО КОЛЬЕ! Предположим, что старый хитрый Кэппул выставил перед гостями муляж! Стразы! А Брезман после кражи обнаружил подделку. Самым элементарным способом. Например, опробовав «бриллианты» на оконном стекле. Сообщники не поверили — и случилось то, что случилось...

Тут и мне пришла в голову неплохая идея:

— При твоей версии, Кеннеди, перевести стрелки на старого Кэппула труда для Брезмана бы не составило. Сообщники уж могли бы сообразить, что пилот никак не мог загодя заказать копию украшения, даже не выдав оригинала. А что, если подцепленный ларец просто свалился при обратном полете? Воздушная яма, толчок — и нет ларца. Рухнул в реку, или в болото, или на огород к везучему фермеру... Поверить в такое исчезновение колье сообщникам куда труднее.

Неожиданный итог дискуссии подвел Лесли:

— Однако, господа, совсем рассвело. Надо немедленно вызвать кинолога с собакой и отправиться по следу выскочившего из окна человека. Если это действительно раненый Брезман, он мог и не уйти далеко.

Отчего-то эта элементарная мысль не пришла в голову нам с Кеннеди. Увлечлись дедукциями. А порой та-

кие немудреные способы оказываются наиболее эффективными.

Но собака не потребовалась. В утреннем свете мы разглядели то, что никак не могли увидеть ночью: от выбитого окна в сторону заросшей кустарником пустоши уходила цепочка кровавых пятен. Были они невелики — с долларовую монету каждое. Но падали довольно густо — через каждые два-три фута.

— Черт побери! — Лесли выдернул пистолет и устремился по следу. — Сколько времени потеряли! Если это не старая рана открылась, если он схлопотал еще одну пулю, то... Ага!

Он резко остановился. Мы с Кеннеди чуть не уткнулись в его спину. Впереди, между кустами, что-то синело.

...Труп лежал на животе. Похоже, враги Брезмана — если это был он — сделали ту же ошибку, что и мы. Не зная, что вторая маленькая пуля (интересно, тоже серебряная?) угодила пилоту со спины в область сердца, его недруги отказались от бесплодного ночного преследования. А он сгоряча отбежал меньше сотни ярдов, упал — и умер.

Фрэнк бесцеремонно перевернул мертвеца, стал ощупывать карманы. Колье не обнаружилось. Зато в нагрудном кармане лежал заграничный паспорт гражданина Соединенного Королевства на имя Алексиса Дж. Морана. Судя по мексиканской въездной визе и отсутствию выездной, сейчас означенный гражданин попилвал текилу среди кактусов и ацтекских пирамид. Но если верить вклеенной в паспорт фотографии — лежал у нас под ногами.

— Может, это не Брезман? — предположил Фрэнк.

— Он, — сказал Кеннеди. — Я скачал из Сети фотографии участников «Эйр-эротик-шоу». Он самый. Лишь усы отпустил.

— Интересно, куда я ему угодил... — риторически спросил Лесли. — Ладно, вскрытие по...

После слова «вскрытие» он осекся. Потому что в этот момент труп пошевелился. И негромко застонал.

Наступивший день можно было назвать днем великих разочарований, оборванных нитей, потерянных следов, лопнувших версий, не подтвердившихся догадок и... И еще я где-то забыла противосолнечные очки. Мелочь, но обидно.

Последовательно в этот день выяснилось:

Первое. Другие охотники за семью миллионами действительно дышат нам в затылок. Через пять минут после обнаружения Брезмана кавалькада машин службы шерифа Вест-Кемпье и полиции штата подкатила к заброшенной ферме (люди шерифа раскопали двух свидетелей, видевших возвращающийся на ферму биплан, а дармоеды из полиции штата банально сели вест-кемпенцам на хвост).

Второе. Джордж Брезман жить будет. Ночной холод сообщил его конечностям трупную стылость, заставившую нас ошибиться, но заодно и замедлил кровотечение из крохотной ранки. Однако к разговору пилот способен будет не скоро.

Третье. Все наши версии полетели к чертям. Брезман, скорее всего, не пилотировал биплан-призрак. И не он был ранен во время похищения. Раны от выпущенной Лесли пули у Джорджа Брезмана не нашли, а кровь на сиденье оказалась другой группы.

Четвертое. Пуля двадцать второго калибра, в результате долгой операции извлеченная из Джорджа Брезмана, тоже была серебряной.

Пятое. Ни историк, ни ювелир (который к себе в Новый Орлеан тоже отчего-то не вернулся) никогда официально не покупали и не регистрировали оружие тридцать восьмого или двадцать второго калибров.

Шестое. Упомянутые личности на минувшую ночь алиби не имели. За ювелиром никто наблюдения не установил. Касательно профессора Лесли свое обещание выполнил, но здесь произошла накладка. Полицейские Вест-Кемпье обнаружили людей Фрэнка, ведущих

наблюдение за домом, где остановился историк. И весьма навязчиво заинтересовались — а что делают их коллеги тут, за пределами собственной юрисдикции? Ост-кемпенцы, получившие строжайший наказ не выдавать объект наблюдения, ответили, что любят архитектуры красотами... Короче говоря, в правоохранительных структурах двух округов произошел скандал, в ходе которого ост-кемпенцам пришлось убраться во свояси. Лесли, поразмыслив, предпочел оставить профессора без наблюдения, но не наводит на след конкурентов.

Седьмое. Скелетов и их муляжей Джордж Брезман (равно как и прочие участники «Эйр-эротик-шоу») в последние четыре месяца не приобретал. Характерная деталь: подлинный муляж невесты-призрака на ферме и в ее окрестностях так и не нашелся.

Восьмое. Мои солнцезащитные очки обнаружили в кабинете Лесли. Единственный луч света в этом темном деле...

Затосковав от разлетевшихся вдребезги версий, мы с Кеннеди как раз подходили к парковке, где оставили арендованные нами машины. И тут подпрыгивающей, какой-то птичьей походкой к нам устремился мой подозреваемый номер один. Иначе говоря, ювелир Монлезье-Гренель.

— Здравствуйте, здравствуйте, мсье и мадемуазель! — заговорил он горячо и торопливо. — Вы из полиции? Есть какие-нибудь новости? Я просто не могу ни есть, ни спать после этой кошмарной кражи! Сделайте хоть намек! Есть у вас какой-то след к колье? Умоляю вас, ведь это сокровище не только Кэппулов — это история страны, достояние всей нации, а Кэппулы лишь его почетные хранители, не более того!

Вот бесстыжий тип! Небось ведь сам решил заделаться почетным хранителем, да обстоятельства не сложились...

Кеннеди ответил сухим и казенным голосом:

— Следствие идет. Версии отрабатываются. Подробно-

сти — в еженедельном пресс-релизе. Честь имею, господин ювелир.

Уходя, я спиной чувствовала неприязненный взгляд Монлезье-Гренеля.

19

Кеннеди, в минувшую ночь не ложившийся вовсе, завалился спать. Я, сомкнувшая веки лишь на три часа (до его возвращения от Герцога), очень хотела заняться тем же — однако поспать в ближайшие часы мне так и не удалось.

Но результат стоил того — к трем часам пополудни я нашла-таки искомую зацепку. Правда, этим скептикам — Кеннеди и Лесли — мои доказательства наверняка не показались бы убедительными... Но я и не собиралась им ничего доказывать.

Вместо этого я написала два письма и сделала один телефонный звонок.

Знаменитый полярник Андре-Мари-Жиль Монлезье-Бланш обрадовался, услышав мой голос. Но, казалось, не особо удивился. До чего же самонадеянны эти Монлезье!

— Когда вы возвращаетесь в Антарктиду, мсье Андре? — поинтересовалась я.

— Ровно через пятнадцать дней, мадемуазель Элис. И был бы счастлив, если бы вы составили мне компанию!

— Боюсь, в этот раз не получится... Но обещаю: если вы докопаетесь до цивилизации антарктов — приеду обязательно! А пока один вопрос: вы опять летите через Кейптаун?

— Да, и проведу там около недели. Может, и больше — над шестым континентом нелетная погода не редкость. Кстати, мадемуазель: а вы бывали в Южной Африке? Необычайно экзотичная страна, уверяю вас. И, раз уж вам не выбраться в Антарктиду, мы могли бы...

Зная, как действует на меня гипноз его уверенного голоса, я торопливо перебила:

— Тогда у меня еще один вопрос. Вы не могли бы при-

хватить с собой небольшую посылочку в Кейптаун? Надеюсь, ученого с вашим именем таможня пропускает по «зеленому коридору»?

20

Следующий задуманный шаг без помощи Фрэнка Лесли я сделать не могла.

На рабочем месте его не оказалось — созвонившись по сотовой связи, мы встретились на окраине Ост-Кемпена.

— Фрэнк, во-первых, спасибо за наводку на хакера — он оказался именно тем человеком, которого я искала. Во-вторых, у меня есть еще одна просьба. Наверняка у вас отличные связи со всеми госструктурами вашего городка. (Он кивнул.) Вы сможете срочно отправить эти два письма с почтамта — но так, чтобы временем отправления на штемпеле был указан вчерашний день или вечер?

Он внимательно прочитал адреса и имена адресатов. Обратил особое внимание на почерк, которым они были написаны. Долго смотрел мне в глаза («сейчас откажет или начнет задавать вопросы» — мелькнуло у меня).

Ответил Лесли одним словом:

— Смогу.

— Тогда еще совет: возобновите наблюдение за профессором. И обязательно установите слежку за ювелиром! Обязательно! Даже под угрозой окончательно рассориться с полицией Вест-Кемпье. Каким угодно способом — переоденьте людей хоть разносчиками пиццы, хоть чистильщиками обуви. Но не выпускайте их из вида!

Он снова сделал долгую паузу. И сказал второе слово:

— Объясните.

А казался таким велеречивым...

Вернувшись в «Нимфу Клайда», я без сил упала на кровать. Не раздеваясь. Знала — долго спать не придется.

Как и ожидалось, разбудил меня звонок Лесли.

— Все сработало, — сказал он очень неприятным голосом. — Но не совсем так, как вы предполагали, доктор

Блэкмор. Пять минут назад историк и ювелир устроили перестрелку прямо на улице — один тяжело ранен, второй задержан.

— Проклятье!!! Куда же смотрели ваши люди?!!

— Туда, куда им было приказано, — сказал Лесли еще неприязненное. — Но они сорвались с места оба! Оба, понимаете вы! Встретились на подороге, выскочили из машин и тут же схватились за пушки! Мои ребята, следовавшие за ними, просто ничего не успели сделать... Да что у вас там за грохот, черт побери?!

— Дорогу под окнами ремонтируют, — сказала я, не до конца осознав произошедшее. Но лупить каблуком туфли в стену прекратила — на пороге моего номера уже появился заспанный Кеннеди.

21

Да, кровь Монлезье не водица, — какие бы научные степени их ни отягощали и какие бы мирные профессии они ни избирали.

События, приведшие к трагедии, развивались так.

Послеобеденную почту профессор истории Монлезье-Луер получил на одиннадцать минут позже ювелира. Но наверстал отставание за счет того, что воспользовался «Шевроле» родственников, у которых остановился, — а Монлезье-Гренелю пришлось искать такси. В результате выехали они почти одновременно, но встретились ближе к жилью ювелира — историк машину не жалел и на ограничения скорости внимания не обращал. Таксист, несмотря на понукания пассажира, ехал осторожнее.

Увидев на тихой и безлюдной, заросшей деревьями улочке автомобиль профессора, Гренель приказал водителю остановиться. Выскочил, побежал к «Шевроле», тоже затормозившему. И — буквально выдернул за грудки из салона историка, хотя тот был на пятнадцать лет младше, на голову выше и в полтора раза тяжелее. «Как брюкву из грядки», — сказал про этот момент водитель такси, ока-

завшийся единственным свидетелем. Выдернул — и, как показалось таксисту, банально попытался задушить противника. Оба что-то при этом орали, но слов свидетель не разобрал. Слегка опомнившись, профессор отшвырнул дальнего родственника. Тот отлетел, упал, что-то выхватил из-за пазухи, таксист не увидел — что. Зато появившийся в руке Луера здоровенный пистолет разглядел прекрасно. И тут же газанул по пустынной улице, не дожидаясь, когда с ним расплатятся. Отъезжая, слышал выстрелы.

Пистолет Монлезье-Гренеля, который таксист разглядеть не сумел, скорее можно было отнести к произведениям ювелирного искусства, чем к оружию. Отделанный золотом и серебром, с выложенной драгоценными камнями монограммой на рукояти, он являл собой более роскошный аналог того самого «дерринджера», из которого Робер Монлезье когда-то застрелил полковника Илайю Кэппула. Правда, несколько усовершенствованный аналог — двухствольный и двухзарядный пистолетик был приспособлен для стрельбы патронами «0.22 лонг райфл» (и тоже не простыми: гильза позолоченная, пулька из чистого серебра).

Как выяснилось впоследствии, это чудо оружейно-ювелирного искусства в свое время заказал Монлезье-Гренелю один из членов клана — но по каким-то причинам так и не выкупил. На фоне канадского армейского «хай пауэра», неизвестно какими путями попавшего к историку, псевдооружие ювелира совершенно не смотрелось. Но Гренель блестяще доказал, что стрелок не должен зависеть от калибра пистолета. За те двадцать или тридцать секунд, что прошли между отъездом таксиста и прибытием людей Лесли, в отдалении следовавших за противниками, ювелир выстрелил дважды, полностью разрядив свою игрушку. Историк успел нажать на спуск трижды — и все три раза промахнулся, хотя расстояние до неприятеля было меньше десяти футов (героический Монлезье-Гош никак не мог бы гордиться таким бездарным прапрапраправнуком).

Ювелир же не посрамил славу предков. Одна серебряная пулька попала профессору в брюшную полость и прошла навывлет, зацепив печень. Вторая, пройдя между ребрами, пробила левое предсердие и застряла в позвоночнике.

Умер Гастон Монлезье-Луер в машине «Скорой помощи», по дороге в госпиталь.

22

На столе у Лесли рядышком лежали два письма.

Короткие, больше похожие на телеграммы, и почти одинаковые, написанные на вырванных из перфорированного блокнота листках бумаги одним и тем же крупным мужским почерком, почти квадратными буквами. Текст записок тоже был весьма схож. Одна гласила:

МСЬЕ, Я НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ.
КОЛЬЕ ЗАБРАЛ ЮВЕЛИР.
ОН ГОТОВИТСЯ УБИТЬ И ВАС, И МЕНЯ.

Вторая отличалась одним словом:

МСЬЕ, Я НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ.
КОЛЬЕ ЗАБРАЛ ПРОФЕССОР.
ОН ГОТОВИТСЯ УБИТЬ И ВАС, И МЕНЯ.

— Ну и как вы это объясните, доктор Блэкмор? — сурово спросил Френсис К. Лесли. Как будто сам совсем недавно не отправил эти послания. Впрочем, в их содержание я его не посвящала.

Пришлось посыпать голову пеплом раскаяния...

— Просто я проверяла одну свою версию, — смиренно начала я. Но продолжила чуть в ином тоне: — От которой вы, два тупых идиота, шарахались, как монашки от секс-шоп! Неужели вам, бараньи вы головы, никак было не

додумать вашиими болванками для шляп: никто, кроме Монлезье-Гренеля, не смог бы сбыть колье! Украденное колье!!! Все ваши рассуждения об анонимных продажах годились для бриллиантов, не попавших в списки разыскиваемых! Колье Кэппулов в этих списках уже три дня! Дилетант же, сунувшийся на черный рынок драгоценностей с вещью такой стоимости, просто обречен! Обречен!!! В лучшем случае он лишился бы лишь бриллиантов, в худшем — еще и жизни! Сколько раз, сколько раз я говорила вам, Лесли: пружина всего дела — Гренель! ГРЕНЕЛЬ!!! Сколько раз? — спросила я настойчиво и стала ждать ответа, буравя его огненным взглядом.

— Много... — проямлил Фрэнк и забормотал в свое оправдание: — Но, доктор Блэкмор... он же был на виду... сам подставлялся под подозрения... кто мог подумать...

Наивный мальчик... Вот что значит не иметь опыта семейной жизни. Мужчина, не один год влачащий семейные узы, не попался бы на эту простенькую удочку. Знал бы, что яростней всего женщина обвиняет, когда чувствует себя виноватой... Я — чувствовала.

— Ладно, что теперь вспоминать былые ошибки, — сказала я милостиво. — Давайте думать, что делать дальше. Все нити аферы у нас в руках. Надо наконец-то сделать главное: найти колье.

— Познакомь нас с тем, что ты раскопала по ювелиру, — попросил Кеннеди. — Гренель после ареста не сказал ни слова. А потом, потолковав с адвокатом, наверняка попытается все свести к законной самообороне. Присяжные, сравнив пушки — его и профессора, — вполне могут поверить.

— Ну, положим, в эпизоде с Брезманом самооборона ему не светит, — проворчал Фрэнк, — пуля попала в спину... Но все равно — он и там сможет отделаться малой кровью. Пострадавший жив; пистолетик больше похож на детскую игрушку; в клане Монлезье много хороших адвокатов... Без самого главного — без колье — дело рассыпается на несколько малозначительных эпизодов. Я уж

не говорю о таком пустячке, как семь миллионов призовых денег.

И я просветила коллег.

— Все ваши версии я рассматривала в свете одного основополагающего постулата: Монлезье-Гренель завяз в деле по самые уши. Вы, Фрэнк, хорошо обосновали подозрения против профессора — и тогда я уяснила для себя, что они действовали вдвоем. Причина моей предубежденности была одна: женская интуиция. Но к делу ее не подшить, и вы с Кеннеди упорно не хотели к ней прислушиваться. Тогда я подошла к проблеме логично. Рассудила: в основе любой интуиции лежит информация. Пусть позабытая, похороненная где-то на глубоких уровнях подсознания... Вопрос: а где я могла получить информацию о Монлезье-Гренеле — визуальную информацию, такую, что она вынудила меня интуитивно заподозрить ювелира, едва его увидев? Я решила, что на прежней моей работе, в ФБР. Отсканировав несколько фотографий Гренеля, проникнув с помощью вашего приятеля-хакера в архив ФБР и задействовав программу сравнения изображений, я раскопала этот вот снимок.

И я с торжеством выложила находку на стол. Фото как фото — двое мужчин сидят за столом. Очевидно, в ресторане. Один что-то говорит, держа бокал в руке. Другой слушает, улыбается.

— Это Монлезье-Гренель, сомнений нет, — показал Кеннеди на улыбающемся. — Разве что выглядит моложе... А кто второй?

— Естественно, моложе, — снимок девяносто первого года, — объяснила я. — А второй...

— Второй тоже из Монлезье? — неожиданно встрял Фрэнк.

— Нет, это некий Ван Бурк, постоянно проживающий в Южной Африке. Делец с черного рынка алмазов. В девяносто первом попал под подозрение в причастности к убийству и ограблению известного нью-йоркского ювелира. Улик против него собрать не удалось, но с тех

пор он в Штатах персона нон грата. Гренель не проходил тогда по делу ни в каком качестве, однако все же попал на снимок. И его облик позабылся, но отложился где-то в глубинах моей памяти. Думаю, повстречай я ювелира на улице, интуиция бы промолчала. Но история с ожидаемым похищением всколыхнула именно нужные слои подсознания. Вот и все.

— Не все, — упрямо гнул свое Фрэнк. — Потому что никакой это не Ван Бурк. Это Монлезье. Посмотрите на этот нос, брови, подбородок... Мне ли не знать Монлезье!

— Действительно, — поддержал Кеннеди (ох уж мне эта мужская солидарность!), — приглядиись внимательно, Элис.

— Хорошо, — согласилась я. — Давайте предположим, что мамаша Ван Бурка носила в девичестве фамилию Монлезье-Имярек. Или даже Монлезье-Гренель. Это, кстати, может объяснить, отчего ювелир смог настолько довериться этой темной личности, чтобы переслать бриллианты в Кейптаун.

— Так колье в Южной Африке??!! — вскричали в один голос Кеннеди и Лесли.

Так же, наверное, вскричал Наполеон, узнав, что вместо маршала Груши в его тылу объявились пруссаки. Или красавчик Билли — узнав, что Моника не выбросила свое старое платье...

— Спокойно, парни, — процедила я тоном матерого техасского шерифа. — Все под контролем. Просто ювелир спросил своего родственника, полярника Монлезье-Бланша, может ли он передать знакомому в Кейптауне небольшую посылочку. Бланш — ученый с мировым именем, постоянно летает в Кейптаун и обратно, и на таможенные проблем у него не бывает.

— Где сейчас эта посылка? — подрагивающим голосом спросил Лесли.

— Понятия не имею. Что-то у них сломалось во всей схеме. Я думаю, у истоков аферы действительно стоял покойный профессор. Он блестяще продумал техническую

сторону операции, использовав свои уникальные познания. И он же нашел пилота. Возможно, Брезмана даже не посвятили во всю подоплеку. Не исключено, что Луер нанял его якобы для «свадебного розыгрыша». В любом случае, я уверена, — очнувшись, Джордж будет утверждать именно это. Но в сбыте краденых драгоценностей профессор оказался полнейшим профаном и предпринял весьма глупую попытку прозондировать рынок, уверенный, что информацией о колье Кэппулов никто больше не обладает. С Гренелем он едва ли был знаком достаточно близко для того, чтобы предложить соучастие, — один жил в Луизиане, другой в Северной Каролине. Думаю, ювелир сам вышел на родственника, получив пресловутое коммерческое предложение, а затем поработав в качестве оценщика с колье. Вычислить, кто из не-ювелиров смог раздобыть информацию о бриллиантах, труда не составило. Конечно, Монлезье-Луер, посвятивший жизнь исследованию истории двух кланов. Думаю, что ювелир сказал ему попросту: «Дорогой Гастон, я знаю, что ты намерен предпринять. И если даже я ничего никому не скажу, ты все равно погоришь на попытке сбыть добычу. Не лучше ли поделиться?»

— Звучит красиво, — сказал Кеннеди. — Но все последующие события твою версию подготовки преступления никак не подтверждают.

— Потому что все с самого начала пошло не так! Джордж Брезман не сидел за штурвалом биплана-призрака! Кровь на сиденье — не его!

— Где же он был и что делал во время похищения? — спросил Фрэнк.

— Он спал! Да-да, именно спал! Почти двое суток! В крови у Брезмана обнаружены следы нескольких интересных соединений. Не буду утомлять вас химическими формулами, скажу лишь одно — возможных причин тому может быть несколько, но одна из них следующая: два-три дня назад Джордж получил лошадиную дозу веществ из группы барбитуратов!

Кеннеди сориентировался мгновенно:

— Значит, именно поэтому он не сбежал. Именно в этом оправдывался в неоконченной записке: «МСЪЕ! НЕ ЗНАЮ, КАК ОБЪЯСНИТЬ ВСЕ ЭТО. УВЕРЕН, ВЫ МНЕ НЕ ПОВЕРИТЕ...»

— Оба мсье действительно не поверили, — подхватил Фрэнк. — Приехали и начали со стрельбы, а закончили обыском... Но кто тогда пилотировал аэроплан?

— Не знаю, — вздохнула я. — До последнего момента я была уверена, что кто-то из сладкой парочки — или ювелир, или профессор — подготовил за спиной сообщника второго пилота. Гренель вызывал несколько больше подозрений, сбить колье он мог и в одиночку. Но и Луера сбрасывать со счетов не стоило — едва ли он стал бы отправлять колье в Африку неизвестно кому. Наверняка потребовал, чтобы переговоры с Ван Бурком шли при его участии. И — мог попытаться сговориться с южноафриканцем за спиной Гренеля. В общем, расчет мой был прост: за пистолет схватится тот, у кого колье сейчас нет. А его ведущий двойную игру сообщник только порадуетя ложным подозрениям. Но получилось то, что получилось. Вывод: колье нет и не было ни у ювелира, ни у профессора.

Повисло молчание. Совместными усилиями мы распутали сложнейший клубок, держали в руках двух участников кражи, но никак не могли добраться до самого главного. До бриллиантов и страховой премии.

— Кровь какой группы обнаружена на сиденье биплана? — спросил вдруг Лесли.

— Первая, резус положительный, — проинформировала я.

— В США не так уж много пилотов малой авиации, — сказал он мрачно. — Несколько тысяч, не больше. Копнем шире и глубже, зацепим не только выступавших в авиашоу каскадеров. Кровь и отсутствие алиби на день свадьбы — не так уж мало. Но по этому следу ринется столько конкурентов...

— Тебе стоило бы подумать и про южноафриканских летчиков, — сказал Кеннеди.

— Ван Бурк?

— Именно. Идеальный кандидат на роль третьего игрока, неожиданно вмешавшегося в партию. Приехал инкогнито, привез своего пилота...

— Нереально, — усомнился Лесли. — Едва ли Ван Бурка посвящали в технические детали. Просто сказали: к такому-то числу появятся такие-то бриллианты...

— Значит, придется нам бежать по узенькой дорожке с огромной сворой охотничьих псов, — вздохнул Кеннеди. — По второму разу просеивать пилотов...

Про меня дорогие мужчины, похоже, забыли. Чтобы привлечь их внимание, я постучала по столу.

— Я могу подсказать вам, где можно срезать эту дорожку. Как минимум в двух местах. И оказаться у финиша первыми.

— ???

— Небесный Доктор. Старик должен знать о воздушных шоуменах куда больше Герцога — сам когда-то много лет кормился этим ремеслом.

— А в чем вторая подсказка? — напомнил Кеннеди.

— Эта информация слишком дорого мне обошлась... — вздохнула я. — Даже не знаю, могу ли ею с вами поделиться. Разве только если вы прямо сейчас — не дожидаясь призовых денег — скинетесь и поможете мне выкупить одну важную деталь моего организма...

Приятно было смотреть на разом поглупевшие физиономии двух мастеров дедукции и сыска.

23

— По-моему, ты ошибся, — сказала я Фрэнку. — Или это не та больница. Или Николсон — не тот старик.

Действительно, нынешний адрес Айзека Дж. Николсона, известного в молодости под псевдонимом Небесный Доктор, звучал так: «Мичиган, округ Крейтон, клиника

Святого Патрика». Поневоле у нас сложилось мнение, что старый пилот доживает свои дни в муниципальной больнице для престарелых.

Однако вывеска на высоких кованых воротах гласила, что мы приехали не в богадельню, а в клинику детской травматологии и протезирования. Звонкие ребячьи голоса, доносившиеся из-за ограды, подтверждали, что создатели вывески дезинформацией не занимались.

— Может, он тут работает? — предположил Кеннеди. — Сторожем или санитаром? И живет при больнице?

Чуть позже выяснилось, что в главном мой коллега не ошибся. Айзек Николсон действительно жил и работал здесь — но не санитаром или сторожем. Главным врачом — и, по совместительству, директором клиники.

Нас встретила невысокая пожилая женщина, на редкость стройная для своих лет. Судя по виду, не медсестра и не санитарка, но кто-то из руководящего состава. Бэйджа у нее на груди не было, и представилась женщина словами:

— Здравствуйте, меня зовут Ангелина. Сейчас я покажу вам клинику.

Она не задала ни одного вопроса: кто мы, откуда, за чем?.. Хотя Фрэнк впервые за время нашего знакомства облачился в полное полицейское обмундирование. Лесли надеялся, что от копа в форме документы никто не потребует. Ибо никаких официальных полномочий на территории штата Мичиган он не имел.

«Может, нас приняли за кого-то другого?» — подумала я. Но мужчины рассеивать заблуждение Ангелины не спешили. Они бодро двинулись за ней следом, цепко поглядывая по сторонам и слушая ее рассказ — в другое время, пожалуй, весьма бы меня заинтересовавший с профессионально-медицинской точки зрения.

Дело в том, что клиника Святого Патрика уже тридцать лет специализировалась на создании и практическом применении биопротезов конечностей — и добилась немалых успехов на этом пути. Клиника не финансировалась госу-

дарством, поскольку главными пациентами являлись дети-иностранцы, ставшие инвалидами в результате полыхавших в мире больших и малых войн. И это отнюдь не были дети лишь состоятельных родителей — лечение осуществлялось бесплатно, а дорогу в Штаты детишкам чаще всего оплачивали благотворительные фонды.

Мы побывали в палатах и процедурных, осмотрели учебный корпус — в классах как раз шли занятия (Ангелина пояснила: «У нас преподают на семи языках, представляете?») — и направлялись в сторону спортивно-реабилитационного городка, когда я окончательно поняла: Лесли ошибся.

Хотя Ангелина несколько раз упоминала фамилию главы клиники, называя его мистером Николсоном, а пару раз, сбившись, даже назвала Айзеком, было ясно: это не тот человек, которого мы ищем. Никак не мог каскадер, ярмарочный трюкач, забросив полеты, стать вдруг медицинским светилом.

Похоже, Фрэнк и Кеннеди тоже осознали этот неприятный для нас факт.

— Спасибо, миссис Ангелина, за очень интересную экскурсию, — сказал Лесли, — но, очевидно, произошла обоюдная ошибка. Я не знаю, кого вы поджидали у ворот, за кого нас приняли и кому был предназначен ваш рассказ, но мы ищем человека, которого, очевидно, здесь нет и быть не может, — бывшего воздушного каскадера, известного ранее под псевдонимом Небесный Доктор, по стечению обстоятельств оказавшегося тезкой и однофамильцем руководителя вашей замечательной клиники, вызвавшей у нас глубокое сочувствие своей благородной деятельностью.

Эк завернул! Похоже, он поначалу со всеми женщинами так — и лишь потом переходит на телеграфный стиль: «Смогу...», «Объясните...».

— Никакой ошибки нет, — улыбнулась Ангелина. — Мы всем гостям показываем клинику и рассказываем о ее работе. Ведь мы фактически живем на пожертвования —

а людям надо видеть, что их деньги уходят не на какую-то абстрактную благотворительность, а на конкретных детей на очень несчастных детей, совсем не виновных в том, что взрослые решают свои споры с оружием в руках... Скажите: разве, увидев все это, вам не захотелось по мере сил помочь нам?

Она была права. Захотелось. По крайней мере, мне. Скажу больше: глядя на класс в учебном корпусе — класс для самых младших, — где сидел десяток мальчишек и девчонок, и у каждого ученика одна или две конечности были заменены протезами, я уже начала прикидывать, какую часть призовой суммы переведу на счет клиники. Если, конечно, наша гонка за бриллиантами Кэппулов увенчается успехом.

— Но и вы не ошиблись, — продолжала Ангелина. — Мистер Николсон действительно еще в колледже занимался авиационным спортом. И весьма успешно — ему принадлежали пять или шесть национальных рекордов. А потом... Потом, когда понадобились деньги на внедрение разработанного им метода протезирования и на создание этой клиники, он действительно иногда подрабатывал этим способом... Нам очень помогли несколько значительных денежных премий, назначенных за вещи, считавшиеся в принципе невыполнимыми. Скажу вам по секрету, — тут она снова улыбнулась, — в некоторых трюках участвовала и я.

Мои коллеги мгновенно подобрались и насторожились — точь-в-точь два сеттера, почуввавших дичь.

— Значит, вы — миссис Николсон, — констатировал Кеннеди. — Значит, именно вас муж когда-то подхватывал с земли на лету прикрепленным к самолету крючком?

Миссис Ангелина Николсон рассмеялась.

— Меня, меня... Только не рассказывайте никому в клинике. А то несолидно — заместитель главного врача летала по воздуху в коротенькой юбке, подвешенная на крюк, словно окорок в коптильне.

Айзек Дж. Николсон выглядел гораздо моложе, чем мы ожидали, — лет на пятьдесят, максимум пятьдесят пять. И явно сохранял хорошую форму. Среднего роста, мускулистый, с открытым лицом.

Странная молоджавость Небесного Доктора удивила нас — из рассказа Герцога выходило, что пилот с таким прозвищем начал карьеру не то в конце сороковых, не то в начале пятидесятих годов.

— Дело в том, — охотно ответил он на прямой вопрос Кеннеди, — что профессиональным авиакаскадером был еще мой отец. А я унаследовал его псевдоним и кое-какие семейные трюки... Но так уж получилось, что прозвище совпало с выбранной мною профессией. Отец — он разбился в семьдесят третьем — был человеком небогатым и ничем другим не занимался. Рисковал жизнью, чтобы дать мне возможность закончить образование. Для меня же авиация всегда была простым хобби, остается им и сейчас — правда, сесть за штурвал удается все реже. Но на каком-то этапе это увлечение весьма помогло... Помогло начать то, что я считаю главным своим делом.

— Очевидно, именно тогда, во время своих выступлений, вы и познакомились с Джорджем Брезманом? — спросила я.

— Тогда... Но не с ним — с его отцом, у них тоже воздушная династия... Когда Брез-младший обратился ко мне с просьбой помочь освоить наш старый семейный трюк, я и понятия не имел, зачем ему это надо. И охотно помог... Лишь когда прочитал в газетах о похищении колье Кэппулов, понял, что он задумал. Вы знаете, ситуация сложилась уникальная — я тренировал его, ничего не подозревая. Но и он, принимая мою помощь, понятия не имел, что готовит его человек, имеющий полное право стать владельцем этих бриллиантов.

Мы онемели. Слов не нашлось. Если бы Небесный Доктор объявил вдруг, что он не человек, а пришелец с Сириуса, мы были бы потрясены меньше.

Он удивленно поднял брови.
— Я — родной внук Джудифь Кэспул и Анри Монлезье-Ружа. Вы не знали?

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА VII

Наверное, авантюрист и сорвиголова Анри Монлезье-Руж всегда мечтал умереть именно так. В небе. Сжимая рычаги любимого самолета...

Но — сзади его обнимала любимая женщина, тоже раненая, ничего не понимающая в управлении бипланом, и умирать было нельзя, надо было лететь, и улететь как можно дальше, потому что на земле ничего хорошего их не ждало.

И «Мустанг» летел. Летел к канадской границе.

Наверное, Анри несколько раз терял сознание — но и тогда руки продолжали твердо сжимать штурвал, и биплан летел по-прежнему ровно. Когда Монлезье-Руж в очередной раз открыл глаза — земли он не увидел. Или ее уже покрыла ночь, или просто потемнело в глазах. Солнце, впрочем, Анри еще различал. Только его — кроваво-красное закатное солнце... Надо приземляться, понял он, и понял другое — сил на это не осталось, он не сможет посадить машину в сгущающейся тьме, сам фактически ослепнув...

Не может — но должен.

— Я люблю тебя, малышка, — сказал Анри и толкнул штурвал от себя.

Джудифь никак не могла услышать этих слов за ревом мотора. Но услышала. Потому что двигатель заглох полминуты назад, и лишь ветер свистел в растяжках биплана. Она толкала и тормозила Анри, вновь впавшего в забытье. Он очнулся — она услышала эти слова и через несколько секунд почувствовала, как его тело стало клониться набок. А руки, сжимавшие штурвал, медленно разжались.

Анри Монлезье-Руж был мертв.

Джудифь Кэппул закрыла глаза и тоже стала ждать смерти.

25

— Потом бабушка до конца своих дней утверждала, что спас ее дед. Что именно он — мертвый — посадил биплан на воду озера. Я думаю, это была счастливая случайность. И не единственная. Мой отец — и соответственно я — появились на свет просто чудом. «Мустанг» легко мог приводниться на середине озера Мичиган... Но я и без того не представляю, как бабушка — в длинном неудобном платье, с пробитым пулей плечом и шестинедельной беременностью — смогла проплыть в темноте четверть мили до берега. Но проплыла... А самолет вместе с дедом навсегда остались на дне Мичигана. Бабушку подобрали на берегу в бессознательном состоянии и отправили в больницу — потом она даже не смогла точно вспомнить место посадки. А я раз в год опускаю венки на волны Мичигана...

— Впоследствии ваша бабушка вышла замуж за человека по фамилии Николсон? — спросил Лесли.

— Нет, она больше не вышла замуж. Но ни с Монлезье, ни с Кэппулами никаких дел иметь не желала. Жила под девичьей фамилией своей бабушки по материнской линии.

Кеннеди спросил:

— Почему же ваша ветвь клана — вернее, двух кланов — не объявилась позже, после смерти Саллини и вашего прадеда Кэппула? Оба семейства до сих пор пребывают в неведении... И почему вы считаете, что имеете права на бриллианты? Разве брак вашей бабушки и деда был официально зарегистрирован?

— Был. Тогда, во время первого их путешествия на «Мустанге». А насчет неведения обоих кланов — вы ошибаетесь. Лет пять назад ко мне приезжал один из Монлезье. Все рассказал и объяснил: и про колье, и про завещание

Ревекки Кэппул, и про мои права на бриллианты — раньше я этого не знал. У Монлезье даже якобы имелась копия свидетельства о браке, выданного мэрией маленького городка (точное место он не назвал) — у бабушки, естественно, этот документ не сохранился. Предлагал начать процесс по вступлению в права наследства — причем соглашался предоставить собранные им документы за небольшую долю стоимости кольца...

— Это был историк Монлезье-Луер? — спросила я, не сомневаясь в ответе.

— Да. Я отказался иметь с ним дело. Посчитал, что раз бабушка навсегда отказалась и от родни, и от этих проклятых бриллиантов, то и мне не стоит связываться... И, знаете, потом жалел. Часто жалел. Когда думал, что можно было сделать в клинике на эти миллионы...

Зачем он все это говорит? — билось у меня в голове. Неужели так уверен, что не осталось никакого следа, никакой улики, никакого свидетеля? Или выкладывает то, что мы можем и сами раскопать, чтобы скрыть главное?

А еще я подумала, что была не совсем справедлива к покойному историку. Не только огромные деньги толкнули этого романтика на преступление. Он один знал, как трагично закончилась красивая история о небесной (в прямом смысле — небесной) любви и о чудесном воссоединении влюбленных... И великий патриот рода Монлезье очень хотел, чтобы погибший накануне своего счастья Анри отомстил за себя. Иначе совершенно не имело смысла так долго и тщательно возиться с инсценировкой — искать очень похожий на «Мустанга» (и весьма недешевый!) самолет, имитировать его разрушения, подменять кассету в видеокамере... Достаточно было использовать любую подвернувшуюся под руку авиетку. И Небесный Доктор тогда действительно только из газет узнал бы, к чему готовил Брезмана...

Николсон продолжил:

— На самом деле то, что мы делаем, лишь капля

в море... Один пример: много лет на юге Африки шла жестокая война — в Анголе, Мозамбике, Намибии... И главным оружием были мины. Противопехотные мины — не убивающие, но калечащие. Отрывающие стопу. Огромные площади до сих пор засеяны этой за-таившейся смертью... А подрываются дети. В основном дети. Взрослые куда реже лезут в такие места. Завтра прибывает группа ребят из Намибии — с этой страной по ряду причин у меня самые тесные связи. Тридцать шесть мальчишек и девчонок. Мы сделаем, что можем, — они снова будут нормально ходить, нормально жить, не останутся на всю жизнь калеками... Но их тридцать шесть! Всего лишь тридцать шесть! И я знаю, что в Намибии остались тысячи маленьких инвалидов... Мне неоднократно приходилось там бывать. И смотреть им в глаза.

Да замолчи же наконец! — мысленно завопила я. Всем известно, что в Намибии тоже развит алмазный бизнес! Замолчи, сделай милость!

Я решительно встала. И обратилась к Небесному Доктору:

— Спасибо, мистер Николсон. Ваша информация очень нам поможет. А сейчас нам пора. Пойдемте, господа.

Кеннеди явно хотел что-то сказать или что-то возразить, но я глянула на него так, что он предпочел заткнуться. Иногда — очень редко — Кеннеди не рискует со мной спорить. Сейчас был именно такой момент.

Хозяин проводил нас до дверей кабинета. Прощаясь, я заглянула в его глаза и поразилась суженным, игольно-точечным зрачкам.

— До свидания, мистер Николсон, — сказала я. — Постараюсь оказать посильную помощь вашей клинике. Последний вопрос: когда вы в очередной раз вылетаете в Намибию?

— Послезавтра, мисс.

— Советую не откладывать вылет.

Мы вышли из административного корпуса, но не спешили идти к машине.

У детей, похоже, наступил перерыв в занятиях — среди кустов и деревьев окружавшего клинику парка мелькали ребячьи фигурки, раздавались звонкие слова на нескольких языках.

Между нами, наоборот, повисло тяжелое молчание. Нарушил его Кеннеди, сказав бесцветным, совершенно мертвым голосом:

— Кажется, ты прострелил ему мякоть левого бедра, Фрэнк. Видел, как он осторожно припадал на левую ногу, когда провожал нас?

— Ага, — тускло согласился Лесли. — Похоже, он был по уши накачан анестетиками, чтобы не выдать ранения...

Наблюдательные вы мои, зло подумала я. Но ничего не сказала. Вытащила из сумочки лист бумаги, разорвала в мелкие клочки и опустила в урну. Это была распечатка «Медиума» — сегодня утром я выделила там красным маркером строчку, свидетельствующую: десять дней назад клиника Святого Патрика закупила пластмассовый муляж человеческого скелета...

Вновь молчание... Кеннеди внимательно следил за моими манипуляциями с распечаткой. Потом взглянул мне в глаза и едва заметно кивнул головой. За много лет мы научились понимать друг друга без слов.

Теперь выбор за Лесли. Демократическим большинством — два голоса против одного — в нашем триумvirате ничего не решить. Нужно единодушное мнение...

И я не знала, что делать с Фрэнком, если он все-таки... Но не успела даже сформулировать свою мысль. Лесли заговорил сам.

— На свою долю я мог бы сразу купить дом, — то скливо произнес он. — И не жить пятнадцать лет с петлей обязательных взносов на шее...

— Дяденька коп! — раздался голосок сзади. — А можно подержать твой пистолет?

Мы дружно обернулись.

Мальчик выглядел лет на шесть или семь. Судя по речи, был он не иностранец, а маленький американец — рыжий, конопатый, с доверчивым взглядом. В отдалении стоял другой мальчишка, чернокожий, — и поглядывал на нас с куда большей настороженностью.

— Плохая это игрушка, — проворчал Лесли.

Но достал из поясной кобуры служебный кольт, вынул обойму, протянул оружие. Пальцы правой руки мальчишки как-то неловко ухватили рукоять — и только в тот момент я поняла, что это не рука. Протез. Безумно дорогой биомеханический протез, реагирующий на импульсы нервных окончаний...

— Плохая игрушка, — согласился мальчик, поведив стволом вправо-влево. — Тяже-о-о-о-лая...

Он вернул кольт Фрэнку, развернулся и куда-то понесся, не прощаясь. Хлопнул по плечу чернокожего сверстника, крикнув на бегу:

— Догоняй, Мбанга!

Тот побежал следом. Побежал тяжело, заметно прихрамывая. Но побежал...

— А с другой стороны, миллионы американцев живут в купленных в рассрочку домах, — сказал Фрэнк решительно. — Чем я лучше? Каких-то пятнадцать лет — и дом твой. Поехали отсюда, ребята. До темноты надо успеть в Ост-Кемпен.

В машине он сказал:

— Небесный Доктор мог бы, между прочим, занести нас в почетную книгу жертвователей. По два миллиона триста тридцать три тысячи триста тридцать три доллара и тридцать три цента с каждого — думаю, не всякий день у него бывают такие посетители.

— А еще говорят, что американцы совсем разучились считать в уме, без калькулятора, — хмыкнул Кеннеди.

Я же сказала совершенно невпопад:

— Жениться тебе надо, Фрэнк. Кстати: что ты думаешь о девушках Монлезье? Если они такие же боевые, как и мужчины их рода, — получится отличная подруга для полицейского.

27

Телефонный звонок раздался в агентстве «Бейкер-стрит, 221» спустя два месяца после нашего возвращения из Ост-Кемпена. Но звонившего я узнала мгновенно.

— Вы помните свое обещание, мадемуазель Элис? — рокотал в трубке голос Андре-Мари-Жиля Монлезье-Бланша. — Что вы обязательно приедете в Антарктиду, если я раскопаю цивилизацию антарктов?

— Не хотите же вы сказать... — недоверчиво начала я.

— Именно хочу! Под трехкилометровым слоем льда найден обледеневший антаркт! Совершенно свежий, словно еще вчера был жив! А возраст льда, в который он вмерз, — семьдесят тысяч лет, между прочим! Так что вылетайте в Кейптаун, я вас там встречу!

Ох уж эти Монлезье! На все готовы, положив глаз на женщину... Но все-таки приятно. Не каждый мужчина ради дамы способен откопать антаркта, пролежавшего семьдесят тысяч лет под трехкилометровым слоем льда...

Как от нас, интересно, летают самолеты в Южную Африку?

ДЕНЬ ВСЕХ ДУРАКОВ

 юро исправления статистических погрешностей арендовало помещение в новехоньком офисном здании, выстроенном над единственной в этой части города станцией метро. Локация была выбрана неслучайно. Иногда требовалось срочно мчаться на вокзал или в аэропорт, а пробки здесь были сравнимы со столичными. Цена за аренду — тоже, но головная контора на расходы не скупилась. Особенно сейчас, когда приближалось время, ради которого бюро и работало. День Д, как выражался Нерыдайлов.

— Вы не представляете, как вам повезло, ребята, — говорит он, — а я-то помню досетевые времена. Тогда сколько приходилось париться, чтоб сбросить дезу в газеты-журналы, и еще больше, чтоб отследить, где информация прошла. Толпа народу над этим работала. То ли дело сейчас — сиди себе за компом, сливай, что по бложикам, и почитывай всякие башорги и «Одноклассники». У других на работе за это связь отрубают, а вам повезло — это работа и есть.

— Не рубите фишку, — отзывается Соня. — «Одноклассники» — отстой. Приличные люди пишут в Твиттере и Фейсбуке.

— Это ты не рубишь. Нам как раз приличные не нужны. А Род, как всегда, заявляет по существу дела:

— Если раньше нашими проблемами целый институт занимался, то теперь нас здесь только трое. А работы столько же.

И возразить ему, как обычно, нечего.

Есть ужас, есть ужас-ужас, и есть статистика.

В начале XX века один из основоположников матема-

тической статистики, профессор Калязинского университета Павел Петрович Лось-Анджеевский заинтересовался совершенно невинной темой, а именно — традицией разыгрывать окружающих и распространять странные, а то и страшные слухи в День всех дураков, то есть первого апреля. Сбор и обработка данных по этому вопросу заняли несколько лет и были затруднены тем, что российский календарь в то время имел расхождение с европейским. Но результаты повергли профессора в такое изумление, что он не решился их опубликовать. Однако отчет о работе Лось-Анджеевский направил и в Академию наук, и в Министерство внутренних дел. Собратья-математики, видимо, сочли отчет калязинского профессора первоапрельской шуткой, во всяком случае, в архивах АН отчета Лось-Анджеевского не обнаружилось. А вот правоохранители его выкладками, похоже, заинтересовались. Но тут случилась мировая война, потом революция, потом гражданская... Короче, только в 20-х годах отчету был дан ход. Профессор, который в 1919-м угас от «испанки», усугубленной голодом, наверное, порадовался бы, что труд его не пропал втуне, напротив, его дело продолжают несколько видных ученых. Сначала потому, что с компетентными органами не поспоришь, потом — сами втянулись. Тем более что теперь календарь был приведен в соответствие с европейским и работа несколько упростилась.

Выводы совпали с тем, что были сделаны Лось-Анджеевским.

Первоапрельские слухи и сплетни имеют под собой реальную основу.

Небылицы, о которых сообщают первоапрельским дуракам, в значительном ряде случаев не являются таковыми.

Такая организация, как Бюро (первоначально Отдел) исправления статистических погрешностей, была создана с сугубо практическими целями, а именно — ради пресечения панических слухов среди мирного населения и борьбы с явлениями, эти слухи вызывающими. Только

так — борьба и пресечение. И состав сотрудников был соответствующий.

Значительно позже, где-то в середине 50-х годов, назрела необходимость в академических исследованиях в этой сфере. Был сформирован НИИ по изучению «феномена 1 апреля», разумеется, закрытый, и работали там специалисты самых разных профилей. Они и определили, что по каким-то неведомым природным законам именно в конце марта — начале апреля (с колебаниями в несколько дней) происходит какая-то глобальная флуктуация реальности. Природу этой аномалии пытались объяснить резкими колебаниями магнитного поля Земли, взаимопроникновением параллельных миров, воздействием какого-то неизвестного излучения. В любом случае это вызывало к жизни странные существа и не менее странные явления, которых в нормальной реальности не существовало и не могло существовать. И — основоположники были чертовски правы — это действительно могло вызывать панические настроения и порой вызывало.

Нерыдаилов не застал НИИ в пору его расцвета, но успел там поработать до того, как прежняя структура порушилась. А она порушилась, как все в стране.

В начале 90-х институт закрыли, сотрудники разползлись кто куда, выживания ради. Однако с приходом нового тысячелетия в высоких инстанциях изволили обратить внимание, что за рубежом всюду ведутся исследования в данной области, отчасти благодаря уехавшим за границу нашим специалистам и по нашим наработкам. А мы, как всегда, в хвосте общемировых тенденций. Отставание велено было устранить, нашлось и финансирование. Нет, институт не реанимировали, Бюро возобновило деятельность в новом формате. Как ни странно, основная проблема была не в деньгах и техническом оснащении. Большинство прежних специалистов было утеряно, а новых не успели обучить. Приходилось искать подходящих кандидатов — среди студентов, а то и попросту в Интернете.

Так в головной конторе вышли на Рода. Он умудрил-

ся провести примерно те же исследования, что Лось-Анджеевский сто лет назад, и писал в своем блоге на эту тему пространные рассуждения, которые никто не воспринимал всерьез. Кроме тех, кому надо. А Соня была журналисткой-фрилансершей, искала горячие материалы для статей и таким образом столкнулась с сотрудниками Бюро (в прямом смысле столкнулась, было дело на выезде).

Вернулся кое-кто из старых сотрудников — из тех, кто не эмигрировал, не спился и не ушел в бизнес. Таков был Нерыдайлов, который десять лет держался за место преподавателя гимназии с небольшой, но стабильной зарплатой, но, когда его позвали назад, повел себя как пресловутый боевой конь при звуках полковой трубы. И не только из-за зарплаты, которая, конечно, была всяко выше, чем в гимназии, но все же ниже, чем, например, у банковского клерка.

Больше местное отделение решено было не расширять, и как бы ни тосковал Нерыдайлов по прежним институтским временам, и ни завидовал ему Род, смысл в этом решении имелся. Методика сбора информации и слива дезинформации в новом тысячелетии значительно упростилась. И, как бы ни язвили старички насчет «троек», обычно на местах в штате хватало координатора, аналитика и оперативника. Если возникала необходимость в содействии полевых агентов, их вызывали из столицы. Все зависело от того, как проявит себя феномен. Год на год не приходится, а предсказать что-то конкретное пока никому не удавалось. Вот тут-то, сетовал Нерыдайлов, и сказывалось отсутствие в наши дни академических штудий. Практика, одна только практика. Фактически Бюро оказалось там же, где было в самом начале своей работы: трудилось ради выявления аномалий и предотвращения паники среди населения. Население же, совершенно не доверявшее официальным СМИ, даже если те случайно или по ошибке вещали чистую правду, склонно было верить всему, исходящему из других источников — от Мировой сети

до исконного «одна бабка сказывала». Что создавало обширное поле для манипуляций общественным сознанием и могло привести как к спасению, так и к катастрофе.

В основном разработкой сюжетов новостей, которые предстояло вбрасывать в массы, занимались в столице. В сущности, это были просто заготовки, информационные болванки, каковые предстояло обточить на местах. Род, как правило, просчитывал, в каких «болванках» есть необходимость, а Соня, сохранившая связи в журналистских кругах, доводила инфу до тех «бабок», что сказывали то, что нужно. И все было бы прекрасно, если бы работа филиалов на местах сводилась только к дезинформации. К сожалению, это было не так. Иногда первоапрельские явления надо было изымать, иногда их не удавалось скрыть, а последствия приходилось разгребать весь год — от одного апреля до другого. Хотя, конечно, общественное сознание работает само по себе и странные события объясняет сперва кознями врагов народа, потом — американских шпионов, потом инопланетян, а нынче — бесовскими, но все же приемлемые для него версии событий приходилось вбрасывать.

Пока же, по мере приближения роковой даты, оставалось только отыскивать признаки флуктуации. И не пропустить, как в случае с чупакаброй. Все-таки труп нашли, когда снег уже сошел. Ну кто мог знать! В сельве чупакабру веками не могут не то что поймать — четко сфотографировать не удалось. Потому что существо это идеально приспособлено к тамошним условиям и великолепно мимикрирует, буквально сливается с местностью. А вот к нашим условиям чупакабра столь же идеально не приспособлена и, оказавшись в заснеженном русском лесу (а в Поволжье снег и в городах-то до середины апреля лежит, что уж про лес говорить), просто умерла от холода.

Летом туристы, выехавшие в лес на шашлыки, нашли высохший трупик «козьего вампира», сфоткали его со всех ракурсов, выложили в Сеть — и понеслось. Не говоря уж о том, что фотографии перепечатали не только

местные газеты, а на одном из ведущих и самых скандальных телеканалов быстренько состряпали фильм о «вампирах поволжских лесов», слухи стали нарастать лавинообразно. Оказалось, что по лесам бродят целые стаи диких чупакабр. На них списывали всех пропавших цыплят, сдохших коз и загрызенных бродячими собаками котов. Появились и двуногие жертвы нападений, охотно раздававшие интервью. Поскольку никак не могли определиться, что чупакабра такое — теплокровное существо или ящер, выкопали пресловутую циатату из Сигизмунда Герберштейна, который в «Записках о Московии» заверял, что жители Поволжья содержат в своих домах скользких черных ящеров, откармливают их и чуть ли не поклоняются оным.

В Сети множились сайты, раздававшие советы «как защититься от чупакабр», организовывались платные курсы по борьбе с ними, женщинам и детям советовали с наступлением темноты не выходить на улицу, а когда стали формировать вооруженные отряды по отстрелу жутких чудовищ, мириться с этим стало уже решительно невозможно.

Нет, мирным жителям никто не внушал, как в прежние времена, что чупакабра существо легендарное и ее просто не бывает. Это бы еще подило масла в огонь. Но стараниями Бюро стрелки перевели на имевшийся в области закрытый научный городок с его лабораториями, вокруг которых, говорят, фонит похлеще, чем над Припятью (чистая правда, кстати). И радиация губительно действует на лис и енотовидных собак, которых тут в изобилии. Они теряют шерсть, зато приобретают всяческие уродства. И не живут долго, самое больше год, и потомства не дают. Так что, проведая, что монстрики сдохнут сами собой, люди постепенно успокоились.

Вообще-то, подобные сдвиги, перемещавшие в эти края созданий из далеких широт, были нередки. Появление в Волге и Оке питонов, а то и крокодилов отмечалось неоднократно, еще со времен «Повести временных лет» того

же Герберштейна и вплоть до нынешних времен. С ними было проще — ну не уследил олигарх районного масштаба или просто любитель экзотических животных за домашним питомцем, тот и уполз. А с чупакаброй вышел прокол.

И теперь они просматривали выжимки из отчета, сделанного Родом, изучали информацию, переданную из центра, чтобы выловить хоть какие-то зацепки заранее.

— Я бы обратила внимание вот на что, — Соня развернула свой ноут к остальным. На экране мигало, переливаясь всеми красками: «Уникальный природный памятник — пещерный лабиринт Палласа, не имеющий аналогов в Европе, с начала апреля открыт для посещения!»

— Вот как, — Нерыдайлов принапрягся. — Это ты, Родя, пропустил...

Репутация Рода как главного умника Бюро редко подвергалась сомнению. Поэтому он насупился.

— Ну открывают пещеру и открывают, что такого-то?

Соня фыркнула.

— Сразу видно, что ты из города никогда не выезжаешь.

Род глянул на экран, пробежал взглядом по строчке рекламы:

«Солнечные блики ползут и играют на гипсовых стенах, тысячами блестящих звезд вспыхивают, напоминая о далеких былых временах, когда они рождались в Пермском море, на полу — причудливые глыбы алебастра, столбы, колонны и перекладины, построенные природой...»

— И правда, — сказал Нерыдайлов, — была такая пещера в Барсуковском районе, куда там Новоафонской. Только тогда она памятником природы не считалась, там поделочный камень добывали, «барсуковский алебастр» называется, или «палласов мрамор». Он и вправду немногим по качеству мрамору уступает. Что пещеру и погубило. Методы добычи тогда были самые незатейливые: куда не пролезем — пробьем дорогу динамитом... Вот пещера и рухнула. Мне тогда года два было, так что помнить я не

могу, но читал, читал. Так что все эти красоты погребены под землей, если какие ходы остались, там не всякий спелеолог пролезет.

— Значит, расчистили, восстановили.

— Если б Палласову пещеру восстановили, там работы такого масштаба проходили бы, что об этом все газеты и каналы трещали бы, а губернатор рапортовал как о великом достижении. А ведь ни слова нигде не было.

— Точно, не помню, чтоб писали или вещали о восстановительных работах, — подтвердила Соня. — Потому за эту объяву глаз и зацепился.

— Значит, элементарная разводка, — подытожил Род. — Не все же такие вещи отслеживают. Соберут деньги под экскурсии и смоятся. А туристы приедут и получат шиш с маслом. Особенно если они иногородние или иностранные.

— Это вполне вероятно, — согласился Нерыдайлов. — Соня, что за контора дает объявление?

— Какая-то туристическая фирма «Мэджик мистери тур — Поволжье». На сайте есть их контакты.

— Знаем мы эти туристические фирмы, — заявил Род, который, вообще-то, и правда практически не покидал города. — Сплошное мошенничество и никакой ловкости рук.

— Судя по номеру факса, они не в городе... сейчас сверюсь, погодите... ага... Барсуково. Это районный центр, если кто не в курсе.

Род пропустил подколку мимо ушей. Главное — информация.

— Вот! Я же сказал — жулье! Какая уважающая себя турфирма засядет у черта на куличках! А сейчас туда и не добраться небось, там же снегу по самые ноздри.

— Вообще-то, в области базируется несколько турфирм. В основном где старые имения и прочие мечты развлечений бывшего правящего класса. Ну, и нынешнего. В Барсуковском районе вроде тоже что-то такое было. Но насчет снега ты прав. Там же леса, добираться — черт ногу сломит.

— Вот почему наши края никогда никто не мог завоевать, — поучительно провозглашает Нерыдайлов. — Короче, друзья мои. Скажем так — девяносто процентов вероятности того, что это банальное мошенничество. Но вероятность, что это наши клиенты, все же остается.

Некоторое время они молчат и смотрят друг на друга. Коренастый дядька предпенсионного возраста с квадратным лицом и шапкой седых волос — Нерыдайлов. Благо-состояние, повысившееся по возвращении в Бюро, позволило ему вставить приличные зубы, но он по-прежнему избегает улыбаться. Род — самый младший, нервический тощий брюнет в модных очочках. И Соня, девица весьма спелая, имевшая бы вполне уютный вид, если бы не постоянные эксперименты с шевелюрой. Она, кажется, и сама уже не помнит, какого цвета изначально были ее кудряшки.

— Итак, займемся делом. Род, пробей их по Сети и по базам данных. Я свяжусь с центром, может, у них что-то есть на это ММТ. А тебе, Сонечка, придется съездить в Барсуково, проверить на месте, что там.

— Ну вот, вечно Сонечка! Электричка туда не ходит, а на машине я увязну!

— Ничего, мы тебе внедорожник выделим. Красивая женщина за рулем внедорожника — это стильно.

— Красивая женщина в «Лексусе» и с собственным шофером — это еще круче, — ворчит Соня. Больше по привычке. Потому что выезды на места — это ее обязанность. А тащиться в область по бездорожью... что ж, приходилось и на прежней работе. Причем на попутках, заметьте, или рейсовыми автобусами.

Нерыдайлов понимал ее настрой и не стал прессовать дальше. У него были свои дела. Ему предстоял разговор с руководством и рассуждения на тему «слишком уж очевидно».

Действительно, пещера как место перехода в иное время или иное измерение использовалась с каменного века, прецедентов было великое множество. Впервые их опи-

сал еще Лось-Анджеевский, и с тех пор статистика увеличилась на порядок. С некоторыми случаями Нерыдайлов сталкивался лично. А Соня, разумеется, читала, потому и обратила внимание на рекламу.

Что до высокого начальства, оно, безусловно, поначалу сочтет, что для флуктуации это уж слишком банально. Потом, конечно, копнут в нужном направлении, но поначалу по мозгам поездят, это ритуал.

Не стал он также говорить молодому поколению, что помимо двух вероятностей — мошенничество и флуктуация — есть и третья: все заявленное может оказаться правдой. Да-да, чтоб восстановить Палласову пещеру во всем ее великолепии, открыть ее для массового притока туристов (в Новом Афоне, помнится, по этим пещерным залам даже поезд ходил, вот уж воистину подземная железная дорога), понадобились бы работы титанического размаха и еще большего масштаба попил бабла. Но предположим, что у деятелей из данной турфирмы и не было ничего такого на уме. Они прокопали в земле несколько колодцев, дающих возможность спуститься в подземелье, и будут отправлять туда любителей острых ощущений вместе с проводниками-спелеологами. По правде говоря, именно на это Нерыдайлов и надеялся. В свое время, когда он начинал работу в Бюро, то прочитал и о том, как открыл пещеру во славы дни Екатерины академик Петр Симон Паллас, заслышав звон подземной капли о камень. И впечатлился описанием самой пещеры. Из тех описаний операторы ММТ и вырвали текст для своей рекламы. Да, из старых изданий, описывающих эти подземные залы с колоннами и чашами, тьму, рассыпающуюся тысячами искр, золотое свечение алебаstra. И вот эту красоту наши добры молодцы — динамитом... Что сетовать — и теперь бы, если б пещеру не завалило, так же бы добывали, да только спрос упал. Производить для строительных работ всяческий псевдомрамор быстрее и дешевле. А что до прочего товара — не осталось мастеров-камнерезов, изготавливавших шкатулки, вазы, столеш-

ницы и прочие каменные цветки. Их у нас и не было много, все-таки не Урал, коему Бажов сделал пиар на сто лет вперед. Да и не больно этот товар в наши дни покупают. Так что работа с туристами-экстремалами вполне способна оказаться более прибыльной, чем промышленная добыча камня.

Так это Соня на месте и узнает, навыки у девочки есть.

А ведь не отказался бы, если догадка верна, своими глазами увидеть сияющую пещеру?

Да, не отказался бы. Только при нынешних габаритах, ревматизме и артрозе вряд ли прогуляешься по подземным лабиринтам, даже не протиснешься туда. Так что нечего вспоминать юность и золотые мечты, пора отправлять сообщение.

Модные очки у Сони тоже имелись, только без диоптрий — от солнца. Сейчас за рулем это необходимо. Холодно-то холодно в конце марта, ничуть не теплее, чем зимой, но солнце уже сияет ярко, а когда снег лежит, и вовсе слепит. Так что в темных очках Соня не для того, чтобы повыпендриваться и поиграть в шпионку. В остальном прикид соответствует типовому менеджеру среднего звена. В реале она не любит этих менеджеров, независимо от гендерной принадлежности, но имидж удобный. Шубка, костюм, сапожки, сумочка — все как надо. А что машина выбивает из образа, так сперва постройте дороги, а потом требуйте от девушки, чтоб рассекала на «Ланчии» или «Порше».

Координаты фирмы нашлись быстро. Оказалось, что офис их даже не в самом Барсукове, которое хоть какой-то да городишко, а в нескольких километрах от него. Там располагалось старинное село Чадьево и историческая усадьба господ Бельских-Араповых. То есть числилась она исторической усадьбой. Как без труда выяснила Соня из вполне открытых источников, настоящую усадьбу неблагодарный сельский пролетарьят после октябрьского переворота разнес по кирпичику. Здесь даже школу, больницу или склад не устроили, как в других барских домах.

Вплоть до начала нынешнего тысячелетия на месте хором были руины, потом земельный участок выкупил какой-то концерн, и началось восстановление усадьбы. То есть оно называлось восстановлением, на деле — еще одна ударная стройка капитализма. То, что получилось в результате, называлось «Исторический заповедник “Чадьево”». Коротче, типичный новодел — плавали, знаем. И этот новодел был сдан на откуп фирме «ММТ — Поволжье». Видимо, дела у фирмы шли неплохо, потому после двух лет работы в Чадьево они решили расширить сферу деятельности.

Получалось, Род ошибся. ММТ — не фирма-однодневка, зарегистрированная, чтоб по-быстрому срубить бабла с лохов и смыться.

Для очистки совести все же надо было съездить в пресловутый «заповедник». В конце концов, Соня сама навела родную контору на ММТ, и возвращаться совсем без добычи как-то некрасиво. Нет, если б дорога была занесена, Соня плюнула бы и на совесть, и на очистку. Но, хотя на обочинах сугробы были высоченные, трассу все же расчистили, а может, само подтаяло.

Так что до усадьбы она добралась без приключений. Но то, что она увидела, способно было повергнуть в ужас. Нет, это был не просто новодел. И даже не «новый имперский стиль».

Похоже, архитектор, который спланировал это здание, курил что-то сильно забористое. То есть фасад был именно такой, каким, судя по сериалам «из прежней жизни», и должен был быть фасад барской усадьбы — с непременными дорическими колоннами. Затем каким-то образом основная часть здания превращалась в русский терем с резными наличниками и петушьими головами над коньками крыши. Крыша, впрочем, основной частью своей являла купол обсерваторского вида. Слева к главному корпусу была пристроена башня вполне готичного вида. Для полного счастья не хватало только минарета, но, очевидно, тут трава у архитектора кончилась. Или смета, выделенная на строительство.

А может, подумала Соня, и не было никакого архитектора. Наняли пару-тройку студентов из строительной академии, каждый представил свой планчик, все пустили в дело, да еще и гастарбайтеров подключили... Да, скорее всего, так оно и было. А пипл ничего, пипл хаваает.

Вон на подходе расставлены манекены — господа (кавалер и дама в условно старинных платьях), пейзажи (баба в сарафане, мужик в косоворотке, портах и лаптях, зимой и летом в одном и том же). Ближе к барскому дому — грибообразные беседки и указатели к павильонам «Крепостной театр» и «Темница». Судя по тому, что во дворе только две легковушки и один грузовичок, наплыва туристов нынче нет. Впрочем, его пока нигде нет, сезон в наших краях начинается в мае. Тем лучше, есть место, где припарковаться.

Обычно во всяких загородных учреждениях держат сторожевых собак, Соня была к этому готова, но при усадьбе собаки не было. Или не выпускали на улицу.

Рабочих вариантов у Сони было два: либо представить себя журналисткой, благо сохранились визитки от тех журналов, где она работала: либо явить себя представительницей фирмы, которая хочет заказать экскурсию. Немного поразмыслив, первый вариант она отмела. В наше время любой материал о турфирме — это джинса, наверняка у ММТ есть свои специально прикормленные люди, и платить за рекламу какой-то левой девице они не возжелают. А когда есть шанс, что им самим хотят настрогать денежку, — другое дело.

Охранник здесь был, как нынче полагалось даже в такой глухомани. Судя по виду, отставной мент или военный.

Соня тоже, как положено, взглянула на него, как благородная дама на прислугу.

— А с кем у вас тут можно поговорить насчет организации корпоративных экскурсий? — «Корпоративных» она чуть не пропела. Пусть знают, как обращаться с ценным клиентом.

— А вот по лестнице, вторая дверь налево. Там менеджер сидит.

И везде-то у нас менеджеры и менеджерами погоняют... Кстати, за указанной дверью сидела женщина. Где-то под сороковник, крашеная блондинка, кофта домашней вязки, джинсы. Нормально так, располагает. Что ж, поговорим, как менеджер с менеджером.

— Добрый день. Вы насчет экскурсии? — сказала дама в вязаной кофте. — Обращайтесь ко мне, если есть вопросы — постараюсь все прояснить.

— Да... как вас звать-величать? — Так, только не переиграть.

— Людмила Порфирьевна. Слушаю вас.

— Я из Бюро по исправлению статистических погрешностей. — Поскольку окружающие не знали, что представляет собой эта контора, можно было смело произносить подлинное название. — Наша организация решила в виде премии предоставить сотрудникам экскурсию по местным достопримечательностям. — Она фыркнула. — Раньше мы обычно ездили на корпоративный отдых в Турцию, но сейчас, сами понимаете, кризис... поэтому я должна предварительно узнать, на что мы потратим деньги.

Людмила Порфирьевна вежливо покивала.

— Совершенно правильное решение. Но должна вас предупредить: спуск в Палласову пещеру — это разновидность экстремального туризма.

— О, экстрим — это как раз то, что надо! — Соня хлопнула в ладоши, надеясь, что ведет себя естественно. Все-таки женщина, сидящая напротив нее, не производила впечатления полной дуры.

— Да, экстрим и необычайная красота. Вот буклеты, можете показать своему руководству. Так сейчас выглядит Палласова пещера.

Фотографии Соня видела на сайте и не отнеслась к ним серьезно. Взяли кадры из «Властелина колец», отфотошопили, подсвечочку сделали... Но сейчас у нее не было та-

кой уверенности. Эти залы в золотом свечении со всем безумием их природной архитектуры не мог создать декоратор, даже самый укуренный.

— Единственный в мире естественный подземный лабиринт на равнине. Теперь вы понимаете, что у нас нет недостатка в заявках, — продолжала дама от турфирмы. — Дело в том, что мы собираемся в целях безопасности отправлять туристов небольшими группами под руководством опытных инструкторов. Экстрим экстримом, но... если в вашей организации есть гипотоники или гипертоники, страдающие клаустрофобией либо сердечными заболеваниями, им лучше ограничиться знакомством с исторической усадьбой.

— Конечно, я так и передам. — Соня сгребла буклеты в сумочку. Пусть Род разбирается, настоящие съемки или нет. — Да, вот еще что. Почему открытие сезона с первого апреля? Выглядит как розыгрыш.

— Я понимаю, — Людмила Порфирьевна улыбнулась. — Но именно к началу апреля полностью тает лед на озере, и поскольку, как я говорила, у нас большое количество заявок, мы решили открыть сезон пораньше.

— Озеро? Какое озеро?

— Чадское озеро, в паре километров отсюда... неужели не слышали? Карстовый провал, если вам это что-то говорит. Если вкратце — лабиринт Палласовой пещеры был соединен с озером, но из-за этого злосчастного взрыва в 50-х ходы обрушились. Однако года три назад на дне озера образовалась воронка, так называемая воклина, благодаря которой уровень воды в озере понизился, и обнаружился грот, который, как оказалось, соединяется с пещерой. Мы провели работы, чтоб сделать этот проход удобным для посетителей. Вот и все.

— Вот оно как, — протянула Соня. — Но ведь холодно, наверное, сразу после льда-то, через грот.

— Самое интересное, что благодаря горячим ключам вода в озере имеет одинаковую температуру зимой и летом. Раньше, говорят, оно вовсе не замерзало, теперь по-

крывается льдом лишь частично. Так что пещера, в некотором роде, имеет естественный подогрев.

— Отлично. Я поговорю с начальством, и мы с вами свяжемся по вопросу оплаты.

— Да, разумеется. Вот моя визитка, звоните в любое время. В субботу и воскресенье, правда, у нас день укороченный. И не забудьте, что я сказала насчет ограниченный по здоровью.

— Договорились. — Соня встала, огляделась. Офис ничего особенного собой не представлял, никакого выпендрежа, не то что снаружи. — А стильный у вас дом, никогда такого не видела. — Менеджеры среднего звена не употребляют слова «эклектика», хотя, возможно, его и знают.

— Оригинальный, — Людмила Порфирьевна внезапно улыбнулась. — Мало кто верит, но это почти точная реконструкция усадьбы, какой она была до революции.

— Почти? — с подозрением спросила Соня

— Видите ли, владельцы усадьбы, Бельские-Араповы, были людьми увлекающимися, и почти каждый из представителей семейства считал необходимым произвести переделки в усадьбе в своем вкусе. Конечно, это создавало стилистический разнобой, но вместе с тем и выделяло имение из ряда ему подобных. Потому, наверное, наши спонсоры и решили реконструировать имение. Благо план усадьбы сохранился в архивах и постройки можно было детально воспроизвести. Но на сохранившихся схемах не всегда отмечено то, что описано в воспоминаниях современников. Например, гости усадьбы пишут, что одно крыло дома было украшено скульптурами драконов, но одни пишут, что скульптуры были лепные, другие — что металлические; по разным версиям, располагались они на карнизах или на водосточных трубах.

— Драконы? — на этот раз Соня не играла. Только этих к здешней сборной солянке не хватало, мама дорогая.

— Да, стилия шинуазери, китайского то есть. Там это весьма распространенный мотив. Но, поскольку достоверных изображений не сохранилось, мы не решились их воспроизводить.

И слава богу, произнесла про себя Соня, но вслух этого высказывать не стала. Она попрощалась с любезной менеджершей и направилась к выходу.

Итак, похоже, она облажалась. Ладно — лучше перебдеть, чем недобдеть. Исходя из этих соображений, сбросила Роду запрос — поднять информацию об этих самых Бельских-Араповых. А подумавши, отправила затем еще одну эсмэску — насчет Чадского озера. В принципе, можно было бы просто пошарить в Сети, но раз уж Соня здесь поблизости, то лучше посмотрит собственными глазами.

Чадское озеро. Не путать с Чудским. В принципе, ничего удивительного, раз деревня — Чадьево, но звучит. Далеко-далеко, на озере Чад, изысканный бродит... кто? Ну, скажем, чупакабр. Ну, нечего откладывать.

Охранник как раз вышел на крылечко покурить, и Соня спросила:

— Эй, а озеро в какой стороне?

— Если прямо, то вон туда, — охранник указал за псевдогоготическую башню. — Но там дорога еще не расчищена. Лучше в деревню вернуться и оттуда по трассе. Там указатель есть.

Однако возвращаться в Чадьево не хотелось. Пару километров на джипе она как-нибудь одолеет, даже по плохой дороге. Отснимет все, что можно, и домой.

— Чадское озеро? — Нерыдайллов задумался. — В этом что-то есть. Работай. И если Соня выйдет на связь — скажи мне.

Что Соня сегодня зайвится лично, глава филиала не ожидал. Расстояние приличное, а дороги... все уже сказано. Скорее всего, она заночует в гостинице какого-нибудь районного городка, а если все же решит вернуться

домой, то приедет глубокой ночью. Если возникнет что-то, достойное внимания, напишет или позвонит.

— Про озеро и правда много чего пишут, — сообщил Род. — Но с пещерой его как будто ничего не связывает, хотя они в одном районе. В основном пишут про карстовые воды, про воронку эту — вроде раньше другая была, более глубокая, но из-за взрыва забилась, про то, что озеро раньше не замерзало. Я скину ссылку. В общем, если турфирма этот природный феномен раскрутит, имеют шанс заманить публику.

— Никаких сведений по нашему профилю? Никаких затонувших городов, церквей на дне и прочего?

— По поводу... как раз наоборот. Церковь считала Чадское озеро нехорошим местом. Как раз из-за того, что не замерзало. Будто бы преисподняя прямо под ним. Есть упоминания, что когда-то у финно-угорских народов озеро почиталось, но они вообще к воде относились трепетно. Вот тут есть ссылка на какой-то труд «Культ воды у автохтонных народов Поволжья», но самой статьи в Сети нет, старая она.

— Дай-ка гляну. Ага, 18-го том «Записок Калязинского университета». У меня дома должен быть, посмотрю. А какая-то конкретика?

— Нету конкретики. Я тут пробежался по сайтам мокшан и эрзян — не упоминается Чадское озеро как место почитания.

— Не слишком бы я доверял этим сайтам. Это неоязычники, сплошная идеология возвращения к корням. К тому же мы пляшем от Палласовой пещеры, а к тому времени, когда ее открыли, то есть к концу XVIII века, население в этом регионе было полностью русским и православным. Так что вряд ли ты там найдешь что-то полезное... А по этим... Скуратовым?

— Араповым. Очень мало. Ни к Скуратовым-Бельским, ни к тем Араповым, которые косвенно к Пушкину причастны, отношения не имеют. Упоминаются в списках дворянских родов губернии с петровских времен. Есть

кое-что про эту усадьбу, какие-то местные остряки сатиру про нее сочинили, мол, такое только спяну понастроить можно. Больше ничего, сидели тихо.

— Погоди, мне вот что интересно. К добыче алебастра эти Бельские имели какое-то отношение?

— Нет. Я проверил. Земля, на которой находится пещера, принадлежала помещикам Мокшиным. Пока не случился Пугачев. То есть собственно Пугачев до наших краев не дошел, но локальные крестьянские бунты были. И тогдашнего Мокшина крепостные сожгли вместе с имением. Родни у него не было, земли отошли казне. А когда начались промышленные разработки пещеры — это уже XIX век, — землю выкупил какой-то купец Гусев... Потом сменилось еще несколько владельцев, но Бельские среди них не числятся.

— Ясно. Придется отправлять запрос в центр. Ох и впают нам, если выяснится, что это пустышка... — Нерыдайллов глянул на часы. — После этого поеду-ка я, пожалуй, домой. Если что, буду на связи.

— А я?

— А ты у нас числишься аналитиком, вот и анализируй...

Нерыдайллов жил один, хотя семья у него имелась — сын, невестка и внуки. В прошлое тяжкое десятилетие на преподавательскую зарплату не потянуть бы, но от родителей жены досталась в наследство однокомнатная квартира, которую сдавали внаем. С тех пор жена умерла, сын женился, а материальное благосостояние несколько улучшилось. Поэтому Нерыдайллов переехал туда сам и перевез свою библиотеку, чем поверг младшее поколение в состояние бурной радости, ибо старая квартира оказалась вдвое больше, чем они считали. А что далеко от центра города — так тут как раз удачно протянули метро.

Поэтому добрался он быстро, перекусил и снова вернулся к работе. Младшему из сотрудников Нерыдайллов лапшу на уши не вешал — он и впрямь собирался посмо-

треть статью по теме. Сотрудник Бюро — это диагноз, ничего не поделаешь.

Нужный том ученых записок и впрямь нашелся, и Нерыдайлов принялся за изучение.

«Поначалу не было ничего, кроме воды...» Ну и кого они этим хотели удивить? Такое представление имеется во многих религиях. А уж в наших краях, с обилием рек, ручьев и болот, — тем более. Итак, что мы имеем.

Коренное население этих краев было финно-угорским и языческим — славяне пришли сюда только в XIII веке — и, несмотря на все предпринимаемые меры по христианизации, продолжало держаться за свои традиции (тут шла дежурная цитата из Герберштейна о том, что туземцы лучше умрут, чем примут «русскую веру»).

Но что это была за вера? Казалось бы, она достаточно хорошо изучена. Демиург, которому противопоставлен бог зла и обмана, громовик, хозяин ветра — все эти фигуры встречаем мы повсеместно, от саамов и лопарей до народов Прибалтики. Жителей Поволжья выделяет лишь устойчивая вера в «матерей-покровительниц».

Эти представления сложились к эпохе Средневековья, а позже подверглись сильному влиянию ислама и христианства (бог зла обычно зовется «шайтаном», а в пантеон включен Николай-угодник).

Но мы помним — вначале не было ничего, кроме воды...

Самые ранние свидетельства доказывают: изначально автохтонные племена придерживались матриархата, и верования их были связаны не с небесной, традиционно патриархальной сферой, а со стихией водной, женской. Повсеместно почитались богини водоемов и рек, главной из которой была Равава, богиня великой реки Ра, позже ставшей именоваться Волгой. «Миродержцами» считались рыбы или водяные змеи, именно они несли ответственность за соблюдение порядка в мире. Даже в позднейших преданиях с почтением и уважением говорится об *ине-гуй*, великой змее, обитающей в болотах или озерах. *Ине-гуй* силой заставляет охотников отказаться от своего

ремесла, каковое традиционно оседлыми племенами Поволжья считалось недостойным, и обращает их к земледельчеству (возможно, отголосок инициационного обряда, когда юноша-охотник, в качестве полноправного члена общины, получал право обрабатывать землю).

Позже, с формированием родоплеменного уклада, появляются упомянутые демиурги и громовики, а речные и озерные богини низводятся до «матерей-покровительниц». Почитание водоемов сменяется поклонением священным рощам. Характерен окрас драконоборческого мифа. Такой бытует у многих народов, но у мокша и эрзя — это драконица Сэняша или Миняша. Она грозит покарать человека за то, что он посмел черпать воду из ее озера, но некий храбрый юноша отрубает ей голову, когда она беспечно засыпает, и присваивает себе ее владения. Это все та же ине-гуй, но она уже не принимается как строгая, но мудрая наставница и хранительница устоев.

Высказывалось мнение, что в древнейшие времена почитание водоемов сопровождалось человеческими жертвоприношениями, причем, согласно фольклору, жертвами были молодые девушки. Однако в эпоху Средневековья этот обычай ушел в прошлое, даже церковные писатели, неустанно клеймившие язычников, не упоминают ни о чем подобном.

Рыба или змея в качестве священного животного сменяется или селезнем (гусем) — существом одновременно водоплавающим и связанным с небесной сферой. Именно утка или гусь, согласно чрезвычайно популярному преданию, исполняя веление демиурга, ныряет, чтоб достать со дна мировых вод землю и доставить ее на поверхность. Так своеобразно трансформируется архаичный миф о том, что «вначале не было ничего, кроме воды».

Поклонение водоемам, однако, не исчезает совсем. Так называемая «угольная вода», собранная в полночь из трех рек, трех ручьев и трех озер, считалась средством от всех болезней. Оно проникло также в народное православие.

Так, согласно записанному в XIX веке преданию, вокруг Исчадьевского озера находилось 12 родников, по числу 12 апостолов. Утверждалось, что тот, кто обойдет их все и испьет воды из каждого, тот очистит душу от зла и грехов.

Так... у нас же эта статья шла по ссылке «Чадьевское озеро». Хотя, разумеется, за века название могло измениться.

Пока что зацепок нет... и связи с пещерой никакой. На всякий случай Нерыдайлов посмотрел сообщения. Ничего. Сам набрал номер Сони. Нет ответа. Ладно, ночь уже...

Разбудил Нерыдайлова звонок мобильного. На экранчике высветился номер его контакта в центре.

— Спишь? — человек, говоривший с ним, не стал бы извиняться за ранний звонок.

— Нашел что-то интересное об Араповых?

— Нет. Это и есть самое интересное.

— Брось свои шуточки, дядя Митя.

— Какие уж тут шуточки... все материалы в закрытых архивах изъяты. Представляешь, какими средствами для этого нужно располагать?

— Погоди. Ты о *тех* архивах?

— О каких еще? Так что твои ребята, похоже, зацепили что-то стоящее. Я продолжу выяснять по своим каналам, а вы там действуйте.

— Понял.

Нерыдайлов связался с Родом. У того, против ожидания, был вовсе не сонный голос.

— Шеф, я сам собирался вам звонить. У Сони, похоже, мобильный отключен.

Это было нехорошо. Совсем нехорошо. Но в практике Бюро такое встречалось.

— Ты где сейчас?

— Дома, но собрался в контору.

— Езжай. Будешь на связи. Ты можешь отследить, где она оставила машину?

— Пытался. Это близко от озера. Но там, судя по карте, лес, не дорога.

— Ладно. Свяжись с центром, ты знаешь с кем, а я пока машину выведу.

Прогноз обещал метель и мокрый снег на дорогах. И это совсем не радовало, «Мазда» Нерыдайлова была для такого не слишком приспособлена, он вообще предпочитал зимой пользоваться ей как можно реже. А что делать, если джип, который числится за Бюро, он самолично отдал Соне?

На календаре было 30 марта. Если поторопиться, время еще есть. По крайней мере, они знают, где в регионе проявит себя следующая флуктуация.

— А вы знаете, шеф, что раньше озеро называлось Исчадьевским?

— Знаю. Это было в открытых данных.

Голос Рода звучал в наушнике. Уже совсем рассвело, и на трассе, к счастью, не было пробок. Нерыдайлов мог ехать и слушать. Только бы снег не пошел.

— Мы знаем, что церковь считала озеро «нехорошим местом». В XVIII веке крестьяне уничтожили имение помещика, владевшего землей, где находилась пещера. В начале XX века та же история повторилась с помещиком, чьи земли примыкали к озеру.

Если б они работали в другой конторе, Нерыдайлов сказал бы: «Родя, брось криптоисторию, займись делом». Но Бюро во многом криптоисторией и питалось. И отчасти ее создавало.

— После революции барские усадьбы горели, как спички. Конкретику давай.

— Конкретика? Вы сказали, что первоначальный культ подразумевал человеческие жертвоприношения. Вот не надо мне напоминать про Короленко и Мултанское дело, я в курсе! Кстати, не так далеко от наших краев история происходила... Да, тогдашние власти, попытавшись сшить дело о ритуальном убийстве, полностью облажались. Но предположим, в лесных краях человеческие жертвоприношения имели место. Только вот

крестьяне были ни при чем, крестьяне сами были жертвами. Кто там в прежние века получал земельные пожалования? Местные князьки, вожди лесных племен. Или волхвы, принявшие крещение. Но если они принимали «русскую веру» только для вида, а сами продолжали придерживаться старых обычаев?

— Погоди. Ты хочешь сказать, что и Мокшины, и Бельские были чем-то вроде потомственных жрецов?

— Именно. Поэтому они старались не отсвечивать и в высшее общество не лезли. Им нужно было сохранять свои действия в тайне. А крестьяне молчали, потому что, если бы дело вскрылось, их первыми обвинили бы в пособничестве. Но жертвы, несомненно, были из крестьянской среды, и при каждом удобном случае сородичи жертв мстили.

В жертву, согласно фольклорным представлениям, приносили молодых девушек...

Что ж, Соня не первый год работает в Бюро и знает, как поступать в экстремальных ситуациях. А если нет...

— Род, скинь свои выкладки Дмитрию Савельичу. И оставайся на связи.

Он вывел на экран карту с данными. Соня в последний раз выходила на связь в непосредственной близости от усадьбы, если не прямо оттуда. Вот же ж дура, должна бы понимать...

Машина ее останавливалась, согласно последним данным, вчера вечером в нескольких километрах от усадьбы. Как верно подметил Род — в лесу, в стороне от дороги, даже проселочной. После этого маячок не работал. Тут несколько вариантов. Она отогнала машину сама и куда-то пошла. Либо ее заставили выйти, а машину отогнали в лес. После этого маячок могли отключить и перегнать машину куда-то еще. Если исходить из того, что наши оппоненты не полные идиоты, последнее вероятней. В этом случае следовало бы дожидаться агентов из столицы и с ними прочесать лес. Так какого ж черта он катит по отвратной дороге, один, да еще в преддверии снегопада?

А такого, что нехорошо бросать подчиненных. И еще потому, что 1 апреля приближается.

И как сглазил, елки-моталки. Пошел снег. Наихудший из всего, что можно представить: мокрый, густой, липучий, из-за такой видимости теряется мгновенно, даже в самый белый день. Хорошо, успел отъехать далеко от города. В этом направлении вероятность столкновения низка.

...И именно елки. Почему-то принято считать, будто ельник в снегу — это красиво. На открытках и в кино — красиво, да. А вживе поглядеть — жуть берет. В той статье упоминалось, что мировым деревом в этих краях исходно считалась береза, и потому, стало быть, священные рощи — березовые. А здесь лес еловый, мрачный. Лапы топырятся, даже тяжесть снега их не может согнуть. Солнце не проникает под эти своды, оттого и сугробы здесь до июня. Но сегодня на них новый слой нарастет.

Фары освещают дорогу, но это мало помогает. Кажется, что их мертвый свет только ухудшает положение, рождая пляску теней, не позволяющих определить, есть кто-то впереди или просто мерещится.

Есть. На дороге какие-то люди. Двое вроде бы. Нерывайлов не стал сигналить. Вряд ли здесь ему встретятся случайные прохожие. Его ждут.

Он остановил машину и, прежде чем выйти, отправил сигнал Роду. Потом открыл дверцу.

Так и есть — двое. Женщина средних лет в джинсах и куртке с капюшоном и мужчина в камуфляжной форме. Не двигаются. Выжидают.

— Фирма «ММТ — Поволжье», я не ошибаюсь?

— Нет, — сказала женщина. — Не ошибаетесь. А вы, вероятно, представляете Бюро исправления статистических погрешностей.

Соня им рассказала или знали о Бюро раньше? Последнее хуже.

— Что с Соней?

— Жива, не беспокойтесь. Просто мы ее пока изолиро-

вали. Нам нужен был кто-то из ваших, но ее недостаточно, — сказала женщина извиняющимся тоном.

— Значит, Соня была наживкой для меня... — тут до него дошло, — а информация о пещере в Сети — наживкой для всех нас.

После этих слов женщина отступила, высвобождая место своему спутнику.

Не спутнику, решил Нерыдайлов, взглянув в его лицо, — ничем не примечательное, с широкими скулами, носом картошкой и тяжелыми веками. Только вот взгляд из-под этих век — хозяйский взгляд.

— Не знаю, — сказал Нерыдайлов, — какая фамилия проставлена у вас в паспорте, но сдается мне, кто-то из ваших предков именовался Араповым. Или Бельским.

— Угадали, — он говорил почти без выражения. Бесцветный голос, бесцветная внешность. Привычка держаться в тени. — Странно, что не угадали другое: если контора вроде вашей сто лет наблюдает за необычными явлениями, найдутся и те, кто наблюдает за вами.

— Тогда вы должны понимать: информация о вас передана в центр. И оттуда пришлют мобильные силы.

— Ну, в нашей стране и такие силы неразворотливы, — Бельский, или как его — Арапов? — усмехнулся. — Надеюсь, времени нам хватит. А сейчас пойдете с нами. Не делайте глупостей, пожалуйста. Вам ведь не положено оружие, верно? А у нас есть. — В его руке появился «макаров». — Люда, обыщи его.

Женщина исполнила указание. Ясно было, что она к такому привычна. Прежде чем она успела отобрать у Нерыдайлова мобильник, голос Рода в наушнике ударил прямо по мозгам:

— Я понял! Это совсем другое! Это как в Куэва ди Саламанка!

Потом женщина выдернула наушник.

Они повели его через лес. Тропинку в снегу поневоле пришлось вытоптать. Если Нерыдайлова будут искать, то заметят, в каком направлении они шли. Только до завтра

может замести, а дядя Митя, скорее всего, раньше чем завтра не появится, тут мерзавец прав.

— Потомственный жрец? — спросил он у человека с «макаровым».

Против ожидания, тот откликнулся.

— Скорее, хранитель.

— Озера?

— Того, что в озере. Вы же наверняка читали про воронку. Из-за взрыва ее забило.

— Новая же открылась.

— Ее недостаточно. Нужно очистить главную. От этого многое зависит.

Бред на экологической почве? Что ж, и такое в практике встречалось.

Герой боевика воспользовался бы тем, что Бельский отвлекся разговором, и выбил бы у него оружие. Нерыдайллов не герой, он немолодой, не слишком здоровый и грузный мужчина.

Бельский догадывается, какие мысли посещают пленника.

— Не советую делать резких движений. Я не собираюсь вас убивать, но подстрелить могу. И Люда кое-что умеет.

— Сезон охоты в нашей области открывается только через три недели, — бурчит Нерыдайллов.

— Шутите? Это хорошо.

Лес кончился внезапно. Перед ними — обширное водное пространство. Зеркало в раме сухого зимнего камыша. Черное зеркало. Местного жителя, даже горожанина, водоемами не удивишь. И все же есть в этом Чадыевском озере нечто пугающее и притягательное одновременно. Большинство рек и озер сейчас еще покрыты льдом. Утром, когда Нерыдайллов проезжал по мосту, лед на Волге казался нетронутым, белым, как в середине зимы. А здесь поверхность воды темна, белые осколки плавают лишь у самого берега — это Нерыдайллов разглядел, когда они подошли к обрыву.

— Говорят, что раньше над озером даже в самый сильный мороз была некая линза из теплого воздуха, — заметил Бельский. — Но мы этого уже не застали.

Нерыдайлов это не прокомментировал, спросил:

— Стало быть, теперь в пещеру?

— Да. Можно спуститься и с поверхности у прежнего входа, но там необходимо специальное снаряжение. А здесь мы можем просто пройти.

Стали спускаться. Этим по мокрой земле удобнее — Бельский в берцах, Людмила в сапогах, а на Нерыдайлове обычные ботинки. Не тонкие, не пижонские, а все ж скользят. Ладно, что не промокают.

Пресловутый грот оказался промоиной, темневшей в обрывистом берегу.

— Идемте. Вы же хотели встретиться со своей сотрудницей. Она уже на месте.

— Уверены, что не сбежала?

— Ее стерегут. Ну, сами увидите.

Людмила прошла вперед. У нее при себе оказался фонарь. И как только они несколько углубились в проход, женщина его зажгла.

Какие-то работы здесь явно велись. Идти можно было без труда. Хотя, если б Нерыдайлов страдал клаустрофобией, ему бы стало плохо. Впрочем, на сайте было предупреждение...

— Пока у нас есть время, я должен объясниться, — сказал Бельский.

— Валяйте. Хотя ваши предки, наверное, предпочли бы, чтобы я сказал «извольте».

— Так вот, о предках... Они несли ответственность за озеро. А озеро и то, что в нем, необходимо для того, чтоб наши края поддерживались в надлежащем состоянии. Чтоб вода была чиста и в ней плодилась рыба, чтоб не вырубались леса, а на полях вызревал урожай.

— Я знаком с идейным содержанием местных верований.

— Это не идеология. Это реальность. Если вода в озере чиста, все плодоносит. Так было сотни, тысячи лет...

— И вы боретесь за восстановление экологического равновесия.

— В современных терминах — да. И всегда боролись. То есть раньше мои предки не задумывались над тем, как все это происходит, им достаточно было природной связи со здешней землей и водой. Но в эпоху Просвещения они стали задумываться о том, как действует этот механизм.

— И тогда они построили эту усадьбу.

— Да. Вы, разумеется, должны были догадаться, что она выглядела так из-за барских причуд. Каждая часть притягивала силы сторон света, отсюда такой внешний стилистический разнобой... Но главное было не в этом. Хранители должны были обладать определенными силами, позволяющими управлять этим механизмом. После революции семья моего прадеда сумела спастись, но нам пришлось долго жить вдали от этих мест. Связь с землей нарушилась. Опять-таки, для того чтоб осуществлять свои действия, хранителям нужен помощник. Посредник между ними и силами. Обычно на эту роль пригоднее девушки и женщины. У них психика пластичнее.

— То есть жертвы...

— Все обстояло как раз наоборот. Родня не могла простить этим избранным посредницам то, что они приобрели определенную силу. И власть. Их не любили, нас боялись... но благоденствовали за наш счет. Короче, из-за катастрофических событий последнего столетия механизм разладился. Вы сами видите — земля, вода, воздух отравлены. Мы попытались это исправить — и не получилось. Попытка вернуть силу через восстановленную усадьбу не удалась. Вероятно, где-то мы ошиблись в расчетах. Поэтому нам пришлось выйти на вас.

— Ну, зачем вам нужна была Соня — это ясно. А я? Юную деву я вряд ли смогу заместить.

— Не обязательно конкретно вы. Кто-то вроде вас. Человек, проработавший в этой конторе как можно дольше.

Или вы правда думаете, что многолетний контакт с этими силами никак на вас не сказался?

— Ох. Заразился воздушно-капельным путем? Вынужден вас разочаровать. Мои контакты с непознанным в основном сводились к сидению за столом: за бумажками — в прежние времена и за компьютером — в нынешние.

Пока они шли, Нерыдайлов оглядывался по сторонам, надеясь подметить какие-то ориентиры. Свет фонарика метался по стенам, под ногами хлопало.

— Если вы рассчитываете бежать, заранее предупреждаю, коридор разветвляется многократно, прямую дорогу знаем только мы. К тому же без света вам придется еще труднее. Нет, в конце концов вы, вероятно, выберетесь. Но проблуждаете долго. А нам только того и нужно, чтоб вы подольше пробыли под землей. Но лучше все же это сделать в пещере. Там и суше, и красивей, и поговорить будет с кем.

— Если я вас правильно понял, вы собираетесь держать нас в пещере, пока в нас не проявится та самая сила, что позволит вам очистить озеро и улучшить... хм... экологическую обстановку.

— Мы ведь тоже осведомлены о «феномене 1 апреля». Так что это должно произойти в течение ближайших часов... в крайнем случае суток. Потом мы вас отпустим. Если вы сами пожелаете уйти.

— А если эта сила никак не проявится?

— Вы ведь сами сказали, что за вами пришлют людей из столицы.

Жизнь кое-чему научила Нерыдайлова, в том числе — никогда не спорить с психами. Особенно с психами, уверенными в своей правоте. Он благоразумно промолчал. Зато подала голос надолго умолкшая Людмила.

— Подходим, — сказала она.

Под ногами уже не хлопало — хрустело.

Луч, направленный в стену, выхватил голубовато-серую глыбу с темными прожилками.

— Осторожнее. Тут проход узкий.

Ну что, подумал Нерыдайлов, хотел увидеть Палласову пещеру в натуре? Как говорится, бойтесь своих желаний — они сбываются. И даже с теми опасениями, что ему будет тесновато лезть в здешний лабиринт.

Он не был особенно впечатлен, пока они пробирались. И не только из-за того, что было неудобно протискиваться, а палласов мрамор, пусть и не был настоящим мрамором, источал холод, и боязно было поскользнуться. Те красоты, что он видел на сайте, может, и не были достигнуты за счет фотошопа, но снимали с хорошей подсветкой, здесь же в распоряжении был только фонарик Людмилы, и тот цветной алебастр с преобладанием золотистых тонов, что расписывали историки, сейчас по преимуществу выглядел серым.

— Здесь были залы, — несколько извиняющимся тоном сказала Людмила, словно вспомнив о своей роли сотрудницы турфирмы. — И природные, и вырубленные в породе. Но после взрыва своды обрушились...

— Зато лабиринт предельно усложнился, — добавил Бельский. — Чтобы пройти через него, нужно иметь или карту, или достаточный опыт.

Он считает, что отсутствие карты помешает Соне сбегать? Плохо он знает Соню. Или... он ведь говорил, что ее охраняют. Наверняка у них есть еще люди, иначе они не могли бы осуществить свой план... даже если запудрили мозг своим спонсорам на предмет восстановления усадьбы и экскурсий в пещеру.

Они вывернулись из-за очередного каменного столпа и оказались в том, что можно бы назвать залом, если бы перспективу не сбивали валуны. Когда по ним скользил луч фонаря, мерещилось, что они и впрямь брызжут россыпью искр, тут старые авторы не наврали. Приходилось щуриться. Привыкать к смене света, тьмы и мерцания. Поэтому Нерыдайлов не сразу увидел Соню.

Она не была ни связана, ни скована, просто сидела, прислонясь спиной к одной из алебастровых колонн. Куталась в шубку. Хорошо, что образ дуры-блондинки под-

разумеает шубку, иначе она бы не выдержала пещерного холода. Впрочем, ей все равно пришлось плохо — даже если ее не били и не пытали. Вид у нее был замученный — такой приобретет любая женщина, даже самая молодая и полная сил, если ее сутки продержать в темноте и холоде. Но в целом пугающего впечатления она не производила — Соня как Соня, только продрогшая, осунувшаяся и ненакрашенная.

А вот то, что сидело неподалеку от нее...

— Я думал, они все передохли... — сказал Нерыдайл.

— Как видите, не все.

Соня подняла голову.

— Привет, шеф. Вы все-таки попались на их удочку.

— Ничего, Соня. Вместе веселее.

Существо повернулось и оскалилось, обнажая зубы, напоминавшие иглы. Нет, скорее сапожные шилья.

— Осторожнее, — предупредил Бельский, — чупакабра, хоть и невелика, может причинить значительный вред.

— Вы тоже называете их чупакабрами?

— Раньше их называли слугами хозяина озера. А теперь... название дурацкое, но прижилось.

— Значит, они появлялись и раньше.

— Вы настоящий ученый, — с уважением сказал Бельский. — Ничто не может победить ваш исследовательский интерес.

— Ну, какой я ученый, так... статистик.

— Так вот, отвечая на ваш вопрос: согласно нашим данным, слуги бывают разные. Чаще упоминались водоплавающие — именно они отвечали за очистку водоемов. Думаю, как раз их упоминает Герберштейн. А эти — что-то вроде санитаров леса и охранников.

— Вы не беспокойтесь, он обучен без команды не браться, — сказала Людмила. — И мы его накормили.

— Да? А Соню вы накормили?

— Они суп в термосе оставляли, — сообщила Соня. — Чаю бы еще, горячего...

— А я бы поесть не отказался. С утра даже не позавтракал толком.

— Железные люди работают у вас в Бюро. — Бельский то ли хвалил, то ли иронизировал. — Вам предстоит открыть в себе сверхспособности, вызвать к жизни нечто, не наблюдаемое по меньшей мере столетие, — а вам бы только про еду и чай.

— Так и есть. «Домы каменные, люди железные». Владимир Иванович Даль о нашем городе, — ответил Нерыдайлов. — Ваши предки наверняка были в курсе.

— Тем не менее вам придется потерпеть. Если уж вы такие выносливые.

— Но почему именно пещера? Архетипа ради? Пещера, плененная дева и дракон? Ведь эта ваша тварь, ваш Хозяин... он ведь живет в озере?

— Хозяин нигде не живет. То есть наш мир определенно не является местом его обитания. Но когда он приходит, он в озере. А пещера не для него, а для вас. Этот палласов мрамор — он как рефлектор, многократно усиливающий отсвет энергии. Когда ваша сила проявится, отраженная энергия пойдет по нужным каналам и достигнет цели.

— И все?

— Разумеется. Мы взрослые люди, никаких камланий устраивать не будем. Рисовать пентаграммы и резать петухов — тоже. Я уже говорил: все, что от вас требуется, — пробыть здесь некоторое время. Вы будете расстроены, голодны, злы... вам будет страшно рядом с охранным зверем, как бы вы ни хорохорились. И это поможет проявиться силам, способным вызвать хозяина. Поэтому мы сейчас оставим вас. Нам нужно подготовиться к встрече.

Людмила подошла к звероящеру, что-то шепнула ему. Тварь поднялась, выгнув спину, отошла в сторону.

Нерыдайлов понял, что это приказ подойти к Соне. Пожалуй, лучше пока слушаться. Он обошел тварь — та снова зашипела, — уселся на плиту рядом с девушкой. Так пока даже лучше. Он порядком устал, ноги ныли.

— Вот и славно, — сказал Бельский. — Надеюсь встретить вас уже в новом качестве.

Нерыдайлов ожидал, что, когда фонарь унесут, наступит полная тьма, однако глаза, похоже, привыкли к сумраку. А может, вкрапления слюды в камне давали какую-то иллюзию освещения.

— Держите, шеф, — Соня выпростала из-под шубы термос и протянула ему. — Там еще немного осталось.

Хотя Соня и пыталась сохранить тепло, суп почти совсем остыл. Да и мало его было для взрослого мужчины. Но Нерыдайлов выпил с благодарностью.

— Вы зачем за мной потащились, шеф? Я слупила, это ладно, но вы-то могли сообразить...

— Все мы, Сонечка, хороши... неважно. В любом случае в центре уже получен сигнал. Дождемся прибытия кавалерии... если эта зверюга нас прежде не заест.

— Да Чупа девочка не злая, — Соня щелкнула пальцами, и зверюга улеглась на живот. — Ей только привыкнуть к новому человеку надо, вот она по первости на вас и ощерилась. А так... по правде, я пыталась выбраться отсюда, но заблудилась в этих ходах, пришлось вернуться.

— Чупа, значит. А ты не думаешь, что эти маньки в чем-то правы и в тебе есть некие свойства, позволяющие командовать этими... слугами?

— Я считаю, что правы мы. Насчет того, что нам приносил сдвиг в пространстве. Наверное, это происходило регулярно, раз в несколько десятилетий или столетий. Мы уже отмечали это... И их воронка в озере была какой-то червоточиной, соединяющейся с тем, что по ту сторону глобуса. Вот эти водоплавающие слуги — по описаниям получают явные аксолотли.

— А хозяин пресловутый?

— Ну мало ли что у них по сельве может бегать. Или в Амазонке плавать. Тут нужен спец по фауне Латинской Америки. В том числе мифической. Чупакабра же тоже считалась вымышленным животным.

— А что, звучит логично. И подтверждается данными

Бюро, в отличие от того, что нам наговорили. Я только одного не могу понять — при чем здесь Сервантес?

— Какой Сервантес?

— Мигель де Сервантес Сааведра. Автор «Дон Кихота». Перед тем как связь оборвали, Род успел что-то крикнуть про Саламанкскую пещеру. Это название тебе что-то говорит?

— Я помню, что Саламанка — это город в Испании, университетский.

— Верно, а еще у Сервантеса есть такая пьеса. Даже ты не читала, хотя у тебя гуманитарное образование, а Род тем более. Видишь ли, в средневековой Испании считали, будто университеты — рассадники магии. Обвиняемые в колдовстве на допросах, как правило, признавались, что учились волшебству в пещерах Толедо и Саламанки. Ну а Сервантес, как человек просвещенный и вообще скептик, в такое не верил. В его комедии нищий и голодный студент дурит простачка, что он маг, который благодаря полученным в Саламанкской пещере знаниям способен вызывать дьяволов. Все довольны, все пляшут и поют... Теперь вопрос: что этим хотел сказать Род? Это мошенничество? Кто здесь выступает в роли жулика, а кто — простака?

— Мне кажется, он другое хотел сказать. Какое такое ктулху проснется от нашего призыва?

Дмитрий Савельевич Убийко, куратор местного филиала Бюро, терпеть не мог летать на вертолете. Поэтому он прибыл на место позже остальных, прихватив в городе Рода. Тот оставался «безлошадным», поскольку своей машины у него не было. Убийко привез шофер, он же охранник. Они выехали из города в середине дня и прибыли на место поздним вечером 31 марта. Дорога была перекрыта под предлогом строительных работ, операции никто не должен был помешать. Притормозили у поста, подбежавший агент сообщил, что все в порядке, сотрудники фирмы «Мэджик мистери тур» задержаны, сопротивле-

ния, несмотря на наличие оружия, не оказали и просят об одном — не увозить их отсюда до завтрашнего утра.

— Так и быть, — сказал Дмитрий Савельевич, — все равно мы все здесь до завтра застрянем.

С человеком, которого шеф называл дядей Митей, Род неоднократно общался по телефону или скайпу, но вживе видел впервые и несколько робел. Все-таки сотрудник такого ранга... пусть говорят, будто современная молодежь не имеет никакого понятия об иерархии, подобный опыт давит. Дядя Митя был лет на 20 старше Нерыдайлова, худ, лыс, носил кашемировое пальто, темный костюм и «командирские» часы, изготовленные в середине прошлого столетия.

— Мы сейчас в пещеру?

За то время, что они успели пообщаться, Род пришел к выводу, что старик на такое вполне способен.

— Нет. Не в пещеру и не на озеро. Там наши ребята бдят. А мы поедем-ка сейчас в усадьбу, там у нас будет наблюдательный пункт.

Роду было неловко признаться, что он доволен этим решением — ведь шеф и Соня томятся неведомо где, и он, как самый молодой и сильный, должен рваться их освободить. И он бы рвался, если б не было так холодно и промозгло.

Они вернулись на дорогу к усадьбе. Полузанесенные снегом манекены в темноте напоминали не первой свежести зомби.

В усадьбе было, слава богу, тепло и освещение в порядке. Один из агентов приоткрыл комнату на первом этаже, указал на сидящих в углу Бельского и Людмилу.

— Будете допрашивать?

— Нет, они мне не интересны. Эти славные люди думали, что одурачили концерт «Лемут», а на самом деле их самих использовали.

Бельский вскинулся.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вы хотели вызвать... оно ведь на самом деле

питается грязью. И ваши спонсоры собирались получить ноу-хау для очистки воды и почвы.

— Но все-таки, — с неожиданной яростью проговорил Бельский, — мы были правы!

— Может, правы, а может, и нет. Вы забыли, какой завтра день.

— 1 апреля. День, когда все сбывается.

— А также День всех дураков. И скоро мы увидим, кто здесь в дураках — вы, мы или все вместе. Уймись, милейший. Родион, идемте дальше, в башню.

Пока они поднимались, Дмитрий Савельевич пояснил:

— Это кошмарное сооружение не зря здесь построено. Готический стиль, как же! Отсюда очень неплохо просматриваются все окрестности.

— Темно же...

— У озера мои ребята поставили прожектора. А пещера... вы сами понимаете.

В комнате для наблюдения (светлица, называл ее старик), пока Род подключал оборудование — кабель здесь имелся, дядя Митя стоял у окна.

— Где-то здесь снаружи было изображение существа, обозначенного в описаниях, как дракон. Изображения нет, упоминался «стиль шинуазери», и потому мы сначала ошибочно искали китайский след. Тем более что торговля с Китаем шла через этот регион. Но это был не дракон.

— А кто?

— Это бы вы в Сети не нашли, это из закрытых источников. Пришлось у гватемальских коллег запрашивать. Как-чиль-чиракан. Существо с мордой каймана, телом червя и лапами жабы. В природе, как уверяют, не встречается. Это существо переняло некоторые функции мезоамериканской матери богов, которую именовали Пожирательницей грязи, чтоб не сказать резче. Это отнюдь не хула, представьте себе. Считалось, что пожирая грязь, как в прямом, так и в переносном смысле, она очищает человека и землю, дарует урожай и спасает душу. И да, ей приносили кровавые жертвы.

— Значит, вы опасаетесь?..

— Думаю, мы подготовились. Вы мне лучше скажите, Родя, как вы сообразили насчет cueva de Salamanca?

— Ну, я стал смотреть материалы по низовой мифологии Латинской Америки... все из-за чупакабр... и обнаружил вот это. Ясное дело, поверье не туземное, а принесенное переселенцами.

— Испанцами, которые верили, что все колдовство исходит из пещер Саламанки. Где-то — никто не знает где, находится пещера, где собираются и обитают духи всех мертвых колдунов. И когда там появляется новый колдун и обретает свою силу... проходит инициацию, говоря нынешним языком, пещера озаряется золотым светом.

— Вот. Палласов мрамор — он же золотистый по преимуществу. И все писали про золотое свечение. Я подумал, может, есть аналогии...

— Может. И это одна из причин, по которой я туда не пойду, хотя в пещере мой ученик и коллега... двое коллег. В каком-то смысле эти мистико-экологические маньяки, вероятно, угадали. Мы регулярно оказываемся в зонах флуктуаций. И возможно, последствия этого оседают в нас, как крупницы руды в песке... накапливаются. В Бюро уже высказывалась такая гипотеза, и сегодня у нас есть возможность подтвердить или опровергнуть ее на практике. И если гипотеза оправдается... я ведь пережил гораздо больше флуктуаций, чем ваш начальник.

Прежде чем Род успел ответить, сработал сигнал на айфоне Убийко.

— Замечена активность в озере!

— Конкретно? (Вот у кого Нерыдайлов свою «конкретику» подцепил.)

— Вода бурлит, и вроде как пар поднимается.

— Готовность номер один. Боевыми не бить.

Род устремился к экрану, на который передавали картинку камеры слежения с озера, но Убийко не последовал за ним. Он по-прежнему стоял у окна, только достал кейс-

совский бинокль, чтоб следить за происходящим. Старая школа...

Род видел, как прожекторы освещают темную воду, видел агентов с сетями и непонятным ему оружием, потом — как ходят волны, как клубится пар над поверхностью — и больше ничего. Он подумал, что будет даже рад, если флуктуация пройдет мирно и никакие монстры из червоточины не полезут. Но снова загомонили:

— Нештатная ситуация! Оползень!

— То есть? — Дмитрий Савельевич наконец соизволил подойти к монитору.

— Похоже на землетрясение, кусок берега сполз в воду... земля под ногами... черт, как волной пошла.

— Так я и думал. Все внимание — пещере, действий без команды не предпринимать.

— Что происходит, Дмитрий Савельевич? Этот ваш как-его-таракан...

— Чирукан. Он не стал выбираться на поверхность. Это существо способно прогрызать ходы в земле, вероятно, и в камне, так же, как ближневосточный Шамир.

— Живая землечерпалка и камнедробилка. И он сейчас направляется к пещере... Вы же отдали наших на съедение!

Дядя Митя снова подошел к окну.

— Оторвись от экрана, мальчик, — сказал он. — Посмотри, как оно есть в натуре.

Род не очень понимал разницу, но послушался.

За черным лесом во тьме разливалось золотое свечение.

— Вы там тоже установили прожектора?

— Там нет прожекторов. Свет выбивается из-под земли, сквозь расселины.

— Не понял...

— О чем мы только что говорили? — Убийко обращаясь к нему, как старый учитель к двоечнику. — Я не отдал наших товарищей на съедение чудовищу. Я создаю прецедент. Если ММТ подкинула нам готовую схему — с хранителем и посредницей, почему бы ею не воспользо-

ваться? Но мы наполним эту схему новым содержанием... Черпать силу не от земли, не от воды, а непосредственно от того, с чем мы работаем. Меня беспокоит только одно — успели ли Нерыдайллов и Соня понять, что происходит. Ты сообщил им про Саламанкскую пещеру, но дальше связь прервалась, и они могли сделать неправильные выводы. 1 апреля, — он глянул на часы, — уже наступило. Кто-то одурачен.

Род, не отрываясь, смотрел, как сияние становится все ярче, область его все шире, будто под землей зажглись звезды.

— Чувствуешь? — спросил дядя Митя.

Башня содрогнулась, не сильно, но чувствительно.

— Земля дрожит...

— И вот этот самый крокодил членистоногий прорывается в пещеру?

— Да. Но мы не знаем, чем теперь стал твой шеф.

— Или Соня.

— Или Соня, допускаю.

Снова тряхнуло, на сей раз более ощутимо. Род ухватился за подоконник. И ему показалось, что он различает вдали, как разверзается земля и падают сломанные деревья.

— И что теперь будет?

Старика, казалось, ничто не в силах было испугать.

— Я думаю, будет дело о недобросовестной турфирме и возвращении денег за несостоявшиеся экскурсии.

ЗОЛУШКА-NEW

 представлении рядового обывателя кольцо — это нечто ювелирное, должное украшать шейки прелестниц и знатных дам. Колье множеством вишюлек спускается на грудь и сплит взоры, поражающая присутствующих видом роскоши. А на самом деле первые кольца были принадлежностью сугубо мужской, а украшением стали какую-то тысячу лет назад. Le cou по-французски всего-навсего — шея, и, соответственно, кольцо — это то, что прикрывает горло от вражеского кинжала, этакая маленькая кольчужка, охватывающая шею рядами искусно переплетенных цепочек. Прошло не так много столетий, и мужское кольцо выродилось до орденской ленты, а то, что сохранило вид металлической цепочки, досталось женщинам. И только Михальчук и его коллеги продолжали носить те самые кольца, что и столетия назад. Для людей опасной профессии смысл этого слова оставался изначально чист, кольцо это то, что спасает шею бойца в ту минуту, когда по каким-то причинам невозможно носить полную кольчугу. Например, во сне; спать в кольчуге очень неудобно, хотя иной раз приходится.

Проснувшись, Михальчук протянул руку, взял со стола портативный детектор, глянул на экранчик. Гипертоники вот так, с утра, первым делом проверяют давление. И неважно, что гипертонический криз ощущается безо всякого тонометра, по самочувствию. Михальчук тоже больше доверял собственным предчувствиям, чем показаниям прибора, но кто надеется только на что-нибудь одно, тот уже давно не живет. Не только служба здоровья охотится за опасной нежитью, нежить тоже охотится за инспекторами службы здоровья. Особенно сейчас, когда Луна вошла во вторую четверть и с каждой ночью становится всё ярче и круглее.

★

Экран детектора безмятежно зеленел, но это ничуть не успокаивало. Чувство безопасности, нюх на радиацию, как говорят атомщики, не утихало ни на мгновение, подсказывая, что вражина где-то поблизости. И это продолжалось уже не первый месяц.

С одной стороны, если верить сводкам, нежить никак себя не проявляла, даже мелкими полтергейстами. Люди не исчезали, неожиданных приступов и припадков у особо нервных не случалось, и даже в лифтах народу застревало ничуть не больше обычного, так что и на гремлина грешить было негоже. А если верить возбуждениям inferнальных полей, в округе каждый вечер творились самые опасные чары. Трудно представить гремлина, который мог бы действовать с такой интенсивностью. Было бы рядом серьезное производство, можно было бы решить, что готовится техногенная катастрофа. Но взрываться в центре города было нечему, в этом Михальчук был уверен на все сто.

Оставались три варианта: вампир, оборотень и чёрный маг. Последнее — хуже всего. Вампира или оборотня можно выследить по серии убийств, а мага, пока он не обрушит смертельную волшбу на всех людей разом, выявить практически невозможно.

Лишь бы не маг, с этим не знаешь, как и бороться. Впрочем, судя по периодичности, с которой происходили возмущения ментальных полей, в районе действовал не маг, а оборотень или очень голодный вампир. Но где, в таком случае, трупы? Ментал бушует, а ментовка молчит. И осведомители из числа бомжей тоже не бьют тревогу. Прежде, бывало, осторожный вампир мог годами кормиться среди бомжей, но теперь этого нет, работа с бездомными поставлена основательно.

Утро у инспекторов — время свободное: нежить в это время нежится, а нечисть — чистится. Поутру отличить оборотня от простого гражданина дело почти невозможное. Но Михальчук решил зайти с утра в Управление, проглядеть статистику и вообще заняться бумагами. Если

ограничить работу беготней с серебряным штыком наперевес, то можно смело утверждать, что беготня будет долгой и безрезультатной. Нежить, она, конечно, не живая, но инстинкты у неё работают — будь здоров.

Михальчук снял колье, сделанное на заказ из тонкой серебряной цепочки, принял душ и тут же снова нацепил колье. Мало ли, что он дома, — рассказы, будто бы нечисть не может без разрешения войти в дом, относятся к области досужей болтовни. Захочет — вопрётся в лучшем виде. Так что шею стоит поберечь.

Завтракать Михальчук не стал: вредно есть с утра. Нечисть в этом плане толк понимает и, нажравшись, немедленно заваливается спать. Потому и существует долго. Иные даже верят, будто вампиры и оборотни бессмертны. В некотором роде так оно и есть: как может умереть тот, кто не живет? Опять же, что понимать под словом «жизнь»? Сколько есть исследователей, столько и точек зрения на этот вопрос. Михальчук высокими материями не заморачивался и, будучи натурой приземлённой, считал нежить просто опасным зверьём, от которого следует оберегать обычных людей. А что зверьё это живёт в городе, так бродячие собаки — тоже зверьё, а в городе живут и процветают.

Лестничная площадка мокро блестела чистотой: Мариам успела вымыть лестницу. Снизу доносилось громыханье ведра и шорканье швабры. Михальчук, пренебрегая лифтом, побежал вниз со своего восьмого этажа. Гремлинов в доме нет, но бережёного бог бережёт. Толковый некромант, охотясь за инспектором, запросто может посадить в лифт гремлина. Вчера всё было чисто, а сегодня засядешь между этажами и отбивайся от магической атаки, сидя в тесной кабинке.

Мариам намывала площадку четвёртого этажа. Прежде, когда дворничихами были отечественные алкоголички, такого благолепия не бывало. Грязь, мусор, а как следствие — крысы и тараканы. А где крысы, там и нечисть заводится. Таджикские гастарбайтерки за должность свою

держатся, и на лестнице всегда порядок. Интересно, куда делись дворничихи старой формации? Неужто все перемерли? Например, были съедены оборотнями, чтобы освободить места таджикам. Надо будет озадачить аналитический отдел этим вопросом.

Вообще, бывают ли оборотни среди таджиков? В Китае и Японии популярны оборотни-лисы. А в Средней Азии? Волки там вроде бы мелкие, шакалы — и вовсе не серьезно. Хотя почему бы и нет? Человека такому оборотню в одиночку не завалить, вот и перебивается кошками и бродячими собаками. А потом приезжие собьются в стаю и начнут творить разбой. Это будет пострашней наших одиночек.

Мариам отступила в сторону, пропуская жильца.

— Доброе утро, — вежливо произнес Михальчук.

— Здравствуйте, — чуть слышно ответила Мариам.

Вообще-то Михальчук не знал, как зовут таджичку, но называл её про себя Мариам. Всегда хорошо, если новое явление имеет имя.

Неделю назад на всех лестничных площадках Михальчук прикрепил к перилам пустые консервные банки для окурков. Там, где лестница была помыта, Мариам вытряхнула из банок пепел и мелкий сор, но на нижних этажах порядок ещё не был наведен. Проходя мимо, Михальчук как бы случайно проводил рукой над самодельными пепельницами и бросал беглый взгляд на детектор. Все было чисто. То есть, конечно, было грязно, но только в обыденном значении слова. Ни порчи, ни иных следов магического вмешательства на жестяных баночках не было. Хотя на что он рассчитывал? Ни оборотни, ни вампиры никогда не курят, это противно их естеству, если можно назвать естеством природу сверхъестественного существа. Злой чародей курить может, но не станет бросать на лестнице окурки, при помощи которых его можно не только вычислить, но и быстро ликвидировать. Из нежити курят только демоны. Эти смолят непрерывно, а изжёванные хабарники рассеивают где попало. Но демоны встречаются редко,

и бояться, что столкнешься с ним в подъезде собственного дома, вряд ли стоит. Но ведь кто-то проводит трансформации совсем близко отсюда! Значит, надо быть готовым ко всему, и к появлению демона в том числе. И каждого встречного — на улице, в трамвае, где угодно — подозревать в принадлежности к нечистой силе, не дающей жить нормальным людям.

У дверей парадной Михальчуку встретился второй дворник. Долгое время Михальчук считал, что это муж Мариам, пока в правлении его не поправили, объяснив, что старый таджик не имеет к Мариам никакого отношения. Просто взяли на работу двоих, не подумав, что восточных людей так вот сводить в коммунальную квартиру не следует. Однако те не возражали, и тетки из правления тоже успокоились. А остальные жильцы, так же как и Михальчук, считали дворников супружеской парой.

Михальчук поздоровался и получил в ответ тихое «здравствуйте».

Здороваться с дворниками Михальчук был приучен с детства. Мать, бывало, одергивала его: «Человек за тобой убирает, а ты будешь, словно барин какой, нос воротить?» Хотя от старого таджика так несло кислятиной и помойкой, что и впрямь хотелось отворотить нос. Но работал таджик исправно: зимами сгребал снег, колупал лёд, сшибал сосульки с козырьков у подъездов, за малую мзду выносил на помойку всякое старье, выставленное жильцами на лестничные площадки. Мусор в доме всегда был вывезен, и крысы в камерах мусоропровода перевелись. Единственное существо, от которого воняло, был сам дворник.

Может ли он быть оборотнем? Вряд ли... Чем он, в таком случае, питается? Скорее уж он сам годится в пищу оборотню или вампиру, если таковой действительно бродит в округе.

Отойдя на десяток шагов от дома, Михальчук бросил взгляд на окна пятого этажа. Вообще-то не стоило открывать глаза, но расчёт был на то, что многие, выходя из

дома, машут рукой домашним, проводившим кормильца на службу. И Михальчук тоже помахал прощально окнам своей пустой квартиры, а заодно увидал, что занавесок на пятом так и не появилось.

Квартира на пятом этаже была невезучая. Владелец её жил где-то на северах, а квартиру сдавал, причем каждый раз неудачно. Вселялись туда неведомые люди, а месяца через три, смотришь, вновь стоит у подъезда фургон, и вещи, что недавно затаскивали на пятый этаж, теперь грузят в него. Дня два назад въехала в проклятую квартиру очередная семья. И за два дня новоселы не удосужились занавесить окна. Опытному взгляду это говорило о многом, и в любом случае присмотреться к подозрительному жилищу следовало.

Не слишком приятно, когда объектом твоего профессионального интереса становится дом, в котором самому приходится жить. Гораздо комфортнее, если ты живёшь тихо-мирно, а оборотни, упыри, черти и прочие баньши корчатся где-то в стороне. Но судьба о таких вещах не спрашивает, а инспектор службы душевного здоровья — это не врач, которому запрещено лечить себя и своих близких. Завелась зараза в собственном доме — вычищай собственный дом.

Позаниматься с утра бумагами не удалось. В Управлении царила беготня, дежурная группа получила тревожный сигнал и собиралась на выезд. И Михальчук, поспешно нацепив серебряную кольчугу, отправился вместе со всеми. Мало ли, что не его дежурство, а волколака в пригородном лесопарке загоняют не каждый день.

Чем вервольф отличается от волколака? Вроде бы ничем. Одно и то же понятие, но первое слово пришло из соседнего языка. Однако просто так слова в языке не удваиваются, и раз явление названо, значит, тому была причина. Оборотень, человек-волк... а попробуйте сказать: волк-человек — язык не повернётся. А между тем есть и такие. Вервольф родился в человеческой семье,

а потом начал перекидываться волком и жрать людей, что дали ему жизнь. Волколак родился в волчьем логове, а потом стал оборачиваться человеком. И людей он грызёт постольку, поскольку на зуб попадают, предпочитая убивать своих.

Прежде волколаки встречались куда чаще. Были они ловкими конокрадами, воровали и овец, и коров. А потом скрывались волчьими тропами, унося добычу. Промышляли разбоем, а когда удавалось разбогатеть, жили краше панов, предаваясь охоте, главным образом на волков. Иной раз мужики знали, чем занимается ночью ясновельможный пан, но роптать не смели. Хотя если попадал пан под заговорённую пулю, то стрелку такое за грех человекоубийства не засчитывали. Волка убил, не человека.

В наше время жизнь в человеческой стае усложнилась. Звериных инстинктов стало не хватать для социальной мимикрии, и волколаки перевелись. А учёным очень хотелось бы знать, насколько волколак способен к общению, откуда он берёт свою первую одежду, куда и как прячет её, возвращаясь в истинный вид. Опять же, интересно: насколько разумен волколак? Вервольф разумом обладает, хотя и извращённым. Он сродни маньяку, серийному убийце. Волколак — совсем иное дело. Он изначально являлся животным, обладающим речью. Но насколько осмысленна эта речь?

Короче, выявленного и обложенного волколака нужно взять живьем, что не так-то просто сделать в городе, пусть даже и на самой окраине.

Пригородный лесопарк — по сути, тот же лес, но затоптанный и загаженный до крайности. Иногда здесь появляются защитники природы, торжественно собирают и вывозят самосвал мусора, но отдыхающие восполняют этот недостаток, набрасывая новые залежи пластиковых бутылок, пивных пробок и пакетиков из-под мелкой полусъедобной снеди, без которых современные граждане разучились отдыхать. Единственными серьёзными уборщиками в этих местах были старушки, ежедневно об-

ходившие свои охотничьи уголья в поисках стеклотары и пивных банок. А негнимый пластик, которым все пренебрегали, неуклонно накапливался, создавая особый, антикультурный слой.

Аналитический отдел Управления уже предсказывал появление пластомонстров, порождённых изобилием в природе небывалых в прежние времена материалов. У них и лозунг на стене висел: «Новые времена — новые монстры». Над высоколобыми посмеивались, но приходилось признать, что нечисть мутирует быстрее биологических объектов, и гремлины, прежде ломавшие моторы, теперь прекрасно чувствуют себя в информационных сетях, действуя аналогично компьютерным вирусам.

Но куда пластомонстров в пригородном лесопарке не наблюдалось, а вот волколак забежал.

Охотничья бригада и наряд полиции ожидали группу захвата.

— Стреляем только сонными ампулами, — предупредил руководитель группы Масин. Был Масин в звании полковника МВД, и хотя никаких знаков различия на плечах не наблюдалось, это отчего-то знали все, и никто не оспаривал право Масина распоряжаться не только рядовым, но и командным составом. А ещё была у Масина способность чувствовать, помимо присутствия нежити, настроение окружающих. Вот и сейчас он обвёл взглядом присутствующих и не терпящим возражений голосом добавил: — Пистолеты разрядить, ружейные патроны убрать.

— У меня всегда во втором стволе жакан, — упрямо произнёс один из охотников.

— Он что, серебряный? — невинно поинтересовался Масин. — На простой жакан волколаку начхать с присвистом. А вот разозлить его — лучше способа нет. Порвёт на куски и уйдёт.

Охотник с крайне недовольным видом переломил ружьё и вытащил запретный патрон.

— Полиция — в оцепление. Ваше дело не оборо-

ть, а чтобы никто из гуляющих туда не попал. Не так страшно, если под выстрел сунется, как если оборотню на зубы попадёт. От ампулы — проспится и будет цел, а оборотень цапнет — мало не покажется. А он нас уже почуял и будет драться. Всем всё ясно? Тогда — вперёд!

Группа захвата шла впереди... у неё свои методы и своё оружие. Затем цепью двигались охотники. Полицай остались перекрывать дорожки от воскресных спортсменов и упорных старушек, которые, несмотря на все запреты, продолжают собирать в городских лесопарках свинушки. Медики врут, будто свинушки вызывают глухоту. Потому, должно быть, бабушки и не слышат призывов медицинской общественности.

Если спортсмены шустрят по дорожкам, то сборщики канцерогенных грибов шастают по кустам, что особенно неприятно для охотников. Вся надежда на относительно ранний час.

Закончить дело втихую не удалось. Из самой ивовой густотени, куда и грибники нечасто заползают, ударил отчаянный женский крик:

— Спасите!..

Негромко бахнул выстрел.

«Ампулой стреляют», — на слух определил Михальчук.

У самого Михальчука ружья не было, у него было кое-что получше.

Короткими перебежками Михальчук двинулся на крик. Бежать стремглав было нельзя; никто не мог сейчас ответить, кто кричит там — человек или оборотень. Вполне возможно, что кричал, вернее, кричала оборотень. Такое тоже бывает, хотя, если верить сказкам, женщины перекидываются только в лис и кошек.

Кусты впереди раздвинулись, на крошечную прогалину, вытопанную любителями пикников, выскочил матёрый волчище. Даже дамочки, гуляющие на пустырях со своими собачонками, не перепутали бы этого зверя с бродячей собакой. Каждое движение поджарого тела изобли-

чало дикого хищника. И даже убегая от охотников, зверь не бросил добычу.

Зарезав овцу, волк не волочит её по земле, а перекидывает за спину и так бежит, словно и не тормозит его ноша. По деревням говорят, что самое слово «волк» происходит от «волочить». Этот волчара тащил, закинув за спину, не то девчонку, не то молодую женщину. Никаких признаков жизни не было заметно в безвольном теле, опущенная рука билась о землю, мёртво подскакивая от каждого прыжка зверя.

В два щелчка сработала двустволка охотника, бежавшего следом за Михальчуком. Невнятно матерясь, егерь рвал из кармана покорно вынутый патрон с жаканом. Михальчук взмахнул рукой, из цилиндра, зажатого в кулаке, вылетела, разворачиваясь, тончайшая сетка из серебряных нитей. Волк с ходу прорвал её, но непослушные задние лапы споткнулись, пасть открылась, желтые глаза остекленели.

— Не стрелять! — крикнул Михальчук, мгновенно настиг упавшего зверя и накинул на оскаленную морду уцелевший край сетки.

Лишь после этого он повернулся к девушке. Та была жива, хотя и в глубоком обмороке.

Подбежали остальные загонщики. Волку стянули лапы, вместо порванной сеточки завернули тушу в сеть из вито-го посеребрённого капрона. Кто-то вызывал врача, кто-то сразу старался помочь пострадавшей девушке.

Карета «Скорой помощи», заранее вызванная, ожидала на центральной дорожке, так что врач появился уже через минуту. Девушка к тому времени пришла в сознание, хотя ни одного членораздельного слова произнести не могла. Её била дрожь, по щекам текли неосознанные слёзы. Впрочем, серьёзных травм тоже не оказалось: плотная ветровка спасла от клыков зверя.

Врач сделал пострадавшей укол, девушку уложили на носилки и увезли в больницу. Спеленатого оборотня загрузили в милицейский «газик» и повезли в управление.

Зверь спал, не ведая, как решительно переменилась его жизнь.

До статистики руки у Михальчука в этот день так и не дошли. Его вместе со всеми, кто участвовал в ловле, вызвали в кабинет Масина.

— Ну что, орлы, — приветствовал собравшихся полковник. — Не орлы вы, а вороны. Упустили зверя!

— Как? — от неожиданности вырвалось у Михальчука.

— Вот так и упустили! Волк — самый обычный, никаких паранормальных особенностей, можно в зоопарк передавать. А вот девка из больницы исчезла. Сбежала прямо с каталки. Значит, она и была оборотнем.

Старший инспектор Мохов, на котором формально лежала ответственность за операцию, шумно выдохнул и, не дожидаясь приглашения, уселся, уперев лоб в сжатые кулаки.

— Будем искать. Далеко не уйдёт. Раз уж её городом приманило, так и станет ошиваться по лесопаркам.

— Это понятно... — согласился Масин. — Другое хуже. Как же она нас всех так обдурила? И меня первого, я ведь там тоже был.

— Что за ней числится? — спросил из-за спин михальчуковский приятель инспектор Кугель.

— Ничего не числится. По бродячим собакам работала. А вычислили ее при плановом сканировании лесопарка. Ну, и кто-то из гуляющих сообщил, что видел в парке волка. Волков, как сами понимаете, было двое. Самец пожертвовал собой, вытаскивая подругу. Знал, кто она такая, а всё равно спасал.

— Любовь... — вздохнул Мохов, не поднимая головы.

— Ему любовь, а она? Ей-то что делать в городе?

— Общение, — подал голос Кугель. — Волколак натура сложная, ему в лесу скучно, его к людям тянет. Иначе зачем перекидываться?

— Слышал я твои теории, — отмахнулся Масин. — Только работе нашей от них не холодно и не жарко. В об-

щем, так, думайте, как будем девку ловить. Фотографии её есть?

— Есть. Только она там в шоке. Так перекосило, что и не узнать.

— Кому надо — узнают. Распечатать, разослать по отделениям. Пусть участковые приглядываются.

— Вспугнут.

— Предупредим, чтобы не пытались задерживать. Просто пусть сообщают, где видели. Она не для того превращается, чтобы по подворотням сидеть. Появится на людях, будьте спокойны. А как охотничьи угодья обозначатся, тут и брать будем.

«Один раз уже брали», — подумал Михальчук, но вслух ничего не сказал.

Расходились, как обычно бывает после планёрок, с ощущением облегчения и недовольства — как после обильной клизмы. Но делать нечего, волчица-оборотень в самом деле обдурила весь отдел Службы психического здоровья. Так что не начальство вкатило клизму, а сами себя наказали.

Когда Михальчук, недовольный бездарно прошедшим днём, уже собирался уходить, в кармане зазвонил мобильник. Во время серьёзной работы мобильник не только выключался, но и попросту оставался дома, поскольку греmlin или даже простой прилипала разговоры по мобильнику прослушивает на раз, и последствия это может иметь самые непредсказуемые. Но домашний отдых и толчея в Управлении к серьёзной работе отнесены быть не могут.

Звонил Борис Княжнин, старый приятель и дилетантствующий исследователь потустороннего. С тех пор как он узнал, что Михальчук работает в Службе психического здоровья, от него отбоя не было.

— Слушай, ты когда сегодня заканчиваешь работу?

— У меня, вообще-то, ненормированный день. Так что сегодня я заканчиваю в двадцать четыре ноль-ноль. А завтра начинаю работу в ноль часов ноль минут. А что?

— Я встретиться хотел, поговорить кой о чём...

— Тогда я сейчас обедать пойду, а то мне вечером на дежурство, а там не до еды будет. Вот в кафешке, если хочешь, можно будет встретиться.

На встречу Княжнин примчался загодя, но к делу своему долго не мог перейти, мешала проклятая интеллигентность. Наконец начал издали:

— Ты как-то говорил, что нежить очень быстро мутирует...

— Нежить не может мутировать. Мутируют только живые организмы, а нежить потому и нежить, что она не живая.

— Неважно, не будем спорить о терминах. Но все твои подопечные быстро изменяются, приспосабливаясь к новым условиям. Ведь так?

— В первом приближении так.

— А теперь посмотри... Из живых существ быстрее всего изменяются микроорганизмы, которые, так же как и твоя нежить, паразитируют на людях.

— Не только на людях. Просто если нежить паразитирует на болотных лягушках, как небезызвестная царица, то людей это мало волнует.

— Ладно, не юмори. Я, собственно, вот к чему клоню... Болезнетворные микроорганизмы по мере накопления мутаций теряют вирулентность. Вспомни, в пятнадцатом веке лёгочная чума была практически смертельной, смертность почти сто процентов. А сегодня и сорока процентов не будет.

— Медицина на месте не стоит. Антибиотики, то да сё...

— Безо всяких антибиотиков смертность упала вдвое. А с антибиотиками она еще меньше. Опять же, грипп... Испанка сколько жизней унесла? А нынешние формы — так, легкое недомогание.

— Как раз испанка и была новым штаммом.

— Ничего подобного! В конце шестнадцатого века была описана английская потовая горячка — тоже, судя по всему, разновидность гриппа. Смертность была необычайно

высока. А вот выписка из «Всероссийского словаря-толкователя» издания Каспари, начало семидесятых годов девятнадцатого века. Ни о какой испанке ещё речи нет, а в статье «грипп» написано, — Княжнин выхватил из пухлой записной книжки листок с текстом и прочёл: — «Грипп, катар дыхательных ветвей, появляющийся эпидемически и сопровождаемый сильной лихорадкой и быстрым упадком сил. Иногда ошибочно называют гриппом и неэпидемические катары. Настоящий грипп часто смертелен».

— Ну хорошо, уболтал. И что следует из твоих медицинских выкладок?

— Понимаешь, мы повсюду подходим со своей антропоцентрической меркой. Молчаливо подразумевается, что чума или грипп пылают злобными чувствами и хотят убить как можно больше народу. А они ничего не хотят. Просто-напросто те штаммы, которые оказываются смертельными для организма хозяина, погибают вместе с этим организмом. А если человек отлежался и пошёл на поправку, то он и в следующий раз может заболеть, и ещё. Готовая, можно сказать, кормовая база для возбудителя болезни.

— Иммуитет вырабатывается, — напомнил Михальчук.

— В том и беда. Поэтому у микроорганизмов порой появляются новые сильно вирулентные штаммы. Но в целом болезни протекают всё спокойней и без летального исхода. СПИД на наших глазах из всемирного пугала превратился чуть ли не в рядовую болезнь. Наиболее опасные формы сифилиса попросту исчезли.

— И что дальше?

— А то, что формы нежити должны подчиняться тем же закономерностям, что наблюдаются для прочих паразитарных форм. Я думаю, задача оборотня вовсе не в том, чтобы убить как можно больше людей, а чтобы... ну вот зачем, собственно, оборотень людей убивает?

— А в самом деле, зачем? — насмешливо переспросил Михальчук. — Ты, братец, задаёшь вопросы, над которыми

ми люди поумней нас с тобой не одно столетие бились. Пока народ верил в потустороннее, в силы зла и прочую чепуху, то можно было верить и в то, что оборотень дерёт людей из любви к искусству и чистому злу. А если, как ты утверждаешь, он просто паразит на здоровом теле человечества, то надо знать, что он со своего паразитарного образа жизни имеет. А этого пока не знает никто.

— Вот я и хочу узнать. Поглядеть, пощупать, так сказать, своими руками.

— Кого пощупать, оборотня или вампира? Не боишься, что он тебя пощупает?

— Не буду я его руками хапать. Мне бы только поглядеть, как он себя в обыденной обстановке ведёт.

— Раскрой глаза да смотри. Я потому и работаю день и ночь, что просто так оборотня в латентной фазе от рядового гражданина не отличить. А попадёшь под трансформацию — не обессудь.

— Но ты же сам рассказывал... ну, про эту старуху! Мне её история покоя не даёт.

Михальчук криво усмехнулся. История старой вампириши давно стала в Управлении притчей во языцех. Полусумасшедшая старуха жила в доме дореволюционной еще постройки, где ветхие коммуналки десятилетиями ждали расселения. Старуху не любили за неопрятность и вздорный характер, но особого вреда за ней никто не замечал. А вот клопы замучили весь дом, и сладу с ними не было. В конце концов кто-то из жильцов сменил недейственные хлорофос и дезинсекталь на карбофос, который клопа убивает не сразу, давая ему уползти. Тогда и выяснилось, что паразитов насылала вампирша, а потом щёлкала насосавшихся крови клопов наподобие семечек. Карбофоса старуха не вынесла, с тяжёлым отравлением её привезли в госпиталь, а затем в Управление психического здоровья. Были ли в её жизни нападения на людей, выяснить не удалось, но и отпустить вампиршу домой никто не решился. В старые времена расправа над попавшейся нечистью была бы короткой, но в новой реальности возоб-

ладал гуманизм, и старуха мирно окончила свои дни на больничной койке.

— И что тебе в этой истории? Думаешь, мы бабушку не изучали? Клиника трансформации, в общем-то, ясна, а с психикой нежить всё неясно. Говорить с ней всё равно что с шизофреником: слова произносятся, а смысл ускользает. Хочешь, выбери бомжа погрязнее или алкоголика в последней стадии опухлости и поговори с ними. Немедленно начнут клянчить, и больше ты ничего от них не добьёшься. Нелепый охотничий инстинкт и никакой высшей нервной деятельности за ним.

— Ты хочешь сказать, что алкоголик или бомж — не человек?

— Формально — человек, хотя грань человекоподобия им уже перейдена. Так и вампир — формально человек. Две руки, две ноги, слова произносит. Что ещё?

— Ещё то, что я уверен: они стали менее опасны, чем триста лет назад.

— Триста лет назад их не так хорошо выявляли, а с теми, кого выявили, поступали решительнее. Вот и вся разница.

— И всё же мне бы хотелось поглядеть.

— В виварии у нас никого нет, так что глядеть не на кого.

— Вы что, их содержите в виварии?

— Мы называем виварием то место, где их содержим. А официально оно называется «Лаборатория персонифицированных паранормальных явлений». Только это место очень закрытое, тебя туда не пустят, просто из соображений безопасности.

— Туда я не претендовал. Любопытно, конечно, но я-то хочу поглядеть на них в естественных условиях.

— Естественные условия — это среда большого города. Так что смотри, никто тебе не запрещает.

— Но ведь есть места, где они встречаются чаще. Вот ты говорил, что сегодня идёшь на дежурство. Значит, где-

то ваши сотрудники дежурят постоянно. Вот в такой заповедничек нежить я и хотел бы попасть.

— Ты что, думаешь, я дежурю в каком-то тайном притоне, куда нежить и нечисть сползается на шабаш? Нет уж, дежурство моё самое обычное, ничего сверхъестественного в нём ты не обнаружишь. Просто есть места, где наша клиентура появляется с большей вероятностью, нежели в других. За такими местами мы и приглядываем.

— Ну вот ты, — Княжнин не отступал, твёрдо намереваясь добиться своего, — где конкретно дежуришь?

— Клуб «Саламандра».

— Говорят, злачное местечко.

— Не злачнее других. Молодёжный клуб, относительно недорогой. Постоянных посетителей немного, новым лицам никто не удивляется. В целом — как специально придумано, чтобы нежить было где толочься. Знаешь, какой там фон? Детектор можно не доставать, зашкаливает от простых граждан.

— Ты кем в клубе представляешься? Под молодого тузовщика тебе косить не по годам.

— Охранником. Так что мне ни под кого косить не надо. Камуфло, бэджик, и никому дела нет, что я зал взглядом окидываю. Приятное, так сказать, с полезным.

— Ты ещё скажи, что тебе администрация оклад платит.

— Попробовали бы не платить. Они знают, что я через МВД устраивался, так и что из того? Бывший мент, в полиции места не нашлось, пошёл в частные структуры. Обычное дело.

— Хорошо устроился, — протянул Княжнин. — А твой полковник знает про две зарплаты?

— Начальство знает всё. Но место такое, что нужно постоянно держать под контролем.

— Понятно... — протянул Княжнин. — Понимаешь, что хочу спросить. Ты не мог бы меня сводить в этот клуб? А то я не знаю, как там подступиться...

— А чего подступаться? Это же публичная оферта.

— Что?

— Эх ты, а ещё умный! Публичная оферта, значит, общедоступное заведение. Покупай билет и заходи. Нет, если тебе четырёрхсот рублей жалко, я могу тебя провести. Только тогда все будут знать, что ты не просто посетитель, а приятель или сослуживец охранника.

— Да я и так там буду в глаза бросаться. А так, будто бы к тебе зашёл. Понимаешь, мне туда неловко заходить, а посмотреть нужно.

— Правильно, что неловко. Съедят там тебя вместе с умными мыслями, потому что выслеживать нечисть ты не сможешь. Она тебя почует раньше, чем ты её, и никакой детектор, казённый или твой самодельный, не поможет.

— Всё равно, мне надо.

— Если так надо, что невтерпёж, то сходи в туалет. Это от века заведено, что бодливой корове бог рогов не даёт. Идеи твои хороши, но мне предчувствие подсказывает, что с тобой вполне можно огрести неприятностей. Потопчешь ты всю малину своими наблюдениями. Там прорва всякой мелочёвки: пиявиц, латентных ведъм и прочей шушеры. Шугануть их — пара пустых, но тогда они расползутся по углам, и никто не скажет, что из них вырастет.

— Не буду я ни во что вмешиваться, ты же знаешь.

— Ладно, подходи часикам к десяти. Я вообще-то обычно бываю при входе, но если что, спросишь Мишу-охранника, меня позовут.

— Постой, ты же не Миша...

— Там я Миша. А девки-тусовщицы ещё и кликуху пытаются наклеить: Мешок. Очень удобная роль.

В «Саламандре» Княжнин появился ровно в десять часов, минута в минуту. Михальчук был уверен, что приятель на самом деле приехал за полчаса и бродил кругами по улице, распугивая всех и вся своим решительным настроением, густо замешанным на комплексе неполноценности.

У охранника, чтобы не торчать при входе наподобие швейцара, имелся маленький столик, даже скорее кон-

торка красного дерева. Таких теперь не делают; эта мебель была приобретена по случаю дизайнером, оформлявшим клуб, и поставлена у самых дверей, чтобы резко дисгармонировать со всем остальным современным оформлением.

В клубе были столики, словно в ординарном кафе, но не было официантов, был шест для стриптиза, но не имелось стриптизёрш, разве какая из посетительниц, войдя в раж, демонстрировала прелести своего тела с разной степенью таланта и до разных степеней обнажённости. Здесь играла живая музыка и работал Паша, которого Михальчук про себя называл массовиком-затейником. Толпу Паша зажигал умеючи, не допуская превращения разнузданного веселья в вульгарную вакханалию. Музыкальные коллективы в «Саламандре» менялись часто и давали не просто концерты. Пашиной заслугой было то, что в музыкальное действие бывало вовлечено немалое число посетителей. Всё это называлось «музыкальным шоу» и выгодно отличало «Саламандру» от привычных дискотек и кафе. Пашиным девизом было: «Каждый день нова шова».

Наркотики в «Саламандре» в почёте не были, распространителей, которых бы все знали, здесь не приветствовали. Короче, это была, выражаясь Пашиным сленгом, «пристойная дыра на грани фола».

С восьми часов в клубе принимались разогревать публику, а часиков в десять, на которые был приглашён Княжнин, начинался самый разгар. Освещение в зале было продумано с умом: разбросанные тут и там светодиоды давали только необходимый минимум света, а светодиодные панно над стойкой бара вспыхивали и гасли, не позволяя ни ослепнуть, ни толком разглядеть что-либо. Блестящий дракон под потолком вспыхивал неоном в клубах табачного дыма, и не каждый замечал, что дракон не выдыхает дым, а втягивает. Прикормленные девушки, которых пускали в клуб бесплатно, уже разогрели народ, любители танцев отрывались на полную катушку, Пашин голос гремел в микрофон что-то торжествующее.

— У вас тут не скучно... — пробормотал ошеломленный Княжнин, которому прежде не доводилось видеть, как развлекается молодёжь.

— Хотел полюбоваться — любуйся, — великодушно ответил Михальчук.

— И среди этих шлюшек прячется нежить? — шёпотом спросил Княжнин.

— Прежде всего, — прикрыв рот рукой, ответил Михальчук, — профессиональных шлюх здесь почти нет. А эти девочки — и вовсе малолетки. Путяжницы, потому и выглядят вульгарно. Им только-только по шестнадцать исполнилось, вот они и оттягиваются, потому как право заполучили. Их тут, конечно, очень быстро уестествят, а многих уже уестествили, после чего часть этих девочек станет законченными шлюхами. Но некоторые удачно выйдут замуж, родят детишек и успокоятся. В старости будут ставить себя в пример подрастающему поколению. Но пока стараются казаться не теми, кто они есть в действительности. Они-то и создают тот негативный фон, от которого сходит с ума твой детектор. Так что, если здесь имеется сейчас твой кадр, он абсолютно невидим за этим фоном.

Одна из путяжниц подпорхнула к беседающим и осталась, демонстрируя себя во всей красе.

— Привет, Мшок, — произнесла она, проглотив первую гласную, так что не понять, было ли сказано: Мешок или Мишок. — А это твой напарник? Вы теперь вдвоём нас бережёте?

— С вами я и один управлюсь, — ответил Михальчук. — А это мой товарищ. Думает, не пойти ли ему в охранники. Зашёл посмотреть, как тут работается. Специфику изучает.

— Не получится из него охранника, — авторитетно заявила пигалица. — Беспонтовый мальчик.

Беспонтовый мальчик, годившейся пэтэушнице если не в деды, то уж в отцы точно, чуть не поперхнулся кофе. А Михальчук совершенно спокойно ответил:

— Поглядела бы ты на него в Чечне, узнала бы, какие понты бывают.

Княжнин, не бывавший не только в Чечне, но и в армии дня не служивший, не знал, куда деваться от такой характеристики. А путяжница, не сказав прощального слова, упорхнула к подругам делиться раздобытой информацией.

— Ну, каково? — спросил Михальчук.

— Для чего ты ей врал? — вместо ответа спросил Княжнин.

— Не врал, а сливал дезу. Тут все врут, и если не хочешь каркать белой вороной, изволь не выделяться.

— Ух ты! — перебил товарища Княжнин. — А это кто такая?

Особа, привлекая внимание дилетанта демонологических наук, и впрямь резко выделялась среди посетителей. Не обращая ни на кого внимания, она прошла к стойке бара, коротко сказала что-то бармену Эдику, которого на самом деле звали Олегом, получила высокий бокал с чем-то слабоалкогольным, на мгновение приникла губами к трубочке и лишь затем окинула скучающим взглядом вечерний клуб.

— Это я не знаю, кто... — многозначительно произнес Михальчук. — И тебе не советую к ней подходить. Она тут уже третий раз, а я так и не могу понять, кто она, откуда и зачем. Здешний контингент ни так одеваться, ни так себя держать не умеет.

— Дорогие шмотки?

— Не дешёвые, хотя у некоторых имеются и подороже. Но эта фря и в ситчике бы смотрелась королевной. Если это проститутка, то высочайшего уровня, такой здесь делать нечего. Элитная девочка, а в «Саламандре» уже третий раз. Чует моё сердце — неспроста. Ты детектор-то спрячь, детектор тебе не помощник, его с начала вечера зашкаливает. Так разбирайся, своим умишком.

— Вампирша... — беззвучно шепнул Княжнин.

— Ага, раскатал губу. Думаешь, если женщина-вамп,

так сразу и вампирша? Вампиршу дважды в одно заведение и на аркане не затынешь. И потом, никто из завсегдаев не пропал, никому заметного вреда не нанесли. Первые два раза пришла, посидела, выпила пару фруктовых коктейлей, отшила пару потенциальных ухажёров и скрылась. А куда — никто не отследил.

— Им-то зачем отслеживать? — Княжнин кивнул в сторону зала.

— А познакомиться? А в койку затащить? Ты бы отказался от такой красотки? Ладно, можешь не отвечать, я знаю твои взгляды и вкусы.

Между тем возле стойки бара разворачивалось хорошо отрепетированное действие. Двух девчонок, сидевших рядом с заманчивой гостьей, спешно пригласили танцевать, а на освободившееся место взгромоздился Родик по прозвищу Барсук — местный авторитет. Барсук был счастливым обладателем роста под метр восемьдесят пять, пронзительного взгляда серых глаз и бесконечной уверенности в своём превосходстве надо всеми существами обоего пола. Авторитетом он был не уголовным, а просто по причине своего лидерства не мог уступить первого места. Одних давил морально, прилюдно сажая в лужу сотней разных способов, других не брезговал и кулаком приложить. Парни из приближённого круга служили Барсуку не из страха или корысти, а потому что признавали его превосходство.

Склонившись к гостье, Барсук зарокотал что-то барственно-фамильярное. Девушка вскинула взгляд; глаза у нее тоже были серые, но без стального оттенка, что так шёл Барсуку. Ресницы с минимумом косметики, так что всякому видно, что не накладные, а свои. О таких говорят: «На каждой ресничке по мужскому сердцу наколото». Белокурые волосы, свои или так профессионально покрашенные, что от своих не отличить. Личико могло бы показаться несколько кукольным, если бы не улыбка, мгновенная и очень понимающая. Именно улыбка разру-

шала образ сексапильной девочки, которую может взять первый же мачо.

Впрочем, Барсук был лучшим экземпляром в своём прайде и в успехе не сомневался.

Беседа, неслышимая за музыкой и шумом, напоминала пантомиму. Вот Барсук что-то произносит, придвигаясь к девушке, смотрит многозначительно, нависая над хрупкой фигуркой. Красавица улыбается, чуть заметно качает головой; не возражает, а лишь обозначает легчайшее несогласие. Новая фраза соблазнителя, сопровождаемая широчайшей улыбкой в тридцать два невыбитых зуба. Наверняка сказана какая-то двусмысленность, на которую можно было бы и обидеться, если бы не простодушная усмешка, с которой произнесена скабрёзность. Девочки-путяжницы уже давно бы растаяли от такого напора. Впрочем, это им еще предстоит, но потом; сейчас перед Барсуком куда более привлекательный объект.

В ответ на острую шутку — мгновенный, словно бросок змеи, взгляд из-под ресниц, *coup d'oeil*, как говорят французы. Отточенная игра, дуэль инстинктов. Вот только славный мачо не знает, что играть ему выпало с тенью.

— Ты гляди, как работает! — азартно шептал Михальчук, прикрывая рот рукой, чтобы и по губам было не понять, что он говорит. — Ведь она за всё время двух слов не сказала! А с инстинктами у неё всяко дело получше, чем у паренька.

— Кто она? — жарким шёпотом спросил Княжнин. — Ты говоришь, не вампирша. Тогда кто?

— Чтoб я знал... Да не пьялся ты так откровенно! Краем глаза посматривай, и хватит.

— Весь зал на них пялится.

— Всему залу — можно. Они люди не заинтересованные, им просто любопытно. А ты — охотник, и взгляд тебя выдаёт. Давай-ка выйдем, покурим.

— Тут все прямо в зале смолят...

— Они смолят, а мы — выйдем. Чует моё сердце, девочка сейчас уходить будет. Барсук мужик навязчивый,

Другим способом от него не избавиться, а девочка явно не демон и не лисица, так что спать с Барсуком не захочет. Пошли-пошли... Если ты выйдешь сразу вслед за ней, то всему миру покажешь, что следил. А так мы первыми вышли. В крайнем случае завсегдатаи решат, что ты её охранник.

Михальчук встал, пройдя в опасной близости от беседующей парочки, коротко переговорил с барменом. Доставая на ходу пачку сигарет, направился к выходу. Княжнин поспешил следом.

— О чём ты с барменом толковал?

— Попросил его, чтобы он меня подстраховал, если что. Я на службе, а сейчас, возможно, уйти придется. Ну да Олечка свой парень, не выдаст.

Михальчук закинул сигареты обратно в карман, а Княжнин, напротив, достал свои и закурил.

— Вот это ты зря, — заметил Михальчук. — Хочешь определять некробиологические явления по запаху — о табаке забудь.оборотни тоже... у них не запах, а нечто особое, но если оглушишь чувства дымом, не определишь его, пока он тебя не закогтит.

— Тебя же там обкуривали со всех сторон, — возразил Княжнин, поспешно потушив сигарету. — Или пассивное курение не считается?

— Считается. Но это уже издержки профессии. Впрочем, я у самых дверей сижу, да и вентиляция в зале — будь здоров. Без этого владельцу клуб было бы не открыть. Санэпидстанция и пожарная охрана его бы попросту сожрали. В этом вопросе никаких откатов быть не может; это уже мы следим, чтобы вентиляция была и работала исправно. А пожарники и сэсовцы нам прикрытие осуществляют.

— Пожарники? Жуки, что ли?

— Именно так, жуки они и есть. Короеды... — Михальчук замер, затем коротко приказал: — На детектор глянь...

— Зашкаливает.

— А когда только вышли?

— Не знаю...

— Эх ты! Знать надо. От тусовки фон далеко не распространяется. На улице всё было чисто. Ну, теперь смотрим...

Дверь распахнулась толчком, на улице появился Барсук. Глянул на беседующих мужчин и раздражённо спросил:

— Где она?

— Кто?

— Тёлка, с которой я был.

— Не видели.

— Должна быть! Некуда ей из сортира деваться. Через кухню не проходила, значит, здесь.

— Просочилась в канализацию, — пробормотал Княжнин.

Барсук ожёг его взглядом, но ничего не сказал и побежал по улице, заглянуть за угол.

— Ты бы меньше цитировал, — посоветовал Михальчук. — Здесь этого не любят и вообще могут неправильно понять. Народ в клубе собирается в массе своей не читающий. Теперь пойдём, полюбопытствуем, что в кухне творится. Держись рядом, вопросов не задавай и ни во что не вмешивайся.

Кухня при клубе была относительно небольшая, всё-таки «Саламандра» была не рестораном и даже не кафе. Михальчук, на правах своего, остановился в дверях, оглядел помещение, кивнул повару и быстро прошёл к служебному выходу. Княжнин поспешил следом.

— Здесь прошла, — сказал Михальчук, очутившись на улице. — Мастерница, однако. Глаза отвела и вышла безо всякой трансформации. Теперь её хрен найдешь.

— Проводника с собакой, — предложил Княжнин.

— Ты, я вижу, крутой спец. Собаку, чтобы след оборотня взяла, положим, найти можно. Но не ты ли сегодня днём доказывал, что нежить мутирует, что она не опасна и её можно оставить в покое? А как запахло погоней, так сразу собак науськивать? Раз бежит, значит, ату её? А ты

уверен, что это не обычная девушка, напуганная Барсуковыми домогательствами?

Княжнин виновато молчал, лишь жамкал губами, словно пережёвывал несказанные слова.

— Ладно, не мучайся. Давай, пока время есть, глянем ещё, может, что и высмотрим. Улица тихая, машины ночью ездят редко, так что далеко наша тёлочка не убежит. — Михальчук усмехнулся. — Но Барсучонок-то каков? Тёлка где? Сам он телок и напрашивается на то, чтобы умереть счастливым.

Со двора они вышли на ночную улицу. Оранжевая луна, почти незаметно выщербленная сбоку, поднималась над крышами. Ещё две ночи люди будут плохо спать, вскакивать в тревоге, жалуясь на полнолуние. А нелюди в такие ночи не спят вовсе.

— Слушай, — сказал Княжнин, — это же, никак, твоя улица? Ты ведь рядом живёшь?

— Ну да. Вон мой дом. Я потому сюда и устроился, что до дому две минуты. Давай-ка я тебя к себе отведу, и ляжешь спать. А мне ещё работать. Больше сегодня ничего интересного не должно случиться, но служба есть служба.

— Я лучше машину поймаю и поеду к себе.

— Не возражай. Никуда я тебя одного не отпущу. Сам видел, нежить в округе шастает, а мы даже не определили, кто это. Была бы вампир, она от Барсука не бегала бы, а мигом его оприходовала. На демона ни разу не похожа.оборотню в ночном клубе делать нечего. Вот и гадай, кого мы с тобой видели. Самое смешное будет, если окажется, что это действительно обычная девушка, возжаждавшая острых ощущений.

Против такого довода возразить было нечего. Княжнин кивнул, и они отправились к холостяцкой квартире Михальчука.

Клуб «Саламандра» располагался по нечётной стороне улицы, в одном из домов сталинской постройки. На самом деле выстроен он был в 1955 году, что всякий мог определить, увидав барельеф с датой на фасаде, но дома,

построенные в стиле советского ампира, принято называть сталинскими, и этот тоже назывался сталинским. Зато михальчуковский дом оказывался безликой панельной девятиэтажкой, которую втиснули сюда после того, как были снесены двухэтажные бараки бог весть какой эпохи. Каждый день, взбираясь на свой этаж, Михальчук думал, что вообще-то на этом месте должна стоять четырёхэтажная хрущобка, без мусоропровода, лифта и прочих антисоветских удобств. Однако вот повезло, миновала чаша сия. А что в хрущобке выше четвёртого этажа лазать не надо, так никто Михальчука не заставляет пренебрегать лифтом. Вот он, лифт, садись да поезжай, не думая про полнолуние.

Уже при подходе к парадной Михальчук услышал, как лязгает железная дверь мусорного блока. Возле каждой парадной имелась такая дверь, а за ней крошечное помещение, куда выходила труба мусоропровода. Там же был водопровод и два крана с горячей и холодной водой, чтобы дворничихе не приходилось издалека таскать воду для мытья лестницы. В те времена, когда дворниками калымили русские пропойцы, сор из мусоропровода валился прямо на пол, а то и забивал трубу иной раз до четвёртого этажа. Следствием была вонь и изобилие крыс. При старом таджике под трубой всегда стоял мусорный контейнер на колёсах, который вывозился строго по расписанию. Хотя, когда дверь мусорного блока бывала распахнута, оттуда тянуло характерным кислым запахом помойки. И суверенный таджик пропах этим амбре насквозь.

Старик с метлой в руках появился из блока. Остановился, пропуская идущих.

— Добрый вечер, — привычно сказал Михальчук и услышал столь же привычное невесомое:

— Здравствуйте.

— Что это вам не спится? Ночь на дворе.

Старик, уже изготовившийся сметать с дорожки первый опавший лист, остановился, облокотившись на метлу, потом указал на луну, поднявшуюся уже высоко, потеряв-

шую оранжевый цвет. Луна заливала мертвенным серебром тротуар. Светло так, что больно глазам, а попробуй читать — буквы не разберёшь. Но улицу мести можно, и можно призрачной тенью идти на охоту и гнать бегущего, которому некуда деваться. Волчья ночь, когда даже человеку хочется выть.

— Нельзя сегодня спать.

— Скажите, — спросил Михальчук на всякий случай, — здесь только что девушка не пробежала? Молодая, одета хорошо.

— Девушка не пробежала, — ответил таджик, медленно покачав головой. — Волк пробежала, большой, очень большой; у нас таких нет.

Михальчук почувствовал, как напрягся Княжнин, готовый задавать вопросы. Пришлось отшагнуть назад и, словно случайно, наступить товарищу на ногу. Видимо, тот понял предостережение, потому что ощутимо заметным усилием проглотил рвущиеся из груди слова. Надо было заполнять паузу, и Михальчук задал давно интересовавший его вопрос:

— А вы кем были прежде? До распада страны?

Тёмное лицо в глубоких морщинах, кажущихся трещинами в неземном свете луны, осталось непроницаемым. Потом морщины дрогнули, послышался ответ:

— Зоотехником. У нас яков разводят, это животные такие. Начальство сказала, надо много яков. А где их пасти? Як не может в долине, он там болеет. И волки по ночам приходят, режут телят. А виноват я...

Он ещё бормотал что-то о прошлых обидах, где главным словом было «начальство», которое вмешивалось в простую, понятную жизнь и делало её невыносимой. Собственный путь из родных гор в чужой город, из зоотехников в помойные мужики, из уважаемого человека, так или иначе относившегося к сельской интеллигенции, — почти на самое дно чуждого ему общества... А ведь у него, наверное, дети есть, внуки, которым он посылает деньги. Или нет никого? Старики из бывших азиатских респу-

блик едут на заработки, только если они совсем одиноки. Проклятие Аллаха на том, у кого нет детей.

Странно, ведь жили в одной стране, все ходили в школу, носили красные галстуки. А теперь смотрим друг на друга и не можем понять. Волка, бегущего по ночному проспекту, понять легче.

Михальчук распростился с дворником, уложил спать зевающего Княжнина, вернулся в клуб, где веселье уже поблёкло, словно утренняя луна. Дежурство заканчивалось, теперь предстояло многое осмыслить.

Во всем виновата луна. На земле еще не было ничего, кроме горячих камней и чуть солоноватого океана, а луна уже светила никому, роскошно и равнодушно проходя все свои четверти, скрываясь в звездном изобилии безлунных ночей и сияя жемчугом полнолуний. Миллиарды лет светить никому, этого вполне хватит для вселенского одиночества. Недаром первая живая слизь светилась лунным отблеском, и так же светятся безмерно одинокие обитатели морских глубин. Перед лунным светом живое одиночество и живая тоска не значат ничего. Они растворяются в нём, подобно крупинке соли в безбрежности океана. Океан не заметит твоей крупинки, он не станет солоней, не станет и слаще. Всё познается в сравнении, кроме несравнимых величин. В лунную ночь на всякое живое существо обрушивается одиночество, скопившееся за миллиарды безжизненных лет.

И тогда тем, кто смотрит в небеса, овладевает тоска, превышающая мыслимые и немыслимые пределы. И своя жизнь, привычная и разумная, уже не кажется единственно возможной. Более того, она становится совершенно невозможной. Волк, навывшись до изнеможения, бросает стаю и волчат и уходит в страшный и притягательный город, потому что там есть нечто, столь же непостижимое, как и тоска лунной ночи. А других волков, ставших чужими, он рвёт страшно и безжалостно.

Человек, намаявшись неприкаянно, в ночь полнолуния уходит из дома, чтобы бегать вместе с волками, залиvisto

плакать и вкушать невыносимую свободу. А людей, не сумевших понять его душу, он рвёт столь же страшно и безжалостно, как и его собрат волков.

И никто не знает, что случится, если встретятся мордой к лицу волк, перекинувшийся человеком, и человек, ставший волком. Луна, возможно, знает, но она умеет молчать.

А ещё порой полная луна устраивает небывалое, так что кажется, будто она хохочет с небосвода, широко разинув пятна сухих морей.

Домой Михальчук вернулся под утро и успел соснуть часика полтора, прежде чем Княжнин, уложенный на диване, продрал глаза.

— Как тебе вчерашний культпоход? — спросил Михальчук.

— Смутно... Но в главном, думается, я прав. Не знаю, была ли та девушка волколаком, вервольфом или ещё кем, но вреда людям она не причиняла.

— И отсюда ты делаешь вывод, что нежить безобидна. А хочешь, я тебе прилипала в дом подсажу? Моих умений на это хватит. Замаешься по знахаркам и попам бегать. А ведь это обычная прилипала, не упырь, не кицунэ — лисица-оборотень, ни ещё какая зараза. Если уж проводить твои параллели с микроорганизмами, то нелишне вспомнить, что далеко не все микробы являются болезнетворными. Есть и такие, без которых не проживёшь. А большая часть для нас просто безразличны. И суть нашей работы не в том, чтобы хватать и не пущать, а чтобы отделять овец от козлиц и зёрна от плевел. Если вчерашняя красавица не опасна, то её никто и не тронет. Пусть и дальше смущает любвеобильное Барсучье сердце. Но для этого надо быть вполне уверенным, что она не опасна. Хотя боюсь, что начальство в любом случае прикажет отвадить её от городских кафе и клубов. Просто так, на всякий пожарный случай.

— Но ведь это... — начал было Княжнин.

— Это — обычная предосторожность. Лучше выгнать

из города самую дружелюбную бякко, чем позволить бродить по улицам кикиморе или ожившему трупу. Помнишь, как зоотехник сказал: «Волк пробежала. Большой...» Так вот, я не хочу, чтобы люди встречались по ночам с большим волком, даже если этот волк мутирует в положительном направлении.

— Всё-таки ты неисправимый ретроград.

— Лучше быть живым ретроградом, чем мёртвым прогрессистом. Ты заметил, как много слов в русском языке, означающих охранителей? Ретроград, реакционер, консерватор... А с противоположным значением? Их и нет почти, во всяком случае, общеупотребительных. А всё потому, что прогрессисты не выживают. Кстати, месье прогрессист, не мог бы ты мне помочь? Мне нужна телекамера, наподобие тех, какими осуществляется видеонаблюдение. Ты же у нас мастер золотые руки, вон, даже детектор собственный собрал. И работаешь в подходящем заведении.

— Камера — это пара пустых. Другое дело, где и как её ставить и кто наблюдение будет осуществлять.

— Наблюдать буду я. А поставит... да хоть на козырьке, что над моей парадной. И чтобы показывала панораму улицы. Очень хочется поглядеть, что там за девушки бегают и что за волки.

— У вас что, в Управлении таких простых вещей нет?

— Есть, но не хочу зря беспокоить начальство. Слышал, что мудрый дворник говорил? От начальства все беды. Ты меня ретроградом обзывал, так это потому, что с полковником Масиным знакомства не водишь.

— Будет камера! — решительно объявил Княжнин. — Сегодня же и будет.

— Это хорошо. А то сегодня последняя волчья ночь. Полнолуние миновало. В другие дни трансформации тоже бывают, но редко. Если наблюдать, то сейчас.

— Ты думаешь, она прямо на улице будет волком перекидываться?

— Я пока ничего не думаю, я поглядеть хочу. Ты слы-

шал, вчера дворник сказал: «Волк пробегала». Я успел справочку навести: в таджикском языке нет понятия рода. Так что старик мог перепутать, но мог и не перепутать, все-таки он не просто якам хвосты крутил, а с пониманием — зоотехник, как-никак.

— Это тут при чём?

— В нашем деле, друг ситный, все при чём. Вчера утром, я тебе рассказывал, волк, жертвуя собой, обманул группу захвата и позволил скрыться волколаку. Не думаю, что тут снова тандем, но поглядеть очень хочу. Предчувствие у меня, а в нашем деле предчувствиям доверять нужно. Представь для примера, что дед оборотня в мусорном блоке прячет. Как тебе такой вариант?

— О таком я не подумал... — ошеломлённо пробормотал Княжнин. — Бегу. Сегодня же всё будет. Только мне тоже... я тоже поглядеть хочу.

— Гляди, — великодушно разрешил Михальчук. — Через камеру — чего не поглядеть.

Если Княжнин говорил, что сделает, обещанное кровью из носу, но бывало сделано. Эта особенность примиряла Михальчука даже с дилетантскими идеями приятеля. Во всяком случае, вечером оба сидели перед включенным телевизором и наблюдали происходящее на улице. Обычно ящик-говорун, если в этот день не намечалась трансляция особо важных футбольных и хоккейных матчей, бывал заткнут, но сегодня его включили заранее. Гордый Княжнин давал пояснения.

— Звук, к сожалению, берёт только от самой парадной, а улица подаётся панорамой. Угодно — можешь приблизить тот или иной участок. Разрешимость довольно приличная. А вот внутренность мусорного блока — не берёт. Это надо отдельную камеру ставить внутри. Камеру достать не проблема, а вот ключ от мусоропровода...

— Это тем более не проблема. Но, думаю, пока не нужно. Как трансформация происходит, заснято много раз, полагаю, ничего нового мы тут не увидим. А что со звуком

изображение — это здорово. Я думал, камеры наружного наблюдения только немymi бывают.

— Когда надо, бывает что угодно, — скромно похвастался Княжнин.

Мобильник, лежащий на столе, сыграл первые такты марша из оперы «Аида» и замолк, не одолев мелодии.

Михальчук глянул на экранчик и значительно объявил:

— Дева красоты уже в ночном клубе. И Барсук с приятелями тоже там. Так что объявляется готовность номер ноль.

Княжнин глянул на мобильник, в котором не замечалось ничего волшебного, и уважительно сказал:

— Лихо ты определяешь. Я о такой технике и не слышал. Как эта штука работает, если не секрет?

— Эта штука работает безотказно. Называется она бармен Эдик, или попросту Олег. Мы договорились, что, если придут оба заинтересованных лица, Олег сделает вызов и тут же отбой. Так работает самая высокоточная техника.

Княжнин кивнул, хотя разочарования скрыть не мог.

Полчаса прошло в напряжённом молчании.

— Тра-та-та-та! — взыграл мобильник и подавился самой высокой нотой.

— Быстро они сегодня, — заметил Михальчук. — Видать, сильно Барсучонка за живое взяло. С ходу буром попёр. Этак он девочку от посещения нашего клуба отучит. Дурак он, что взять с дурака...

— Вон она! — перебил Княжнин.

Очевидно, девушка большую часть пути пробежала дворами, потому что возникла уже совсем близко. Подчиняясь тонким движениям княжнинских пальцев, камера сделала наезд, показав бегущую крупным планом.

Лицо спокойное, хотя в глазах мечется совершенно человеческая тревога и нижняя губа прикушена ровненькими зубками. Почему-то Княжнин сразу отметил этот факт, хотя и не ожидал увидеть оскаленных клыков.

— Хороша чертовка! — похвалил Михальчук.

— Она что, демон? — встревоженно спросил Княжнин.

— Нет, конечно. Но хороша...

Девушка бежала. Каблучки выбивали по асфальту тревожную дробь. Пышные волосы упруго вздрагивали при каждом шаге, но укладка оставалась идеальной, словно на рекламном клипе. Всё в красавице было хорошо и всё чуть-чуть ненатурально, как выполненное опытным визажистом. И только глаза были живыми, человеческими. Не верилось, что сейчас хозяйка таких глаз обернётся зверем, готовым разорвать преследователей.

В руке бегущей возник тяжёлый ключ с двусторонней бородкой. Наивные квартировладельцы приобретают такие ключи для железных дверей своих хором, надеясь, что теперь никто не проникнет в их крепость. А служащие ЖЭКов, или как это теперь называется, запирают ими дворницкие и иные подсобные помещения.

Лязгнула дверь мусорного блока, красавица исчезла, невидимая электронному глазу камеры. И почти сразу в конце улицы появились двое парней из свиты Барсука. Очевидно, взбешённый авторитет устроил на таинственную незнакомку форменную охоту.

Раздался долгий скрип несмазанного железа, на улице появился старый таджик. Выкатил наружу переполненный мусором контейнер, навалившись худым телом, слегка утрамбовал отходы, чтобы возможно стало защёлкнуть замок на крышке. Подкатил новый контейнер. Добыл откуда-то из мертвой зоны широкую лопату, принялся сгребать рассыпавшийся мусор, закидывать его в контейнер, ещё не наполненный.

— Она там? — жарким шёпотом спросил Княжнин.

— Кто?

— Волчица. Он её в контейнере спрятал, туда ведь никто не сунется.

— Нет там никого! — отрезал Михальчук. — Смотри и не мешай!

Подоспели Барсуковы клеветы.

— Эй, дед, — крикнул один. — Девчонка тут не пробежала?

— Девушки бегают быстро, — ответил таджик, не отрываясь от лопаты. — Если она не хочет, чтобы её поймали, вы ее не поймаете.

— Порассуждай тут, чурка... — процедил один из парней. — Отвечай, пока по-хорошему спрашивают.

— Не видел здесь девушек.

— Дай ему в морду, — посоветовал второй парень, — мигом вспомнит.

— Умный ты, спасу нет. Ему в морду дашь, потом от чесотки лечиться. Пошли, скажем Барсуку, что никого не видели. Хочет, пусть заранее у всех дверей охрану ставит, а я не нанимался для него по улицам бегать.

Парни ушли, на этот раз не торопясь. Таджик продолжал чистить мусорный бокс. Шарканье лопаты по асфальту, привычное и успокаивающее зимой, сейчас, в самом конце лета, казалось нелепым и чужеродным. И всё происходящее казалось одновременно нелепым и странно знакомым.

Все в детстве слышали сказку про девочку-замарашку, которая непрерывно возилась с мусором и золой от камина и даже прозвище получила соответствующее. А бедняжке хотелось хотя бы изредка красивой жизни, музыки, хоть чего-то отличного от половой тряпки и запаха помоев. И, как непременно бывает в сказке, явилась добрая волшебница и отправила Золушку на бал в королевский дворец. Платье, карета, то да сё... А куда девались руки, огрубелые от кухонной работы, коленки, изуродованные мытьём и натиркой полов, намертво вьёвшаяся вонь отхожего места? Так ведь всего этого и не было! В сказках всегда случается так, что тяжёлая работа не калечит красоты. А возможно, сказочник не договорил, и не только тыква обратилась в карету, но и грязная уродка перекинулась красавицей. В Управлении психического здоровья много могут порассказать о проделках той нежити, которую люди называют феями.

Но в целом с Золушкой всё окончилось благополучно. Если и возвращался ей в лунные ночи истинный облик,

то принц про это ничего не знал, пребывая в счастливом заблуждении, будто женат на красавице. И, как хрестоматийный телёнок, он умер счастливым.

А в жизни всё бывает причудливей и безжалостней. Даже помойка в реальности воняет совсем иначе, нежели в сказке. И добрых крёстных у гастарбайтеров не бывает. Зато бывает полнолуние, когда хочется выть, а природная серость у одних выступает наружу, а другим становится невмоготу носить её. Пусть раз в месяц, но хочется чистоты, музыки, восхищённых или завистливых взглядов. Не обязательно даже превращать мусорный контейнер в элегантный «Порше», Золушка дойдёт пешком. И никто не опишет в волшебной сказке её чудесное превращение. Ах, Шарль Перро, где твоё перо?

Прекрасный принц, явившийся неведомо откуда, непременно вызовет приступ злобы и зависти у потенциальных соперников. Быть принцессой — гораздо безопаснее. Главное — убежать с бала, прежде чем часы пробьют полночь и чары рассеются.

Таджик кончил скоблить тротуар, загнал оба контейнера, полный и почти пустой, в мусорный бокс, гремя ключами, запер дверь. Бормотал что-то на своем языке, где нет понятия мужского и женского рода.

— Он что, запер её там? — тревожно спросил Княжнин.

— Кого?

— Девушку.

— Девушку? — переспросил Михальчук. — А была ли девушка?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ, ИЛИ ПРОЩАНИЕ С НУАРОМ

 сли из сборника, который вы только что прочитали, надергать развернутых цитат, перемешать их произвольным образом и распечатать стык в стык, не указывая авторство, все равно будет видно, что перед нами тексты десятка разных писателей. У каждого участника этой антологии свое лицо, свой темперамент, темп и ритм повествования, любимые словечки и сюжетные ходы. Иными словами, у каждого из них свой собственный, легко узнаваемый стиль. Аренева ни за что не спутаешь с Колоданом, Трускиновскую с Резановой, а Точинова — с Логиновым. В противном случае в этом сборнике было бы не много смысла: кому нужна усредненная, стандартизированная проза, скроенная по одному лекалу?..

Но какими бы разными ни были все эти тексты, каждый из них рано или поздно заставит вспомнить одно слово, ласкающее слух знатока и ценителя.

И слово это — «нуар».

Нуар — одно из самых противоречивых явлений в современной европейской культуре. Достаточно сказать, что главные «нуарные» книги и «нуарные» фильмы были написаны и сняты американцами в двадцатых-сороковых годах минувшего века, однако появлению этого термина мы обязаны французскому кинокритику Нино Франку, запустившему его в оборот в 1946-м.

Споры о том, что такое нуар и какие черты его характеризуют, не затихают по сей день. Неясно даже, стиль это или жанр — киноведы и литературные критики десятилетиями ломают копыя в бесплодной схватке. Скажем проще: нуар — это криминальные истории Дэшила Хэммета и Рэймонда Чандлера, фильмы «Тень сомнения» Аль-

фреда Хичкока и «Незнакомец на третьем этаже» Бориса Ингстера, эталоном же жанра считается «Мальтийский сокол» Джона Хьюстона. Да-да, тот самый, где одну из главных своих ролей сыграл легендарный Хамфри Богарт.

А еще нуар это атмосфера: сумрачный город, расчерченный резкими тенями, немногословные, как у «папы Хэма», мужчины в мягких шляпах, скрывающие душевные раны и чувство вины под маской напускного мачизма, смертельно опасные женщины в мехах и брильянтах. Атмосфера зыбкости, ненадежности окружающего мира, в котором нельзя доверять никому, даже самому себе. Городские джунгли, населенные хищниками всех пород, где добро и зло — понятия субъективные, а герой отличается от злодея только тем, что в душе его время от времени просыпается (и начинает шумно ворочаться, как медведь в берлоге) нечто человеческое.

Разумеется, нуар, запустивший свои щупальца во все массовые жанры, давно и тесно породнился с фантастикой. К нуару относят фильм Ридди Скотта «Бегущий по лезвию» и роман Филипа Дика «Мечтают ли андрониды об электроовцах?», положенный в основу сценария, «Темный город» Алекса Пройяса, сознательно снятый в этой стилистике, киноработы Тима Бертонa, в том числе «Сонную лощину» и «Бэтмена». Особенно чувствительны к этой эстетике авторы «графических романов». Несомненный нуар — «Sin City», «Город грехов» Фрэнка Миллера, прославленный экранизациями Роберта Родригеса и Квентина Тарантино. В 2009—2010 годах один из гигантов комикс-индустрии, компания «Marvel», даже запустила цикл «Marvel Noir», где в соответствующих традициях переосмыслились судьбы популярных супергероев: Человека-Паука, Сорвиголовы, Карателя, Людей Икс и Железного Человека. Представляете: тридцатые годы, Великая депрессия, сухой закон, гангстеры с «томпсонами» наперевес, продажные копы, и посреди этого ретро-триллера — Люди Икс во всей своей красе... Нуарную атмосферу старательно воссоздают писатели-фантасты

Джордж Алек Эффинджер в трилогии о Мариде Одрани («Когда под ногами бездна», «Огонь на солнце», «Поцелуй изгнания»), Джонатан Летем в «Пистолете с музыкой», Ричард Морган в цикле о Такеси Коваче («Видоизмененный углерод», «Сломанные ангелы», «Разбуженные фурии») и многие другие. Да что там, сам Уильям Гибсон, «киберпанк номер один», не раз признавался в интервью, что написал «Нейроманта» во многом под влиянием Дешила Хэммета и Реймонда Чандлера.

Что ж, при смешении стилей часто рождаются самые яркие, самые выразительные произведения, взявшие все лучшее от своих прародителей. Но в то же время размытие границ — это начало конца любого жанра. Заимствуя для своих целей отдельные повествовательные приемы, растаскивая по теплым норкам детали сложного механизма, писатели постепенно разрушают целостность структуры. Явление, в общем, распространенное: это произошло в двадцатом веке с классическим романом, это буквально на наших глазах случилось с киберпанком, только-только появившимся из пеленок... В чистом, первоизданном виде ни того, ни другого жанра больше не существует — вот вам результат.

По сути дела, та же судьба постигла и нуар. Стоило Нино Франку назвать демона по имени, и тот угодил в ловушку. Нынче нуар растащен на цитаты, тонким слоем размазан по самым разным жанрам, от хоррора до мелодрамы. Обращение к «чистому нуару» возможно только в рамках постмодернистской игры — как в романе «Поймать незнакомку» Елены Хаецкой и Тараса Витковского, например.

Впрочем, это не повод печалиться. Да, «классический нуар» истаял, расточился, как дым, — но при этом напитал литературу и кинематограф новыми оттенками и обертонами, мотивами и образами. Не самая плачевная судьба, особенно если вспомнить о множестве других новаторских направлений, сгинувших без следа.

Глобализация и призраки, или Следствие ведут мертвяки	5
--	---

1. ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Этюды в черных тонах

Владимир Аренев. ПОДАРОК ПОД ЕЛОЧКУ.....	9
Василий Щепетнев. КУКОЛЬНИК ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ	60
Тим Скоренко. ВРЕМЯ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА.....	65

2. ПРИЗРАКИ И ОПЕРА

Этюды в сумрачных тонах

Мария Галина. В ПОИСКАХ АНАСТАСИИ.....	83
Дмитрий Колодан. ЖЕСТЯНАЯ СОБАКА МАЙОРА ХОППА.....	143
Даля Трускиновская. ЗАГРОБНЫЙ ДЕТЕКТИВ	220
Андрей Сенников. ТОТ, КТО ВСЕГДА ЖДЕТ	287
Надежда Штайн. БИПЛАН-ПРИЗРАК	329
Наталья Резанова. ДЕНЬ ВСЕХ ДУРАКОВ.....	431
Святослав Логинов. ЗОЛУШКА-NEW	471
Вместо послесловия, или Прощание с нуаром	507

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *В. Точинов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *М. Лазуткина*
Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.03.2014. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 2500 экз. Заказ № 5461.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-71889-4

9 785699 718894 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

Лавки волшебных товаров – обычное дело, но не все они торгуют настоящим волшебством. И уж тем более не все они торгуют волшебством добрым...

В сборнике, куда вошли произведения ведущих российских писателей-фантастов, каждый рассказ или повесть – это товар из волшебной лавки. И в этой лавке найдется все – от деревянной куклы, которая помогает сотрудникам НКВД разоблачить германскую шпионскую сеть, до таинственного как-чиль-чиракана – существа с мордой каймана, телом червя и лапами жабы, обитающего в озере Чадьевском, что на севере России...

Святослав Логинов, Дмитрий Колодан, Василий Щепетнев, Наталья Резанова, Мария Галина, Далия Трускиновская в уникальном сборнике о темной стороне городской жизни!

